ВОЙНЫ В ИСТОРИИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ ДОКУМЕНТЫ И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОГРАФИИ, АРХИВОВЕДЕНИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ, РОССИЙСКОЙ И ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ НОВОГО И НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

Сборник материалов
Десятой международной конференции
молодых ученых и специалистов

Clio 2020

Организаторы

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АРХИВНОЕ АГЕНТСТВО

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

РОССИЙСКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

При участии

РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ М. В. ЛОМОНОСОВА

ГЕРМАНСКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА В МОСКВЕ

ЦЕНТРА ФРАНКО-РОССИЙСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В МОСКВЕ

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО СОВЕТА ВЕЛИКОБРИТАНИИ ПО ИСКУССТВУ И ГУМАНИТАРНЫМ НАУКАМ

ИНСТИТУТА ПО ИЗУЧЕНИЮ ПОСЛЕДСТВИЙ ВОЙН ИМЕНИ ЛЮДВИГА БОЛЬЦМАНА (АВСТРИЯ)

ИНСТИТУТА ИТАЛЬЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ В МОСКВЕ

При поддержке

ФОНДА «ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВА»

ВОЙНЫ В ИСТОРИИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ ДОКУМЕНТЫ И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОГРАФИИ, АРХИВОВЕДЕНИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ, РОССИЙСКОЙ И ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ НОВОГО И НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

Сборник материалов
Десятой международной конференции
молодых ученых и специалистов

Clio 2020

РОССПЭН
Москва
2020

УДК 930
ББК 63
В65

Издание осуществлено при поддержке
Фонда «История Отечества»

Редакционная коллегия:
Н. М. Волхонская, Е. М. Григорьев,
А. В. Лукашин (отв. секретарь), Н. А. Лысенков,
А. К. Сорокин (отв. редактор), М. А. Тимофеева, Д. С. Чернышова

В65 **Войны в истории. Исторические документы и актуальные проблемы археографии, архивоведения и источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени** : Сборник материалов Десятой международной конференции молодых ученых и специалистов «Clio-2020» / [отв. ред. А. К. Сорокин]. – М. : Политическая энциклопедия, 2020. – 406 с.

ISBN 978-5-8243-2325-2

В сборник включены тезисы докладов участников Десятой международной конференции молодых ученых и специалистов «Клио», которая ежегодно проводится в Российском государственном архиве социально-политической истории начиная с 2011 года. Доклады посвящены актуальным историко-архивным проблемам, важным сюжетам археографии, источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени. В 2020 году отмечается 75 лет со дня Победы в Великой Отечественной войне и завершения Второй мировой войны. В связи с этим основной темой 10-й юбилейной конференции «Клио» стали дискуссионные проблемы и новейшие исследования по истории Второй мировой войны.

На конференции состоялось обсуждение методических подходов к анализу и конструированию памяти о Второй мировой войне и существующих в России и зарубежных странах практик воспоминания о ней и связанных событиях: боевых действиях, подвигах и преступлениях, стратегических и тактических планах командования, экономических, социальных и геополитических аспектах. Специальное внимание было уделено таким институтам памяти о войне, как архив, музей, мемориал, медиа, а также формам сохранения памяти и трансляции дискурса.

В работе конференции приняли участие более ста молодых ученых из России, Азербайджана, Беларуси, Казахстана, Узбекистана, Австрии, Великобритании, Германии, Исландии, Италии, Франции.

УДК 930
ББК 63

ISBN 978-5-8243-2325-2

© Российский государственный архив социально-политической истории, 2020
© Коллектив авторов, 2020
© Политическая энциклопедия, 2020

ВОПРОС О ГЕРМАНСКИХ РЕПАРАЦИЯХ В ГРЕЦИИ: ПОПУЛИЗМ ИЛИ ПОПЫТКА ВОССТАНОВЛЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ?

Александрова Анна Константиновна, к.и.н.
(Институт славяноведения РАН)

Греция была одной из стран, наиболее сильно пострадавших в результате Второй мировой войны[1]. Порядка 500–600 тыс. греков погибло, 70 тыс. евреев было отправлено в концлагеря. Экономика и инфраструктура страны были почти полностью разрушены. Также Афины вынуждены были предоставить Третьему рейху оккупационный кредит, который существенно подорвал финансовую систему страны. Греции быстро удалось решить вопросы послевоенного урегулирования с Италией и Болгарией, однако с третьим государством, оккупировавшим страну в период Второй мировой войны, – Германией – до сих пор ведутся споры относительно размера репараций и суммы так и не возвращенного оккупационного кредита.

Парижские мирные договоры 1947 г. предусматривали выплату Греции компенсации со стороны Германии, Италии и Болгарии. Италия и Болгария выполнили свои обязательства по отношению к Греции, после чего претензии Афин к ним были сняты, в отличие от Германии, которой нужно было выплатить Греции репарации в размере 7,1 млрд долларов США в ценах 1938 г. В 1953 г. было подписано Лондонское соглашение, согласно которому окончательное урегулирование проблемы германских репараций откладывалось до момента воссоединения Германии и подписания мирного договора. В 1960 г. Бонн перечислил 115 млн немецких марок в качестве компенсаций греческим гражданам, пострадавшим от нацистского режима. Однако значительная часть требований Греции не была удовлетворена, поскольку эти выплаты не предусматривали возмещения ущерба экономике и инфраструктуре страны[2]. В 1990 г. был заклю-

---

[1] *Anton J.P.* Greece, Germany, and the Complex Issue of War Reparations // Mediterranean Quarterly. 2011. Vol. 22. № 2. P. 11–19; *Fouka V., Voth H.-J.* Reprisals Remembered: German-Greek Conflict and Car Sales During the Euro Crisis / SSRN. September 2016. P. 7–8. DOI: http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2340625; *Ευαγγελίδου Ι.* Οι γερμανικές αποζημιώσεις υπό το διεθνές δίκαιο (Μεταπτυχιακή εργασία) / Δημοκρίτειο Πανεπιστήμιο Θράκης. Σ. 21. URL: http://83.212.168.214/jspui/handle/123456789/10288 (accessed: 01.08.2018).

[2] *Christodoulakis N.* Germany's War Debt to Greece: A Burden Unsettled. Basingstoke; New York: Palgrave Macmillan, 2014. P. 10–13; *Fleischer H.* Schuld und

чен Договор об объединении Германии, а также Договор об окончательном урегулировании в отношении Германии («2+4») между ФРГ и ГДР с одной стороны и Францией, СССР, Великобританией и США с другой. Это соглашение стало по сути мирным договором, хотя этой формулировки стороны решили избежать. Такая неопределенность позволила оставить нерешенным вопрос о выплате Германией военных репараций.

В последующие годы Греция неоднократно пыталась возобновить с воссоединенной Германией переговоры относительно репараций, но эти усилия были безуспешными. Однако необходимо отметить, что в 1990-х – 2000-х гг. попытки Греции урегулировать спор были по большей части бессистемными и непоследовательными. В свою очередь, правительство Германии постоянно блокировало обсуждение этого вопроса, не отрицая при этом своей ответственности за совершенные во время Второй мировой войны нацистские преступления. С точки зрения Германии, вопрос выплаты Греции репараций был окончательно урегулирован в 1960 г. Договор «2+4», хоть и не был подписан представителями Греции, должен был быть принят Грецией как членом ОБСЕ в соответствии с международным правом[3].

Еще одна часть вопроса о компенсации Греции ущерба от преступлений Третьего рейха состоит в требовании возврата оккупационного кредита, который в 1942 г. Банк Греции выдал Третьему рейху и фашистской Италии[4]. Помимо Греции Третий рейх также взял принудительный кредит от Югославии и Польши. Беспроцентный займ должен был быть возвращен по частям начиная с апреля 1943 г. В октябре 1943 г. после заключения перемирия между Италией и союзниками Германия взяла на себя итальянскую долю кредита. Правительство Третьего рейха вернуло Греции часть долга, однако после войны Германия отказалась от дальнейших выплат.

В 1965 г. греческий премьер-министр А. Папандреу предложил Западной Германии предоставить Афинам кредит в размере 156 млн марок под нулевой процент сроком на 99 лет. Взамен Греция закрыла бы вопрос выплаты оккупационного займа и отказалась бы от других требований в отношении Германии. Однако германская сторона отклонила данное предложение и, таким образом, потеряла возможность окончательно урегулировать спор о послевоенных выплатах. При этом аналогичные займы были предоставлены Югославии в 1956 г. и Польше в 1971 г. Таким образом, греческий оккупационный кредит – единственный такого рода долг,

---

Schulden – Der Fall Griechenland “final geklärt”? // Südosteuropa Mitteilungen. 2015. No 02. S. 46–63.

[3] См., к примеру: Regierungspressekonferenz vom 12. Januar 2015 // Die Bundesregierung [Site]. 12. Januar 2015.URL: https://www.bundesregierung.de/Content/DE/Mitschrift/Pressekonferenzen/2015/01/2015–01–12-regpk.html (accessed: 23.01.2020).

[4] *Kilian J.* The Greek ‘Forced Loan’ during the Second World War. Demand for Reparations or Restitution? // Südosteuropa. Journal of Politics and Society. 2016. Vol. 64. Issue 1. P. 96–108.

оставшийся невыплаченным вплоть до настоящего времени. После воссоединения Германии требование Греции вернуть оккупационный кредит вновь вошло в политическую повестку дня. В свою очередь, Германия, как и в случае с репарациями, последовательно отказывалась рассматривать вопрос выплаты оккупационного кредита, в том числе по причине его давности.

Специалистами указывались различные суммы германского долга перед Грецией – от крайне малых до астрономических[5]. Отсутствие конкретных цифр готовит о том, что Греция до сих не имеет четко сформулированных требований по отношению к Германии. Это, с одной стороны, подпитывает напряженность между двумя странами, а с другой – дает Германии возможность продолжать использовать тактику оттягивания начала конкретных переговоров и игнорировать выпады греческих политиков, не способных достичь между собой согласия даже относительно требуемой суммы.

Несмотря на то что требование репараций и возвращения оккупационного кредита оставалось актуальным вопросом на протяжении десятилетий, особенную остроту он приобрел в период финансово-экономического кризиса в Греции, начавшегося в конце 2009 г. Германия, будучи экономическим и в значительной степени политическим «локомотивом» Европы, сыграла ключевую роль в урегулировании кризиса в Греции. Меры строгой бюджетной экономии, «прописанные» Греции для решения ее долговых проблем, вызвали в небольшой балканской стране недовольство граждан политикой не только собственного правительства, но и руководства Евросоюза, и в первую очередь Германии. В этой ситуации в сознании греков неизбежно всплыл образ врага[6], сохранившийся еще со времен Второй мировой войны. А жесткие условия многомиллиардного кредита, предоставленного Греции «тройкой кредиторов», заставили греческих граждан вспомнить и невыплаченные репарации, и «забытый» оккупационный кредит Третьего рейха.

Довольно быстро риторика, касающаяся получения репараций и возвращения оккупационного кредита, стала излюбленным популистским инструментом греческих политиков и журналистов. С одной стороны, желание греков получить репарации и вернуть оккупационный кредит понятно и может быть объяснено объективной причиной – стремлением восстановить историческую справедливость. С другой стороны, к этому добавляются корыстные мотивы греческих политиков, желающих завуалировать свою некомпетентность и оправдать бездействие и отсутствие у них политической воли к болезненным реформам.

---

[5] *Christodoulakis N.* Op. cit. P. 38.

[6] Ομιλία του πρωθυπουργού Α. Τσίπρα στη Βουλή για τις γερμανικές αποζημιώσεις // Ελληνική Δημοκρατία. Ο Πρωθυπουργός [Site]. 10 Μαρτίου 2015. URL: https://primeminister.gr/2015/03/10/13571 (accessed: 23.01.2020).

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМА ВО ВРЕМЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В УЗБЕКСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Алимджанов Бахтиер Абдихакимович, к.и.н.
(Институт Востоковедения имени Абу Райхана Беруни)

В 2019 г. в Ташкенте вышел двухтомник на узбекском языке[1], посвященный советскому периоду истории Узбекистана. Нас заинтересовал второй том, посвященный 1939–1991 гг. Второй том «фундаментального» труда начинается с освещения истории Второй мировой войны. Как видно, узбекские историки с легкостью отказались от термина Великая Отечественная война. Во время чтения книги мы натолкнулись на интересную «интерпретацию» авторами некоторых событий Второй мировой войны. Отмечу, что особенно актуальна среди «национальных» историков тема предателей Родины – власовцев, бандеровцев и... туркестанских легионеров.

На 59-й странице 2-го тома коллектив авторов пишет: «Советские историки в свое время легионеров обвиняли в коллаборационизме и предательстве. Но всех пленных обвинять в предательстве нельзя. Но, вместе с тем, некоторые люди по собственному желанию переходили на сторону врага». Таким образом, в историографии Узбекистана идет процесс имплицитного оправдания легионеров, воевавших на стороне фашистов. Нет даже сноски на так называемых «советских историков».

На 52–53-й страницах авторы пишут, что в годы войны примерно 1 миллион человек присоединились к власовцам, бандеровцам и др. Историки пишут, что после войны по приказу Сталина примерно 15 тыс. узбекских военнопленных были обвинены в «предательстве» (кавычки не мои, а авторов книги) и отправлены в концлагеря. Дальше авторы пишут, что в 1942 г. из туркестанских военнопленных в Германии был образован Туркестанский легион (стр. 53).

Причины создания Туркестанского легиона просто смехотворны. Авторы объясняют читателю, что в преддверии Второй мировой войны советский режим методом террора и репрессий установил свою систему; коллективизация была завершена; было подавлено движение «басмаче-

[1] Ўзбекистон тарихи (1917–1991 йиллар): В 2 книгах. Кн. 2. Узбекистан в 1939–1991 гг. / отв. ред. Р. Абдуллаев, М. Раҳимов, Қ. Ражабов; Институт истории Академии Наук Республики Узбекистан. Координационный центр изучения проблем новейшей истории Узбекистана. Ташкент: «O'zbekiston» НМИУ, 2019. 576 с. (на узбекском языке).

ства» (кавычки авторов) и уничтожена свободомыслящая национальная элита (стр. 53). Все эти процессы, оказывается, усилили недовольство. Поэтому, по мнению авторов, нужно учитывать социальное происхождение солдат легиона и их настрой. Оказывается, авторы до сих пор придерживаются классового подхода. Также они применяют «личностный» подход к солдатам, служившим рейху. Странно, авторы, чтобы усилить свои доводы приводят отрывок из дневника солдата Туркестанского легиона Зубайдуллы Жураева от 12 января 1945 г.: «Отца и брата расстреляли Советы, и я поэтому (когда возникла возможность) присоединился к Туркестанскому легиону» (стр. 54). Почему авторы не приводят отрывок из дневника ни одного преданного Родине «советского» узбекского солдата?! Авторы ссылаются на некий опрос, проведенный в ноябре 1942 г., где якобы каждый солдат отвечал, что причиной его перехода на сторону Германии были репрессии коммунистов и сталинизм (стр. 54).

Авторы, чтобы подкрепить свои доказательства и факты, ссылаются на статьи из журнала «Турон тарихи». Насколько нам известно, этот журнал не признается в академическом мире Узбекистана. Печатаются там в основном «маргиналы» из науки, «обновленцы нации» и «прогрессисты». Странно, что авторы ссылались на статьи этого «журнала». Также отмечу: кроме «Турон тарихи» авторы активно ссылались на труды известных антисоветчиков, например на труды Баймирзы Хайита.

Известных руководителей Туркестанского легиона Мустафу Чокая и Вали Каюмхана авторы «любовно» называют «туркестанскими эмигрантами» (стр. 54). Не будем подробно останавливаться на всех перипетиях истории Туркестанского легиона. Отметим: авторы пишут, что Туркестанский легион активно воевал на Кавказском фронте (стр. 58). В общей сложности 100 тыс. легионеров после войны были возвращены в СССР (из 181 тыс.). Как пишут авторы, 90 % «возвращенцев» усилиями СМЕРШа были брошены в концлагеря, где большинство и погибло (стр. 59). Легионеры не предатели – вот основной вывод некоторых узбекских историков. Хуже всего то, что туркестанских легионеров ставят в один ряд таких боевых соединений, как власовцы и бандеровцы. Виноваты во всем Сталин и... коммунисты! Они довели людей до предательства. Такая «интерпретация» истории ведет к плачевным выводам и расколу нашего общества.

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ НОРМЫ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЗАРУБЕЖЬЯ КАК БАЗА ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ПОСЛЕДСТВИЙ ТРАВМАТИЧНОГО ОПЫТА

Артемова Софья Владимировна
(Российский государственный гуманитарный университет)

<...> И был он очень несчастен,
Как несчастен каждый поэт.
Ирина Одоевцева
«Баллада о Гумилеве»

Изучение психологических причин и последствий исторических событий по-прежнему набирает популярность. Параллельно развиваются междисциплинарные комбинации истории с психоанализом[1], социальной[2] и дифференциальной психологией[3] (а также более узкими разделами, например гештальтпсихологией), нейронаукой[4]. На первый план выходят полидисциплинарные (чаще с лингвистикой и филологией) проекты. При этом в отдельную группу можно выделить исследования, объясняющие последствия травмирующих событий[5]: от изучения так называемой «трансгенерационной травмы»[6] до ПТСР, или «травмы воображения»[7].

Одними из самых богатых источников для определения последствий травматичного опыта переживания событий, происходивших в России на начале XX века, являются эго-документы поэтов и писателей, покинувших страну после революции или Гражданской войны. На наш взгляд,

---

[1] См. сайт Ассоциации Психоистории https://psychohistory.com/

[2] См., например, *Минц С.С.* Российская мемуаристика последней трети XVIII – первой трети XIX в. в контексте историко-психологического исследования: автореферат дис. доктора ист. наук: 07.00.09 / М.: МГУ, 2000. 59 с.

[3] International Biography Initiative by Dr. Shalin – professor of sociology; director of the UNLV Center for Democratic Culture etc.

[4] *Плампер Я.* История эмоций. М.: НЛО, 2018. С. 440–450.

[5] См., например: Травма: Пункты / под ред. С. Ушакина и Е. Трубиной. Москва: НЛО, 2009.

[6] См. *Шутценбергер А.* Синдром предков. Трансгенерационные связи, семейные тайны, синдром годовщины, передача травм и практическое использование геносоциограммы. М.: Изд-во Института Психотерапии, 2001. 240 с.

[7] *Трубицына Л.В.* Процесс травмы. М.: Смысл и ЧеРо, 2005. С. 13.

видимые психологические реакции представляли собой гораздо более сложные процессы часто озвучиваемой дихотомии свой/чужой или выраженной ностальгии и невостребованности за рубежом.

Заметим, что автобиографии и мемуары, написанные спустя десятилетия, обычно упрекают в искажении фактов или смене авторского восприятия. Для нас ключевым фактором является актуализация воспоминания. Так, мы задаемся вопросом, почему именно эта деталь оказалось важной для автора, чтобы описать человека, событие, дать собственную оценку. Особенно много об авторе воспоминаний говорят его описания супруга или близких друзей: тогда вопрос выбора выходит на первый план.

Нам представляется, что основной задачей, предшествующей изучению реакции на то или иное событие или явление, начиная от самого факта эмиграции, заканчивая, например, жизнью в оккупированном Париже, должно стать определение характерных для поэтов и писателей Русского зарубежья эмоциональных норм.

Историография и методология исследования в истории эмоций подробно описаны Яном Плампером в работе, которая с 2018 года доступна читателю на русском языке[8], а вышедший под его редакцией сборник «Российская империя чувств: подходы к культурной истории эмоций»[9] предлагает практическое воплощение описанных и новых методов.

Для изучения устойчивых эмоциональных норм чаще выделяют гендерные или этнические группы, нежели профессиональные сообщества. Однако профессия «поэт» имеет крайне значимую символическую нагрузку, которая, в числе прочего, связана и с особенностями выражения эмоций. При анализе историографии изучения документов личного происхождения, филологических научных работ становится очевидной тенденция выделять «одиночество», «непонятость», «отстраненность» как характерные для «поэта» состояния[10]. Так, например, сообщения о «депрессии» или «тоске» могут иметь особенный смысл (с романтическим флером) для людей творческих профессий.

Одной из характерных черт метафорического образа «поэт» можно называть отсутствие стремления к душевному равновесию (хотя бы на уровне нормы и внешнего выражения). В норме человек стремится к достижению «психологического благополучия», а психолог или психоаналитик помогают в этом. Мемуары, мечты, ностальгия, даже вытеснение и иные способы переживания любой травмы призваны это благополучие заново установить.

Обратимся к введенному Аароном Антоновским (1997) понятию о «чувстве связности» (sense of coherence). Оно представляет собой от-

---

[8] *Плампер Я.* История эмоций / пер. с англ. К. Левинсона. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 568 с.

[9] Российская империя чувств. Подходы к культурной истории эмоций / под ред. Яна Плампера, Шаммы Шахад и Марка Эли. Москва: НЛО, 2010. 511 с.

[10] *Осипова О.В.* Образ поэта в диалоге М. Цветаевой и А. Блока. Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, 2008.

носительно стабильную личностную черту, которая связана с жизненной установкой, сильно влияет на преодоление психических и физиологических нагрузок и требований и состоит из трех компонентов: чувства постижимости – убеждения в когнитивно-ясном и структурированном восприятии мира; чувства управляемости – достаточность собственных ресурсов для преодоления жизненных препятствий; чувства осмысленности – «собственная жизнь наполнена смыслом и стоит того, чтобы вкладывать в нее энергию»[11].

Среди поэтов начала XX века едва ли удастся найти человека с абсолютно структурированным восприятием мира («<...> когда б вы знали, из какого сора <...>»), уверенного в собственных силах («ни ахматовской кротости, ни цветаевской ярости») и т. д. Переживание любой травмы на такой базе будет отличаться от восприятия тех, кто «пьют и едят, едят и пьют – и в этом жизни смысл находят <...>»[12].

Основными ресурсами для изучения эмоциональных норм являются источники личного происхождения, при этом именно «субъективное», – обычно «искажающее истину», – представляет собой новый объект. В классификации Б. Розенвейн русских поэтов и писателей начала XX века можно было бы отнести к «эмоциональному сообществу» (впоследствии разделившемуся на два блока) – социальному сообществу с близкими отношениями между членами[13], связующим звеном которого были заученные наизусть стихотворения, которые не только формировали дискурс, но становились частью участников. Вслед за Б. Розенвейн мы систематизируем слова, особое внимание уделяя метафорам и другим средствам выразительности.

Однако, по определению К.Г. Юнга, «именно роман, чуждый психологических претензий, открывает для психологического высвечивания особые возможности, ибо непсихологический замысел автора не задает его образам никакой определенной психологии и по этой причине не только оставляет место для анализа и толкования, но и идет им навстречу благодаря непредвзятому изображению персонажей»[14]. Это подтверждает необходимость существования баланса между источниками личного происхождения и собственно произведениями.

Показательным примером служат мемуары И. Одоевцевой. Ее воспоминания о Петербурге, так же как и рассказ о жизни в эмиграции, полны нежности к своим героям. Поэт выводит крайне светлые образы, желая где-то подчеркнуть достоинства человека, а где-то просто в историях высказать свою любовь. В то же время такие ее произведения, как «Баллада

---

[11] *Рэддеманн Л., Стасинг Я.* Воображение / пер. с нем. Х. А. В. Коченгина: изд-во «Гуманитарный центр», 2019. С. 42–43.

[12] *Северянин И.* Их образ жизни. [Электронный ресурс] URL: https://rupoem.ru/severyanin/chem-ehti-samye.aspx

[13] *Плампер Я.* Указ. соч. С. 113.

[14] *Юнг К.Г.* Психология и поэтическое творчество // Самосознание европейской культуры. М., 1991. С. 104.

о толченом стекле», «Ангел смерти» и др., наполнены негативными эмоциями и танатологическими образами как до, так и после эмиграции. Образность, метафоры никак нельзя списать исключительно на жанр, хотя он, безусловно, накладывает свой отпечаток.

Таким образом, изучение эмоциональных норм видится нам прочной базой для исследования коллективных и индивидуальных психологических последствий травмирующих исторических событий, в особенности это касается изучения реакции части творческой интеллигенции на события Гражданской войны и на сам факт эмиграции.

ВОСПРИЯТИЕ ПОСЛЕВОЕННОЙ ВОСТОЧНОЙ ГЕРМАНИИ ЧЛЕНАМИ ИНИЦИАТИВНЫХ ГРУПП КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ГЕРМАНИИ

Ахрамович Наталья Вадимовна
(Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова)

В 1945 г. начался новый этап в жизни вернувшихся из СССР немецких политических деятелей и военнопленных, известных как эмиссары инициативных групп КПГ, которые совершенно иначе, в сравнении с соотечественниками, восприняли реалии новой послевоенной Германии и приступили к реконструкции своей родины.

Несмотря на то что члены групп не знали, в какой части советской зоны оккупации они будут работать[1], их возвращение на родину почти совпало с приходом Красной Армии в Германию. Легко одетые, даже спортивно, не имевшие никаких чемоданов и личных вещей, но лишь рюкзаки с провиантом, эмиссары, отправленные в Германию с 30 апреля по 5 мая, носили военную форму и фуражки, что прямо указывало на их связь с советскими военными[2]. Прибыв на родину, немецкие политэмигранты и военнопленные были отправлены в Брюхмюле, где находились ставка советского командования и политуправление генерала С.Ф. Галаджиева, на лимузинах, снабженных красными флажками и опознавательными знаками Красной армии, а также получили пайки майоров Красной Армии в офицерской столовой Главного политуправления[3]. Материальное единство с Красной Армией было символическим знаком единства членов инициативных групп с советским народом и фактически предвосхищало размышления эмиссаров КПГ в послевоенной Германии.

Эмиссары не имели ясных представлений, «с какими целями нужно начинать работу в самых различных областях политической, хозяйственной и культурной жизни»[4]. Однако вернувшаяся на родину молодежь,

---

[1] *Леонгард В.* Революция отвергает своих детей. Лондон, 1984. С. 190, 194.

[2] *Gyptner R.* Am 1. Mai 1945 nach Bruchmühle (1965) // *Keiderling G.* “Gruppe Ulbricht“ in Berlin April bis Juni 1945. Von den Vorbereitungen im Sommer 1944 bis zur Wiedergründung der KPD im Juni 1945. Berlin, 1993. S. 699; 28. Mai 1945: Wilhelm Pieck an Georgi Dimitroff // Ibid. S. 416.

[3] *Леонгард В.* Указ. соч. С. 195, 197.

[4] *Gundelach G.* Aus unveröffentlichen Erinnerungen // *Keiderling G.* Op. cit. S. 713.

выросшая в СССР, была полна энтузиазма и готовности начать действовать: «С большим рвением мы ринулись работать <...>», – отмечал член инициативной группы Ульбрихта Вольфганг Леонгард[5]. Осознавая тот факт, что они находились на стороне победителя, эмиссары хотели быть полезными и создать в Германии новое государство[6].

Несмотря на то что большинство эмиссаров отправляли на работу в не знакомые им земли Германии, они были потрясены масштабами разрушений: «<...> то, что я увидел, превзошло все самые худшие ожидания, – писал Гейнц Кесслер (будущий глава Министерства обороны ГДР), – мы ехали по огромной каменной пустыне, где не было больше ни одного дома... <...> Многого больше не было, что я с удовольствием увидел бы еще раз <...>»[7]. Атмосфера, царившая в послевоенной Германии, поразила эмиссаров: «Не было ни воды, ни света, никакого движения <...> казалось, что вся жизнь замерла»[8].

Однако, имея привязанность к Советскому Союзу и сознавая вину Германии, члены инициативных групп хотели видеть свою страну процветающей. Бродя по развалинам, они «<...> радовались каждому уцелевшему дому, небольшим огородам, в которых цвели цветы и зрели фрукты»[9]. Г. Кесслер отмечал: «Мы слышали их [М. Вольфа, Э. Штенцер, Г. Вильмана. – *Н. А.*] возбужденные замечания, восклицания, отрывки разговоров, которые, несмотря на шум мотора, долетали до нас. Они напоминали друг другу, где находились здания, церкви, театры, закусочные, даже тюремные здания, <...> где сейчас можно было распознать только руины. <...> Они, берлинцы среди нас, ощутили боль по тому, что было потеряно и повреждено <...>»[10].

Эмиссары понимали, что отличаются от своих соотечественников, рассуждая с позиций советских людей, с которыми они на протяжении четырех лет войны жили вместе: «Не последним и, пожалуй, самым сильным из всех ощущений был страх перед неизвестным будущим, перед этой страной и ее жителями, над которыми 12 лет господствовал гитлеровский

---

[5] *Leonhard W.* Erstes Zusammentreffen mit Berliner Kommunisten (1955) // *Keiderling G.* Op. cit. S. 658.

[6] 14. Mai 1945: Wilhelm Pieck an Walter Ulbricht // *Keiderling G.* Op. cit. S. 340; Справка на В. Ульбрихта от 15 июля 1939 года // Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 205. Д. 3 (I). Л. 330 об.

[7] *Kessler H.* Zur Sache und zur Person. Berlin, 2000. S. 85, 86, 97.

[8] 7. Mai 1945: Arthur Pieck an Wilhelm Pieck // *Keiderling G.* Op. cit. S. 303; *Вольф М.* Миша. Жизнь Маркуса Вольфа, рассказанная им самим – в письмах и записках семье, друзьям, соратникам. М., 2014. С. 13, 17; *Matern H.* Im Mai 1945 begannen wir mit dem Aufbau eines neuen Deutschlands // Vereint sind wir alles. Erinnerungen an die Gründung der SED. Berlin, 1966. S. 304–305.

[9] *Willmann H.* Op. cit. S. 264; *Kessler H.* Op. cit. S. 88.

[10] *Kessler H.* Op. cit. S. 88.

фашизм, влиял на них и разлагал их <...>»[11]. По свидетельству М. Вольфа, «население Берлина <...> как бы странно это ни звучало, совершенно не осознает, что Германию победили, а эти люди сами причастны к грабительской войне и к преступлениям», привыкшие к сытой жизни и не испытавшие лишений военных лет, «люди возмущаются тем, что часто вместо жареного кофе продается сырой, зеленый»[12]. «Нас удивило то, что почти все <...> ничего не хотели знать о преступлениях Гитлера, даже там и тут утверждали, что боролись с нацистами, – вспоминал Г. Вильман, – искусно практиковалось вытеснение из сознания обременительных мыслей, ужасы войны стирались, стремление к самосохранению, забота о хлебе насущном стояли на первом плане»[13]. Однако наряду с царившими в обществе надменностью и желанием переделить нацистское имущество «люди были растерянны, как будто оглушены»[14].

Наблюдения за местными жителями свидетельствовали о совершенно иных жизненных идеалах эмиссаров. М. Вольф был глубоко возмущен увиденным: «Не скрывая своего превосходства, на футбольной игре такие изысканно одетые молодые люди (каждому второму из которых место в Сибири и каждому третьему – у стенки) отпускали свои грязные замечания [в адрес русских девушек, угнанных в рабство в Германию. – *Н. А.*]»[15]. «Русские солдаты и девушки, насильственно увезенные в Германию, многие из которых все еще находились в Берлине, – они просто были мне ближе, так же как и антифашисты, с которыми я приехал»[16]. По-видимому, чувство единства с русскими было также обусловлено и относительно благополучной жизнью семьи Вольф в СССР.

Подобное восприятие местного населения Восточной Германии было связано с тем, что перед членами инициативных групп стояла задача разъяснения коллективной вины немецкого народа за развязанную войну. С одной стороны, это предопределило их притязания на власть в новом государстве и, по замечанию немецкого историка Г. Хурвитца, привело в психологическое смятение[17]. С другой стороны, будучи непосредственными участниками и свидетелями военных событий, эмиссары были глубоко возмущены стремлением своих соотечественников проигнорировать проблему коллективной вины.

---

[11] *Maron K.* Unerschütterlicher Optimismus (1968) // *Keiderling G.* Op. cit. S. 705.

[12] *Вольф М.* Указ. соч. С. 15, 16.

[13] *Willmann H.* Op. cit. S. 266.

[14] *Вольф М.* Игра на чужом поле. Тридцать лет во главе разведки. М., 1998. С. 37; *Matern H.* Im Mai 1945 begannen wir... // Vereint sind wir alles. S. 305.

[15] *Вольф М.* Указ. соч. С.16.

[16] *Шютт Х.-Д.* Маркус Вольф. Последние беседы (сборник интервью). М., 2008. С. 191.

[17] *Hurwitz H.* Die Anfänge des Widerstands. Teil 1. Führungsanspruch und Isolation der Sozialdemokraten. Demokratie und Antikommunismus in Berlin. Band IV. Köln, 1990. S. 112.

Таким образом, годы, проведенные эмиссарами в СССР вместе с советскими людьми, были главной причиной иных оценок послевоенной германской действительности, отраженных в мемуарах немецких политэмигрантов и военнопленных. Вдохновленные проектами будущего устройства Германии, составленными лидерами КПГ в годы войны, эмиссары инициативных групп КПГ стремились преобразовать свое государство, к которому они сохраняли привязанность при одновременном следовании образцу СССР.

АЛЕСКЕР МАМЕДОВ – ПЕРЕВОДЧИК НЮРНБЕРГСКОГО ПРОЦЕССА

Багирова Нармин Давуд
(Национальный Музей Истории Азербайджана)

Потсдамская, или, как она фигурирует в литературе, Берлинская, конференция проходила с 17 июля по 2 августа 1945 года, в ее работе принимали участие также министры иностранных дел, военные советники и эксперты Великобритании, Советского Союза, США.

Дискуссии, противоречия сопутствовали работе конференции, но в необходимости ликвидировать германские вооруженные силы, военный потенциал Германии союзники были единодушны.

Главы правительств стран-союзников были единодушны в ликвидации национал-социалистической партии и ее филиалов и подконтрольных ей организаций, необходимости распустить все нацистские учреждения, обеспечить, чтобы они не возродились ни в какой форме, и предотвратить всякую нацистскую деятельность или пропаганду.

Помимо соглашения об основных экономических и политических принципах для Германии главы трех держав согласовали вопросы, относящиеся к репарациям.

Потсдамским соглашением была обозначена польско-германская граница, а также подтверждена передача Советскому Союзу Кенигсберга (с 1946 г. Калининград) и т. д.

Принципы политики по отношению к побежденной Германии гласили: демилитаризация, декартелизация, денацификация, демократизация.

Одним из важных вопросов в повестке конференции было решение о главных военных преступниках. СССР, США и Великобритания подтвердили свои намерения предать их скорому и справедливому суду. Конференция 8 августа 1945 года приняла решение об учреждении международного военного трибунала[1].

«8 августа 1945 г. Правительство Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии, Правительство Союза Советских Социалистических Республик, Правительство Соединенных Штатов Америки и Временное Правительство Французской Республики вступили в соглашение, в соответствии с которым учрежден трибунал для суда над

[1] История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945. Москва. 1963. Т. V. С. 452.

военными преступниками, преступления которых не связаны с определенным географическим местом».

Таким было начало документа, а далее следовало: в соответствии со ст. 5 правительства следующих государств, входящих в Объединенные Нации, заявили о своем присоединении к соглашению, – и перечислены 19 государств Европы, Южной Америки и Африки.

Основы для проведения процесса в Нюрнберге были изложены в VI абзаце протокола, составленного в Потсдаме 2 августа 1945 года.

Судебный процесс над группой главных немецких военных преступников проходил в Нюрнберге с 20 ноября 1945 года по 1 октября 1946 года и велся на четырех языках – английском, русском, французском и немецком.

Организация и порядок деятельности трибунала определялись специальным Уставом. Трибунал состоял из 4 судей и их заместителей, назначенных правительствами СССР, США, Великобритании и Франции, а для расследования дел и поддержания обвинения на суде был образован комитет обвинителей, состоявший также из 4 главных обвинителей от СССР, США, Великобритании и Франции[2]. К работе судебного процесса были привлечены эксперты, переводчики.

В числе высококвалифицированных переводчиков Советского Союза был 26-летний Али Алескер Джафар оглы Мамедов. Вряд ли будет ошибочным предположение, что Алескер был самым молодым среди переводчиков – участников Нюрнбергского процесса.

Утро 22 июня 1941 г. было отмечено радостью получения диплома об окончании немецкого отделения факультета иностранных языков Азербайджанского Педагогического Института. Но в 11.30 все радиостанции страны ошеломили сообщением о нападении гитлеровской Германии, о начале войны. И уже 7 июля от бакинской платформы отошел воинский эшелон. При распределении мобилизованных по воинским частям Алескера Мамедова, молодого специалиста с высшим образованием, владеющего немецким языком, направили в Московский Военный Институт Иностранных языков Советской армии.

Выбор кандидатуры был удивительно точным, ведь Алескер обладал врожденной уникальной способностью – легко и быстро усваивать иностранный для него язык. В 1944 г., получив диплом с отличием Военного Института Иностранных языков, Алескер Мамедов приобрел еще и знания арабского и французского языков. Вся последующая послевоенная творческая жизнь А. Мамедова заложила основы школы арабистики в родном Азербайджане.

Но вернемся в январь 1945 г., А. Мамедов получил назначение референтом отдела ближневосточных стран Наркомата Иностранных Дел СССР. Знание дипломатами иностранных языков поощрялось надбавками к заработной плате, и, решив этим воспользоваться, Алескер Мамедов сдал экзамены по немецкому языку. Экзаменатор, славившийся требова-

---

[2] БСЭ. Москва. 1955. Т. 30. С. 251.

тельностью, был ошеломлен глубиной знаний и легкостью, произношением Алескера-«немца арабиста» из Азербайджана, как его окрестили сотрудники отдела.

Позже по рекомендации экзаменатора Алескер Мамедов был включен в список советских переводчиков, участвующих на Нюренбергском процессе.

Для переводчиков, как социальной группы советского общества, участвовавших в проведении Нюрнбергского процесса, объединяющим звеном являлась профессия, а главным критерием – отличное знание иностранных языков и профессионализм.

Участие Алескера Мамедова в судебном процессе пришлось на декабрь 1945 – февраль 1946 года.

«В ходе процесса состоялось 403 открытых судебных заседания, на которых помимо подсудимых было допрошено 116 свидетелей обвинения и защиты. 143 свидетеля защиты дали показания путем представления письменных ответов на опросные листы»[3]. Было рассмотрено и изучено более 200 тысяч письменных документов[4]. Большая часть доказательств, представленных трибуналу со стороны обвинения, являлась документальными доказательствами, захваченными союзными армиями в германских армейских штабах, в правительственных зданиях и т. д. Некоторые из документов были обнаружены в соляных копях, зарыты в землю, спрятаны за «ложными» стенами агонизирующим правительством Третьего рейха.

Материалы Нюрнбергского процесса – важнейший источник истории Второй мировой войны, а Алескер Мамедов работал над документами, которые на процессе приводились в качестве доказательств. Но когда речь заходила о его участии в работе Нюрнбергского процесса, он с врожденной скромностью неизменно произносил: «Я не был в числе главных переводчиков, я переводил документы». При этом с гордостью подчеркивал, что в зале суда синхронный перевод с английского языка осуществлял его земляк и однофамилец Энвер Мамедов.

Непосредственный руководитель переводчиков, участник Нюрнбергского процесса с первого и до последнего дня, А. Полторак впоследствии писал: «Повторяю, в основном и главном Нюрнбергский процесс был процессом документов. Превалирующее значение на нем имели доказательства письменные».

Спустя десятилетия на вопросы интересующихся участием Алескера Джафаровича на судебном процессе он не мог без содрогания вспоминать одиозную фигуру Альфреда Розенберга, к которому даже не менее одиозные лица из ближайшего окружения Гитлера испытывали неприязнь и презрение. Он был мишенью для злобных насмешек Геббельса, в лице Гиммлера он имел злейшего врага, соперниками, с которыми ему было

---

[3] Советская Историческая Энциклопедия. Москва. 1967. Т. 10. С. 386.

[4] Ученый-арабист. Интервью Ризван Джумшудоглу с Алескером Мамедовым. Газ. «Азербайджан» 4 мая 1990 г. (на азерб. языке).

трудно тягаться, был и Геринг, и Борман. Против Розенберга его «геннос партай» интриговали, просто не обращали внимания, отодвигали или вообще «забывали» о его существовании.

Можно предположить, что в основе такого отношения лежало решение Гитлера еще летом 1941 г. назначить А. Розенберга главой министерства оккупированных территорий на востоке, что еще более усугубило соперничество на самом верху различных ведомств. Английский историк Алан Буллок отмечает, что такая ситуация была «<...> так характерна для “авторитарной анархии” Третьего рейха»[5].

Директивы и инструкции Розенберга, с которыми приходилось знакомиться и переводить Алескеру Мамедову, были настолько пропитаны изощренным изуверством и цинизмом, что многие десятилетия переводчик с волнением вспоминал почти дословно их текст. «Хочу отметить, – говорил А. Мамедов, – что в состоящей из 18 статей инструкции, которую переводил лично я, “руководителя” оккупированных советских территорий Альфреда Розенберга была такая статья: “30–35 миллионов славян должны быть стерилизованы и отправлены в Германию в качестве рабочего скота”».[6]

Казалось, сидящих в зале уже трудно поразить зверствами гитлеровцев, но при оглашении инструкции Розенберга зал взорвался негодованием.

Алескеру пришлось читать и переводить наставления офицерам и солдатам на оккупированных территориях быть беспощадными, наставляя их и на необходимость кастрировать 35 миллионов славян для последующего использования в качестве грубой рабочей силы.

На рабочем столе А. Мамедова довелось оказаться и приказам Гитлера о наступлении на Москву, в одном из которых фюрер возвеличивал Германию, несущую культуру на остриях штыков своих солдат в «пресловутую страну пролетариев». Этот приказ, видимо, относился к начальному периоду войны, когда еще «пафос» Гитлера взывал к «культуре» и еще не лопнул миф «молниеносной войны»[7].

Нестареющая память профессора Алескера Джафаровича помнила и содержание сообщений о произведенных и предстоящих расстрелах населения оккупированных стран, одно из них извещало о казни в югославской деревне 100 мирных жителей в ответ на убийство одного немецкого солдата[8].

Знакомство и перевод множества различных документов, директив, приказов, инструкций немецкого командования, привлеченные в качестве доказательств, редактирование стенографических записей судебных

---

[5] *Буллок А.* Гитлер и Сталин. Жизнь и власть. Смоленск, 1994. Т. 2. С. 245.

[6] Ученый-арабист. Интервью Ризван Джумшудоглу с Алескером Мамедовым. Газ. «Азербайджан» 4 мая 1990 г. (на азерб. языке).

[7] См. *Хохлова Л.* Переводчик Нюрнбергского процесса. Газ. «Азербайджанские известия» 1 октября 2005 г.

[8] См. *Мирзоев О.* Зима и весна Нюрнберга. Газ. «Вышка» 8 апреля 1978 г.

заседаний тяжелым эмоциональным грузом ложились на душу и память переводчика Мамедова.

В своем личном архиве А. Мамедов сохранил два удостоверения – память о важнейшем событии XX века – первом в истории международном суде над группой преступников, завладевшим целым государством и сделавшим само государство орудием чудовищных преступлений.

Одно удостоверение разрешало входить в здание Дворца юстиции, другое – непосредственно в зал заседаний.

В зале заседаний на скамье подсудимых сидели Розенберг, Геринг, Риббентроп, Кейтель, Гессе и другие преступники – всего 21 человек.

Многие из них проходили фигурантами бесчисленных документов, над которыми работал А. Мамедов. В документах переводчик Алескер видел жестоких, титулованных, верных своему фюреру и обласканных им высокими наградами и регалиями. «А в зале заседаний, – говорил А. Мамедов, – невеликое удовольствие было лицезреть мерзавцев <...>. Чем больше документов и свидетельских показаний срывали с них маску, тем больше они изворачивались, валили вину друг на друга и все вместе – на Гитлера. Они, мол, простые солдаты на войне <...> чрезмерно грузный Геринг, любящий сверкать орденами и бриллиантами, обрел, наконец, человеческие размеры, на помятой куртке виднелись следы сорванных с него наград»[9].

Переводчики, в том числе и Алескер Мамедов, являлись непосредственными участниками Нюрнбергского процесса. Работа над документальными свидетельствами преступлений армий Третьего рейха на территории оккупированных стран не позволяла переводчикам выносить на страницы СМИ свое видение, свою информацию о Нюрнбергском процессе. Позволительно было высказаться в кругу близких, на страницах личных дневников, в интервью исследователей и журналистов, интересующихся тематикой судебного процесса над военными преступниками.

Положение, принятое на время работы международного трибунала, для Алескера Мамедова протянулось на всю последующую жизнь. Он, сохраняя в памяти все прочитанное и увиденное на процессе, не стал писать воспоминаний, «помехой» была и врожденная скромность, не позволяющая демонстрировать свою причастность к крупнейшему событию XX века.

Интервью с исследователями и журналистами явились наиболее достоверным источником, позволяющим познакомиться с небольшим по времени, но очень важным по значимости периодом жизни одного из ярких и талантливых сынов Азербайджана – Алескера Джафар оглы Мамедова.

---

[9] См. *Хохлова Л.* Переводчик Нюрнбергского процесса. Газ. «Азербайджанские известия» 1 октября 2005 г.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧГК ПО РАССЛЕДОВАНИЮ НАЦИСТСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И СОЗДАНИЕ СООБЩЕНИЯ ЧГК «О ЗЛОДЕЯНИЯХ НЕМЦЕВ НА ТЕРРИТОРИИ ЛЬВОВСКОЙ ОБЛАСТИ»

Баканов Алексей Иванович, к.и.н.
(Российский государственный архив социально-политической истории)

История создания и различные аспекты деятельности Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба (ЧГК) уже неоднократно становились предметом исследования историков[1]. Однако до сих пор многие аспекты деятельности комиссии остаются недостаточно исследованными. В частности, это касается деятельности комиссии по расследованию нацистских преступлений в различных регионах СССР.

Наша работа посвящена деятельности ЧГК по расследованию нацистских преступлений на территории Львовской области и созданию итогового документа, подытожившего работу ЧГК по расследованию нацистских преступлений на территории Львовской области – сообщению ЧГК «О злодеяниях немцев на территории Львовской области».

Фактическая работа ЧГК на территории Львовской области по расследованию нацистских преступлений началась в сентябре 1944 г. и продолжалась до ноября 1944 г. Большая часть материалов комиссии была собрана в рамках уголовного дела возбужденного Львовской областной прокуратурой 10 сентября 1944 г.[2] В результате работы комиссии были опрошены десятки свидетелей из разных районов Львовской области, составлены акты о преступлениях, совершенных нацистами во Львове и в

---

[1] См., например: *Feferman K.* Soviet investigation of Nazi crimes in the USSR: documenting Holocaust // Journal of Genocide Research, 2003, 5(4), December, pp. 587–602; *Польсен Н.Б.* Розслідування воєнних злочинів «по-совєтськи». Критичний аналіз матеріалів Надзвичайної державної комісії // Голокост і сучасність. К. 2009. № 1(5). С. 27–45; *Епифанов А.Е.* Ответственность гитлеровских военных преступников и их пособников в СССР (историко-правовой аспект). Волгоград, 1997. 216 с.; *Сорокина М.Ю.* Люди и процедуры: К истории расследования нацистских преступлений в СССР // Военно-исторический альманах Виктора Суворова. Вып. 2. М., 2013. С. 71–126.

[2] ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 67. Д. 75. Л. 1–1 об.

районах Львовской области. Также были подготовлены списки угнанного на работы в Германию местного населения и составлены акты судебно-медицинских экспертиз.

Важнейшей частью работы ЧГК по установлению нацистских преступлений был сбор свидетельских показаний. Сбор показаний осуществлялся в зависимости от конкретного района Львовской области сотрудниками НКВД или прокуратурой. В некоторых районах области показания собирали как НКВД, так и прокуратура.

Именно протоколы допросов были первоначальными кирпичиками, на основании которых создавались акты районных и городских комиссий ЧГК в Львовской области.

На основании свидетельских показаний также устанавливались места массовых захоронений, в которых частично производились эксгумационные раскопки и с помощью судебно-медицинской экспертизы делался характер о времени и обстоятельствах смерти жертв[3].

Важнейшая роль в работе местных комиссий принадлежала представителям ЧГК. Они имели всю полноту власти для организации работы «по установлению и расследованию фактов злодеяний». Именно они имели право «поручать надлежащим органам» проводить расследование, опрашивать потерпевших и собирать свидетельские показания. На территории Львовской области таким представителем ЧГК был С.Т. Кузьмин.

К сожалению, на основании имеющихся сейчас документов сложно точно определить автора/авторов сообщения ЧГК о злодеяниях нацистов на территории Львовской области, однако точно известно, что именно С.Т. Кузьмин был автором последней редакции сообщения. По всей видимости, он был также одним из авторов его первоначального текста.

По результатам работы Комиссии 23 декабря 1944 г. было опубликовано сообщение Чрезвычайной государственной комиссии «О злодеяниях немцев на территории Львовской области»[4].

В основу сообщения ЧГК легли материалы акта по городу Львову[5]. В составлении акта по городу Львову, в свою очередь, большую роль сыграли свидетельские показания переживших Холокост евреев[6].

Основной акцент в опубликованном сообщении ЧГК был сделан на уничтожении львовских профессоров, нацистских преступлениях в отношении советских военнопленных в лагере «Цитадель» во Львове, «мирных советских людей» в Яновском лагере и французских и итальянских солдат. Остальные сюжеты занимали в сообщении второстепенное место. Во многом такое внимание к этим преступлениям было результатом под-

---

[3] ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 67. Д. 81. Passim.

[4] Правда. 23 декабря 1944 г. № 307. С. 2–3; Сообщение Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию преступлений немецко-фашистских захватчиков о злодеяниях немцев на территории Львовской области. М., 1945. 30 с.

[5] ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 67. Д. 86. Л. 1–20.

[6] Там же. Д. 75–77. Passim.

бора свидетелей. Большую часть свидетельских показаний о нацистских преступлениях во Львове ЧГК предоставили выжившие члены еврейской зондеркоманды 1005, занимавшейся уничтожением улик нацистских преступлений, в частности сжиганием трупов, в том числе убитых польских профессоров и жертв Яновского лагеря. Кроме того, акцент на этих преступлениях мог обеспечить необходимый советским властям международный резонанс.

Любопытно сравнить проект сообщения ЧКГ о нацистских преступлениях на территории Львовской области и итоговый текст. Если в проекте большое внимание было уделено уничтожению евреев, даже существовал отдельный раздел об этом, то в итоговом тексте сообщения акцент на уничтожении евреев был снят, что в условиях нарастания антисемитских настроений в СССР было вполне закономерно.

Сообщение ЧГК в конечном итоге имело долгую жизнь. Сведения из сообщения активно использовались в СССР, пусть часто в измененном и отфильтрованном виде, во многих публицистических и пропагандистских работах. В конечном итоге это привело к тому, что сообщение ЧГК стало одним из источников формирования исторической памяти о нацистских преступлениях в этом регионе среди широких слоев населения.

СВОДКИ СОВЕТСКОГО ИНФОРМБЮРО (ИЮЛЬ–ДЕКАБРЬ 1941 г.) В ЛЕНИНГРАДСКОЙ И МОСКОВСКОЙ РЕДАКЦИИ

Баландина Олеся Александровна
(Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга)

Сообщения Советского информбюро (Совинформбюро, СИБ) в годы Великой Отечественной войны выступали главным официальным источником информации о военных действиях между Советским Союзом и Германией. Новости о войне, получившие оформление в виде сводок «От Советского информбюро», приковывали к себе внимание миллионов людей в СССР и по всему миру.

Подробно процедура составления сводок, их содержание и реакция советского населения на «сибовский» информационно-пропагандистский поток описаны в недавно опубликованной монографии петербургских историков, одним из которых является автор этих строк. Исследователям удалось доказать, что в разработке сообщений Совинформбюро принимали участие ряд партийных и военных структур, в том числе регионального уровня[1].

В Центральном государственном архиве историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб) обнаружены документы, указывающие на причастность к составлению сводок функционеров Ленинградского городского комитета ВКП(б) и политуправления Северного (с августа 1941 г. – Ленинградского) и Северо-Западного фронтов.

В июле 1941 г. было создано Ленинградское отделение Советского информбюро во главе с заведующим отделом пропаганды и агитации ЛГК ВКП(б) Николаем Дмитриевичем Шумиловым. Помощниками Н.Д. Шумилова назначались начальник политуправления Северного фронта, дивизионный комиссар Е.Т. Пожидаев и начальник оперативной группы политработников при главном командовании Северо-Западного направления, дивизионный комиссар П.И. Горохов[2]. Пожидаев и Горохов (или их заместители) ежедневно подготавливали сведения о боевых действиях на Северном и Северо-Западном фронтах для передачи их

[1] *Баландина О.А., Давыдов А.Ю.* Власть, информация и общество: их взаимосвязи в деятельности Советского информбюро в условиях Великой Отечественной войны. СПб., 2020. 320 с.

[2] ЦГАИПД СПб. Ф. Р-25. Оп. 10. Д. 235. Л. 5.

в Советское информбюро. Дело в том, что каждое сообщение Информбюро представляло собой двусоставный текст, в первой части которого давалась общая характеристика обстановки на фронтах, во второй – содержалось несколько кратких эпизодов, описывавших героизм красноармейцев, операции партизан, трудовой подвиг тыла, настроения в армии противника и т. д. Именно подбором дополнительных эпизодов к сводкам на основе местного материала занималось Ленинградское отделение Совинформбюро.

В ЦГАИПД СПб сохранились тексты ленинградских сводок за июль–декабрь 1941 г., предназначавшиеся для отправки в Советское информбюро. Примечательно, что все они предварительно просматривались начальником ЛенСИБ Н.Д. Шумиловым и содержат его резолюции: «Передать в Москву».

Кроме того, в Ленинграде составлялись специальные справки, в которых педантично отмечалось, какие из отправленных боевых эпизодов с Северо-Западного театра военных действий были обнародованы в сводках Информбюро по радио и в периодической печати. Сравнив подготовленные Ленинградским отделением СИБ сводки, справки об их использовании и опубликованные на страницах газеты «Красная звезда» итоговые сообщения «От Советского информбюро», приходим к выводу о том, что ленинградские донесения нередко подвергались в Москве существенной редакторской правке. Приведем несколько выразительных примеров.

Так, в сводке, отправленной из Ленинграда 9 августа 1941 г., сообщалось о боевых действиях партизанского отряда под командованием «товарища К». Партизаны взорвали две грузовые машины противника, а также 400 бочек с бензином[3]. Опубликованный вариант этого сообщения содержал другие подробности партизанской диверсии. Московские составители дополнили его следующей информацией: «Партизаны этого отряда поймали в волчьи ямы семь фашистских танков. С танков снято 14 пулеметов и 5 легких пушек»[4]. Подчеркнем, что в первоначальном тексте уничтоженные танки не упоминались вовсе.

Заслуживает внимания ленинградская информация, появившаяся в сводке Совинформбюро 26 августа 1941 г. В сообщении СИБ в «Красной звезде» рассказывалось о летчике, герое Советского Союза П.Т. Харитонове, который протаранил в одном из воздушных сражений бомбардировщик противника. Немецкие летчики, как сообщалось, выпрыгнули на парашютах из бомбардировщика и были взяты в плен красноармейцами. Харитонов не пострадал[5]. Интересно, что в оригинальном изложении сотрудников Ленинградского отделения СИБ эпизод был несколько иным. Во-первых, Харитонов участвовал в сражении не один, а в паре с лейте-

---

[3] Там же. Д. 302. Л. 40.

[4] Утреннее сообщение от Советского информбюро 11 августа 1941 г. // Красная звезда. 1941. № 188. 12 августа. С. 2.

[5] Вечернее сообщение от Советского информбюро 26 августа 1941 г. // Красная звезда. 1941. № 201. 27 августа. С. 3.

нантом В.П. Иозица, чье имя по неизвестным причинам не фигурировало в опубликованной сводке. Во-вторых, ничего не говорилось о том, что Харитонов был вынужден покинуть свой самолет и оказался на земле вместе с немецкими летчиками. Между ними завязался бой, и Харитонова спас его напарник Иозица, который на бреющем полете стал расстреливать пулеметным огнем пилотов противника. В результате один был убит, а троих ранило[6]. Полагаем, опущенные московскими составителями в сообщении СИБ детали придают всему эпизоду другое звучание.

Помимо искажения содержания фронтовой информации в сводках встречаются манипуляции с цифрами в сторону преувеличения советских достижений под Ленинградом. Например, в донесении, отправленном в столицу 21 октября 1941 г., перечислялись военные успехи одной из авиачастей[7]. В обнародованном сообщении Советского информбюро боевые заслуги того же авиаподразделения по некоторым позициям были приукрашены: вместо уничтоженных советскими летчиками 130 автомашин противника называлось 330, вместо 50 мотоциклов появилось 150, вместо расстрелянных 4 вагонов с немецкой пехотой говорилось о «нескольких железнодорожных составах»[8].

18 ноября 1941 г. в Москву сообщалось об уничтожении артиллерийским подразделением, действующим на Ленинградском фронте, «до 40 немецких солдат и офицеров»[9]. На этот раз в сводке Совинформбюро немецкие потери преувеличили в 20 раз: артиллеристы истребили «более 800 немецких солдат и офицеров»[10].

По нашим данным, из опубликованных Совинформбюро в июле–декабре 1941 г. боевых эпизодов, составленных Ленинградским СИБ, подверглись правке и были представлены в искаженном виде около четверти всех материалов (27 из 118)[11].

Отметим, что в ведомстве Н.Д. Шумилова сводки перед отправкой в центр также подвергались правке. Нами обнаружены две разных версии изложения боевых действий экипажа танка лейтенанта А.М. Мартынова. В сводке, отправленной в Совинформбюро 14 ноября 1941 г., группа из 8 немецких танков «внезапно атаковала» экипаж А. Мартынова. Советские танкисты, вступив в неравный бой, одержали победу[12]. На следующий день, 15 ноября, ЛенСИБ уже сообщало в столицу о том, что экипаж Мартынова первым (!) заметил танковую колонную противника и пооче-

---

[6] ЦГАИПД СПб. Ф. Р-25. Оп. 10. Д. 302. Л. 129–130.

[7] Там же. Д. 304. Л. 92.

[8] Вечернее сообщение Советского информбюро 30 октября // Красная звезда. 1941. № 257. 31 октября. С. 1.

[9] ЦГАИПД СПб. Р-25. Оп. 10. Д. 305. Л. 39.

[10] Утреннее сообщение Советского информбюро 22 ноября // Красная звезда. 1941. № 276. 23 ноября. С. 1.

[11] 8 опубликованных сводок не найдено среди документов ЦГАИПД СПб.

[12] ЦГАИПД СПб. Р-25. Оп .10. Д. 305. Л. 28.

редно расстрелял ее[13]. Опубликована была последняя (более героическая) версия описываемых событий[14].

Вместе с тем известны отдельные случаи фальсификации ленинградскими составителями в сводках численных показателей боевых достижений красноармейцев[15].

Как видим, информация из сообщений Советского информбюро в изучаемый период была далека от действительного положения дел на советско-германском фронте и подвергалась искажению составителями в центре и на местах.

---

[13] Там же. Л. 32.

[14] Утреннее сообщение от Советского информбюро 18 ноября // Красная звезда. 1941. № 272. 19 ноября 1941. С. 1.

[15] См. подробнее об этом: Баландина О.А. Сводки Совинформбюро: процедура составления, центральные и региональные информационные структуры // Вестник студенческого научного общества РГПУ им. А.И. Герцена. СПб., 2015. С. 85–87.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ О РОССИЙСКОЙ МЕДИЦИНСКОЙ КОРПОРАЦИИ: ПАМЯТЬ О МЕДИКАХ НА ПОЛЯХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Барабанова Ксения Сергеевна, к.и.н.
(Сургутский государственный педагогический университет)

На первую половину XIX в. пришлось время формирования российского медицинского сообщества[1]. Этот процесс завершился к Крымской войне, во время которой начинается процесс конструирования памяти о профессиональном сообществе. Как и медицинское сообщество, формировавшиеся для нужд армии и флота и по военному образцу[2], память о медиках следует рассматривать в контексте памяти о войне и военных. С самого начала память о врачах – это память о победителях и самоотверженных героях. И это память в первую очередь внутри и для корпорации. Медики, чьи имена стали местами памяти для их коллег и вышли за пределы профессиональной корпорации, это те, кто одержал победу над болезнью, то есть изобрел новый способ лечения, применил новое лекарство или объяснил механизмы того или иного заболевания. Яркий пример фигура Н.И. Пирогова, ставшая местом памяти медицинской корпорации вне ее[3], но подобных фигур крайне мало. В связи с этим мы можем говорить о том, что память о врачах внутри профессионального сообщества гораздо более богатая, чем вне его. Память внутри корпорации транслируется через воспоминания учеников об учителе, через юбилейные издания кафедр и, конечно, в стенах медицинских музеев.

Если фигура врача актуальна для внутрикорпоративной памяти, то чей образ используют в коммеморальных практиках формирования памяти медицинской корпорации для тех, кто не входит в сообщество?

Лицом медицинской корпорации в период Крымской, Первой мировой и Великой Отечественной войн были сестры милосердия и медицинские сестры – «белые голубки». Женщина на поле боя или в госпитале,

---

[1] *Вишленкова Е.А.* «Выполняя врачебные обязанности, я постиг дух народный»: самосознание врача как просветителя государства (Россия, первая половина XIX в.) // Ab Imperio. 2011. № 2.

[2] *Барабанова К.С.* Петербургские врачи глазами пациентов во время эпидемии холеры в 1831 году // Россия XXI. 2019. № 2. С. 154–171.

[3] *Хмелевская Ю.Ю.* О меморизации истории и историзации памяти // Век памяти, память века. Опыт обращения с прошлым в XX столетии. Челябинск, 2004. С. 7–21.

выхаживающая смертельно раненного бойца, стала олицетворением милосердия. Именно его не хватает в памяти о врачах на поле боя. Представляется, что использование образа сестры милосердия или медсестры вызвано необходимостью преодоления негативного образа врача. И именно «белые голубки» стали образом медицины и центральной фигурой в памяти о медицинской корпорации.

Память о сестрах милосердия, а позднее медицинских сестрах начала формироваться с Крымской войны. Символом памяти о сестрах милосердия стала Дарья Михайлова, известная как Даша Севастопольская. Сирота, которая продала все свое имущество и стала оказывать помощь раненым, хотя она и не была сестрой милосердия. Ей посвящена скульптура на здании панорамы обороны Севастополя и в Севастопольском парке. Коммеморальная практика, связанная с Дашей Севастопольской, сохраняется без изменений с Крымской войны.

Память о сестрах милосердия подверглась испытаниям во время Первой мировой войны. В начале войны образ сестры милосердия использовался для патриотической мобилизации, но к концу войны произошла его эротизация[4]. Последующие изменения в политической жизни страны не создали условий для формирования памяти о сестре милосердия на полях Первой мировой войны.

Сегодня памятники сестрам милосердия открываются в разных регионах или являются частью композиций, посвященных военным врачам. В Санкт-Петербурге напротив Детской городской больницы № 2 Марии Магдалины установлен памятник сестре милосердия в честь 190-летия организации. В 2016 году в Кирове был установлен памятник «Павшим и умершим от ран в годы Первой мировой войны». Отметим, что в интервью скульптор В. Борискин сказал, что памятник посвящен всем, кто выносил бойцов с поля боя и лечил в госпиталях. В центре композиции находится сестра милосердия, чей образ и лицо очень похожи на скульптурные изображения Даши Севастопольской. То есть современная политика памяти по отношению к сестрам милосердия является продолжением дореволюционной и советской послевоенной практик.

Памятники медицинским сестрам времен Великой Отечественной имеют общие черты с ранее рассмотренными. Так, частью композиции памятника медицинским сестрам в Череповце авторства А. Рожникова является контур медицинского креста, как и в композиции в Кирове. Вместо фигуры, воплощающей в себе покой и мудрость матери, перед нами медицинская сестра, изображенная более динамично, ведет за руку маленькую девочку, олицетворяющую блокадных детей. Для поддержки композиции на фоне имеется развевающееся полотно. Схожая композиция с крестом используется и на памятнике военным медикам (военной медсестре) в Кисловодске (1997). Только на нем медсестра изображена в форме сестры милосердия периода Первой мировой войны, а сам па-

---

[4] *Колоницкий Б.И.* «Трагическая эротика»: образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. СПб., 2010.

мятник посвящен «военным медикам и медикам госпиталей периода Великой Отечественной войны».

Образ медсестер еще не закрепился в мемориальной практике. Медсестры могут изображаться, как и сестры милосердия, как мудрые взрослые женщины, как в Сегеже на памятнике медсестрам Карельского фронта. А могут быть хрупкими девушками в огромных сапогах, без наград, оружия, но только с медицинской сумкой, как на донецком памятнике (1980), посвященном всем выпускницам медицинского училища, которые участвовали в войне и погибли. На памятнике в Череповце, как и на памятнике фронтовой медсестре, установленном в 3-м Центральном клиническом госпитале им. А. Вишневского, тоже изображены молодые девушки, но полные сил, с наградами. Барельефы на памятнике фронтовой сестре в госпитале Вишневского призваны показать преемственность от Крымской войны к Первой мировой и Великой Отечественной войнам.

Памятники медицинским сестрам установлены перед медицинскими учреждениями, и инициаторами их установки являются те, кто прошел через военные госпитали, как участник обороны Москвы полковник Б.А. Малинин, благодаря которому был открыт памятник «Фронтовая медсестра» в Москве в районе «Печатники». То есть перед нами память непосредственных участников событий о медицинской корпорации во время Великой Отечественной войны.

Следует отметить, что проблема романтизации образа сестры милосердия продолжилась и во время Великой Отечественной войны. В работе Алексиевич «У войны не женское лицо» участники войны часто вспоминают о плохом отношении к «военным девушкам», словно они на войне занимались поиском будущего супруга и обслуживали офицеров[5]. Но в коммеморальную практику это представление не попало, образ медсестры полностью лишен сексуального подтекста.

Таким образом, Великая Отечественная война наряду с Крымской и Первой мировой войнами является важным периодом для исторической памяти об отечественной медицинской корпорации. Эти военные кампании – знаковые точки для коммеморальных практик медицинской корпорации. Память о медицинской корпорации развивается в двух направлениях: для корпорации и для потенциальных пациентов.

У войны не женское лицо, но именно медицинская сестра становится лицом военной медицины. Воспоминания о женщине, которая вытаскивает с поля боя или выхаживает после операции, заменяют воспоминания о докторе (и здесь пол не важен), который спасает больного на операционном столе. Происходит вытеснение образа врача, который олицетворяет войну, и замена его на образ медицинской сестры, то есть образ милосердия.

---

[5] *Алексиевич С.А.* У войны не женское лицо. М., 2019.

РОЛЬ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ В ФОРМИРОВАНИИ ПАТРИОТИЗМА КАК ОСНОВЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Батов Алим Тимурович
(Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Ростов-на-Дону)

На современном этапе развития российской государственности понятие дефиниции и сущность феномена патриотизма продолжают оставаться предметом научных и общественных дискуссий. Однако при всей разнообразности подходов к определению сущности данного явления под патриотизмом нами понимается фундаментальный духовно-нравственный принцип, содержанием которого является любовь к Родине и готовность к любым жертвам и подвигам во имя интересов Отечества.

Затянувшийся после распада СССР системный кризис во всех сферах жизнедеятельности общества и отсутствие сбалансированного политического курса в тот период привели к тому, что любое обращение к чувству патриотизма, которое откровенно было дискредитировано в качестве всенародного явления, отторгалось большей частью населения. На фоне трансформации прежних нравственно-культурных, общечеловеческих и политических ценностей, нарастания маргинализации молодежи и ослабления преемственности поколений образовался идеологический вакуум. «Не имея национальной идеи, государство, по существу, не имеет компаса в бурном мире исторического существования»[1].

В настоящее время именно патриотизм может заполнить идеологический вакуум и стать общей национальной идеей для консолидации многонационального российского народа во имя любви к Родине и защиты ее интересов. Но очень важным фактором закрепления патриотизма в качестве национальной идеи является повышение уровня благосостояния граждан и стабильное социально-экономическое благополучие населения, так как, подходя к столь важному вопросу объективно, на фоне растущего социального расслоения, обусловленного усилением диспро-

[1] *Протоиерей Евгений Соколов*. Проблемы Миссии в условиях отсутствия в России национальной идеи [Электронный ресурс] // Православие.ru. URL: http://www.pravoslavie.ru/42883.html (дата обращения: 18.01.2020).

порции доходов и уровня жизни отдельных слоев населения, отсутствия социальных гарантий и тотальной коррупции – может восприниматься обществом как попытки скрыть некоторые политические просчеты или снизить существующую в стране социальную напряженность.

Когда сегодня в стране все более активно обсуждается вопрос о формировании национальной идеи на основе патриотизма, мы обращаемся к славной истории нашего Отечества. «Великая Отечественная война оценивается исторической памятью как наиболее значимое событие по ряду оснований. Во-первых, потому что эта память связана с историей каждой семьи, ибо это событие затронуло самые существенные и сокровенные стороны личной жизни людей. Во-вторых, это событие определило не только будущее нашей страны, но и всего мира, и поэтому его оценка базируется не только на осознаваемом, но и на интуитивном признании роли этой войны в истории всего человечества»[2].

В современной политической обстановке и при постоянно растущем давлении мирового сообщества на Россию остро стоит вопрос об искажении событий Великой Отечественной войны в общественном сознании граждан России и жителей различных стран мира. Западные страны, которые не могут смириться с ролью Советского Союза в победе над коричневой чумой, в угоду своим геополитическим и иным интересам пытаются переписать историю Второй мировой войны и навязать миру ложные представления о событиях того времени. Поэтому, чтобы не допустить пересмотра исторических событий и сформировать правдивую картину о событиях Великой Отечественной войны, необходимо проведение целенаправленной информационно-просветительской деятельности в средствах массовой информации и информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

Также в числе источников формирования исторической памяти мы выделяем следующие:

- сохранение и благоустройство воинских захоронений, памятников, стел, обелисков и других мемориальных сооружений и объектов, увековечивающих память погибших при обороне Отечества;
- развитие музейного дела с расширением военно-исторической концепции. Проведение на базе музеев виртуальных экскурсий, показов патриотических художественных фильмов о Великой Отечественной войне;
- организация и проведение тематических конкурсов, конференций, фестивалей, посвященных памяти о Великой Отечественной войне;

---

[2] *Исаева Ю.В.* Историческая память о Великой Отечественной войне как духовно-нравственная основа патриотического воспитания молодежи // Вестник государственного и муниципального управления. 2014. №4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskaya-pamyat-o-velikoy-otechestvennoy-voyne-kak-duhovno-nravstvennaya-osnova-patrioticheskogo-vospitaniya-molodyozhi (дата обращения: 18.01.2020).

• развитие внутреннего и международного военно-исторического туризма по местам боевой славы;

• размещение в средствах массовой информации и информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» социальной рекламы патриотической направленности для различных целевых аудиторий.

Главным же источником формирования и воспроизводства исторической памяти являются последние реальные свидетели войны: ветераны и участники Великой Отечественной войны, которых с каждым годом становится все меньше, поэтому вопросы оказания им повсеместной помощи являются наиболее приоритетными.

«Духовное наследие Великой Победы как источник патриотического воспитания определен в следующих задачах: расширение и углубление представлений народа о всемирно-историческом значении и величии роли Великой Отечественной войны в сохранении и развитии мировой цивилизации; нахождение условий и средств сохранения и освоения наследия защитников Родины как высшей общественной ценности и как социально-исторической памяти; формирование у населения культуры "прочтения" наследия войны, потребности обращаться к урокам прошлого; содействие консолидации общества в деле духовного, политического и экономического возрождения России; использование опыта старших поколений, участников Великой Отечественной войны, тружеников тыла – людей разных возрастов, национальностей и вероисповедания – для формирования человека культуры, гражданина, патриота; раскрытие форм и граней единства прошлого, настоящего и будущего России, обеспечение преемственности духовных, культурных и боевых традиций нашего народа и его Вооруженных Сил; формирование социальной ответственности у молодежи за прошлое, настоящее и будущее России»[3].

Развитие патриотического воспитания неотделимо от процесса интеграции всех институтов социализации, в которой основное место занимает образовательный процесс. В современной образовательной системе урокам Отечественной истории школьной программой отводится недостаточное количество часов, а в современных учебниках истории Великая Отечественная война рассматривается в сжатом виде, что отражается в отсутствии у многих представителей молодого поколения базовых знаний о ключевых событиях войны, датах, выдающихся личностях, полководцах.

Историческая память о Великой Отечественной войне является одной из немногих опор национального самосознания, стимулируя сплоченность и единение народа для реализации созидательного потенциала.

---

[3] *Исаева Ю.В.* Историческая память о Великой Отечественной войне как духовно-нравственная основа патриотического воспитания молодежи // Вестник государственного и муниципального управления. 2014. №4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskaya-pamyat-o-velikoy-otechestvennoy-voyne-kak-duhovno-nravstvennaya-osnova-patrioticheskogo-vospitaniya-molodyozhi (дата обращения: 18.01.2020).

Крайне важно в современных условиях сохранить память о бессмертном подвиге советского народа и значении Победы в истории нашего государства и всей мировой цивилизации.

Каждый патриот России, для которого естественна потребность в своей исторической, культурной, национальной и духовной принадлежности к Родине, желает видеть свое государство на ведущих ролях во всех отраслях деятельности и быть гордым за свою Отчизну, способствуя своими действиями и активной гражданской позицией достижению такого состояния.

МЕСТА ПАМЯТИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В ЕВРОПЕ КАК НАПРАВЛЕНИЕ ЗАРУБЕЖНОГО ТУРИЗМА В СССР В 1960–1980-е гг. (на примере Свердловской области)

Бекленищева Мария Владимировна
(Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина)

В условиях высокой скорости распространения информации в эпоху цифровых технологий и ускоренного технического прогресса, особое значение приобретает сохранение антимилитаристских ценностей, неотъемлемой частью которых является сохранение памяти о Великой Отечественной войне.

Нижняя хронологическая граница исследования обусловлена, во-первых, изменением отношения руководства страны к празднику Победы и восстановлением в РСФСР в 1965 году 9 мая как выходного дня, проведением первого после 1945 года парада Победы и началом формирования нарратива о Победе[1]. Во-вторых, середина 60-х годов XX века характеризуется процессами становления массового выездного туризма в СССР, в том числе молодежного (см. табл. 1) и включением в программы туров посещения мест памяти о Великой Отечественной войне за пределами Советского Союза как составной части идеологического воспитания.

Верхняя хронологическая граница связана с резкой сменой общественно-политического строя государства, следствиями которой стали частичный отход от празднования Победы, прекращение парадов 9 мая (до 1995 года), а также изменение акцентов при формировании турпродуктов, в т. ч. и при поездках в иностранные государства, исключением идеологической составляющей.

Источниковую базу исследования составили документы региональных архивов Свердловской области: отчеты руководителей туристских групп, выезжавших за рубеж, ежегодные отчеты Свердловского отделения БММТ «Спутник»; результаты анкетирования, проведенного автором в октябре–декабре 2019 года среди жителей Свердловской области,

[1] *Хлебников И.Е.* Эффективность памяти о Великой Отечественной войне как идеологического нарратива и его применимость в текущем международном контексте // Вестник РУДН, серия Политология, 2016, № 3. С. 158.

побывавших за рубежом в туристских целях в рассматриваемый период; а также «путевые заметки», опубликованные по следам путешествий в периодических изданиях Свердловской области.

Таблица 1

Количество туристов из Свердловской области, направленных за рубеж Свердловским отделением бюро международного молодежного туризма (БММТ) «Спутник»[2]

Год	Соцстраны (чел.)	Капстраны (чел.)	Всего (чел.)
1965	нет данных	нет данных	425
1971	нет данных	нет данных	более 1500
1972	1625	129	1754
1976	3178	153	3331
1978	нет данных	нет данных	3800
1979	нет данных	нет данных	3273
1980	нет данных	нет данных	2106
1981	1752	228	1980
1982	1712	227	1939
1986	нет данных	нет данных	4851
1987	нет данных	нет данных	4315

Вопросам памяти о Великой Отечественной войне в туристских маршрутах в историографии уделено незаслуженно мало внимания. Эту тему рассматривает А.Д. Попов, отмечая, что советские туристы посещали три типа мемориальных комплексов как в СССР, так и за рубежом: музеи на месте бывших нацистских концентрационных лагерей, памятники советским воинам-освободителям и мемориалы, созданные на месте уничтоженных во время войны деревень[3].

Места памяти включались как особый пункт туристских маршрутов в страны «соцлагеря»: Германию, Польшу, Югославию, Болгарию. Руководителю группы выделялись деньги на приобретение цветов для торжественно-траурного возложения (т. н. представительские расходы), иногда посещение мемориальных мест рассматривалось едва ли не как главный пункт программы. К примеру, в отчете о поездке группы туристов в ГДР в апреле 1976 года руководитель группы В. Барабаш сообщает, что первый день пребывания группы в ГДР был посвящен осмотру «всех» достопримечательностей. Побывали в Трептов-парке, возложили цветы к памятнику Советскому воину-освободителю, посетили могилу неизвестному

[2] Составлено по: ЦДООСО. Ф. 61. Оп. 20. Д. 47. Л. 55; Оп. 22. Д. 12. Л. 14; Оп. 24. Д. 7. Л. 253; Оп. 26. Д. 31. Л. 1–2; Оп. 31. Д. 78. Л. 1 об.; Оп. 31. Д. 78. Л. 24, Л. 44.; Оп. 33. Д. 95. Л. 6.; Оп. 35. Д. 77. Л. 2; Оп. 44. Д. 80. Л. 5.

[3] *Попов А.Д.* Память о Великой Отечественной войне в идеологической парадигме советского туризма // Современные проблемы сервиса и туризма 2010. № 3. С. 46.

антифашисту, в тот же день состоялось посещение музея Советской Армии в Карлсхофе. Далее, путешествуя по Германии, туристы осмотрели бывший концлагерь Бухенвальд, музей, возложили цветы на место расстрела Эрнста Тельмана, к мемориалу советским военнопленным.

Впечатления советских туристов свидетельствовали об эффективности проводимой идеологической работы. Они писали: «Гордость за наш народ <...> и одновременно тяжелая печаль за невосполнимые утраты, жертвы фашизма, пронизывали сердце каждого <...>»[4].

В Болгарии традиционно в программу входило посещение в Пловдиве памятника советскому воину-освободителю, который известен всей Болгарии как «Алеша»[5]. В Югославии группы возлагали цветы к памятникам Неизвестному солдату, советским военачальникам – участникам боев за освобождение Белграда, посещали мемориальное кладбище, где были захоронены советские солдаты, а также военно-исторический музей[6]. В Польше туристов возили в мемориальный музей Майданек в г. Люблин[7].

В ходе туристических поездок в капиталистические страны места памяти, посвященные Второй мировой войне, также включались в программу. К примеру, в ходе поездки в Западный Берлин группа комсомольских работников возложила цветы к памятнику советским солдатам, павшим в ходе боев за Берлин[8]. Во время поездки во Францию туристы побывали в городе Кан – месте высадки союзников во Второй мировой войне, посмотрели тематический музей[9].

Без преувеличения можно констатировать, что посещение таких мест действительно оставалось в памяти на всю жизнь. Об этом свидетельствуют результаты проведенного в 2019 году анкетирования, в котором приняли участие 28 человек (14 мужчин и 14 женщин).

Респонденты отвечали на вопросы, касающиеся подготовки к поездке, условиях размещения, организации питания, экскурсионного, транспортного обслуживания, общения с иностранцами, наличия нештатных

---

[4] *Барабаш В.* Отчет о поездке группы туристов СК–I-24 г. Березовского в ГДР с 16 по 28 апреля 1976 года // Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф. 61. Оп. 26. Д. 31. Л. 24–25.

[5] *Патракова Т.Д.* Отчет о туристической поездке в НРБ группы № 509 с 3 по 18 июля 1976 года // ЦДООСО. Ф. 61. Оп. 26. Д. 31. Л. 38.

[6] *Пенкин В.С.* Отчет о поездке группы (Р-111) советских туристов из города Свердловска в Югославию с 22.V по 2. VI.1976 по маршруту № 3-р Белград – Загреб – Любляна – Ровинь – Белград // ЦДООСО. Ф. 61. Оп. 26. Д. 31. Л. 44.

[7] *Пичугина Н.П.* Отчет о поездке за границу (ПНР) группы молодых ученых. Маршрут 7а: Люблин – Закопани – Краков – Варшава // ЦДООСО. Ф. 61. Оп. 26. Д. 31. Л. 52.

[8] *Дабахов С.И.* Отчет о поездке группы Свердловского Обкома ВЛКСМ БММТ «Спутник» в ГДР – Западный Берлин с 4.10 по 15.10 1983 года // ЦДООСО. Ф. 61. Оп. 37. Д. 109. Л. 55.

[9] *Поляков Г.В.* Отчет о поездке группы из Свердловска во Францию с 12 по 20 мая 1985 года // ЦДООСО. Ф. 61. Оп. 41. Д. 75. Л. 8.

ситуаций, финансово-экономических аспектов и впечатлений от поездки. Одним из вопросов анкеты был «Какие достопримечательности и экскурсии в ходе поездки запомнились Вам больше всего?». 7 человек, т. е. 25 % опрошенных, отметили именно места памяти (см. табл. 2).

Таблица 2

Пол респондента	Возраст респондента	Страна	Дата путешествия	Запомнившиеся достопримечательности
женский	39	ГДР	май 1988	концентрационный детский лагерь
женский	25	ГДР	сентябрь 1983	Трептов-парк
женский	21	НРБ	1977	памятник Алеше
мужской	29	ГДР	сентябрь 1983	Трептов-парк, музей боевого пути Уральского добровольческого танового корпуса в Потсдаме
мужской	28	ГДР	февраль 1979	концлагерь Бухенвальд
женский	25	ПНР	1978	лагерь военнопленных
мужской	48	ГДР	август 1978	Трептов-парк и Бухенвальд

В настоящее время такие поездки по местам памяти возрождаются. В рамках соглашения между ветеранскими организациями Свердловской области и Болгарии с 2016 года реализуются обменные визиты. Такое сотрудничество представляется перспективным с точки зрения патриотического воспитания и организации поездок школьных и студенческих групп.

ПОЛЬША В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД: АГРЕССОР ИЛИ ЖЕРТВА

Беляков Глеб Сергеевич
(Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова)

Сегодня мы наблюдаем многочисленные попытки пересмотреть историю Второй мировой войны. Все чаще подобные заявления звучат со стороны западных соседей России, в частности Польши. Так, известны слова министра иностранных дел Польши Гжегожа Схетыны о том, что Освенцим освобождали украинцы[1], по инициативе президента Бронислава Комаровского была создана альтернативная площадка празднования окончания Второй мировой войны в Вестерплатте. Россия не получила приглашение на траурные мероприятия в честь восьмидесятилетия начала Второй мировой войны, в сторону нашей страны периодически звучат обвинения в ее развязывании и нападении на Польшу. В связи с этим видится актуальным рассмотрение тезиса о том, что именно польская внешняя политика в межвоенный период 1918–1939 гг. носила наиболее агрессивный характер, а также способствовала усилению Германии и началу Второй мировой войны.

Истоки формирования образа жертвы мы можем найти еще в XVIII в., когда после трех разделов Польша перестала существовать; при этом идея Великой Польши не ушла из политического дискурса, достаточно вспомнить восстание 1863–1864 гг., целью которого было не просто получение суверенитета, но и восстановление государства в границах Речи Посполитой 1772 г. (то есть с территориями Украины и Белоруссии). Именно поэтому после Ноябрьской революции в Германии, когда польские формирования получили контроль над собственной территорией, новое государство начало борьбу за восстановление «исторических» границ. Польшу поддержали Франция и США, которые планировали использовать ее в качестве противовеса Германии и Советской России, сама же Польша активно примеряла на себя роль последнего рубежа, ограждающего Европу от большевиков. 13 февраля 1919 г. Польша атаковала восточные земли и вторглась в пределы РСФСР. Руководимая главой государства Юзефом Пилсудским и, получая помощь от стран – членов Лиги наций,

[1] РИА новости. Глава МИД Польши заявил, что Освенцим освобождали украинцы // URL: https://ria.ru/20150121/1043600343.html

Польша добилась значительных успехов на восточном фронте: фактическое восстановление границы 1772 г., значительная контрибуция со стороны РСФСР.

Во время советско-польской войны в польском плену погибло до 60 тыс. советских солдат (расстрелы, отсутствие нормальных условий содержания, тиф), а на захваченных территориях начала проводиться активная националистическая политика, направленная на «ополячивание» национальных меньшинств. Для иллюстрации приведем выдержку из газеты «Белорусские ведомости» (1921 г.): «Отношение к белорусам со стороны многих начальников и определенной части общественности очень пренебрежительное. Нас считают то москалями, то большевиками, то вообще людьми второго сорта. Беларусь, частично попавшая под власть Польши, поделена на провинции-воеводства, и не видно, чтобы в этих воеводствах проводилась политика по принципу <...> «равные с равными, вольные с вольными <...>»[2].

Советское руководство опасалось повторного нападения польской армии; и неслучайно: противник затягивал подписание мирного договора, надеясь на войну РСФСР с Японией. Тем не менее Пилсудский, восстановив восточные границы Польши, устремился на запад. 12 октября 1921 г. Лига наций передала Польше 29 % Верхней Силезии, несмотря на то что в результате голосования за вхождение в Польшу высказалась лишь $^1/_3$ населения спорной территории (против $^2/_3$ за Германию). Вместе с присоединенной частью Верхней Силезии Польша получила значительные запасы полезных ископаемых и большую часть промышленности провинции.

В результате Польша стала пятой по количеству населения страной в Европе (27 млн чел.), при этом польское население составляло всего 54,5 %; национальные меньшинства становились объектом «культуркампфа» с целью создания единой нации – подобной же политики придерживались и другие государства (Чехословакия, Югославия, Румыния), появившиеся после Версаля или значительно увеличившие территорию после окончания Первой мировой войны. Интересная ситуация сложилась вокруг де-юре вольного города Данцига: фактически Польша аннексировала часть его территории, аргументируя это необходимостью защиты собственных грузов (п-ов Вестерплатте), а также пыталась увеличить права в отношении вольного города через Лигу наций.

Пилсудский видел Польшу «гирькой», подвешенной между западом и востоком и, в конечном счете, определявшей исход противостояния между ними. Тем не менее польская политическая элита имела явные прогерманские настроения, склоняясь к своему западному соседу. В 1934 г. подписан договор о ненападении между Польшей и Германией, что способствовало дальнейшему сближению стран, а также подрывало инициативу СССР и Франции по созданию системы коллективной безопасности. Польша явно переоценила собственное положение в Европе;

---

[2] Беларускія ведамасьці. 1921. № 5.

посол Польши в Берлине Юзеф Липский был уверен: «Германская экспансия пойдет в другом направлении и мы в безопасности. Теперь, когда мы уверены в планах Германии, судьбы Австрии и Богемии не касаются Польши»[3]. Договор о ненападении с Германией был заключен на десять лет, с СССР (1932 г.) – лишь на три года, торговые связи между Советским Союзом и Польшей были мизерными, а на встрече с министром иностранных дел Франции Барту Пилсудский заявил: «Мы восхищены нашими первыми соглашениями с Гитлером, и мы убеждены, что на всем протяжении истории французы никогда не испытывали достаточного уважения к польской нации»[4]. Министр иностранных дел Польши Бек так отозвался о восточном соседе: «Что же касается России, то я не нахожу достаточно эпитетов, чтобы охарактеризовать ненависть, какую у нас питают к ней!»[5]

Соответственно инициативам своих новых союзников, якобы уважающих Польшу, Польша одобрила ремилитаризацию Рейнской области, Аншлюс, участвовала в разделе Чехословакии. Однако ставка Юзефа Липского не сыграла: после последовательного присоединения Австрии и раздробленных частей Чехословакии Германия обратила внимание на вольный город Данциг и на аннексированный поляками п-ов Вестерплатте. Отказ Польши на добровольную передачу территории и вывод войск из вольного города повлек за собой начало войны с Германией – Второй мировой войны.

По нашему мнению, формирование образа жертвы со стороны Польши сегодня – защитный механизм, попытка нивелировать комплекс исторической неполноценности. Айрапетов О.Р. уверен, что в Польше русофобия – часть польской национальной самоидентификации[6]. Тема союзнических отношений Польши и Германии в 30-е гг. XX в. не афишируется, что облегчает задачу виктимизации государства, якобы подвергшегося нападению двух тоталитарных режимов. На фоне ухудшающихся отношений между Польшей и РФ, а также имея в виду эффективную работу польских властей по созданию образа врага не только внутри своей страны, но и на уровне Европейского союза, видится необходимым проведение более последовательной политики, направленной на защиту собственной истории и повышение уровня знания истории россиянами.

---

[3] История дипломатии. Т. III. Дипломатия в период подготовки Второй мировой войны (1919–1939 гг.) / под ред. В.П. Потемкина. М.; Ленинград: ОГИЗ, 1945. С. 502.

[4] *Табуи Ж.* 20 лет дипломатической борьбы. М.: Изд-во иностр. лит., 1960. С. 223.

[5] Там же. С. 227.

[6] *Айрапетов О.Р.* Почему Черчилль назвал Польшу гиеной Европы? URL: https://rideo.tv/video/132837/

РОЛЬ ПАМЯТИ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ В ФОРМИРОВАНИИ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЛИКВИДАЦИИ ПОСЛЕДСТВИЙ ПРИРОДНЫХ И ТЕХНОГЕННЫХ КАТАСТРОФ В СССР В 1945–1991 гг.

Бондаренко Владимир Игоревич, к.и.н.
(Кубанский медицинский институт)

В 2020 г. исполняется 75 лет Победы советского народа в Великой Отечественной войне (ВОВ). Память об этой масштабной, кровопролитной войне с момента ее окончания была священной в СССР и остается таковой в современной России. Великая Отечественная война затронула судьбы всех без исключения граждан Советского Союза и кардинально изменила ход мировой истории. В памяти советского народа ВОВ ассоциировалась с масштабной героико-трагической эпопеей с многочисленными примерами мужества и самопожертвования, сплоченности и единства, милосердия и соучастия, а также горем, скорбью, лишениями и страданиями. С момента окончания войны и вплоть до нашего времени любая большая беда часто ассоциируется и сопоставляется с событиями ВОВ. Исключением из этого списка не стали природные и техногенные катастрофы, случившиеся на территории СССР в послевоенное время.

В 1945–1991 гг. в Советском Союзе произошел ряд стихийных и технологических бедствий как регионального, так и национального масштаба[1]. Всегда, когда природные и техногенные катастрофы становились достоянием общественности, проводились параллели с ВОВ. Очень часто в советских СМИ ликвидация последствий стихийных и технологических бедствий представлялась как героическое сражение, которое ведет советский народ и обязательно в нем одержит победу. Журналисты в своих репортажах рассказывали о мужестве людей, занятых в спасательных и восстановительных работах в зоне бедствия, помощи различных регионов страны и отдельных граждан пострадавшим районам и населению, где особый акцент ставили на интернационализм и взаимопомощь народов СССР.

Одним из первых стихийных бедствий, которое подверглось сравнению с событиями ВОВ, стало Ашхабадское землетрясение 1948 г. В ре-

[1] См. более подробно: Россия в борьбе с катастрофами / под ред. С.К. Шойгу, А.Н. Сахарова. М., 2007. Т. 2.

портажах часто упоминалось, что беда «снова пришла внезапно, ночью», рассказывалось о стойкости и мужестве советских граждан в борьбе со стихией, помощи пострадавшим.

Еще больший общественный резонанс получило Ташкентское землетрясение 1966 г. В связи с небольшим количеством жертв освещение данного стихийного бедствия превратилось в демонстрацию единства и взаимопомощи народов СССР. Прилетевшие в тот же день в зону бедствия первые лица советского государства Л.И. Брежнев и А.Н. Косыгин подчеркнули значение Ташкента как важной эвакуационной базы в годы ВОВ и высказались за масштабные восстановительные работы с всесоюзным участием[2]. Аналогичная реакция руководства СССР последовала и после землетрясения 1970 г. в Дагестане.

Наибольшее количество аналогий с ВОВ имела Чернобыльская катастрофа 1986 г. После того как авария на ЧАЭС стала достоянием общественности, она превратилась в общенародную беду сродни военному противостоянию. В 1986 г. за разворачивавшейся эпопеей в районе ЧАЭС в течение многих месяцев пристально наблюдал весь мир. В советских СМИ ликвидация последствий Чернобыльской катастрофы представлялась масштабным героическим сражением, битвой с невидимым врагом, над которым обязательно будет одержана победа[3]. Репортажи из района ЧАЭС напоминали сводки с передовой. Самоотверженная работа ликвидаторов в зоне бедствия часто сопоставлялась с подвигом советских солдат в годы ВОВ. Аналогичного мнения придерживались и аналитики ЦРУ, подробно изучавшие различную информацию об аварии на ЧАЭС, полученную из открытых источников[4]. Сооружение объекта «Укрытие» вокруг разрушенного реактора воспринималось как долгожданная победа над невидимым врагом, в честь которой по аналогии в Великой Отечественной войной было водружено красное знамя. Подчеркнем, что именно поколению советских граждан, выросших на примерах героизма и самопожертвования своих отцов и дедов времен ВОВ, пришлось ликвидировать последствия крупнейшей техногенной катастрофы XX в.

Еще больше общего между ликвидацией последствий аварии на ЧАЭС и Великой Отечественной войной находят исследователи Чернобыльской катастрофы, а также непосредственные участники и очевидцы рассматриваемых событий. Практически в каждой монографии или воспоминаниях, посвященных аварии на ЧАЭС, проводятся аналогии

---

[2] Советская Кубань. 1966. 29 апреля. С. 1.

[3] *Короткова О.В.* До питання про особливості висвітлення Чорнобильської катастрофи в радянській і зарубіжній пресі (1986–1987 рр.) // Сторінки історії. Київ, 2011. № 32. С. 178–185.

[4] The Chernobyl' accident: social and political implications. URL: http://www.foia.cia.gov/Reagan/19871201a.pdf (дата обращения: 15.02.2012).

с ВОВ[5]. Например, что именно Чернобыльская катастрофа затронула судьбы сотен тысяч человек, которые стали говорить о своей жизни до 26 апреля 1986 г. как о жизни «до войны»[6]; впервые со времен Великой Отечественной войны «в разных уголках Советского Союза был объявлен массовый призыв резервистов», эвакуация; беспрецедентная мобилизация сил и средств всего СССР[7]. В исследованиях часто ставится знак равенства между героизмом и самопожертвованием ликвидаторов аварии на ЧАЭС и подвигом советских солдат в годы ВОВ[8].

Сопоставление Великой Отечественной войны и аварии на ЧАЭС получило широкое распространение в художественной литературе, посвященной чернобыльской тематики. Так, район ЧАЭС здесь описывается как поле битвы, а ликвидаторы – солдаты, ведущие героическую борьбу с невидимым врагом.

Подобно Чернобыльской катастрофе оценивалось и Спитакское землетрясение 1988 г. Спасательные и восстановительные работы в Армении напоминали настоящее сражение, со своей передовой и тылом. На протяжении трех месяцев после землетрясения по центральному телевидению и в СМИ ежедневно присутствовали репортажи из зоны бедствия, которую часто сопоставляли с линией фронта времен ВОВ[9].

Подводя итоги по всему вышесказанному, отметим, что в послевоенное время в СССР память о Великой Отечественной войне играла ключевую роль в формировании представлений о природных и техногенных катастрофах и ликвидации их последствий. Практически всегда стихийные и технологические бедствия второй половины XX в. сопоставлялись в ВОВ. Очень часто природные катаклизмы, технологические аварии представлялись как общенациональная беда сродни военному противостоянию. Ликвидация последствий природных и техногенных катастроф в СССР напоминала битву, сражение, в котором советским народом обязательно будет одержана победа. Со временем эта тенденция только усиливалась. Великая Отечественная война стала символом большой беды, национальной трагедии, а также стойкости, сплоченности и единства.

---

[5] См.: *Миронов Е.В.* Чернобыль: необъявленная война. СПб., 2006; *Дьяченко А.А.* Опыт ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС: деятельность государственных органов СССР (1986–1991): дис. <...> д-ра ист. наук. М., 2002.

[6] *Барановська Н.П.* Чорнобильська трагедія. Нариси з історії. Київ, 2011. С. 5.

[7] *Журбенко В.М., Кудряшов В.И.* Участие Вооруженных Сил СССР в ликвидации последствий взрыва на Чернобыльской атомной электростанции // Военно-исторический журнал. 2006. № 4. С. 34.

[8] См.: Чернобыль. Долг и мужество / под ред. А.А. Дьяченко. М., 2001.

[9] См.: Армения. Декабрь 88 / сост. Л. Григорова. Ереван, 1990; Колокол памяти: К 20-летию Спитакского землетрясения: Документы и воспоминания [сб. офиц. мат-в о землетрясении в Армении 7.12.1988]. М., 2008; Спитакское землетрясение: Зона бедствия вчера и сегодня. Взгляд через 20 лет: Сборник документов / сост. А. Вирабян. Ереван, 2008.

Подвиг же советского народа в годы ВОВ стал для последующих поколений эталоном мужества и героизма, самопожертвования и патриотизма и постоянно вдохновлял строителей Ташкента, ликвидаторов аварии на ЧАЭС, спасателей в Армении, простых граждан, безвозмездно перечислявших свои сбережения на счета помощи для пострадавших, собиравших гуманитарную помочь и размещавших в своих домах эвакуированное из зоны бедствия население.

ЗЛОДЕЯНИЯ ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ ПРОТИВ МИРНОГО НАСЕЛЕНИЯ ГОР. СТАЛИНГРАДА В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Владимирова Екатерина Денисовна
(Центр документации новейшей истории Волгоградской области)

Любая война состоит не только из военных действий, но и из взаимодействия вооруженных сил противника и мирного населения. Несмотря на то что этот вид отношений строго регулируется международным правом, запрещающим по отношению к последним применять насилие, подобные инциденты встречаются до сих пор.

В период Великой Отечественной войны, к сожалению, произошло множество таких злодеяний со стороны немецких сателлитов и их сообщников. Во многом в этом виновато руководство Третьего рейха, заявлявшее, что война с СССР идет на уничтожение и в отношении советских граждан будут правомерны любые преступления. 13 мая 1941 г. вышел указ Гитлера о военном судопроизводстве в войне с СССР, заранее освобождающий немецко-фашистскую армию от ответственности за совершенные злодеяния. В нем говорилось: «За действия, совершенные военнослужащим вермахта и вольнонаемными, не будет обязательного преследования, даже если деяние является военным преступлением или проступком»[1].

В данном докладе рассказывается о подобных злодеяниях в период Сталинградской битвы на территории оккупированной части города. Подобный выбор обусловлен тем, что это самое масштабное сражение в войне и здесь произошло большое количество подобного рода преступлений против человечества.

Все злодеяния делятся на несколько категорий. Самая страшная из них – убийства и пытки местного населения, совершенные личным составом армии противника. Еще один вид преступлений – угон людей на принудительные работы в Германию, на Украину и в район Донбасса. К третьей категории относятся грабежи мирного населения.

---

[1] *Павлова Т.А.* Оккупационная политика германского командования в Сталинграде // Сталинградская битва: материал научных конференций. Волгоград: СТ «Вале», 1994. С. 244.

В период Сталинградской битвы 6 из 7 районов гор. Сталинграда были оккупированы немецко-фашистскими войсками. На тот момент там находилось 200 тыс. жителей. На оккупированной территории создавались немецкие комендатуры, которые вели учет местного населения («Сталинград-Центр», «Сталинград-Царица-Юг»). Также там проводились допросы и пытки. После изгнания захватчиков в могиле для замученных в Главной комендатуре было обнаружено 516 трупов; из них трупы 50 детей, 69 стариков, 323 женщин и 74 мужчин[2].

Отдельные категории граждан состояли у немцев на особом учете – это члены ВКП(б), комсомольцы, евреи и партизаны. До войны в Сталинграде официально проживало 4,5 тыс. евреев. Большинство из них было эвакуировано, часть погибли в ходе боев или вследствие действий оккупантов: по свидетельствам очевидцев, нацисты издевались над евреями (в основном пожилыми или тяжелобольными), убивали их непосредственно в домах или во дворах[3].

Также среди населения особым преследованиям подвергались подозреваемые в партизанской деятельности. Немцы вербовали среди местного населения людей, которые выявляли партизан, коммунистов и представителей прочих неблагонадежных категорий граждан и доносили об этом в гестапо[4].

Помимо расправ, проводимых над мирным населением, захватчики с октября 1942 г. стали в массовом порядке вывозить его из г. Сталинграда на принудительные работы. Это связано с тем, что в это время в Германии в связи с массовыми мобилизациями населения на фронт стала ощущаться нехватка рабочих рук. Также людей отправляли на Украину. Вскоре после занятия города стали издаваться приказы о явке граждан в возрасте от 15 до 55 лет в комендатуру для регистрации и отправке на работы. Уклонение часто каралось смертью. Говорилось, что прибывшие в Германию получат работу по специальности, хорошее питание и обращение. В итоге на каторге в Германии оказались 64 224 человека из Сталинградской области, а со всего Советского Союза было угнано без малого 5 млн человек[5]. Стоит отметить, что данные неполные и нуждаются в уточнении.

---

[2] Акт Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников от 25 марта 1943 г. // Документы обвиняют: Сборник документов о чудовищных преступлениях немецко-фашистских захватчиков на советской территории. Выпуск II. М., 1945. С. 71–72.

[3] Характеристика оккупационного режима на территории Сталинградской области // ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 14. Д. 12. Л. 2.

[4] Спецсообщение начальника УНКВД Сталинградской области Воронина // ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 14. Д. 306. Л. 12.

[5] Сведения Сталинградской областной Комиссии по итогам установления и расследования злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам и хозяйству области // ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 14. Д. 12. Л. 4–5.

В реальности условия работ оказались ужасными. Еще в ноябре 1941 г. Геринг определил подход к советским людям: «Должны применяться лишь следующие разновидности наказания, без промежуточных ступеней: лишение питания и смертная казнь». Что касается пропитания, то здесь рейхсмаршал призывал не церемониться: «Русский неприхотлив, поэтому его легко прокормить без заметного нарушения нашего продовольственного баланса. Его не следует баловать или приучать к немецкой пище»[6].

Третья категория преступлений против человечества – грабеж мирного населения, которым занимались не только солдаты, но и представители командного состава. Этому явлению способствовало и командование 6-й полевой армии, издавшее тайный приказ по армии не препятствовать грабежам[7]. В итоге в Германию ежедневно отправлялись посылки с награбленным имуществом.

Больше всего грабежей выпало на долю продуктов питания. Дело в том, что по мере окружения фашистские войска все хуже снабжались продовольствием и в декабре 1942 г. уже голодали. Следствием этого стал рост самоснабжения за счет мирных жителей. В документах говорится, что «продукты питания, а особенно хлеб, войска окруженной немецкой группировки добывают исключительно за счет грабежа местного населения, розыска и раскопки ям с продовольствием, зарытым населением»[8].

На 10 февраля 1943 г. в районах города, подвергавшихся оккупации, из 200 тыс. человек, находившихся там до начала боевых действий, осталось всего 12387 человек, сюда входили оставленные немцами для обслуживания нужд своей армии, тяжелораненые, старики[9]. Кое-кто смог бежать, но в основном убыль населения произошла за счет убийств и пыток, совершенных личным составом армии противника, а также вывоза людей на принудительные работы.

Если говорить о материальном ущербе, нанесенном армией противника, то расследование Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреж-

---

[6] *Звягинцев А.* Нюрнбергский процесс. М.: Рипол Классик, 2018. С. 77; Документы обвиняют: Сборник документов о чудовищных преступлениях немецко-фашистских захватчиков на советской территории. Выпуск II. М., 1945. С. 353.

[7] *Гузев М.М.* Экономическая эксплуатация оккупированных районов Сталинградской области // Вопросы новой экономики. 2016. № 3 (39). С. 73–74.

[8] Там же. С. 72.

[9] Составлено по: Динамика численности населения районов Сталинграда в период 1939–1943 гг. // Сталинградская область (1939–1943). Цифры и факты: Информационно-статистический справочник. Т. 1: Территория. Население. Власть. Социальная сфера. Волгоград: Издатель, 2016. С. 217.

дениям Сталинградской области, показало, что стоимость похищенного и уничтоженного имущества составила 357,9 млн руб.[10]

Стоит отметить, что приведенные цифры далеко не полные, и для установления полного объема преступлений немецко-фашистских захватчиков требуется дальнейшее изучение этой работы и ввод в оборот новых документов.

---

[10] Сталинградская областная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям Сталинградской области: Документы. Волгоград, 2008. С. 1250.

РУССКИЕ УЧАСТНИКИ ФРАНЦУЗСКОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ

Волков Андрей Вячеславович
(Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова)

Несмотря на широкое освещение темы Второй мировой войны в научных работах, учебных пособиях, научно-популярных изданиях практически не находит отражения тема участия представителей русского народа в движении французского сопротивления (Résistance). До сих пор стереотипным остается мнение о массовом участии белой эмиграции на стороне Гитлера. Широко известны фамилии коллаборантов Краснова, Шкуро, Власова и т. д., в то время как историография не заостряет внимание на том факте, что на самом деле только на территории Франции с фашизмом сражалось более 30 тыс. россиян как из числа бывших советских военнопленных, так и русских эмигрантов, из которых погибло более 7000 тыс. человек.

В условиях попыток фальсификации истории Второй мировой войны и частичной героизации нацистских пособников представляются крайне важными изучение и пропаганда борьбы россиян с фашизмом на территории Западной Европы.

Нужно отметить, что сопротивление было самым уникальным партизанским движением, существовавшим в годы Второй мировой войны, поскольку не имело жесткой идеологической основы, но было нацелено исключительно на бескомпромиссную борьбу с фашизмом и нацизмом. Вот почему сопротивление было неоднородным как политически, так и национально, включало в себя людей самых разных взглядов, кому фашизм был врагом, от правых католиков до коммунистов (французская компартия сыграла огромную роль в Сопротивлении). В Сопротивление входили добровольцы, граждане самых разных государств. В его составе сражались немцы, французы, испанцы и, конечно, русские, разъединенные гражданской войной на родине, они сумели объединится во Франции в борьбе с общим врагом.

Русские эмигранты самоотверженно включились в сопротивление с первых дней оккупации наряду с французскими патриотами. Так, в числе первых в Париже возникает «Гражданская и военная организация» (Organisation Civile et Militaire). Основатель организации – ветеран Первой мировой войны Жак Артюис. Его ближайшей соратницей, генеральным секретарем организации стала русская княгиня Вера Оболенская, ставшая известной под псевдонимом «Вики». Именно она с большим

трудом сумела передать сообщение о готовящейся агрессии против Советского Союза.

«Вики» Оболенская (рис. 1) внесла определяющий вклад в создание и координацию партизанских ячеек советских военнопленных. Оболенская занималась сборкой и передачей донесений, сводок, была связной. Оказавшись в тюрьме, несмотря на давление, отказалась сдавать своих соратников, не сказав ни слова, за что была мученически казнена.

Борис Вильде (рис. 2) ценой собственной жизни создал подпольную типографию «Сопротивление», в которой самоотверженно трудился, зародив основы всего этого движения, возродив патриотические настроения и стремление к противодействию нацистам. Русским героем резистанса можно также назвать Анатолия Левицкого, который помогал Борису Вильде и обладал максимальной информацией. Был подвержен тяжелым пыткам и избиениям, не сдал никакую информацию, мужественно принял смерть.

Княгиня Тамара Волконская, которая прославилась своей отвагой, работала врачом, ухаживала за тяжелобольными и ранеными людьми. Она, будучи женщиной, отважилась пойти с оружием с партизанским отрядом Александра Хетагурова, воевала на юго-западном направлении городов Франции. 31 марта 1944 была арестована, подверглась пыткам и унижениям, выдержав все это, она ни в чем не призналась, вскоре была освобождена и продолжила свою деятельность до самого окончания Второй мировой войны.

Следует отметить, что это лишь небольшая часть деятельности русской эмиграции, поскольку о большинстве русских участников Сопротивления практически ничего не известно, поскольку в ячейки они вступали под иностранными псевдонимами, и часто их хоронили как неизвестных граждан Франции. Многие бесследно исчезли в гестаповских застенках.

Однако не только представители русской эмиграции принимали участие в борьбе с фашизмом. В движении Сопротивления активно участвовали и советские граждане – партизаны, подпольщики из числа бежавших военнопленных и лиц, принудительно увезенных в неволю.

Лейтенант РККА Василий Порик (рис. 3) был взят в плен под Уманью и отправлен в концлагерь Бомон, где создал подпольный комитет. По инициативе Порика на рудниках, где работали военнопленные, было создано одиннадцать диверсионных групп, которые выводили из строя грузовые машины, шахтное оборудование, разрушали высоковольтные линии электропередач. Порик сбежал из плена во главе небольшого отряда, с которым проводил диверсионные операции против фашистов, убив более 200 человек. Был пойман, посажен в тюрьму Сен-Никез, вновь сбежал. Отряд под его командованием осуществил нападение на концлагерь Бомон и освободил всех его узников. Порик продолжил свою деятельность до 22 июля 1944, пока не был расстрелян.

Георгий Пономарев является показательным примером русского офицера, готового совершить подвиг, не думая о наградах, во благо людям, независимо от того, где он находится. Совершив побег из немецкого плена

в Германии, он оказался во Франции, где смог создать свой небольшой отряд, который был назван «Сталинград», с которым совершил 72 диверсионные операции против фашистов, убив их несколько тысяч. Героически прошел всю войну, оставшись живым.

Таким образом, русские герои французского сопротивления – это люди, поражающие своим героизмом, силой духа, отвагой и большим стремлением повергнуть нацистов.

Автор подчеркивает, что русские бойцы сопротивления срывали планы превращения Западной Европы в свой надежный тыл, нанося ощутимые удары по коммуникациям и гарнизонам противника, дезорганизовывали работу промышленных предприятий, чем оказывали существенную помощь войскам Красной армии.

Автор указывает, что, несмотря на то что зачастую русская эмиграция и бывшие советские военнопленные стояли на принципиально иных идеологических позициях, они сумели объединится для борьбы с общим врагом ради свободы своей Родины.

Изучение вопроса об участии представителей русского народа в Сопротивлении, по мнению автора, может оказать существенное противодействие попыткам фальсификации истории Второй мировой войны.

ЭПИСТОЛЯРНОЕ НАСЛЕДИЕ Ф.Д. РУЗВЕЛЬТА О РОЛИ КРАСНОЙ АРМИИ В ПОБЕДЕ НАД СТРАНАМИ ГИТЛЕРОВСКОЙ КОАЛИЦИИ

Воронина Евгения Валерьевна, Смирнова Ксения Юрьевна
(Московский государственный лингвистический университет)

Тема победы советского народа во Второй мировой войне является актуальным вопросом современной мировой историографии, несмотря на то что было написано значительное количество фундаментальных работ, свидетельствующих о решающей роли СССР в победе над странами гитлеровской коалиции. Однако в современной отечественной исторической литературе недостаточно изучены некоторые зарубежные архивные источники, неоспоримо доказывающие этот факт. Доступ к этим архивам был ограничен в период холодной войны и «железного занавеса», с тех пор к ним мало кто обращался, они даже не имеют русского перевода.

По нашему мнению, одним из таких источников является архив документов Ф.Д. Рузвельта[1]. В нем представлены не введенные в научный оборот документы, раскрывающие особенности советско-американских отношений военного периода, размышления американского президента о соотношении сил на военных фронтах.

В нашей работе была рассмотрена только некоторая часть богатого эпистолярного наследия этого политического деятеля, касающаяся его оценок роли Красной армии во Второй мировой войне. Для более детального изучения советско-американских отношений были изучены и уже известные документы: письма из сборника переписки Сталина и Рузвельта[2], объясняющие цели и мотивы помощи, оказанной СССР со стороны США и т. п.

Среди прочей зарубежной литературы был также рассмотрен ряд американских школьных и университетских учебников мировой истории,

---

[1] Significant Documents Collection / Franklin D. Roosevelt Presidential Library & Museum. Электронный ресурс: URL: http://www.fdrlibrary.marist.edu/archives/collections/franklin/?p=collections/findingaid&id=510&q=&rootcontentid=144823#id144823

[2] Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Том II. Переписка с Ф. Рузвельтом и Г. Трумэном (август 1941 г. – декабрь 1945 г.). М.: Госполитиздат, 1958. Электронный ресурс: URL: http://militera.lib.ru/docs/da/stalin_perepiska/index.html

в частности «History of Our World»[3], «The good fight: How World War II was won» by Stephen E. Ambrose[4] и др. В этих источниках наиболее точно отражены тенденции значительной части современной «западной» историографии: не уделяется внимание значительным контрнаступлениям и важным стратегическим действиям Красной армии, вне рассмотрения остается ключевая роль СССР в победе над гитлеровской коалицией. Таким образом, у американских школьников и студентов формируется мнение о том, что победа в войне была достигнута усилиями США.

По нашему мнению, наиболее жестким оппонентом этой линии в историографии является участник Второй мировой войны (в силу своего положения отнюдь не заинтересованный в преуменьшении вклада США в победу над гитлеровской коалицией) американский президент Ф. Рузвельт.

На основе исследованного нами эпистолярного материала этого политика можно сделать следующие выводы:

1) глава США неоднократно писал в своих письмах У. Черчиллю и другим политикам, что без участия Красной Армии Америке в союзе с Британией невозможно разгромить врага в силу отсутствия военной мощи;

2) Ф.Д. Рузвельт в секретных письмах (на протяжении всего периода военных действий) допускал реальность разгрома Вермахта Красной армией, победу же над фашистской Германией он всецело приписывал СССР, осознавая, что помощь по программе ленд-лиза сыграла второстепенную роль;

3) несмотря на громадные потери Красной армии и случавшиеся промахи, реальный очевидец тех событий Ф.Д. Рузвельт открыто восхищался Красной армией, «<...> не давшей никакой возможности самому могущественному врагу достичь победы».

В приложении нами будут представлены ранее не переведенные на русский язык письма из архива Ф. Рузвельта, подтверждающие представленные выше тезисы.

Таким образом, анализ эпистолярного наследия Ф. Рузвельта наглядно показывает, что использование зарубежных первоисточников может стать существенной поддержкой в противостоянии ревизии оценок Второй мировой войны, в установлении исторической истины.

---

[3] History of Our World: school division / Heidi Hayes Jacobs, Michal L. LeVasseur. New York: Prentice Hall, 2005. Электронный ресурс: URL: https://books.google.ru/books?id=lUIqswEACAAJ&dq=History+of+our+world+prentice+hall&hl=ru&sa=X&ved=0ahUKEwjpua6U46jnAhVOpIsKHfeLBXoQ6AEIMTAB

[4] *Stephen E. Ambrose*. The good fight: How World War II was won. New York: Byron Press Visual Publications, 2001. Электронный ресурс: URL: https://books.google.ru/books?id=uuycI2bkDVQC&pg=PA2&lpg=PA2&dq=The+Good+Fight:+How+World+War+II+Was+Won+%D0%90%D0%B2%D1%82%D0%BE%D1%80%D1%8B:+Stephen+E.+Ambrose&source=bl&ots=px8ZSUXaxw&sig=ACfU3U0NVDsUS4OZgbYBzRKuXT05Qlx7uA&hl=ru&sa=X&ved=2ahUKEwiiaP64KjnAhXIepoKHRnND-gQ6AEw

ВИЗУАЛИЗАЦИЯ КОНТЕНТА ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ СРЕДСТВ В ХРОНИКАЛЬНОМ И ДОКУМЕНТАЛЬНОМ КИНО ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941–1945 гг.

Голованова Елена Александровна
(АО «Авилон Автомобильная Группа»)

Уже в первые дни войны в ряды бойцов Красной Армии вступили кинооператоры, сменив ритм съемок мирной жизни на маневренность армейских будней. Участвуя в боях, они не только успевали снять на пленку все то, что происходило у них на глазах, но и внести в отснятый материал собственную эстетику, индивидуальность, проникновение в образ. Великому подвигу советских кинематографистов, выраженному в историческом, монументальном кинематографическом изображении битв советского народа за свою независимость, используя найденные автором архивные документы, хранящихся в Центральном архиве Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО) (г. Подольск, Московская область), посвящено данное исследование[1].

Неся тяжелые потери, осенью 1941 года Красная Армия собрала силы для решительных боев. На подступах к Москве фашистам было оказано яростное сопротивление советских войск, ключевые моменты которого фиксировали на пленку кинооператоры Центральной студии кинохроники. Среди них Р.Л. Кармен, Б.К. Макасеев, А.А. Лебедев, А.Г. Щекутьев, Т.З. Бунимович, П.Д. Касаткин, И.И. Беляков, Б.Р. Небылицкий, П.А. Павлов-Росляков, С.Я. Шер, А.П. Эльберт, М.И. Сухова и другие. Начальником фронтовой киногруппы был Л.В. Варламов.

Отснятый материал после проявки поступал на монтажный стол, где кадр за кадром создавалось великое документальное полотно «Разгром немецких войск под Москвой» (1942). Фильм насыщен быстротой смены сюжетов, основой которых является движение: солдат, техники, конных подвод, танков, зениток, самолетов, аэростатов. Движение формирует и сюжетную основу. Изобразительным фоном картины является панорама белоснежного полотна, то прорезаемого зенитками, темное дуло которых медленно поднимается, устремляясь ввысь, и зритель ощущает пропасть, возникшую между прошлой мирной жизнью и настоящей, пропитавшей морозный воздух резким запахом орудийной гари; то кадрами конницы, несущейся по полю в снежном вихре, напоминающими недавние филь-

[1] ЦАМО. Ф. 58. Оп. 818883. Д. 640. Л. 135–138.

мы о Гражданской войне, главным из которых является знаменитая лента «Чапаев» (1934), вызывая победный отклик в душе зрителей; то фрагментами танковых атак, утопающих в снеговых клочьях глубоких сугробов. А в небе, словно клин журавлей, в строгом порядке движутся железные «птицы», из-под крыла которых, словно тяжелые свинцовые струи дождя, падают снаряды, поражая вражеские укрепления. А по Красной площади заснеженной столицы строгими боевыми колоннами движутся в парадном расчете бойцы Красной Армии. Ступая по брусчатке, они уходят прямо на фронт. Большинству из них не суждено было вернуться назад...

Сильное эмоциональное воздействие на зрителя добавляют кадры уничтоженных памятников архитектуры: Ново-Иерусалимского монастыря, дома-музея А.П. Чехова, П.И. Чайковского и Л.Н. Толстого. Но кто же эти люди, позволившие себе топтать сапогами чужую землю? В фильме они предстают перед зрителями жалкими существами, потерявшими в российских снегах все, что входит в понятие «человек». Это именно существа, прячущие свои лица от открытого взгляда победившего их народа.

Музыкальный контент фильма составляет «Песня защитников Москвы» (музыка В. Мокроусова, стихи поэта А. Суркова). В 1942 году Американская академия киноискусства присудила картине премию «Оскар», признав ее лучшим документальным фильмом 1942 года.

Но и потери были велики. Не дожили до Победы уроженец города Тулы оператор Шер Семен Яковлевич и Павел Александрович Павлов-Росляков – директор группы на Центральной студии кинохроники, погибший при взятии города Малоярославца[2]. 2 сентября 1944 года в Польше во время фронтовых съемок погиб капитан Александр Павлович Эльберт. Он снимал бои под Москвой и вместе с оператором А.А. Лебедевым (1905–1988) совершил рейд с конницей генерала П.А. Белова. В 1944 году погибла от рук карателей Мария Ивановна Сухова (1905–1944), находясь в партизанском отряде, во время прорыва Ушачской блокады (Витебская область). Все мастера, работавшие над фильмом, вносили свое понимание, профессионализм, свою эстетику в создание каждого эпизода.

Но в это время кольцом блокады уже был охвачен город Ленинград. Суровые морозы 1941–1942 годов уносили жизни горожан. Изрытые бомбежками улицы, горящие дома, люди, везущие на санках своих умерших родственников, очереди за ледяной водой, голодные дети, работающие в неотапливаемых цехах заводов, – все это было запечатлено на камеру операторами Ленинградской студии кинохроники. Особая острота этих кадров ощущалась в их будничности.

Группа кинооператоров – А.Л. Богоров, Е.Ю. Учитель, С.Н. Фомин – снимали боевые операции войск Ленинградского фронта. Операторы Б.И. Шер, О. Иванов и Н. Голод несколько месяцев провели в тылу врага, в партизанских отрядах. Совместно снятый материал, над которым работали операторы В.А. Сумкин и Ф.И. Печул, вошел в фильм «Ленинград

[2] ЦАМО. Ф. 58. Оп. 818883. Д. 640. Л. 135–138.

в борьбе», который был создан под руководством режиссеров-документалистов Р.Л. Кармена, Н. Комаревцева, В.М. Соловцева, Е.Ю. Учителя.

Изобразительный ряд картины вобрал в себя четыре времени года. И все они предстают перед зрителем в контексте военной хроники на фоне показа величественного города, окруженного вражеским кольцом. Фильм смонтирован с широким охватом событий, происходящих после того, как через черный желоб городского громкоговорителя до жителей донеслась весть о начале войны. Операторами достаточно емко сняты крупные планы лиц ленинградцев, их глаза, устремленные в сторону радио, из которого лишь недавно доносилась веселая мелодия. Некогда быстрый ритм жизни замедляется, и это ясно чувствуется в изображении остановившихся пустых троллейбусов, жителей, медленно передвигающихся по улицам города, разоренного зоопарка, где лежит погибший слон, 125 граммов хлеба, полуразрушенных, но все же величественных домов, фасады которых держатся руками могучих атлантов. И это создает атмосферу жизни, несгибаемости окруженного кольцом неприятеля города.

Но жизнь в окруженном городе продолжалась, и с наступлением весны серые краски даже на черно-белом фоне превращались в разноцветье возрождающейся природы. Ритм повествования меняется, и на экране явно чувствуется движение: строительство трамвайных путей, очищение улиц от снежных завалов, убыстрение движения транспорта по дорогам города, доставка продуктов во все еще блокадный Ленинград. Увеличилась до 400 граммов и порция хлеба...

До конца прорыва блокады оставался почти год. Но в фильме уже звучат победные ноты. Они и в эмоциональном настрое жителей города, и в возрождении культурной жизни его – ленинградцы уже в апреле 1942 года спешат в филармонию на открытие «Камерных концертов». А 9 августа здесь прозвучала «Седьмая симфония» Д.Д. Шостаковича, вобравшая в себя всю патетику несломленного города. Именно в этот день год назад немцы планировали захватить Ленинград... Впоследствии музыка Д.Д. Шостаковича вошла в заключительные кадры фильма, добавив в его изобразительный ряд выразительный колорит и глубокое осмысление зрителем фильма.

За два месяца до этого события картина «Ленинград в борьбе» вышла на экраны. Но не всем ее создателям суждено было увидеть фильм. Погиб на корабле «Верония» во время перехода из Таллина (так в документе) в Ленинград Владимир Алексеевич Сумкин (1909–1941). На Карельском перешейке нарвался на вражескую засаду и был застрелен финскими автоматчиками в спину Филипп Иванович Печул (1913–1941)[3].

Вместе с А.А. Лебедевым уже прорыв блокады Ленинграда в феврале 1943 года снимал оператор Владимир Александрович Сущинский (1912–1945). 22 февраля 1945 года в ходе Нижне-Силезской наступательной операции В.А. Сущинский вел съемки в районе Железной дамбы, во вре-

[3] Там же.

мя которых был смертельно ранен в голову. Упав, он не выпустил из рук камеру, и она продолжала снимать...

28 июня 1942 года немецко-фашистские войска двинулись на юго-запад Советского Союза, с целью захвата Сталинграда и Северного Кавказа. Ожесточенные бои шли за город Сталинград. Девиз бойцов и командиров «За Волгой для нас земли нет!» явился клятвой верности и стойкости боевых расчетов Красной Армии. Почти полгода небольшая съемочная группа кинооператоров (Н.А. Вихирев, А.П. Софьин, А.Н. Казаков, В.И. Орлянкин, Е.В. Мухин, А.Г. Кричевский и другие) снимали день за днем Сталинградское сражение. В результате вся страна увидела картину «Сталинград».

Начало фильма сопряжено с показом великой русской реки Волги. Широта ее и спокойное течение соизмеримы с мирной жизнью сталинградцев. Большие улицы, по которым спокойно гуляют жители, игры детей – все говорит о созидании, а не о разрушении. Этой идеей пронизан основной контент картины. В изобразительном ряду фильма, наряду с показом боевых действий, с особой силой звучит тема человека, вырванного из мирной жизни, из семьи и вынужденного отстаивать свое право на счастье: починка часов рядовым Шумилиным, переправа бойцов лодочником Беспаловым – кадры снятые оператором А.Г. Кричевским. Возможно, эпизод, связанный с починкой часов рядовым солдатом побудил режиссера Л.А. Кулиджанова рассказать в художественном фильме «Отчий дом» (1959) о простом солдате Жене Чудове, который «любил чинить часы».

Отдельной строкой вписано в фильм повествование о подвиге бойцов, державших оборону одного дома в течение 58 дней, снятое оператором В.И. Орлянкиным. «Дом сержанта Павлова», как его теперь называют. В своих воспоминаниях оператор называет четырех бойцов, увиденных им в освобожденном доме, «русскими богатырями», воплотив свое видение в снятые им кадры.

В картине показано постепенное нарастание сражения, и кульминационной точкой ее стали кадры пленения генерал-фельдмаршала Паулюса со своим штабом, которое окончательно закрепило победу советских войск в этом ожесточенном сражении. 27 февраля 1943 года картина была показана членам Государственного комитета обороны.

Американская газета «Стар» поместила заметку о фильме: «Этот советский военно-документальный фильм является великолепной кинозаписью Сталинградской борьбы. Фильм “Сталинград” представляет собой вершину данного жанра. Ни одна картина не могла передать так мощно и так живо всю разрушительность войны. Этот фильм в изображении борющейся России не имеет себе равных»[4].

---

[4] «Их оружие – кинокамера» / состав. В.И. Желтов, А.А. Лебедев. М.: Искусство, 1970.

В съемках фильма принимал участие военный оператор Борис Владимирович Вакар (1914–1943). Он был сотрудником на Центральной студии документальных фильмов[5]. Из наградного документа: «Тов. Вакар 6 раз летал на бомбежку и показал действия Советской Авиации. Особенно проявил себя на атаках военных действий по обороне Сталинграда <...>». Согласно «Приказу войскам Донского фронта № 124/н от 1 марта 1943 года» военный инженер второго ранга Б.В. Вакар награжден Орденом Красного Знамени[6]. Оператор погиб в 1943 году, участвуя в партизанском Карпатском рейде С.А. Ковпака. Документальные кадры, снятые им, вошли в трилогию режиссера Т.В. Левчука «Дума о Ковпаке» (1973).

И сейчас, когда некоторые «исследователи» пытаются переписать историю, правда о войне, запечатленная в кадрах военной кинохроники, снова и снова встает, преграждая путь лжи и желанию разжечь пожар новых мировых войн.

---

[5] Учетная карточка политуправления (ЦАМО).

[6] Подвиг народа [Электронный ресурс] URL: podvignaroda mil.ru

ОТОБРАЖЕНИЕ СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЫ В МНОГОТОМНЫХ СОВЕТСКИХ И РОССИЙСКИХ ИЗДАНИЯХ, ПОСВЯЩЕННЫХ СОБЫТИЯМ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Головина Евгения Леонидовна
(Центр документации новейшей истории Волгоградской области)

События Второй мировой войны, отгремевшей 75 лет назад, до сих пор не потеряли свою актуальность. Уже три четверти века их интерпретация меняется, предпринимаются попытки той или иной стороны отредактировать или переписать эпизоды и итоги величайшего конфликта человечества. Сталинградская битва, являясь одним из ключевых сражений этого столкновения, также подвергалась искажениям даже в отечественной историографии.

Чаще всего знакомство с основными событиями Второй мировой и Великой Отечественной войн происходят через многотомные обобщающие издания, посвященные этому периоду. Потому наше внимание обращено на самые монументальные труды данного формата в советской и современной российской историографии.

Значение Сталинградской битвы признается всеми российскими историками. Оно определяется началом коренного перелома хода и Великой Отечественной войны, и Второй мировой. Во всех изданиях подчеркивается, что планы нацистской Германии «молниеносного» захвата промышленного центра на Волге обернулись крахом для Вермахта, утратой его влияния на союзников и небывалыми людскими потерями и потерями техники. После событий под Сталинградом нацистский блок так и не смог оправиться, и стратегическая инициатива перешла в руки союзников антигитлеровской коалиции на всех театрах военных действий. Также во всех четырех изданиях делается акцент на то, что именно победа советских войск под Сталинградом не позволила вступить в войну против СССР союзниц Германии – Японии и Турции.

Данные положения важно подчеркнуть ввиду того, что в западной историографии изначально делались попытки принизить роль Сталинградской битвы для общего хода войны, подменить перелом на советском фронте боевыми действиями британских войск в Северной Африке под Эль-Аламейном. Кроме того, с 1990-х гг. попытки такой подмены используются и в среде российских СМИ, и в популистских работах так называемой «фолк-хистори».

Советские издания – «История Великой Отечественной войны Советского Союза», вышедшая в период правления Н.С. Хрущева и «История Второй мировой войны», опубликованная при Л.И. Брежневе, отличаются идеологизацией изложенных событий. Это проявляется в старательном подчеркивании роли ВКП(б) в достижении победы. Акцентируется внимание на росте партии и ВЛКСМ в годы войны (на что были разные причины). Особым героизмом наделялись члены партии и комсомола (хотя сегодня, опираясь на часть рассекреченных документов НКВД, можно говорить о различном поведении коммунистов в тот период). Давая оценку итогам Сталинградской битвы, оба издания говорят о направляющей и руководящей роли партии, единстве народа и власти в общем подвиге. Еще одной схожей чертой советских изданий выступает полное отсутствие информации о просчетах советского командования. Стоит отметить, что в обеих работах приводятся данные о потерях противника, но нет упоминаний о советских потерях – не отражено, какой ценой досталась победа. Но и по вражеским потерям данные разнятся – книга хрущевского периода дает информацию о 800 тыс. убитых и плененных солдат и офицеров противника[1], брежневское издание говорит о 700 тыс. убитых и раненых[2].

В соответствии с политической обстановкой представляется роль политических лидеров – И.В. Сталина, Н.С. Хрущева, а также полководца – героя Сталинградской битвы Г.К. Жукова. В связи с политикой десталинизации в хрущевский период при изложении событий Сталинградской битвы имя Сталина практически не упоминается (три упоминания на текст). Говорится о работе СВГК только как коллективного органа. Особо подчеркиваются действия Н.С. Хрущева в период битвы, который был в Сталинграде членом Военного Совета Сталинградского и Юго-Восточного фронтов. Особо подчеркивалось его участие в разработках планов наступательных операций битвы. Еще одного участника событий – заместителя Верховного Главнокомандующего Г.К. Жукова – «забывают». В тексте имеется лишь пара упоминаний, и никакой роли полководца в стратегическом планировании не отражено. Это связано с опалой Жукова в данный период. Его имя восстанавливается в истории Сталинградской битвы при Брежневе. Также в «Истории Второй мировой войны» более подробно, нежели в предыдущем издании, освещается стратегия воюющих сторон. Меньше внимания уделено действиям Волжской военной флотилии, не упоминаются волжские речные пароходства.

В современной коллективной работе о Великой Отечественной войне, выходившей в преддверии 70-летия Победы, демонстрируются уже иные подходы. Более подробно, в сравнении с советскими изданиями, освещается стратегическое планирование, использование разведки и деятельность

---

[1] История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945 гг.: В 6 т. Т. 3. М.: Воениздат, 1961. С. 65.

[2] История Второй мировой войны. 1939–1945 гг.: В 12 т. Т. 5. М.: Воениздат, 1976. С. 193.

контрразведки сторон. Здесь уже приводится оценка действий советского руководства накануне Сталинградской битвы, говорится об их просчетах. Упоминается о проблемах с воинской дисциплиной, случаями трусости и паникерства, для борьбы с которыми был издан приказ № 227 – дается иная оценка этого документа[3]. Впервые упоминается о привлечении спецконтингента (из числа военных политзаключенных) к пополнению недоукомплектованных воинских частей[4]. В этом исследовании говорится о советских военнопленных, захваченных в оборонительный период битвы[5]. Подробно разбирается операция «Марс» на ржевско-вяземском направлении, служившая целям оттянуть на себя часть войск противника от Сталинграда.

Кроме того, в российской «Истории Великой Отечественной войны» приводится информация о потерях советской стороны. Согласно изданию, за оборонительный и наступательный периоды битвы СССР потерял под Сталинградом 1 млн 130 тыс. человек, из которых 480 тыс. – безвозвратные потери[6].

Однако в современном издании полностью отсутствует упоминание любой партийной работы, участия органов ВКП(б) в обеспечении воюющего города. Не уделено внимания трудовой мобилизации населения в период битвы, забыты формирования народного ополчения и отряды МПВО. Не отмечена оборона частей НКВД, находившихся в Сталинграде в момент прорыва немецко-фашистских войск в город.

Потому можно говорить о нерешенной проблеме комплексного отражения Сталинградской битвы в обобщенных трудах по истории Великой Отечественной войны. Нельзя пренебрегать в угоду времени и политике историческими реалиями того периода. Ведь полное исключение роли партии и советской власти, как и их излишняя идеализация, неприемлемы. Любые «ретуши» прошлого искажают историческую память и порождают новые мифы в общественном сознании, чем успешно могут пользоваться политтехнологи, создавая свою историю тех времен, возвышая или забывая значение событий, перевернувших ход истории. К таким событиям, требующим точности и объективности, относится и Сталинградская битва.

---

[3] Великая Отечественная война 1941–1945 годов: В 12 т. Т. 3. С. 254.

[4] Там же. С. 256.

[5] Там же. С. 258.

[6] Там же. С. 421.

ВКЛАД УЧЕНЫХ-МЕДИКОВ В ПОБЕДУ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ (НА ПРИМЕРЕ НАУЧНЫХ ПОДВИГОВ ЗИНАИДЫ ВИССАРИОНОВНЫ ЕРМОЛЬЕВОЙ)

Горшенин Александр Владимирович, к.и.н.
(Медицинский университет «Реавиз», г. Самара)

В годы Великой Отечественной войны кардинально была перестроена вся экономика, промышленность, повседневная жизнь и медицинская сфера. Перед медиками стояла важная задача – обеспечение квалифицированной помощью не только граждан в тылу, но и солдат на передовой. В истории осталось много имен выдающихся врачей и средних медицинских работников, проявивших свой героизм на фронте и в госпиталях. Но не меньшими были заслуги ученых-медиков, которые разрабатывали лекарственные средства, производили новые виды операций, применяли разнообразные методики по предупреждению и купированию эпидемий различного характера. Среди таких ученых хотелось бы отметить доктора медицинских наук, профессора З.В. Ермольеву.

Она окончила медицинский факультет Донского университета в Ростове-на-Дону и в течение 5 лет там преподавала, а также возглавляла бактериологическое отделение Северо-Кавказского бактериологического института. Именно в те годы ученый начала заниматься изучением холеры[1].

В 1925 г. Ермольева переезжает в Москву, где заведует отделом биохимии микробов в Институте биохимии под руководством академика А.Н. Баха, а затем во Всесоюзном институте экспериментальной медицины. В 1920–1930-е гг. помимо изучения холеры она ведет исследования в области лизоцима и бактериофагов, проводит колоссальную практическую работу.

Такой обширный и разносторонний опыт очень пригодится в период Великой Отечественной войны. Едва она грянула, как у З.В. Ермольевой началась разъездная жизнь. В июле 1941 г. появились случаи заболевания холерой в Афганистане. Тогдашний народный комиссар здравоохранения СССР Г.А. Митерев командирует туда Зинаиду Виссарионовну с задачей не допустить распространения холеры на территории СССР. Она вылетает в приграничный город Термез, где проводит фагирование населения

[1] Жизнь в науке // Журнал микробиологии, эпидемиологии и иммунобиологии. 1973. № 12. С. 127.

разработанным в ее лаборатории холерным бактериофагом, им же обрабатывает колодцы. Благодаря этим мероприятиям удалось избежать появления холеры на территории СССР[2].

В начале 1942 г. появилась информация о том, что в районе Сталинграда, на территории противника, зарегистрированы вспышки холеры. В связи с этим нарком Г.А. Митерев принимает решение послать туда для проведения соответствующих профилактических мероприятий уже опытную в этом вопросе З.В. Ермольеву и ее сотрудников.

Ознакомившись с ситуацией на месте, Зинаида Виссарионовна пришла к выводу, что из Сталинграда эпидемия холеры может распространиться на значительной территории в тылу. Это было связано с тем, что город ежедневно принимал тысячи раненых, при этом из него отходили поезда и пароходы с войсками и эвакуированным населением в другие поволжские центры. Поэтому на совещании с медиками она настояла на необходимости всему населению города и войскам, расквартированным здесь, принимать холерный бактериофаг[3].

Для такого большого числа населения требовалось много бактериофага, который должен был быть доставлен специальным эшелоном. Но этот поезд попал под бомбежку. Поэтому З.В. Ермольева принимает решение организовать прямо в Сталинграде специальную подземную лабораторию для производства холерного бактериофага. Благодаря налаживанию выпуска препарата и успешному фагированию населения, угрозу распространения холеры удалось предотвратить[4].

Едва основные работы были проведены в Сталинграде, как тут же получены данные о том, что зарегистрированы вспышки холеры в Астрахани, Гурьеве, Саратове и Красноводске. Для выяснения всех обстоятельств и принятия мер Зинаида Виссарионовна выезжает и туда[5].

Такая колоссальная работа ученой была высоко отмечена правительством. Постановлением СНК СССР от марта 1943 г. З.В. Ермольевой и ее ближайшей коллеге Л.М. Якобсон была присуждена Сталинская премия первой степени «за разработку нового метода быстрой диагностики и фагопрофилактики инфекционной болезни»[6].

Также в 1943 г. за деятельность по предотвращению эпидемии холеры в Сталинграде и других городах Ермольеву наградили орденом Ленина[7].

---

[2] Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1020. Оп. 1. Д. 21. Л. 10.

[3] *Ермольева З.В.* Незримая армия // Дочери России. М.: Сов. Россия, 1975. С. 195–196.

[4] *Ведьмина Е.А.* З.В. Ермольева: борьба с холерой – дело всей жизни // Антибиотики и химиотерапия. 1998. Т. 43. № 5. С. 13.

[5] РГАЭ. Ф. 1020. Оп. 1. Д. 23. Л. 2–3.

[6] Сталинские премии: справочник. М.: Советская наука, 1945. С. 83.

[7] Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-6742. Оп. 1. Д. 257. Л. 144.

Следующим крупным достижением З.В. Ермольевой стало получение пенициллина.

Здесь стоит отметить, что ученый со своими сотрудниками начала вести эту работу не с нуля. Благодаря тому, что лаборатория биохимии микробов Всесоюзного института экспериментальной медицины более 10 лет занималась изучением природы и применения различных биологических агентов, уничтожающих бактерии (лизоцима, бактериофага и др.), то у ее работников был накоплен колоссальный опыт в этой работе. В октябре–ноябре 1942 г. лаборатория Ермольевой приступила к изолированию различных штаммов плесеней – Penicilium crustosum, который был назван ими пенициллином-крустозином[8]. Новый тип грибка был получен З.В. Ермольевой вместе с Т.И. Балезиной и другими сотрудниками лаборатории отдела биохимии микробов. Из 93 штаммов плесневых грибков, по данным Балезиной, наиболее активным оказался Penicillium crustosum. Этот грибок образовывал в питательной среде пенициллиноподобное вещество, активное при многих микробных заболеваниях[9].

А уже в 1943 г. Фармакологический комитет Народного комиссариата здравоохранения СССР, ознакомившись с материалами исследований и докладом З.В. Ермольевой, разрешил медицинское применение пенициллина-крустозина[10].

После этого препарат проходил испытания в нескольких клиниках и госпиталях. И везде пенициллин показал свою высокую эффективность. Так, по результатам отчета клиники профессора И.Г. Руфанова, крустозин показал свою действенность при сепсисе, септических состояниях, ожогах и отморожениях III–IVстепени. Также он зарекомендовал свою эффективность для профилактики сепсиса после оперативных вмешательств по поводу тяжелых гнойных процессов. И.Г. Руфанов отмечал, что пенициллин, полученный во Всесоюзном институте экспериментальной медицины, по своим качествам не уступает английскому и американскому, а в некоторых отношениях даже превосходит иностранные препараты, требуя для излечения сепсиса значительно меньшего количества единиц[11].

Подобные же положительные отзывы были получены и из других клиник. В большинстве случаев при лечении пенициллином он вводился внутривенно – один раз в день или же внутримышечно – четыре раза в день на протяжении 10–14 суток. Были получены хорошие результа-

---

[8] *Ермольева З.В.* Пенициллин-крустозин // Фельдшер и акушерка. 1944. № 12. С. 2.

[9] *Прокопчук А.Я.* Антибиотики // Лечение пенициллином и другими средствами кожных и венерических заболеваний / под ред. А.Я. Прокопчука. Минск: Гос. изд-во БССР, 1949. С. 10.

[10] *Навашин С.М.* Научное наследие З.В. Ермольевой и современность // Антибиотики и химиотерапия. 1998. Т. 43. № 5. С. 5.

[11] ГА РФ. Ф. Р-6742. Оп. 1. Д. 257. Л. 1.

ты лечения. Из практически обреченных 726 больных 676 выздоровели, 39 умерли и в 11 случаях эффект не наблюдался[12].

Затем З.В. Ермольева несколько раз выезжала на фронт, чтобы испытать действие крустозина в полевых условиях. Одну из таких бригад ученых с участием З.В. Ермольевой возглавлял главный хирург армии Н.Н. Бурденко[13]. Высокий результат испытаний в клиниках, госпиталях и на фронте позволил начать промышленное производство препарата.

Деятельность советских ученых-медиков в годы Великой Отечественной войны позволила обеспечить высокий уровень военной и гражданской медицины и не допустить распространения крупных эпидемий в войсках, которые могли бы повлиять на исход боев. Неустанный научный героизм профессора З.В. Ермольевой позволил получить отечественный пенициллин – антибиотик, спасший тысячи жизней, а также обезопасить прифронтовые и тыловые районы страны от эпидемии холеры.

---

[12] *Ермольева З.В.* Пенициллин-крустозин // Фельдшер и акушерка. 1944. № 12. С. 2.

[13] Жизнь в науке // Журнал микробиологии, эпидемиологии и иммунобиологии. 1973. № 12. С. 128.

«НЕМЦОФИЛ» И «ШВЕДСКИЙ ИМПЕРИАЛИСТ»: ТРУДЫ ГУСТАВА СТЕФФЕНА В КОММЕНТАРИЯХ В.И. ЛЕНИНА

Гриценко Святослав Александрович, к.и.н.
(Российский технологический университет – МИРЭА)

Владимир Ильич Ленин, как общеизвестно, был не только одним из величайших революционеров, политиков и идеологов первой половины XX века, но и тонким мыслителем марксистской школы, плодовитым публицистом, а также энциклопедически образованным человеком. Круг чтения Ленина в годы эмиграции поистине огромен – по сути, В.И. Ленин был в курсе всех значимых социогуманитарных работ европейских ученых и публицистов 1900–1910-х гг.

В годы Первой мировой войны Ленин, что вполне закономерно, живо интересовался работами, авторы которых искали ответ на мучительные вопросы о причинах, характере и сущности начавшегося вооруженного противостояния великих держав. Значительная часть его конспектов и заметок того времени вошла в так называемые «Философские тетради», увидевшие свет много позже смерти их автора, в 1933 году[1].

В свете вышесказанного не удивительно, что в поле зрения Ленина попали и работы шведского социолога, политика и публициста Густава Стеффена (1864–1829), также стремившегося познать глубинный смысл начавшейся войны. Так, в тетради «δ» («дельта») содержится краткий конспект и разбор работы Стеффена под названием «Мировая война и империализм»[2], которую Ленин читал в немецком переводе[3].

Работа шведского ученого подверглась суровой критике В.И. Ленина – поначалу даже не в силу политической позиции автора (в годы войны Стеффен стал прогерманским «активистом», сторонником вступления Швеции в войну на немецкой стороне), а в силу научного подхода к объяснению европейской политики. Стеффен, как было показано

---

[1] *Касымжанов А.Х.* «Философские тетради» // Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 739.

[2] *Ленин В.И.* Стеффен. «Всемирная война и империализм» // ПСС. Т. 28. С. 235–239.

[3] *Steffen G.F.* Weltkrieg und Imperialismus. Jena, 1915.

в биографических работах о нем зарубежных ученых[4], придерживался методов качественного описания общественных явлений, бергсоновского «интуитивизма» и психологизма[5]. Ленин, как строгий материалист, с ходу отверг и высмеял такие утверждения Стеффена, как «социальная фантазия – мать империализма» или «империализм – чисто психический фактор»[6].

С другой стороны, Ленин приветствовал размышления Стеффена о борьбе держав за империалистический передел уже поделенного мира, оценив репликой «хорошо сказано!» следующий пассаж из труда шведа (в переводе самого Ленина): «Теперь мир почти полностью “поделен”. Но всемирная история учит нас, что империи имеют тенденцию поделить *друг друга* после того, как они более или менее распределили между собой земли, “не имеющие хозяина”, во всех частях света»[7]. Очевидно, что данные соображения были близки мыслям самого Ленина, ведь передел колоний является одним из пяти ленинских признаков наступления эпохи империализма. Также и вывод Стеффена об империализме как «универсальной политической стадии развития» больших государств был активно поддержан Лениным (ленинский комментарий: «империализм = закон истории!»[8]).

Однако размышления Стеффена глубоко субъективны и, в частности, искажены его личными политическими пристрастиями и предрассудками. Так, через все работы Стеффена военных лет[9] красной нитью проходит желание описать Россию как сугубо азиатскую державу (в одном ряду с Турцией, Японией и Китаем), а желание европейских народов отгородиться от «великороссов», будто бы даже по крови смешанных с азиатами, – естественным и жизненно важным стремлением. Ленину, судя по заметкам на полях тетради и тональности пересказа идей Стеффена, эта мысль пришлась совсем не по душе.

Наконец, живейший протест у В.И. Ленина вызвало стремление Стеффена обосновать справедливый характер участия Германии в Первой мировой войне. Если вывод о том, что весь смысл войны вращается вокруг немецкого «империалистического положения и могущества»[10] еще

---

[4] *Eriksson I.* Den svenska sociologins dolda historia – fallet Gustaf Steffen // Sociologisk forskning. 1994. Vol. 31. No. 3; *Wisselgren P.* Sociologin som inte blev av: Gustaf Steffen och tidig svensk socialvetenskap // Sociologisk forskning. Vol. 34. No. 1–2.

[5] *Гриценко С.А., Чернова Н.И.* Густав Стеффен как социолог и политик // Вестник РУДН. Серия: Социология. Т. 18. № 2. С. 241.

[6] *Ленин В.И.* Указ. соч. С. 235.

[7] Там же. С. 236.

[8] Там же. С. 237.

[9] Подробнее об этом см.: *Гриценко С.А.* Россия и Германия в трудах Густава Стеффена // Сборник материалов Пятой международной конференции молодых ученых и специалистов «Клио-2015». М., 2015. С. 84–87.

[10] *Ленин В.И.* Указ. соч. С. 235.

мог быть принят с рядом оговорок, как и справедливое замечание о беспокойстве Англии относительно строительства германского флота, то попытки заявить, что германский империализм якобы более «культурен», чем любой другой, и «...проявил себя до сих пор в значительной степени такими *более мирными* методами экспансии, которые могли быть, а могли и не быть лишь подготовкой к колониальным приобретениям в прежнем смысле», отмечены лишь ироническими комментариями на полях (например, «ага»[11]).

Пожалуй, наибольшее отторжение у Ленина вызвали пассажи шведского ученого о «превентивной войне», развязанной якобы Антантой против усиливавшейся год от года Германии («легенда»), а также о нарушении указанными державами «общих жизненных интересов Европы» ввиду союза с «азиатской» Россией («немцофил!»[12]). Не прошло мимо взора Ленина и замечание Стеффена о том, что великой державой некогда была и сама Швеция, но ее Великодержавие уничтожила в XVIII веке Россия, в чем и скрыта в действительности причина поныне существующего «страха перед русскими» и скрытого реванша в тогдашних реалиях. Соответственно, «шведский империализм [выступает] за немецкий империализм», как разумно заметил Ленин на полях[13].

Окончательно убеждает Ленина в «пошлости» и ангажированности Стеффена его ссылка на радикального пангерманиста и аннексиониста П. Рорбаха как «умеренного» (!) деятеля, подчеркивавшего «гуманные ведущие побуждения» немецкого империализма. Далее Ленин уже откровенно подмечал только недостатки книги – повторения тезиса об «оборонительной войне» со стороны Германии, скучную компиляцию ряда других современных работ, передергивания и манипуляции, поиски доказательств своей правоты в «архипутаных» дипломатических документах[14].

Итогом ленинских штудий стал неутешительный приговор Стеффену и его работе: «Книга, в начале обещавшая кое-что, свелась к вульгарнейшему шовинизму германофильскому!», чуть далее Ленин добавил: «Не стоит труда читать этот “дрек”![15]». Позиция Ленина – радикала и «революционного пораженца» – удивительным образом совпала с позицией шведского политического истеблишмента: в 1915 г. за свои открыто прогерманские и милитаристские взгляды Стеффен был исключен из шведской социал-демократической партии, чье руководство во главе с Яльмаром Брантингом придерживалось пацифистских и проантантовских позиций[16].

---

[11] Там же. С. 237.

[12] Там же. С. 236–237.

[13] Там же.

[14] *Ленин В.И.* Указ. соч. С. 239.

[15] Там же.

[16] *Гриценко С.А., Чернова Н.И.* Указ. соч. С. 244.

В последующем Стеффен и ряд других шведских прогерманистов продолжали заниматься публицистикой и даже предпринимали некоторые политические шаги по шведо-германскому сближению, но уже без всякого успеха. В итоге Германия проиграла Первую мировую войну, а европейская и мировая история с 1917–1918 гг. начала развиваться по невиданному доселе драматическому сценарию во многом благодаря титанической фигуре В.И. Ленина.

СУДОВЫЕ ЖУРНАЛЫ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
(на примере ледокола «Красин»)

Гудков Илья Артурович
(Дальневосточный федеральный университет)

Изучение истории Великой Отечественной войны требует не только новых методологических подходов, но и новых источников. Это относится и к истории транспорта. Несмотря на появление в последние десятилетия ряда обобщающих работ по истории транспортной системы Дальнего Востока, авторы которых на основе архивных материалов показали основные мероприятия по оптимизации ее работы в чрезвычайной ситуации[1], полностью раскрыть роль транспорта, исследуя его только как целостную систему, невозможно. Необходимо также изучать отдельные ее «шестеренки» – трудовые коллективы, в частности экипажей судов Дальневосточного государственного морского пароходства, которые обеспечивали доставку морским путем поставлявшихся по ленд-лизу импортных грузов.

Важным источником для раскрытия этой темы являются судовые журналы – официальные документы, содержащие формализованные сведения, предназначенные для отчетов перед руководством организации – владельца судна. В статье предпринята попытка показать информационные возможности и ценность такого специфического и практически неизученного источника, как судовые журналы.

Судовые журналы – один из основных документов, в которых фиксируются записи обо всем происходящем с судном и его экипажем: условиях плавания в определенное время в определенном месте; повседневном распорядке экипажа и инцидентах, произошедших в море или на стоянке. Вследствие специфических условий формирования он позволяет установить не только фактическую составляющую тех или иных событий, происходящих с судном и его экипажем, но и дает представление – глазами

[1] *Медведева Л.М.* Транспорт Дальнего Востока СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2005. 152 с.; *Зайцев Ю.М.* Транспортные коммуникации военного назначения Дальнего Востока СССР и их роль в обеспечении обороноспособности страны (1932–1945). Владивосток: ВУНЦ ВМФ «ВМА» им. Н.Г. Кузнецова (филиал, г. Владивосток), 2012. 240 с.

капитана или вахтенного помощника – о повседневной жизни моряков, их рутинных мероприятиях, особых событиях и инцидентах.

Несмотря на большое количество публикаций, посвященных гражданскому флоту в разные периоды российской истории, отдельным судам и событиям, связанным с ними, судовые журналы как источник по истории флота практически не изучены. Известны публикации, рассматривающие судовые журналы экспедиции В.И. Беринга[2] и парохода «Диксон» Северного морского пароходства (г. Мурманск) периода Второй мировой войны[3]. В 1970-е гг. в «Археографическом ежегоднике» ставился вопрос о публикации дореволюционных вахтенных журналов[4]. Однако в целом изучение этого источника только начинается.

В Государственном архиве Приморского края (ГАПК) сохранились комплекты судовых журналов судов Восточного Арктического и Дальневосточного морских пароходств, а также краболовных и китобойных флотилий Дальневосточного бассейна за 1926–1992 гг. Соответственно, привлекая эти материалы, исследователи могут воссоздать полную картину флотской повседневности советского Тихоокеанского гражданского флота.

Для исследования нами были выбраны судовые журналы фонда Восточного морского арктического пароходства Главного управления Северного морского пути при Совете Министров СССР (Ф. Р-347) – 746 дел за период 1926–1957 гг., среди которых хранятся журналы знаменитого ледокола «Красин» (1931–1950 гг.).

Выбор во многом обусловлен уникальностью самого ледокола, который с полным основанием называют легендарным. Построенный в 1916 г. на английской верфи «У.Г. Армстронг, Уитворти К°» (г. Ньюкасл) по заказу русского Морского министерства и российским чертежам, он стал одним из мощнейших арктических ледоколов в мире. В 1920–1930-е гг. с судном связаны спасение экспедиции У. Нобиле, челюскинцев, вывод из льдов ледокола «Ленин» и др. Во время Второй мировой войны «Красин» принимал участие в конвойных операциях, обеспечивая ледовую навигацию в Северном и Белом морях, а также в Западной Арктике. С 1995 г. «Красин» находится на «вечной стоянке» в г. Санкт-Петербурге в качестве плавучего музея. С 2014 г. на его борту ежегодно проводится конфе-

---

[2] *Андреев А.И.* Очерки по источниковедению Сибири. Выпуск второй. XVIII век (первая половина). М.: Издательство Академии наук СССР, 1965. 275 с.; Сопоцко А.А. Вахтенные журналы кораблей В.И. Беринга // Изв. ВГО. 1978. Т. 110. Вып. 2. С. 164–170.

[3] *Санакина Т.А.* Судовой журнал как источник сведений о конвойных операциях на Севере в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (на примере парохода «Диксон») // Мурман и Российская Арктика: прошлое, настоящее, будущее: материалы межрегиональной научной конференции, 26–28 сентября 2016 г. Мурманск: МАГУ, 2016. С. 243–250.

[4] *Сопоцко А.А.* К вопросу о публикации вахтенных журналов (по материалам изданий XIX в.) // Археографический ежегодник 1977 год. М., 1978. С. 102–110.

ренция «Полярные чтения на ледоколе “Красин”»[5]. Однако, несмотря на богатую историю «Красина» и большое количество посвященных ему работ[6], его судовые журналы не были объектом специального исследования.

Сведения судовых журналов согласно характеру их содержания можно разделить на две группы: 1) технические сводки, местоположение и метеоусловия, состояние моря и льда; 2) так называемый «столбец 18», в который вносились события, произошедшие с судном и экипажем и повлиявшие на жизнь корабля.

Сведения, относящиеся к первой группе, позволяют проследить во время плавания динамику технического состояния судна, климатических изменений, а также определить точный маршрут по указанным в журнале географическим координатам.

Сведения второй группы дают представления о повседневной рутине, боевых и мирных буднях матросов и командного состава, партийной работе и решениях судового совета. Здесь также приводятся списки прибывших и выбывших из состава экипажа и инциденты, произошедшие на судне в море или на стоянке и имевшие значение для судна, груза, экипажа и плавания в целом.

Изучая судовые журналы, необходимо учитывать особенности их заполнения, порождающие трудности работы с этим источником. Во-первых, записи в них делались от руки, что может вызвать затруднения с чтением текста. Во-вторых, судовые журналы пестрят профессиональными терминами, что требует от исследователей некоторых познаний в области технического оснащения судна, картографии и навигации. В-третьих, время и дата, указанные в судовых журналах, – местные (согласно местоположению судна), что необходимо учитывать при использовании этих данных в исследовании. В-четвертых, несмотря на то что материалы судовых журналов служат весьма информативным источником по истории флотской повседневности, особенно если предметом исследования является именно повседневный распорядок и быт матросов и командиров, их интерпретация невозможна без других источников, и прежде всего делопроизводственных материалов. В рамках серьезных исследований сами журналы едва ли можно считать самостоятельным историческим источником, так как они несут скорее дополняющий характер и их привлечение целесообразно в более широком историческом контексте.

Таким образом, связав воедино сведения, содержащиеся в судовых журналах, с другими документами морских ведомств, историк получает

---

[5] См., напр.: Полярные чтения на ледоколе «Красин» – 2018. Технологии и техника в истории освоения Арктики: материалы шестой междунар. науч.-практ. конф. Санкт-Петербург, 27–28 апреля 2018 г. СПб., 2019.

[6] *Кузнецов Н.А.* Как воевал ледокол «Красин» // Родина. 2016. № 6. С. 130–133; *Лазебная Д.Г.*, *Цветаева М.Н.* Памятник государственного значения: судьба ледокола «Красин» на переломах истории // Общество. Среда. Развитие. 2018. № 2 (47). С. 63–71.

возможность с иной точки зрения взглянуть на многие страницы истории отечественного гражданского флота, дополнить их яркими событиями и лицами, встретить которые в официальных делопроизводственных документах практически невозможно.

МАССОВЫЕ НАСТРОЕНИЯ И ПОВЕДЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ СССР В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В 1941–1942 гг. (на примере Калининской области)

Гусев Александр Александрович
(Государственный академический университет гуманитарных наук)

Одной из существенных проблем в изучении Великой Отечественной войны является настроение большинства населения в ее годы. Решающее значение, конечно, имели фронтовые новости. С другой стороны, существенную роль в их интерпретации играли советские инстанции. Степень этого влияния могла варьироваться в зависимости от близости региона к фронту, так как возможность получать свежие известия оттуда подрывала доверие к официальным источникам информации, материалы которых явно не соответствовали реальной картине военных действий. Играла роль и история взаимоотношений с властью в довоенный период, которые постепенно становились все более негативными[1].

Одним из ярких примеров региона, на примере которого можно отследить практически весь спектр настроений населения в первые годы войны, является Калининская область. Важность ее географического положения, непосредственная близость к прифронтовой линии и военным действиям, в особенности к битве под Москвой, – все это говорит о регионе как о крайне важном объекте для исторического анализа.

В историографии неоднократно затрагивался вопрос о настроениях населения СССР в годы ВОВ, рассматривалась официальная пропаганда, обращалось внимание на феномен коллаборационизма среди советских граждан[2]. Вместе с тем специальных работ по этой теме, сконцентрированных на Калининской области, в российской историографии не так много.

---

[1] *Соколов В.В.* Цена Победы: Великая Отечественная: неизвестное об известном. М., 1991. С. 106.

[2] *Будницкий О.В.* К истории и типологии коллаборационизма в период Великой Отечественной войны // Российская государственность: опыт 1150-летней истории: Материалы Международной научной конференции (Москва, 4–5 декабря 2012 г.) / под общ. ред. Ю. Петрова. М.: Институт российской истории РАН, 2013.

Чтобы переломить общественное негодование, возникшее среди жителей Калининской области, сформировать там нужные власти настроения, пришлось обратиться к патриотическим ценностям – власть призывала все население сплотиться перед нависшей угрозой. В газетах часто появлялась идея единства тыла и фронта, необходимости их взаимодействия для возможности дать врагу отпор[3]. Связью, которая обеспечивала объединение общества, во многом стал авторитет «вождя народов» И.В. Сталина. Источники пропаганды напомнили народу о героях войны прошлых лет. Поставив их в один ряд с героями новой войны, власть смогла обозначить своего рода преемственность великого дела защиты отечества. В сознании простых людей эта идея нашла живой отклик. Ненависть к немцам была сильно подогрета желанием мести, что оказало огромное воздействие на население, в особенности после оккупации Калининской области, тяжелых потерь, разрушений в городах, известий о жестокости фашистов. Идея отомстить естественным образом возникала в сознании людей[4].

Власти было критически важно закрыть доступ к сведениям, которые так или иначе могли повлиять на настроение населения. Во многом по этой причине содержание таких документов, как дневники, письма с фронта, контролировалось, точные данные о погибших, масштабах разрушений не сообщались в прессе[5]. Были сделаны усилия прекратить распространение слухов.

В декабре 1941 года после освобождения города Калинина и некоторых районов Калининской области и в ходе наступления под Москвой войск Красной Армии происходит настоящий перелом в массовых настроениях. Население испытывает небывалый патриотический подъем, возрождаются надежды на победу над немцами[6]. Практически каждый человек хотел внести свой собственный вклад в общую победу, максимально ее приблизить. Это чувство сохранилось в народе и даже преобладало среди сельского и городского населения области и в 1942 году.

Воздействие пропаганды на население Калининской области преследовало следующие цели: укрепление идеи стремления простого народа к победе, внушение мысли о борьбе за власть в стране. Однако, увидев стремительное наступление немецких войск, Сталин и его окружение убедились, что использовать довоенные установки о быстрой победоносной войне малой кровью в сложившейся ситуации не получится. Выяс-

---

[3] *Комков Г.Д.* Идейно-политическая работа КПСС в 1941–1945 гг. М., 1965. С. 50–54.

[4] *Козлов Н.Д.* Морально-политический фактор Великой Победы. Л., 1985. С. 41.

[5] На правом фланге Московской битвы / сост. М.Я. Майстровский. Тверь, 1991.

[6] Подвиги народных мстителей. Партизанское движение Калининской области 1941–1944 гг.: Документы и материалы / сост. В.А. Туркин, А.В. Егорова. М., 1966.

нилась их полная несостоятельность. Тогда власть решила перестроить общество на восприятие Великой Отечественной войны как тяжелого и длительного испытания для всего народа.

Форм поведения людей, проживающих на территории Калининской области и оказавшихся под действием пропаганды и давления со стороны немцев и власти, было большое количество. Сегодня можно выделить несколько определяющих факторов, которые во многом повлияли как на групповое, так и индивидуальное поведение людей: отсутствие Красной Армии на территории области для отпора немцам, массовые эвакуации и перемещения людей на восток, захват противником ряда районов области, бездействие местной власти. Усложнило обстановку и большое число дезертиров. Из-за стремительного наступления немецкой армии органы партийного и государственного руководства оказались значительно дезориентированы, контроль ослаб, будучи не в силах пресекать подобные случаи произвола населения. В противовес этому и в то же время с получения известия о войне многие люди стремились действовать, дать отпор агрессору. Этот порыв патриотизма проявился во время мобилизации в Калининской области с первых дней военных действий в 1941 году[7]. Значительная часть призывников отправилась на фронт.

В июле 1941 года в Калининской области началось проведение эвакуации населения, также были демонтированы на восток СССР крупные промышленные предприятия. За октябрь–ноябрь 1941 года более 100 тысяч жителей были вывезены из прифронтовых районов области. Однако вся операция была сорвана из-за неготовности руководства области принимать самостоятельные решения, нехватки транспорта, стремительного приближения противника. «Процесс эвакуации приобретал формы стихийного бегства жителей из населенных пунктов прямо перед появлением врага»[8].

Ряд документов указывает на частые случаи паники, уничтожения партийных документов[9], бегства с рабочих мест[10]. Часто нарушался режим рабочего дня, с заводов выпускался брак, участилось пьянство на работе. Такого рода падение дисциплины происходило и в восточных районах Калининской области, которые были удалены от фронтовой линии. Меньшая часть населения и вовсе воспользовалась ситуаций: в связи с этим в 1941 году был заметен рост хищений, различного рода махинаций, нередкими были случаи мародерства.

Таким образом, исследуя настроение и поведение населения Калининской области, можно увидеть отражение положения всего СССР в миниатюре. Население области одно из первых ощутило внезапность нападения врага и оккупацию, что продемонстрировало неподготовленность Советского Союза к войне. Практически на протяжении всей войны,

---

[7] *Козлов Н.Д.* Указ. соч. С. 44–45.

[8] Там же. С. 64.

[9] *Тяпина К.И.* На той войне. Записки партизанской разведчицы. Тверь, 1997.

[10] *Борисов И.С.* Покуда сердце бьется. М., 1980.

с 1941 и вплоть до 1944 года, западные районы области были под властью немцев, тогда как восточные оставались незахваченными, находясь на близком расстоянии от фронтовой линии. Как итог, можно заметить проявление самых разнообразных форм поведения населения области – от патриотического рвения до уголовных преступлений и коллаборационизма. Такие факторы, как потеря уверенности в победе, снижение морального духа, боязнь немцев, во многом способствовали росту произвола, правонарушений, беззакония на местах. В то же время большая часть населения не прогнулась под натиском вышеперечисленных ударов, проявив способность к самоотверженному труду, показав такие качества, как ответственность и сочувствие.

ОПЕРАЦИЯ «АСФАЛЬТ»: СКАНДАЛЬНОЕ ПЕРЕЗАХОРОНЕНИЕ ОСТАНКОВ СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ В НОРВЕГИИ

Емельянова Екатерина Олеговна
(Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова)

Одним из наиболее чувствительных эпизодов советско-норвежских отношений периода холодной войны стала операция по перезахоронению останков военнопленных на территории Норвегии. Операция «Асфальт»[1], засекреченная норвежскими властями, осуществлялась на протяжении лета и осени 1951 года. Место проведения: три северные губернии – Нурланн, Тромс и Финнмарк. Многочисленные захоронения из разных населенных пунктов власти решили переместить в одно место – на отдаленный остров Тьетта (встречается название Хьетта), где было оборудовано общее воинское кладбище.

Даже в зарубежной историографии этому событию уделяется не так много внимания, а в отечественной исторической литературе тема присутствует фрагментарно в трудах об истории Норвегии в годы Второй мировой войны[2].

Можно отметить работы норвежского историка Марианны Солейм и ее книгу «Советские военнопленные в Норвегии в 1941–1945 годах»; большим вкладом в изучение темы является книга Хальвора Фьермероса[3], ценная тем, что автор привлекает воспоминания очевидцев и непосредственных участников операции; публикации историков Стейнара Аас, Рейнхарда Отто и диссертацию Гауте Роннебу[4].

---

[1] Название «Асфальт» операция получила потому, что останки перевозились в мешках из-под асфальта.

[2] *Паникар М.М.* Советские военнопленные в Норвегии в годы Второй мировой войны: диссертация кандидата исторических наук. Архангельск, 2008; Освобождение Северной Норвегии, 1944–1945 / А.А. Гортер, В.Т. Гортер, М.Н. Супрун; Сев. (Аркт.) федеральный университет им. М.В. Ломоносова. Варде; Архангельск, 2015.

[3] *Fjermeros H.* Med Lik I Lasten: Operasjon Asfalt: De Sovjetiske Massegravenes Skjebne I Norge. Oslo: Scandinavian Academic Press, 2013.

[4] *Steinar A.* Cold War era silence: the movement of the graves of Soviet prisoners of war in northern Norway / Beyond Memory Silence and the Aesthetics of Remembrance. London, 2015; *Reinhard O.* Cemeteries of Soviet Prisoners of War in Norway // Historisk tidsskrift, 2011. Vol. 90. P. 531–557; *Rønnebu G.L.* En ualminnelig vemmelig

Основными группами источников по заданной теме служат архивные документы, материалы периодической печати и воспоминания. Фонд Службы военных захоронений в Национальном архиве Норвегии содержит списки погребенных; информация об операции присутствует в фонде «Референтура по Норвегии» Архива внешней политики МИД РФ.

Советские газеты «Известия» и «Правда» публикуют обмен нотами и показывают категорический протест со стороны СССР. Интересным представляется и отображение темы в норвежской прессе, об операции «Асфальт» писали газеты «Нордландспостен», «Нордландс Фрамтид», «Нордланд Арбейдерблад», «Фрихетен» и другие.

В чем была необходимость эксгумации? Официально это было объяснено преимуществами центрального захоронения. Но не менее важными причинами переноса останков было желание норвежских властей избежать приезда в погранзону советских делегаций, которые (и не без основания) подозревались в шпионаже, равно как и стремление вытравить из памяти местного населения события военных лет и роль в них советских граждан[5].

В процессе транспортировки на остров были задействованы суда Вестеролского (Vesterolske) пароходства. Официальная инструкция правительства Норвегии датирована 23 июля 1951 года. На август–сентябрь 1951 года приходится наиболее активная фаза операции.

В центральной прессе СССР сообщалось о многочисленных нарушениях процедуры: взрывах памятников, осквернении могил, демонтаже надгробий, небрежной транспортировке (останки делились на несколько частей – голова в одном мешке, кости в другом). 1 октября 1951 года СССР подал ноту с требованием незамедлительно прекратить работы.

21 сентября 1951 года в газете «Правда» была опубликована заметка под заголовком «Норвежские власти глумятся над памятью советских воинов»: «В Шиботне, Кинсдальне и Эвергорде (Финнмарк) могилы советских воинов сравниваются с землей, памятники разрушены, ограды сняты»; «Среди трудящихся Норвегии это глумление властей над памятью советских воинов вызывает глубокое возмущение. Как указывает газета “Фрихтен”, солдаты в Бардуфоссе отказались участвовать в варварском разрушении кладбищ»[6].

В ноябре появляются новые факты: «На кладбище в местечке Фауске большая железная надгробная плита с высеченными на ней именами более 100 павших советских воинов сброшена с пьедестала и закопана в землю. Рядом с этим ныне уничтоженным кладбищем советских воинов расположено кладбище немецких оккупантов. Оно находится в полном порядке»[7].

---

sak»: opinionens reaksjoner på Operasjon Asfalt i 1951 / Masteroppgave i historie. Universitetet i Nordland, 2014.

[5] Освобождение Северной Норвегии, 1944–1945... С. 12.

[6] Норвежские власти глумятся над памятью советских воинов // Правда. 1951. 21 сентября.

[7] Новые факты глумления над могилами советских воинов в Северной Норвегии // Правда. 1951. 9 ноября.

Особенное внимание в советской печати уделялось массовым протестным акциям против операции в населенном пункте Му и Рана, где планировалось перенести около 90 могил, но благодаря активной позиции населения эксгумации удалось избежать.

В скандинавской прессе впервые об операции сообщило коммунистическое издание «Nordland Arbeiderblad»: газета уже 28 августа написала о раскопках советских останков в Нарвике и Бейсфьорде. «Nordlandsposten» напечатала информацию из пресс-службы Хейра и интервью с капитаном Сивертсеном из Центрального офиса военных могил. Он заявил, что перезахоронение «русских военнопленных» было проведено в полностью достойной этической манере и что «работа будет завершена в октябре»[8].

Интересно, что советская печать не упоминает, что перезахоронению подвергаются могилы именно военнопленных. А в большинстве на остров Тьетта были свезены останки узников нацистских лагерей. Всего на Тьетте было перезахоронено 7543 советских граждан.

Объяснить это можно двумя причинами: идеологической (нежеланием заступаться за пленных, которые в военный период приравнивались к предателям) и патриотической (обращение к солдатам-освободителям должно вызвать чувства еще большего возмущения действиями норвежских властей).

По информации историков из Норвегии, среди местного населения операция тоже вызвала негативную реакцию, поскольку многие жители помогали советским военнопленным и после репатриации хотели бы иметь возможность посещать кладбища. Долгое время изначально засекреченная операция по перезахоронению военнопленных не обсуждалась в норвежском обществе. Можно привести несколько вероятных объяснений: 1) любое напоминание о взаимовыручке русских и норвежцев во время войны в условиях послевоенного охлаждения дипотношений было неуместно; 2) сложности в конструкции норвежской исторической памяти о войне по причине того, что в оккупированной немцами стране был большой процент коллаборационистов.

Кладбище на Тьетте было открыто в 1953 году, помимо советских могил на острове расположен международный мемориал, где захоронены военнопленные, погибшие на корабле «Ригель», потопленном английской авиацией в 1944 году. В настоящее время продолжается процесс по идентификации личностей погибших, изначально были известны имена лишь нескольких сотен из них. Не так давно, в 2016 году, мемориальный комплекс был реконструирован и в настоящее время является местом памяти, чтимым как русскими, так и норвежцами.

---

[8] *Rønnebu G.L.* En ualminnelig vemmelig sak»: opinionens reaksjoner på Operasjon Asfalt i 1951 / Masteroppgave i historie. Universitetet i Nordland, 2014. P. 43.

РОЛЬ И.И. ВОРОНЦОВА-ДАШКОВА В РЕШЕНИИ ВОПРОСА О ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ АССИГНОВАНИЯХ НА СТРОИТЕЛЬСТВО ДВОРЦА ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ АЛЕКСЕЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА[1]

Ефимов Андрей Александрович, к.и.н.
(Санкт-Петербургский институт истории РАН)

Деятельность Министерства императорского двора (МИДв) в области архитектуры и градостроительства оказала значительное влияние на формирование облика многих населенных пунктов Российской империи. При этом наибольшее значение среди созданных Придворным ведомством в XIX столетии зданий имеют комплексы великокняжеских резиденций. Соответственно проблема взаимодействия членов императорской фамилии с чиновниками Министерства императорского двора на этапе подготовки к строительству и непосредственного возведения дворцов должна занимать особое положение. В существующей историографии основное внимание исследователей привлекал такой аспект указанной проблемы, как взаимоотношения членов дома Романовых с архитекторами, работавшими в МИДв[2]. Однако вне поля зрения остаются вопросы участия членов императорской фамилии в урегулировании возведения дворцовых комплексов, поскольку существующая историография тяготеет к концентрации на линии «августейшая особа – архитектор», когда основное внимание уделяется влиянию художественного вкуса представителей семьи Романовых на экстерьер и интерьер будущих резиденций[3].

---

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук № МК-175.2019.6.

[2] *Борисова Е.А.* К вопросу о взаимоотношениях архитектора и заказчика в России во второй половине XIX в. / Художественные проблемы русской культуры второй половины XIX века. М., 1994. С. 234–298; *Лосева А.С.* «Себя как в зеркале я вижу...»: царские резиденции глазами заказчиков. СПб., 2006; *Резвин В.А.* Архитекторы и власть. М., 2013.

[3] *Лисовский В.Г.* Санкт-Петербург. Очерки архитектурной истории города. Т. 2. От классики к современности. СПб., 2009; *Петрова Т.А.* Архитектор А.И. Штакеншнейдер. СПб., 2012; *Пунин А.Л.* Архитектура Петербурга середины и второй половины XIX века. Т. 2. Петербург 1860–1890-х гг. в контексте градостроительства пореформенной России. СПб., 2014.

Представляемый доклад обращается к одному из примеров взаимодействия великих князей и чиновников Придворного ведомства при строительстве резиденций. При этом в данном случае прослеживается столкновение мнений августейшего заказчика, Министерства императорского двора и лично И.И. Воронцова-Дашкова, являвшегося на тот момент главой Придворного ведомства.

Фундамент будущего конфликта заложило само Придворное ведомство, когда на рубеже 1860–1870-х гг. глава Департамента уделов граф Ю.И. Стенбок предложил передать «дом Воронцова-Дашкова»[4] на Дворцовой набережной, купленный еще в 1860 г. с прицелом на перестройку для будущего дворца одного из детей императора, из ведения Департамента уделов в собственность великого князя Алексея Александровича. Соответствующий указ был подписан Александром II 13 февраля 1871 г. Процесс смены владельца завершился в конце августа 1872 г., однако никаких работ по обустройству великокняжеской резиденции не проводилось, а в 1876 г. по решению великого князя оно было продано за 250 000 рублей графу Г.Ф. Менгдену[5].

Строительство резиденции для Алексея Александровича началось лишь в 1883 г., и возводилась она уже совсем в другом месте, нежели предполагалось в начале 1870-х гг.[6] На эти цели в соответствии с действовавшим с января 1864 г. порядком Департаментом уделов по императорскому указу было перечислено в пользу великого князя 600 000 руб. Дополнительно к этому 4 августа 1884 г. распоряжением Александра III было ассигновано 150 000 рублей. Таким образом, на расходы, связанные со строительством дворца, было выделено 750 000 руб.[7], что на тот момент ощутимо превышало установленный лимит. Однако к моменту окончания работ по этой резиденции в действие вступила новая редакция Учреждения об императорской фамилии, где была введена двухуровневая схема выплат на великокняжеские дворцы, когда детям императора единовременно переводили 1 000 000 руб., а внукам – 600 000 руб.

Установление такого норматива дало младшему брату Александра III великому князю Алексею Александровичу надежду на получение дополнительной выплаты, как приравненному к «детям императора». Реализация этого плана и вызвала конфликт интересов. С целью добиться выделения еще 250 000 руб., которые бы довели общий объем выплат до вновь утвержденного норматива в 1 000 000 руб., контр-адмирал Свиты ЕИВ

---

[4] НИОР РГБ. Ф. 58. Оп 1. Т. 1. Разд. 2. Папка 79. Ед. хр. 2. Л. 3–3 об.; РГИА. Ф. 515. Оп. 29. Д. 1752. Л. 4–5; Там же. Оп. 30. Д. 19. Л. 1–3 об., 11 об. – 14.

[5] НИОР РГБ. Ф. 58. Оп 1. Т. 1. Разд. 2. Папка 79. Ед. хр. 2. Л. 4; РГИА. Ф. 515. Оп. Оп. 30. Д. 19. Л. 3 об.

[6] *Ефимов А.А.* Санкт-Петербург XIX века: Строительная деятельность Министерства императорского двора. СПб.: Историческая иллюстрация, 2019.

[7] НИОР РГБ. Ф. 58. Оп 1. Т. 1. Разд. 2. Папка 79. Ед. Хр. 2. Л. 2; Там же. Т. 2. Папка 133. Ед. хр. 12. Л. 1; РГИА. Ф. 515. Оп. 29. Д. 700. Л. 3–6; Там же. Д. 1209. Л. 1, 3, 6.

барон Н.Г. Шиллинг по поручению великого князя лично встретился с И.И. Воронцовым-Дашковым, семье которого принадлежал тот самый дом. В частной беседе он заявил, что это здание было именно подарено Александром II Алексею Александровичу и поэтому не может рассматриваться как часть ассигнования на создание резиденции, а вырученные за его продажу средства не должны учитываться при расчетах. Соответственно, по его мнению, великий князь, получив сначала 600 000 руб., а затем еще 150 000 руб. по особому указу Александра III, имел право дополнительно рассчитывать на 250 000 руб. Кроме того, на том основании, что накануне передачи дома Воронцова-Дашкова Его Высочеству из него была вывезена и распределена по другим зданиям, находившимся в ведении МИДв, вся мебель, Н.Г. Шиллинг указывал, что Придворное ведомство обеспечило свои потребности за счет великого князя и должно последнему и за это[8].

В свою очередь, И.И. Воронцов-Дашков стоял на том, что его бывший дом, являвшийся предметом спора, был приобретен специально для последующего превращения во дворец, находился в Удельном ведомстве только до совершеннолетия Алексея Александровича и был не подарен, а передан с четкой установкой как будущее здание резиденции. Соответственно вырученные за него деньги вместе с перечисленными по указам императора 600 000 руб. и 150 000 руб. доводили общий объем ассигнований до 1 000 000 руб. При этом мебель из указанного здания никак не учитывалась при его приобретении и была вывезена еще в 1870 г., когда до решения о передаче дома великому князю было больше года. Более того, за пустое здание Алексею Александровичу удалось выручить сумму, равную цене его покупки, а «самый акт реализации имущества, приобретенного Департаментом Уделов, представляет факт тождественный с отпуском денег из оного ведомства»[9].

Личное решение И.И. Воронцова-Дашкова отказать великому князю в его притязаниях было поддержано его коллегами по министерству[10] и стало официальной позицией ведомства. Подтверждением этому является приведенная в конце XIX в. в очерке расходов Департамента уделов на царскую семью цифра денежных затрат на возведение Алексеевского дворца, равнявшаяся 780 000 руб.[11], практически не отличающаяся от объема выплат периода строительства и очень далекая от суммы ассигнований в 1 000 000 руб.

---

[8] НИОР РГБ. Ф. 58. Оп 1. Т. 1. Разд. 2. Папка 79. Ед. хр. 2. Л. 4, 4 об.; Там же. Папка 81. Ед. хр. 9. Л. 1–2.

[9] Там же. Папка 79. Ед. хр. 2. Л. 2–6; Там же. Папка 81. Ед. хр. 9. Л. 1 об.; Там же. Т. 2. Папка 133. Ед. хр. 12. Л. 1, 1 об.; РГИА. Ф. 515. Оп. 29. Д. 1209. Л. 9; Там же. Д. 1752. Л. 4–5, 9; Там же. Оп. 30. Д. 19. Л. 11 об. – 4.

[10] НИОР РГБ. Ф. 58. Оп. 1. Т. 2. Папка 133. Ед. хр. 12.

[11] Статистический очерк расходов из удельных сумм на императорскую фамилию в столетний период 1797–1897 гг. СПб., 1898. Диаграмма между с. 16 и 17.

ДОКУМЕНТЫ НКВД О САНИТАРНО-БЫТОВЫХ УСЛОВИЯХ СОДЕРЖАНИЯ ЯПОНСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ НА ТЕРРИТОРИИ ХАБАРОВСКОГО КРАЯ (август–декабрь 1945 гг.)

Жадан Александр Владимирович, к.и.н.
(Владивостокский филиал Дальневосточного юридического института МВД России)

В настоящее время имеется обширная историография, посвященная нахождению японских военнопленных в СССР[1], растет внимание исследователей и к различным аспектам истории правоохранительных органов Дальнего Востока[2].

В данной работе нами предпринята попытка взглянуть на некоторые аспекты истории пребывания японских военнопленных на территории Хабаровского края сквозь призму деятельности органов НКВД. Рассматриваемый нами хронологический период небольшой, однако именно в это время вскрылись основные проблемы и были заложены основы организации и деятельности системы лагерей НКВД для военнопленных в дальневосточном регионе.

Специфика изученных нами документов состоит в том, что основная их часть изначально носила закрытый характер и была предназначена для внутреннего использования (в рамках краевого УНКВД). Эта особенность, конечно, не позволяет говорить об их абсолютно объективном характере, однако такого рода источники в меньшей степени несут в себе авторский субъективизм или желание приукрасить ситуацию, характерное, например, для документов, предназначенных для политико-партийного руководства страны.

Следует отметить, что санитарно-бытовые условия размещения военнопленных с самого начала находились под строгим контролем руководства УНКВД края. В приказе от 17 сентября № 0114 начальник УНКВД

---

[1] *Бондаренко Е.* Иностранные военнопленные на Дальнем Востоке России 1914–1956 гг. Историография проблемы // Россия и АТР. 2003. № 1 (39). С. 99–113; *Серебренников С.В.* Авторефераты диссертаций о японских военнопленных в СССР (1945–1956 гг.) как историографический источник // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Т. 8. № 6–2. С. 66–73.

[2] *Шабельникова Н.А.* Великая Победа в памяти поколений: Вторая мировая война в современной дальневосточной историографии // КЛИО. 2019. № 1. С. 38–42.

края требовал от начальников лагерей военнопленных ежесуточно докладывать о готовности помещений к приему военнопленных по каждому хозяйственному органу и населенному пункту; количестве принятых военнопленных; количестве больных; материальном обеспечении прибывших продуктами, зимним обмундированием, постельными принадлежностями, нательным бельем, транспортом, походными кухнями и др.[3]

Отдельное внимание уделялось соблюдению карантинных мероприятий, в особенности недопущению вспышек тифа. Обо всех случаях выявления тифа среди пленных следовало доносить «как о чрезвычайном происшествии» (приказ начальника УНКВД Хабаровского края № 0128 от 9 октября 1945 г.)[4].

Однако, несмотря на принимаемые меры, к началу ноября 1945 года руководство УНКВД края констатировало тяжелую санитарно-эпидемиологическую обстановку в лагерях для военнопленных: резко увеличилось число заболевших (в том числе различными формами тифа) и дистрофиков; во многих лагерных отделениях имела место стопроцентная завшивленность.

Причины такой неблагополучной ситуации излагались в приказе начальника УНКВД Хабаровского края № 0138 от 1 ноября 1945 г.: «Рост заболеваемости объясняется тем, что руководство и санитарная служба лагерей медленно ликвидирует организационные недоделки и слабо устраняет причины, способствующие возникновению заболеваний: неподготовленность жилых помещений к зиме, скученность размещения, несвоевременность сандезобработки; плохая организация питания и отсутствие контроля за закладкой положенных продуктов в котел; медленное развертывание сандезблоков и пищеблоков; недостаточное проведение санитарно-профилактических и лечебных мероприятий»[5].

В этой связи руководству лагерей для военнопленных ставились задачи:

– немедленной изоляции инфекционных больных и проведения срочного фагирования и прививок среди пленных и личного состава лагерей;

– систематической работы по выявлению больных с различными формами истощения, авитаминозами и выделению их в особые группы с усиленным питанием и облегченным режимом содержания;

– оборудования во всех лагерных отделениях сандезблоков (включающих бани, прачечные, дезокамеры типа вошебоек, сушилки);

– проведения санитарной обработки военнопленных не реже одного раза в декаду;

– тщательной подготовки помещений к зиме с целью профилактики простудных заболеваний;

---

[3] Архив УМВД по Хабаровскому краю (далее – АУМВД по ХК). Ф. 40. Оп. 1. Д. 127. Л. 108.

[4] Там же. Л. 146.

[5] Там же. Л. 138.

– срочного дооборудования пищеблоков и приведения их в должное санитарное состояние;

– усиления контроля за организацией питания. На начальников лагерных отделений и военхоздовольствия возлагалась личная ответственность за перебои в питании военнопленных;

– срочного укомплектования лагерных отделений недостающим медицинским имуществом и транспортом для эвакуации больных в лазареты и госпитали.

Весь офицерский состав лагерей предупреждался о строгой ответственности за «несвоевременное и медленное устранение причин заболеваемости»[6].

С наступлением холодов серьезной проблемой стали случаи массового обморожения пленных, занятых в работе на открытом воздухе. В лагере № 20 имел место факт, когда работавший на открытом воздухе военнопленный замерз насмерть. В приказе начальника УНКВД Хабаровского края № 0155 от 6 декабря 1945 г. отмечалось, что «эти случаи могли иметь место в результате безответственного отношения к организации труда военнопленных со стороны руководства лагерных отделений и представителей Хозорганов, использующих военнопленных на работах».

Для пресечения таких «совершенно недопустимых» фактов начальник УНКВД требовал:

– организовывать работу военнопленных в условиях низких температур на одинаковых основаниях с вольнонаемным составом. Допускался вывод военнопленных на работу не с утра, а в течение дня по мере потепления воздуха;

– организовать разъяснительную работу с военнопленными по профилактике обморожений; обеспечить оказание первой медицинской помощи в местах проведения работ.

Руководству лагерных отделений ставилась задача личного контроля за недопущением вывода на работы больных, ослабленных, плохо обмундированных пленных. Офицерский состав из числа военнопленных обязывался сопровождать своих подчиненных, оставаясь с ними в течение всего времени проведения работ.

В местах проведения работ на открытом воздухе особое внимание уделялось организации горячего питания, оборудованию закрытых помещений для приема пищи (хотя бы палаток или шалашей), обеспечению мест проведения работ горячей кипяченой водой, предоставлению каждый час работы 10-минутного перерыва для обогрева.

Руководство лагерных отделений обязывалось лично контролировать соблюдение указанных требований и предупреждалось «о строжайшей персональной ответственности за допущение случаев обморожения военнопленных японцев...»[7].

---

[6] Там же. Л. 137–138.

[7] Там же. Л. 171–173.

В период с 5 по 25 декабря 1945 г. в целях повышения квалификации были проведены кустовые сборы медицинского персонала лагерей НКВД для военнопленных и спецгоспиталей[8].

20 декабря 1945 г. начальником УНКВД издается приказ № 0163 о снятии военнопленных японцев с объектов хозорганов, не обеспечивших в зимнее время необходимых коммунально-бытовых условий для их размещения[9].

Таким образом, исследованные документы позволяют нам сделать вывод о том, что руководство УНКВД Хабаровского края было в достаточной степени информировано о тяжелых санитарно-бытовых условиях в местах размещения и труда военнопленных японцев. Причины такой ситуации объяснялись нераспорядительностью руководства лагерей НКВД, вынужденных в короткие сроки организовать прием и размещение десятков тысяч военнопленных. Факты массового ухудшения состояния здоровья военнопленных, а тем более отдельные случаи их гибели, вызывали резко негативную реакцию руководства краевого УНКВД. Уже в конце 1945 года был разработан и начал внедряться комплекс мер, направленных на улучшение условий труда и жизни военнопленных.

---

[8] АУМВД по ХК. Ф. 40. Оп. 1. Д. 127. Л. 151–152.

[9] Там же. Л. 177–178.

КИНО КАК СРЕДСТВО ПРОПАГАНДЫ США В ВОЕННЫЙ И ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД

Животова Полина Андреевна
(Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова)

Американский кинематограф как средство пропаганды имеет длительную историю. Уже Первая мировая война продемонстрировала использование кинопропаганды как эффективного способа манипуляции массами и неотъемлемого средства ведения самой войны. Пропаганда в американском кинематографе периода Первой мировой войны заключалась в антинемецких призывах и пацифистских сюжетах.

После Первой мировой войны распространение американских товаров народного потребления, кинокартин и литературы привело к формированию «международного американского культурного климата»[1]. Двадцатые годы XX века – период зарождения массовой культуры и активного развития американского кинематографа. На данном этапе пропаганда в кино была преимущественно внутренней. Кино 1930-х годов стало своего рода терапией для миллионов американцев, потерявших работу и сбережения в период Великой депрессии. Инициативы в области внешней культурной политики правительство США начало разрабатывать только в 1930-х годах в связи с необходимостью противодействия экономическому проникновению Германии в Латинскую Америку, которая традиционно являлась сферой американских интересов.

В июле 1942 года, вскоре после вступления Соединенных Штатов во Вторую мировую войну, правительство Ф.Д. Рузвельта создало Бюро военной информации, при поддержке которого начала вещание радиостанция «Голос Америки», распространялись пропагандистские брошюры и кинофильмы. Кинематограф формировал взгляд американского народа на войну, разжигал ненависть к противнику, мотивировал войска на сражения, а население – на стойкое перенесение тягот и лишений. Цели, стоявшие перед киноиндустрией того периода, – дискредитировать Германию и ее союзников, показать вклад стран антигитлеровской коалиции и решающую роль США во Второй мировой войне.

---

[1] *Филимонов Г.Ю.* К вопросу об истории внешней культурной политики США // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношений. 2011. № 4. С. 89–96.

Для координации производства фильмов было создано Бюро по делам кино. На протяжении трех лет (с 1942 по 1945) шла трансляция популярного документального телесериала «Почему мы сражаемся», снятого лауреатом премии Оскар Фрэнком Капрой. Антияпонская картина «Пурпурное сердце» 1944 года, показывающая судьбу американских военных летчиков, взятых в плен японцами, – типичный продукт военной пропаганды.

Мультипликация тоже не избежала политической агитации, наоборот, присущая ее образность и гротескность стали идеальными средствами для изображения врага. За время войны анимационная студия Уолта Диснея выпустила более 400 000 футов кинопленки, что равняется 68 часам непрерывного киновремени[2].

После завершения Второй мировой войны ушли в прошлое те времена, когда в американских фильмах образ СССР был представлен в дружественном ключе[3]. Американская риторика в отношении вчерашнего союзника претерпевала кардинальные изменения – от сотрудничества к политике «сдерживания». Борьба двух систем за ресурсы и сферы влияния вела к неизбежному столкновению. Особенно ярко советско-американский антагонизм раскрылся в сфере кино.

В период с 1948 по 1953 год в США было выпущено 70 откровенно антикоммунистических фильмов[4]. В 1948 году был принят Акт «Смита – Мундта», цель которого – популяризация культуры и ценностей США в мире с помощью радиопередач, выставок и кинопродукции.

Для правительства была особенно важна приверженность антикоммунистическим идеям среди работников искусства. С 1946 года Комиссия по расследованию антиамериканской деятельности стала работать на постоянной основе. Началась масштабная антикоммунистическая чистка, которую возглавил сенатор из штата Висконсин Джозеф Маккарти. Жертвами маккартизма стали более ста писателей, актеров и режиссеров. Кроме того, значительную роль в контроле за производством фильмов играло ФБР.

Американские фильмы периода «холодной войны» включали широкий спектр тем в различных жанрах. В производство кинокартин были вовлечены ведущие режиссеры, актеры и сценаристы, достаточно упомянуть А. Хичкока и С. Кубрика, Б. Уайлдера и И. Бергман, К. Гранта и Ф. Синатру[5]. Условно пропагандистские темы в фильмах этого периода можно разделить на несколько категорий.

---

[2] Edward Churchill, Flying and Popular Aviation. «Walt Disney's Animated War». March 1945. P. 50–51.

[3] Например, в таких фильмах, как «Миссия в Москву», «Северная звезда», «Три русские девушки», «Дни славы», «Песнь о России», «Парень из Сталинграда» и другие.

[4] *Tony Shaw and Denise J. Younglood*. Cinematic Cold War: The American and Soviet Struggle for Hearts and Minds. Lawrence: University Press of Kansas, 2010. P. 20–21.

[5] *Шахляев А.В., Шляхов М.Ю.* Кинематограф в системе американской пропаганды в период холодной войны. Апробация. 2016. № 11 (50). С. 29–30.

В первую очередь, были распространены фильмы, изображающие противника, готовящего тайный удар по территории Западного мира и создающего секретные базы с ядерным оружием. Картин, посвященной этой теме, множество: «Пригнись и накройся» (1952), «На берегу» (1959), «Система безопасности» (1964), «Военная игра» (1965).

В 1960-х годах динамичное развитие получил жанр шпионского фильма, ставшего очень популярным в условиях «холодной войны» с ее неспокойной атмосферой взаимного наблюдения и массовой паранойей. Шпионская мания вызвала бум триллеров и сериалов в стиле теории заговора, таких как «Из России с любовью» (1963), «Досье «Ипкресс»» (1965), «Разорванный занавес» (1966).

Красочно создавала образ «чужого» и детская «развлекательная» индустрия в США. Мультипликация, используя простые метафоры, формировала культурные стереотипы об иностранцах у подрастающего поколения. На протяжении 5 лет (с 1959 по 1964) на экранах шло мультипликационное телешоу «Рокки и Блунквиль и их друзья», главными антагонистами которого были шпионы Борис Баденов и Наташа Ноугудник, выполняющие секретные задания по поручению лидера своей страны[6].

Среди популярных героев американского кинематографа также оказались диссиденты, покидающие тоталитарное государство. Часто изображались и обычные советские жители, которым положительные герои из западных стран открывали глаза на истинные ценности, рассказывали о процветающей Америке: «Красный Дунай» (1949), «Москва на Гудзоне» (1984), «Шелковые чулки» (1957), «Русские идут!..» (1966).

Созданное в 1953 году Информационное агентство США (ЮСИА) также использовало кинематограф как инструмент «мягкой силы». Кинослужба ЮСИА ежегодно производила документальные и короткометражные фильмы[7] для зарубежного телевидения, особенно для Юго-Восточной Азии, на территории которой происходили локальные конфликты США и СССР. Противостояние двух сверхдержав в горячих точках также привлекало внимание Голливуда. Наглядные образцы – фильмы о приключениях Джона Рембо во Вьетнаме и Афганистане, рассказывающие о зверствах советских войск и доблестном американском воине, вставшем на защиту демократии.

Таким образом, история кинематографа США показывает, что он был действенным инструментом пропаганды как на внутреннем, так и на международном уровне. А с момента создания федерального Информацион-

---

[6] *Шеридан С.* Культурная гегемония Америки и классические детские мультфильмы: динамика развития идентичности и различия в представлении иностранца // Детские чтения. 2013. № 1 (003). С. 216–227.

[7] Кинокартины «Моя Латвия», «Поляки – упрямый народ», «Неприятный субъект» описывали советскую жестокость во время войны с Кореей. А оскароносный документальный фильм об убийстве президента «John F. Kennedy: Years of Lightning, Day of Drums» (1964) – самая популярная работа ЮСИА, фильм транслировался в более чем 60 странах мира.

ного агентства США в 1953 году кинематограф стал нацелен конкретно на зарубежную аудиторию, так как информационное воздействие на население США было законодательно запрещено. Идеологическое пространство кинематографа служило альтернативной площадкой противостояния, заменяя прямое столкновение сверхдержав.

УСТАНОВЛЕНИЕ СВЯЗИ КОМИНТЕРНА С ИНДИЕЙ В УСЛОВИЯХ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Жирова Надежда Сергеевна, к.и.н.
(СОШ № 17, г. Липецк)

Одной из задач восточной политики III Коммунистического Интернационала (Коминтерна, КИ) в начальный период Второй мировой войны стало восстановление прервавшихся контактов с индийским коммунистическим движением. Это стало серьезной проблемой как из-за изменившейся внешнеполитической обстановки, при которой многие известные связи стало практически невозможно использовать, так и из-за массовых арестов индийских коммунистов, наряду с Махатмой Ганди и Индийским национальным конгрессом выступивших против участия Индии в войне, к которой страну принуждали британские колониальные власти.

В январе 1940 г. Сотрудник Восточного сектора отдела кадров И.И. Козлов предоставил обширный доклад, где отметил возможные пути связи СССР и Индией. Козлов проанализировал большое количество вариантов – как морских, так и сухопутных. В первом случае наиболее безопасным являлся путь «США – Индия», так как «даже в портах, где обычно бывает проверка документов пассажиров, на американских пароходах она менее тщательная»[1].

Среди сухопутных дорог из Советского Союза в Индию самыми подходящими были пути с северной границы Индии, а также северо-западные проходы в страну – от Читрала до границы Белуджистана, то есть через Северо-Западную пограничную провинцию[2]. Эти два варианта были наиболее стратегически важными в вопросе установления непосредственной связи с Индией.

Для исполнения поставленной задачи больше всего подходила индийская националистическая партия «Гадар». Эта международная организация, обладавшая многочисленными центрами в разных частях света, на протяжении многих лет тесно сотрудничала с Коминтерном и наряду с официальными секциями участвовала в различных направлениях его

[1] Доклад И.И. Козлова «Возможные пути связи с Индией», 2.01.1940 г. // Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 16. Д. 59. Л. 40–43.

[2] Там же. Л. 47–49.

деятельности, в том числе в вопросах создания и использования каналов связи КИ между Индией и СССР.

Так, европейские пути еще с первой половины 1930-х гг. находились в ведении Раттана Сингха Даббы, фактического представителя от «Гадар» в III Интернационале. В свою очередь, «афганский коридор» контролировался кабульской ячейкой гадаровцев и индийским центром партии – группой «Кирти». После того как члены штаба «Гадар» в Кабуле в конце 1932 г. приняли участие в неудачной авантюре по восстановлению власти Аманулы-хана[3], им стало очень трудно продолжать свою деятельность в Афганистане. Однако гадаровцы не перестали использовать «афганский коридор». Более того, они старались сохранять старые и находить новые пути. Особая потребность в этом возникла перед началом и в первый период Второй мировой войны, для чего группа «Кирти» выделяла из своего состава отдельных членов, полностью освобождая их от политической и пропагандистской работы[4].

Использование афганского канала связи проходило как из Индии в СССР, так и в обратную сторону. В частности, в конце 30-х – начале 40-х гг. данным путем удачно воспользовался гадаровец Ачар Сингх Чина, сумев покинуть Индию и добраться до Советского Союза. Немного позднее этим же маршрутом в Афганистан прибыл Субхас Чандра Бос, проводником которого являлся член группы «Кирти» Бхагат Рам Тальвар.

Весной 1940 г. в связи с массовыми арестами лидеров Коммунистической партии Индии (КПИ) перед Коминтерном встал вопрос об установлении непосредственной связи с оставшимися на свободе коммунистами. Выполнение этого задания было поручено гадаровцам Сардаре Сингху, Вирсингу Сингху Субе и Дараму Сингху[5]. Осенью того же года члены «Гадар» покинули территорию СССР. Сардара Сингх периодически присылал в Москву письма с отчетами о продвижении группы[6]. Однако достигнуть цели гадаровцам не удалось: в июне 1941 г. КИ получил сообщение, что трое сикхов пойманы в районе Мастуджа[7].

С началом войны между СССР и Германией деятельность в указанном направлении не прервалась. Члены группы «Кирти» после неудачи Сардары Сингха и его товарищей работали над установкой безопасных

---

[3] См. подробнее: *Тихонов Ю.Н.* Политика великих держав в Афганистане и пуштунские племена (1919–1945). Москва; Липецк: ООО Информ, 2007. С. 144–146.

[4] *Talwar B.R.* The Talwars of Pathan Land and Subhas Chandra's Great Escape. New Delhi: People's Publishing House, 1976. P. 55.

[5] «Предложения по установлению первичной связи с руководством Индийской Компартии», 28.04.1940 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 16. Д. 59. Л. 58.

[6] Письмо Сардары Сингха («Альфредо») из Сталинабада, 2.09.1940 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 213. Д. 178. Л. 58; «Сообщение Альфредо тов. Козлову», 10.12.1940 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 213. Д. 178. Л. 52.

[7] Записка «От отправленных в страну 9.10.1940 г.» // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 213. Д. 178. Л. 10.

путей сообщения с СССР[8]. Однако к этому времени в Москве не спешили пользоваться услугами гадаровцев по переброске людей в Индию, так как отношение КИ к группе «Кирти» сильно охладело. После того как гадаровец Бхагат Рам Тальвар в начале 1941 г. помог С.Ч. Босу добраться до Кабула, он и член партии Х.С. Соди попали в распоряжение сначала итальянской, а затем и немецкой разведки. Получилось, что до 22 июня 1941 г. группа «Кирти» фактически являлась частью фашистской агентурной сети в Афганистане и Индии[9].

Важно сказать, что в этом не было злого умысла. Сикхов ввела в заблуждение внешняя политика СССР в 1939 – июне 1941 г. и связанные с ней установки Коминтерна[10]. Но в Москве эту ситуацию расценили по-другому. В Коминтерне прекрасно помнили, что в период Первой мировой войны партия «Гадар» тесно сотрудничала с Германией, и опасались, что с началом новой войны история может повториться. В результате КИ не только серьезно намеревался разорвать сотрудничество с индийскими гадаровцами, но и предостерегал органы внешней разведки СССР от использования в своей работе Бхагата Рама Тальвара[11].

Тем не менее Коминтерну еще предстояло убедиться в приверженности ему группы «Кирти». В начале октября 1941 г. органы НКВД Таджикистана по своей инициативе поставили перед ИККИ вопрос о переброске в Индию находившихся в Сталинабаде (ныне Душанбе) бывших студентов индийской секции Коммунистического университета трудящихся Востока (в подавляющем большинстве являвшихся членами партии «Гадар»)[12]. В Коминтерне идею одобрили и решили, несмотря на свои предубеждения, воспользоваться услугами группы «Кирти», для проверки отправив одного человека. Уже в докладе за ноябрь 1941 г. гадаровцы отчитались о его успешном прибытии на место и выразили желание помочь в организации переброски остальных товарищей[13].

Итак, для установления прочных путей связи между СССР и Индией в начале Второй мировой войны Коминтерн использовал партию «Гадар» как организацию, наиболее подходящую для такой деятельности. Сикхи успешно выполняли возложенную на них работу, однако в первой поло-

---

[8] «Отчет Коммунистической группы Кирти за время с 1 сентября по 1 декабря 1941 г.» // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 188. Л. 66–67.

[9] *Тихонов Ю.Н.* Указ. соч. С. 211.

[10] Коминтерн и Вторая мировая война: Ч. 1 (до июня 1941 г.). Москва: Памятники исторической мысли, 1994. С. 88, 304.

[11] Докладная записка Отдела кадров ИККИ генеральному секретарю ИККИ Г.М. Димитрову о представителях группы «Кирти» Бхагат Раме и Хармохендаре Сингхе Соди, октябрь 1941 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 16. Д. 59. Л. 229–230.

[12] Докладная записка зав. Отделом кадров ИККИ тов. Гуляева генеральному секретарю ИККИ Г.М. Димитрову, 2.10.1941 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 16. Д. 59. Л. 225.

[13] «Отчет Коммунистической группы Кирти...». Л. 67.

вине 1941 г. отдельные члены группы «Кирти» скомпрометировали себя связями с разведками стран «оси». Это осложнило взаимодействие между членами партии «Гадар» и КИ. Тем не менее позднее группе «Кирти» предстояло продемонстрировать свою приверженность Советскому Союзу ведением антифашистской провоенной пропаганды в союзе с КПИ в 1942–1945 гг.

РЕВОЛЮЦИЯ И ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ БОРЬБЫ ЖЕНЩИН ЗА РАВНОПРАВИЕ ВО ФРАНЦИИ

Жохова Анастасия Александровна
(Российский государственный гуманитарный университет)

Тема гендерного равноправия активно обсуждается в XXI веке, но впервые в центре внимания она оказалась в XVIII веке. Это обстоятельство обусловливает интерес к истокам – к попытке первого серьезного осмысления этой проблемы. И одним из первых авторов работ на эту тему стала Олимпия де Гуж, период активной деятельности и влияния которой приходится на последнее десятилетие XVIII века.

Одной из главных причин популярности женских движений можно считать вспыхнувшую в 1789 году французскую Революцию. Это была масштабная цепочка событий, которая привела к крупнейшей трансформации социальной и политической системы Франции. Уничтожение старого порядка, свержение монархии и разрушение феодального уклада способствовали развитию нового общества – капиталистического, буржуазного. Идеи французской революции были восприняты нацией как главные идеи об освобождении человека, о свободе личности, о равенстве. И относительно равноправия произошел мощный всплеск феминистических идей. Революция могла показаться самым удобным временем для создания женских суфражистских памфлетов.

После утверждения Учредительным собранием главного документа французской Революции Олимпия де Гуж приступила к разработке «Декларации прав женщины и гражданки»[1] по подобию «Декларации прав человека [мужчины] и гражданина»[2]. Женщины требовали равенства для граждан, то есть, мужчин, а затем начали требовать равенства и для себя.

В предшествующих Декларации документах за авторством де Гуж изложены идеи о том, как женщины самостоятельно способны бороться за свое место в обществе. Автор выражает надежду на то, что, познавая себя,

---

[1] Déclaration des droits de la femme et de la citoyenne (язык документа – французский). URL: https://fr.wikisource.org/wiki/D%C3%A9claration_des_droits_de_la_femme_et_de_la_citoyenne (дата обращения: 17.10.19).

[2] Déclaration des Droits de l'Homme et du Citoyen (язык документа – французский). URL:https://fr.wikisource.org/wiki/D%C3%A9claration_des_Droits_de_l%E2%80%99Homme_et_du_Citoyen (дата обращения: 09.12.19).

свои недостатки, свои особенности, женщины способны объединиться в организованную силу против угнетения их пола[3].

Падение популярности королевской семьи к 1789 году также спровоцировало не только революционные действия, но и интерес к социальным переменам. Общество стало презирать законы, бояться их. О. де Гуж в письме к королеве пишет, что людей от мятежа сдерживает лишь страх перед законом[4]. Одной из главных причин революционных событий конца XVIII в. во Франции называют не только сам кризис феодальной системы общества, но и непопулярность, расточительность и произвол королевской власти.

Еще одной немаловажной проблемой, волнующей французское общество в 1791 году, стала война, которая также отразилась в сочинениях О. де Гуж, неизбежность и угроза интервенции со стороны Европы, которая выискивала подходящий момент, чтобы атаковать Францию, гибнущую в революционных настроениях. Де Гуж говорит, что королева – первая женщина, первая мать Франции – должна бросить все усилия на возвращение своих детей, сынов Франции, домой[5], иначе главная ее роль в качестве женщины стирается в глазах французского общества: «Если иностранец идет с мечом во Францию, вы в моих глазах уже не та ложно обвиняемая Королева, та интересная Королева, а неумолимый враг французов»[6]. Де Гуж пишет, что, защищая свое отечество, свой народ, своих подданных, королева защищает себя в первую очередь: «Разве это правда, что сами французы вооружаются против своей же страны? Ради чего?.. Поверьте, Мадам, если судить по тому, что я чувствую, монархическая партия уничтожит себя сама, откажется от тирании, и все сердца

---

[3] В оригинале: «J'en conviens : mais qui peut prétendre à la perfection?» См.: *Olympe de Gouges*. Préface pour les dames Ou le Portrait des Femmes (язык документа – французский). URL: https://fr.wikisource.org/wiki/%C5%92uvres_de_madame_de_Gouges/1/Pr%C3%A9face_pour_les_dames (дата обращения: 02.10.19).

[4] В оригинале: «... mais aujourd'hui que je vois qu'on observe de près la foule de mutins soudoyée, & qu'elle est retenue par la crainte des loix, je vous dirai, Madame, ce que je ne vous aurois pas dit alors.» См.: *Olympe de Gouges*. À la Reine (язык документа – французский). URL: https://fr.wikisource.org/wiki/D%C3%A9claration_des_droits_de_la_femme_et_de_la_citoyenne (дата обращения: 03.10.19).

[5] В оригинале: «Ah ! Madame, songez que vous êtes mère et épouse ; employez tout votre crédit pour le retour des Princes. Ce crédit, si sagement appliqué, raffermit la couronne du père, la conserve au fils, et vous réconcilie l'amour des Français.» См.: *Olympe de Gouges*. À la Reine (язык документа – французский). URL: https://fr.wikisource.org/wiki/D%C3%A9claration_des_droits_de_la_femme_et_de_la_citoyenne (дата обращения: 03.10.19).

[6] В оригинале: «Si l'étranger porte le fer en France, vous n'êtes plus à mes yeux cette Reine faussement inculpée, cette Reine intéressante, mais une implacable ennemie des Français.» См.: *Olympe de Gouges*. À la Reine (язык документа – французский). URL: https://fr.wikisource.org/wiki/D%C3%A9claration_des_droits_de_la_femme_et_de_la_citoyenne (дата обращения: 03.10.19).

сплотятся вокруг Родины, чтобы защитить ее»[7]. Основная мысль и просьба обращения Олимпии де Гуж к королеве состоит в том, что именно она (королева) могла бы поспособствовать росту идей равноправия среди женщин и мужчин.

Конечно, смена нравов в обществе диктуется не одним событием. Период французских завоеваний, период колонизации также отражался на сознании народа. Женщина сравнивается с рабом как «игрушка презрения»[8]. Если мужчина бросит ее, она становится никому не нужна.

Таким образом, тот фундамент, подготовленный не одним веком эпохи Просвещения, заложил основы трансформации общественного сознания. Возникновение нового гражданского общества со всеми этими идеями связано с новым образом женщины. В этот период можно говорить о начале изменений патриархальных отношений в пользу партнерских между мужчиной и женщиной[9]. Можно говорить о новых ценностях брака, что также является непосредственной причиной начала суфражистского движения[10].

Безусловно, французская Революция, военная интервенция во Франции, колониальные завоевания – это лишь часть причин, по которым сознание женщины начало меняться, на что начали обращать внимание просветители той эпохи. И все-таки не стоит преуменьшать военную угрозу и дестабилизацию в обществе как фактор развития борьбы женщин за равноправие не только во Франции, но в США и Великобритании в XIX–XX веках.

---

[7] В оригинале: «S'il est vrai que des Français arment contre leur patrie toutes les puissances; pourquoi? pour de frivoles prérogatives, pour des chimères. Croyez, Madame, si j'en juge par ce que je sens, le parti monarchique se détruira de lui-même, qu'il abandonnera tous les tyrans, et tous les cœurs se rallieront autour de la patrie pour la défendre.» См.: *Olympe de Gouges*. À la Reine (язык документа – французский). URL: https://fr.wikisource.org/wiki/D%C3%A9claration_des_droits_de_la_femme_et_de_la_citoyenne (дата обращения: 03.10.19).

[8] В оригинале: «...Le jouet du mépris» См.: *Olympe de Gouges*. Déclaration des droits de la femme et de la citoyenne (язык документа – французский). URL: https://fr.wikisource.org/wiki/D%C3%A9claration_des_droits_de_la_femme_et_de_la_citoyenne (дата обращения: 08.12.19).

[9] *Jean-Clément Martin*. La Révolte brisée. Femmes dans la Révolution française et l'Empire. Paris, 2008. P. 46–51.

[10] Например, в оригинале: «La femme mariée peut impunément donner des bâtards à son mari, et la fortune qui ne leur appartient pas.» или «...mais, en attendant, on peut la préparer par l'éducation nationale, par la restauration des moeurs et par les conventions conjugales.» См.: *Olympe de Gouges*. Déclaration des droits de la femme et de la citoyenne (язык документа – французский). URL: https://fr.wikisource.org/wiki/D%C3%A9claration_des_droits_de_la_femme_et_de_la_citoyenne (дата обращения: 08.12.19).

17 ИЮНЯ 1953 г. В ГДР. ЗАПИСКА КОРРЕСПОНДЕНТА ГАЗЕТЫ «ПРАВДА» П.А. НАУМОВА

Журкина Анастасия Александровна
(Российский государственный архив новейшей истории)

22 июня 1953 года продолжение улицы Унтер-ден-Линден от Бранденбургских ворот до Кайзердам Шарлоттенбургер аллее получило название улица «17 июня» – в память о тех событиях, которые произошли более 60 лет назад.

Германский вопрос являлся краеугольным камнем в выработке нового курса развития отношений со странами социалистического лагеря после смерти И.В. Сталина. Его смерть повлекла за собой возможность для реформирования и либерализации режимов в других социалистических странах. Однако Вальтер Ульбрихт продолжал продвигать «планомерное строительство социализма». Основными особенностями построения экономики были милитаризация и развитие тяжелой промышленности[1].

Причины бунта носили ярко выраженный экономический характер. Дефицит продуктов, повышение норм выработки, увеличение рабочего дня – все это привело к логическому финалу[2].

В Российском государственном архиве новейшей истории, в фонде № 5 (Аппарат ЦК КПСС), в документах Общего отдела отложилась записка, адресованная Шепилову Дмитрию Трофимовичу[3], за авторством П.А. Наумова (главного редактора журнала «Новое время» и председателя правления Агентства печати «Новости», преобразованного в 1991 году в РИА Новости).

В 1950 г. Павел Алексеевич Наумов стал работать в Комитете радиовещания при Совете Министров СССР. Оттуда он уехал в свою первую загранкомандировку – в Берлин, где его назначают заведующим корпунктом. С 1953-го – в газете «Правда». Таким образом, он увидел события 17 июня 1953 года в Германии своими глазами.

---

[1] *Новик Ф.И.* Советская политика в отношении ГДР до и после 17 июня 1953 года (по документам Архива внешней политики Российской Федерации) // Россия и Германия. Вып. 2. М., 2001. С. 43.

[2] *Хавкин Б.Л.* Берлинское жаркое лето 1953 года // Новая и новейшая история. 2004. № 2. С. 21.

[3] Советский государственный и партийный деятель, ученый-экономист. Министр иностранных дел (1956–1957), главный редактор газеты «Правда» (1952–1956).

По словам Павла Наумова, он и его коллеги из «Комсомольской правды» и ТАСС после 12.00 16 июня отправились в центр Берлина изучить обстановку. На Александрплатц были группы рабочих, стоявших без дела, как и на аллее Сталина. Колонна забастовщиков направлялась к дому Правительства ГДР на Лейпцигштрассе[4].

Толпа рабочих людей скандировала требования «Ульбрихта[5] или Гротеволя»[6]. Также протестующие требовали снижения норм выработки. С толпой протестующих диалог пытался вести Фриц Зельбман[7], но его почти не слушали. Автор записки упоминает нескольких ораторов, выступавших в толпе, в том числе и члена Союза свободной немецкой молодежи. Среди толпы были также и служащие и партийные работники, которые пытались успокоить митингующих, однако им удавалось это плохо. В это же время и там же начались первые потасовки, однако, не дождавшись ни Вальтера Ульбрихта, ни Отто Гротеволя, толпа двинулась по улицам Берлина, призывая всех выходить на всеобщую забастовку 17 июня[8].

Павел Наумов и его коллега корреспондент Березинский фиксировали все лозунги митингующих: «Повышение жизненного уровня»; «Мы рабочие, а не рабы»; «Мы хотим быть свободными людьми»; «Долой народную армию»; «Мы хотим масло, а не народную армию» и т. д.[9]

Дойдя до аллеи Сталина, толпа либо расходилась, либо образовывала дискуссионные клубы.

Вечером автор записки и его коллеги вышли послушать, что говорят митингующие. Темы разговоров были разными:

в капиталистическом мире живется лучше;

в погоне за нормами СЕПГ идет на явные преступления;

Кто развалил Германию? В ответ слышалось: коммунисты.

17 июня в 7.30 митингующие стали подтягиваться к аллее Сталина. Автор отмечает хорошую организованность протестующих. Советские войска появилась так же рано, как и протестующие. Машина П. Наумова в какой-то момент оказалась зажата толпой, их выпустили, и они слились с митингующими.

Автор записки выражается крайне аккуратно, по его словам, после объявления о вводе военного положения группы людей стали расходиться.

Павел Наумов резюмирует все вышесказанное. По его подсчетам, количество участников достигло 100 тысяч человек.

---

[4] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Л. 72.

[5] Немецкий политический деятель, коммунист, руководитель ГДР. На посту Первого секретаря ЦК Социалистической единой партии Германии в 1950–1971 годах.

[6] Немецкий политик, член СДПГ, с 1946 года – СЕПГ. В 1949–1964 годах занимал пост председателя Совета министров ГДР.

[7] В 1954–1958 годах Зельбман входил в состав ЦК СЕПГ.

[8] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Л. 72–73.

[9] Там же. Л. 73–74.

Павел Алексеевич также отмечает «ненависть» среди местного населения по отношению к советским людям. Также он отмечает, что среди протестующих были и активисты и члены СЕПГ.

Автор достаточно много критикует работу СЕПГ. А именно: незнание настроения рабочих масс и неумение разговаривать с народом[10].

Также автор указывает на возможность запланированности данного мероприятия.

Попытка интерпретации событий Павлом Наумовым крайне интересна. Автор отмечает и американскую радиостанцию РИАС, которая «беспрестанно повторяла объявление, что всеобщая забастовка намечена на 17 июня на 7 часов утра». И странную пассивность властей: «На всем пути шествия колонны (речь идет о демонстрации строителей 16 июня) не появился ни один народный полицейский. Даже регулировщики движения сразу же снимались со своих постов при приближении колонны»[11].

Е.П. Тимошенкова полагала, что бездействие восточногерманского руководства в ходе беспорядков 17 июня 1953 г. во многом объясняется его растерянностью и неуверенностью в том, какой курс в отношении Германии изберут наследники И.В. Сталина[12].

Своего рода июньские события стали катализатором к аресту Л.П. Берии и его приближенных.

На разгромном пленуме ЦК КПСС Н.С. Хрущев заявлял: «Для полноты картины должен коснуться вопроса, который, мне кажется, вскрыл окончательно физиономию Берия. Это обсуждение германского вопроса. Из Восточной Германии за два с четвертью года бежало более полумиллиона человек в Западную Германию, то есть из социалистической в капиталистическую»[13].

Интересен тот факт, что события в ГДР вызвали большой резонанс в СССР среди рабочей среды, которая активно вышла на митинги в поддержку немцев. В своих резолюциях работники только больше и больше подчеркивали необходимость бороться до конца[14].

Как указывает в своей статье Ф.И. Новик: «По официальным данным, 24 июня направленным высшему советскому руководству в большой аналитической записке, с 16 по 20 июня было всего: забастовщиков – 430 513; демонстрантов – 336 376 человек. Было убито 29 полицейских и 11 представителей партактива, ранено соответственно 350 и 83 человека. Среди советских войск пострадавших не было. Был задержан и арестован (без учета данных министерства безопасности) 6521 человек. По данным

---

[10] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Л. 79–80.

[11] Там же. Л. 80–81.

[12] *Тимошенкова Е.П.* «Германский вопрос» во внешней политике Советского Союза (1945–1955 гг.). Диссертация на соискание степени кандидата исторических наук. М., 2007. С. 147.

[13] РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 29. Л. 1–74.

[14] Там же. Ф. 5. Оп. 30. Л. 87–89.

из различных немецких источников, во время событий было убито от 100 до 200 участников»[15].

Возможно, после событий 17 июня постепенно сформировался и был реализован поворот советской политики в германском вопросе к ориентации на сосуществование двух государств.

---

[15] *Новик Ф.И.* СССР и события в ГДР в 1953 г. Текст доклада: //https://elibrary.ru/item.asp?id=21215605.

РОЛЬ СУФРАЖИЗМА КАК ОБЩЕСТВЕННОГО ДВИЖЕНИЯ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Зверева Мария Семеновна
(Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова)

На протяжении последних трех сотен лет человеческой истории во время масштабных военных конфликтов, затрагивающих интересы многих национальных сообществ, на передний план политической сферы общественной жизни часто выходят патриотические и либеральные общественные движения и организации. В годы Первой мировой войны в Великобритании важную роль в общественных и политических процессах сыграли суфражистки, целью которых была борьба за предоставление женщинам избирательных прав.

Движение суфражизма оформилось в Великобритании в конце XIX века. Ранее вопрос о гражданских, экономических и политических правах женщин в обществе поднимался только точечно и не приводил к возникновению активных общественных движений. В начале своей деятельности активистки использовали ненасильственные методы гражданского неповиновения: устраивали демонстрации, забастовки, приковывали себя к воротам и т. д. Однако в 1903 году семьей Панкхерст был основан Женский социально-политический союз, который в борьбе стал использовать нетрадиционные для политической культуры Великобритании методы, такие как битье стекол, поджоги домов, а в случае тюремного заключения – объявление голодовки.

Правительство Великобритании проводило резкую политику в отношении суфражисток, подавляя митинги с применением силы и производя большое количество арестов. Кроме того, все попытки продвинуть законопроекты, связанные с предоставлением женщинам права политического голоса, пресекались и блокировались в Парламенте. В итоге напряжение в отношениях между правительством Великобритании и суфражистским движением постоянно нарастало.

Однако с началом Первой мировой войны действия активисток изменились: с повестки дня был снят вопрос о предоставлении женщинам права политического голоса, и все силы были направлены на поддержание страны, в частности правительства, объявившего о вступлении

в войну[1], так как война не только не противоречила принципам движения, но и укрепляла его позиции в общественно-политическом дискурсе.

Эмеллин Панкхерст, одна из ведущих суфражисток Великобритании, призывала всех прекратить борьбу за предоставление политических прав женщинам и поддержать страну. Между Женским социально-политическим союзом и правительством было заключено перемирие, арестованные суфражистки были освобождены. Теперь все их выступления вдохновляли мужчин отправиться на фронт на защиту Родины, а женщин – последовать примеру французских сестер и заниматься производством и сельским хозяйством, поддерживая мужчин в тылу.

Также она занялась проблемой «детей войны»: сирот, детей матерей-одиночек и т. д. Э. Панкхерст основала дом для сирот, где занималась воспитанием и образованием детей.

Стоит уделить особое внимание риторике суфражисток, меняющейся на протяжении войны. В довоенное время в листовках наибольшее внимание было уделено влиянию мужчин на развитие цивилизации. При этом отдельный акцент делался на утверждении, что именно маскулинная культура «завоевания и подчинения» стала причиной дискриминации и войн. В самом начале Первой мировой войны в некоторых особо радикальных журналах еще проскальзывали упоминания об ответственности мужчин за развязывание войны и организацию «неравного и расположенного к войне общества». Однако довольно быстро линия обвинения сдвинулась с обвинения мужчин в общем на обвинение конкретных стран-агрессоров – Германию и Австрию. Такая риторика позволила суфражисткам заручиться поддержкой у политической элиты.

В 1914 году Эмеллин Панкхерст заявила, что не все войны являются одинаково неоправданными и несправедливыми[2]. К числу таких она причисляла, например, войну за независимость США. Оборонительная война против Германии также, по мнению суфражисток, являлась войной за демократические и либеральные ценности, ради защиты общественной свободы и против господства одной страны над другими.

Во многом такая позиция по отношению к войне обоснована в определенной степени позицией суфражисток к насилию в целом: по их мнению, женщины постоянно находятся под гнетом мужчин и общества. Так, война являлась лишь одним из примеров насилия и гнета, а значит, против нее необходимо было выступать.

Дочери Эмеллин Панкхерст, Сильвия и Адела, как и ряд других суфражисток не разделяли мнение матери по отношению к войне. Будучи убежденной пацифисткой, она видела в ней лишь пример капиталистиче-

---

[1] *Новикова Н.В.* Пацифизм и интернационализм в британском суфражистском движении в годы Первой мировой войны // Женщины в истории: возможность быть увиденными: сб. науч. ст. / под ред. И.Р. Чикаловой. Минск, 2002. Вып. 2. С. 40–45.

[2] The Suffragette. 1914, August 7. P. 12.

ского угнетения. Также не все поддерживали отход от политики борьбы за политические права женщин, даже временно. Э. Панкхерст в ответ на это утверждала, что в условиях национальной опасности, какой она считала войну, невозможно оставаться пацифистом и держаться в стороне[3]. В результате деятельность Сильвии Панкхерст подверглась жесткой критике в переименованном суфражистском журнале «Британия». Несмотря на это, она продолжала защищать интересы женщин, например организовала для них рабочие места на фабрике игрушек.

Таким образом, во время Первой мировой войны в движении суфражизма в Великобритании произошел раскол на патриотическое и пацифистское направления. Первое ставило своей задачей поддержать правительство в войне и тем самым не только помочь стране, но и укрепить свои позиции в политической сфере. Второе выступало против любой войны, считая её таким же актом насилия, не отличающимся от угнетения со стороны мужчин. Однако во многом деятельность суфражисток помогла британскому обществу переносить тяготы и лишения военного времени.

---

[3] *Pankhurst E. Sylvia*. The Suffragette Movement. New York: Kraus Reprint Co., 1971. P. 288.

«ЗАБЫТОЕ СРАЖЕНИЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ»: ПЕРЕКОПСКО-ЧОНГАРСКАЯ ОБОРОНИТЕЛЬНАЯ ОПЕРАЦИЯ 1941 г.

Иванов Вячеслав Александрович, к.и.н.
(«Центральный музей Тавриды», г. Симферополь)

Борьба за Крымский полуостров в годы Второй мировой войны долгое время являлась малоисследованной проблемой в исторической науке. Несмотря на постепенный прогресс в изучении данной темы, полностью закрыть этот пробел не удалось. В советской, а позднее в украинской и российской военной историографии места Перекопско-Чонгарской оборонительной операции также не нашлось. Периодически выходят работы непрофессиональных историков, без использования архивных источников, зарубежной литературы, опирающиеся исключительно на мемуарные свидетельства и непроверенные показания очевидцев, без проверки полученной информации[1]. Увековечение памяти воинов 51-й армии, погибших при обороне Перекопского перешейка в сентябре 1941 г., и создание мемориального комплекса также фактически забытая тема. Советская историческая традиция отводила Перекопу исключительно «победные» 1919–1920, 1944 и 1963 гг. события (в частности, прорыв обороны Белой армии в Крыму, освобождение Крыма от немецко-румынских войск и строительство Северо-Крымского канала), замалчивая оборонительные сражения на Перекопском перешейке. В итоге, к сожалению, Перекопско-Чонгарская операция 12 сентября – 18 октября 1941 г. в этот перечень не входит.

В ночь на 31 августа 1941 г. 11-я немецкая армия форсировала Днепр в районе Каховки и, захватив плацдарм на восточном берегу, начала накапливать силы для дальнейшего наступления. Одна группа германских войск должна была проводить наступление в направлении Мелитополя, другая – захватить Крымский полуостров[2]. Оборона Перекопского и Чонгарского перешейков была возложена на силы 9-го стрелкового корпуса генерал-лейтенанта П.И. Батова, а затем на специально созданную реше-

---

[1] См.: *Широкорад А.* Битва за Крым. От противостояния до возвращения в Россию. М.: Вече, 2014; *Неменко А.* Оборона Крыма 1941 г. Прорыв Манштейна. М.: Яуза-каталог, 2017; *Рунов В.А., Зайцев Л.* Битва за Крым 1941–1944 гг. От разгрома до триумфа. М.: Яуза-пресс, 2014, и др.

[2] *Саркисьян С.М.* 51-я армия: Боевой путь 51-й армии. М.: Воениздат, 1983. С. 11.

нием Ставки Верховного Главнокомандования 51-ю Отдельную армию на правах фронта под командованием генерал-полковника Ф.И. Кузнецова, члена Военного совета корпусного комиссара А.С. Николаева, начальника штаба генерал-майора М.М. Иванова[3]. Черноморский флот должен был прикрывать фланги 51-й армии с тыла и флангов, обеспечить огневую поддержку с суши, моря и воздуха. 9 сентября 1941 г. нацистские войска нанесли сильный удар с Каховского плацдарма.

Фронт обороны советских войск был прорван. 11-я немецкая армия генерал-полковника Ойгена фон Шоберта устремилась на Мелитополь, Перекоп и Чонгар, разделив свои силы[4]. «12 сентября около 4.30 утра мой батальон двинулся к Перекопу. Мы установили контакт с передовым батальоном 73-й пехотной дивизии под командованием майора Штиффатера в 4.55. Штиффатер присоединился к моему батальону... Мы ехали, увеличив дистанцию между машинами. У нас было ощущение, что покой может быть нарушен в любой момент завыванием снарядов и мин крупнокалиберных минометов. Советские войска должны были использовать эти удобные оборонительные позиции. Призрачное спокойствие предвещало сражение. Не было никаких убегавших русских, никаких бешено скачущих отрядов конницы, никакого рева моторов машин – ничто не указывало на бегство или даже отход. Степь была пустой. Нигде не было видно ни души. Один только этот факт указывал на жесткое управление и строгий контроль со стороны командования противника», – писал штурмбаннфюрер СС дивизии «Лейбштандарт СС Адольф Гитлер» Курт Мейер в своих воспоминаниях о начале сражения за Перекопский перешеек[5].

14 сентября 1941 г. войска 11-й немецкой армии силами 22-й дивизии подошли к Геническу, который пал на следующий день. 16 сентября нацисты выходят к Чонгарскому мосту и Арабатской стрелке и, таким образом, заблокировали выход из Крыма, прервав связь 51-й Отдельной армии с силами Юго-Западного фронта. Между тем командующий 11-й германской армии Ойген фон Шоберт и его пилот, проводя рекогносцировку позиций под городом Николаевом в районе Широкой Балки, погибли, произведя посадку на советское минное поле. Командование войсками принял 17 сентября 1941 г. генерал-полковник Эрих фон Манштейн, до того времени, руководивший силами 56-го моторизованного корпуса в составе группы армий «Север».

Он подтянул резервы и 24 сентября начал штурм Перекопа, который был на следующий день захвачен. 26 сентября немецкие войска оттеснили части Красной Армии от Турецкого вала, захватив город Армянск. 28 сен-

---

[3] *Ванєєв Г.І.* Севастополь, 1941–1942: Хроніка героїчної оборони: [У 2 кн.]. К.: Україна, 1995. Кн. 1. С. 18.

[4] *Батов П.И.* Перекоп 1941. Симферополь: Крымиздат, 1970. С. 43–44.

[5] *Мейер К.* Немецкие гренадеры. Воспоминания генерала СС. 1939–1945. М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. С. 108–109.

тября 1941 г. части 51-й армии отошли на Ишуньские позиции[6]. Э. фон Манштейн вспоминает об этом следующим образом: «24 сентября 54 ак был готов к наступлению на Перекопский перешеек. Несмотря на сильнейшую поддержку артиллерии, 46 и 73 пд, наступавшим по выжженной солнцем, безводной, совершенно лишенной укрытий солончаковой степи, приходилось очень трудно. Противник превратил перешеек на глубину до 15 км в сплошную, хорошо оборудованную полосу обороны, в которой он ожесточенно сражался за каждую траншею, за каждый опорный пункт. Все же корпусу удалось, отбивая сильные контратаки противника, 26 сентября взять Перекоп и преодолеть «Татарский ров». В три последующих дня труднейшего наступления корпус прорвал оборону противника на всю ее глубину, взял сильно укрепленный населенный пункт Армянск и вышел на оперативный простор»[7]. Как мы видим, несмотря на то что немецкие войска прорвались на Перекопском перешейке, части 51-й Отдельной армии оказывали им серьезное сопротивление. Немалую роль в этом сыграла инженерная подготовка обороны перешейка.

Хотя в ряде источников указывается на то, что она была недостаточной, тем не менее это утверждение не соответствует действительности. Н.А. Сирота, секретарь Городского Комитета ВКП(б) и председатель ГКО города Керчь в 1941–1944 гг., вспоминал об этом: «Первая задача в области помощи фронту, которая перед нами была поставлена, это помощь в сооружении укреплений на Перекопе.

Там работала большая группа инженеров завода Войкова и большое количество всяких материалов. Мы туда, в частности, отправляли стальные трехтонные болванки. На территории завода лежало большое количество таких болванок, не выдержанных по маркам, непригодных для прямых целей. Мы их целыми эшелонами отправляли на Перекоп, там их спаривали, страивали и ставили как надолбы. Тогда еще не представляли себе, какие средства борьбы с танками эффективны, а по существу эти болванки никакого значения не имели. Там наши инженеры работали под огнем немецкой авиации в исключительно тяжелых условиях»[8].

18 октября 1941 г. германские силы начали прорыв Ишуньских позиций. 20 октября они наносят удар в районе Каркинитского залива, форсируют устье реки Чатырлык, обходя левый фланг 51-й армии[9].

Таким образом, ожесточенные бои за Перекопский и Чонгарский перешейки в сентябре–октябре 1941 г. привели к тому, что 51-я Отдельная армия смогла удержать Перекопский и Чонгарский перешейки, задержав 11-ю немецкую армию на целых два месяца. Несмотря на то что

---

[6] *Моргунов П.А.* Героический Севастополь. М.: Наука, 1979. С. 30–31.

[7] *Манштейн Э.* Утерянные победы. Смоленск: Русич, 1999. С. 236–237.

[8] Стенограмма беседы с тов. Сирота Наумом Абрамовичем, секретарем Городского Комитета ВКП (б) и председателем Городского Комитета Обороны города Керчи в 1941–1944 гг. // ГАРК. Ф. П-156. Оп. 1. Д. 1. Л. 50 об.

[9] *Басов А.В.* Крым в Великой Отечественной войне 1941–1945. М.: Наука, 1987. С. 60–67.

германские войска заблокировали Крым и отрезали его от поступления подкрепления по суше и смогли, вклинившись в оборону советских войск, прорваться вглубь полуострова, катастрофы и окружения удалось избежать. 51-я Отдельная армия отступила к Керчи и эвакуировалась из территории Крыма.

Позднее именно она стала одной из ударных группировок, которая, высадившись в Керчи и Феодосии, отвоевала Керченский полуостров, в начале 1942 г. Благодаря героической обороне Перекопского перешейка защитники Севастополя получили необходимое время для организации обороны города с суши, а в Керчи были проведены работы по эвакуации военных и гражданских лиц, организации партизанско-подпольного движения в тылу немецко-румынских войск.

ТЕРРИТОРИИ ПАРТИЗАНСКИХ КРАЕВ СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТИ В 1942 г.

Иванова Ольга Юрьевна, к.и.н.
(Смоленский государственный университет)

В историографии партизанского движения в годы Великой Отечественной войны значительное место занимает вопрос образования и деятельности партизанских краев – обширных территорий в тылу немецких войск, освобожденных и длительное время удерживаемых партизанами, где население жило по советским законам. Данная публикация имеет цель уточнить площади партизанских краев в Смоленской области.

Партизанские края на Смоленщине образовались в январе–феврале 1942 г. после разгрома немецких захватчиков под Москвой. Появились они в ближайшем тылу группы армий «Центр».

Самый большой на Смоленской земле – Дорогобужский партизанский край. В табл. 1 приводятся выверенные данные по освобожденным территориям каждого из районов, входивших в его состав.

Южнее большака Смоленск – Спас-Деменск существовал самостоятельный Южный Ельнинский партизанский край, где действовал партизанский полк им. С. Лазо. В него входила южная часть Ельнинского и населенные пункты Глинковского района, территории восточных сельсоветов Починковского и Стодолищенского, северная часть Екимовичского районов.

В табл. 2 приводятся выверенные данные по Южному Ельнинскому партизанскому краю. Площадь его освобожденных территорий обычно указывается в 2000 кв. км[1], что несколько завышено.

Громадное значение для развития партизанского движения на северо-западе Смоленщины имело наступление в январе 1942 г. 4-й Ударной армии на Велижском направлении. Так, на стыке Западного и Калининского фронтов к концу марта 1942 г. образовался партизанский край[2]. Он включал большие территории Слободского, Демидовского, Касплянско-

---

[1] *Пережогин В.А.* Партизаны в Московской битве. М., 1996. С. 179; *Щеров И.П.* Коллаборационизм в Советском Союзе 1941–1944: типы и проявления в период оккупации. Смоленск, 2005. С. 336; Партизанское подполье. М., 1983. С. 303; *Касаткин М.А.* В тылу немецко-фашистских армий «Центр»: всенародная борьба на оккупированной территории западных областей РСФСР 1941–1943 гг. М., 1980. С. 235.

[2] ЦДНИСО. Ф. 142. Оп. 2. Д. 675. Л. 10.

го, Духовщинского, Пречистенского, Понизовского и части Руднянского и Бельского районов[3].

Таблица 1

Площадь освобожденных территорий Дорогобужского партизанского края[4]

№	Район	Освобожденная площадь, км²	Сельсоветы			Населенные пункты		% освобожденной территории района или его части
			Всего в районе	В т. ч. в северной или южной части	Из них освобождено	Всего в районе или в его части	Из них освобождено	
1	Всходский	1315	21	–	17 – полностью 4 – частично	304	270	89
2	Вяземский	30	26	–	1 – полностью 1 – частично	541	31	5,7
3	Глинковский (северная часть)	1070	21	17	14 – полностью 2 – частично	285	204	88,3
4	Дорогобужский	1470	29	–	29 – полностью	310	310	100
5	Ельнинский (северная часть)	880	31	14	10 – полностью 3 – частично	622	230	82
6	Знаменский	485	24	–	15 – полностью	283	180	64
7	Издешковский (южная часть)	100	22	10	3 – полностью 1 – частично	531	84	35
8	Кардымовский	190	21	–	1 – полностью 2 – частично	383	23	6

[3] ЦДНИСО. Ф. 142. Оп. 2. Д. 631. Л. 26.

[4] Подсчитано по: *Котов Л.* Всходский район в период фашистской оккупации // Край Смоленский. 2015. № 9. С. 36; *Игнатова А.* Подвиг семлевцев // Ленинский путь. 1983. 12 марта; Книга памяти мирных жителей. Т. 7. Смоленск, 2005. С. 139; *Валуев Я.П.* Ельнинские грозы. Воспоминания секретаря подпольного райкома партии. Смоленск, 2000. С. 106; Смоленская область в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): Сборник документов и материалов. М., 1977. С. 152, 154, 185; Первая партизанская. М., 9183. С. 163; Советские партизаны. Из истории партизанского движения в годы Великой Отечественной войны.

Окончаниее табл. 1

№	Район	Освобожденная площадь, км²	Сельсоветы			Населенные пункты		% освобожденной территории района или его части
			Всего в районе	В т. ч. в северной или южной части	Из них освобождено	Всего в районе или в его части	Из них освобождено	
9	Сафоновский (южная часть)	60	23	6	3 – полностью	368	48	50
10	Семлевский	470	21	–	5 – полностью 3 – частично	192	59	31
11	Спас-Деменский	30	27	–	2 – полностью 1 – частично	225	20	8,9
12	Темкинский	40	22	–	1 – полностью 2 – частично	379	34	9,0
13	Ярцевский (южная часть)		14	3	1 – полностью	310	22	33
	Всего:	6140	302		102 – полностью 19 – частично	4733	1515	

М., 1963. С. 160; ЦДНИСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 16. Л. 23; Там же. Оп. 8. Д. 97. Л. 56; Там же. Оп. 1. Д. 407. Л. 43; Там же. Ф. 89. Оп. 1. Д. 53. Л. 41; Там же. Ф. 8. Оп. 8. Д. 85. Л. 15; Там же. Оп. 1. Д. 30. Л. 62, 76; Там же. Ф. 142. Оп. 4. Д. 50. Л. 75; Там же. Ф. 8. Оп. 1. Д. 490. Л. 22; Там же. Ф. 142. Оп. 4. Д. 204. Л. 72; Там же. Ф. 8. Оп. 1. Д. 293. Л. 86; Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 741. Л. 169; Там же. Ф. 8. Оп. 2. Д. 84. Л. 19; Там же. Оп. 1. Д. 406. Л. 35; Там же. Д. 211. Л. 58, 85; Там же. Оп. 6. Д. 193. Л. 30; Там же. Оп. 1. Д. 483. Л. 13; Там же. Ф. 142. Оп. 4. Д. 98. Л. 82; Там же. Оп. 2. Д. 638. Л. 16, 34.

Таблица 2

Площадь освобожденных территорий Южного Ельнинского партизанского края[5]

№	Район	Освобожденная площадь, км²	Сельсоветы		Населенные пункты		% освобожденной территории района или его части
			Всего в районе или в его части	Из них освобождено	Всего в районе или в его части	Из них освобождено	
1	Ельнинский (южная часть)	650	17	11 – полностью 2 – частично	340	237	70
2	Екимовичский	580	22	2 – полностью	546	25	4,6
3	Починковский	190	26	2 – полностью 1 – частично	529	60	3,8
4	Стодолищенский	250	22	2 – полностью	335	30	12
5	Глинковский (южная часть)	120	4	1 – полностью	285	54	25
Всего:		1790	91	18 – полностью 3 – частично	1035	306	

Детальным анализом освобождения партизанами территорий сельсоветов исследователи почти не занимались. В 1973 г. вышла единственная публикация на эту тему – статья В.А. Шулякова «Советы в тылу врага»[6]. Автор, на наш взгляд, допустил в ней принципиальную системную ошибку. Он не учитывал действия армии в ходе Торопецко-Холмской операции в южном направлении вплоть до Рудни. В результате партизанам приписывается освобождение территорий Слободского, Понизовского, части Руднянского, Демидовского и Пречистенского районов, что не соответствует действительности. В табл. 3 приводятся данные об освобождении сельсоветов Северо-Западного партизанского края.

---

[5] Подсчитано по: Атлас «Смоленская область». Великий Новгород, 2012. Масштаб 1:100 000. С. 97–99, 106–108; Административно-территориальное деление Смоленской области. Справочник. Смоленск, Государственный архив Смоленской области, 1993. С. 132–133; *Юденков А.В.* В тылу врага, вблизи фронта. Смоленск, 1963. С. 173; По дорогам боевой славы. Смоленск, 1967. С. 7; *Боровичев П.И.* За линией фронта. Воспоминания организатора и командира партизанского отряда «За Родину». Кн. 1. Смоленск, 1998. С. 25; ЦДНИСО. Ф. 1655. Оп. 1. Д. 1. Л. 1; Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 741. Л. 169.

[6] Уходили в поход партизаны: Сборник материалов научной конференции «Всенародная борьба с немецко-фашистскими захватчиками на временно оккупированной территории Смоленской области в период Великой Отечественной войны 1941–1943 гг.». Смоленск, 1973. С. 248–253.

Таблица 3

Территории сельсоветов Северо-Западного партизанского края, освобожденных в 1942 г.[7]

№	Районы	Число сельсоветов	Партизаны		Красная Армия		Всего	
			Полностью	Частично	Полностью	Частично	Полностью	Частично
1	Слободской	14	–	–	14	–	14	–
2	Демидовский	16	4	2	7	–	11	2
3	Касплянский	21	13	–	–	–	13	–
4	Духовщинский (западная часть)	13	10	1	–	–	10	1
5	Пречистенский (западная часть)	7	–	3	4	1	4	4
6	Понизовский	17	–	–	17	–	17	–
7	Руднянский	26	4	–	3	7	7	7
	Всего:	114	31	6	45	8	76	14

Итак, из 114 сельсоветов Северо-Западного партизанского края было освобождено 76 полностью и 14 частично. На долю партизан приходится менее половины из этого числа (40,7 %). Объективный анализ показывает, что партизаны здесь решали специфическую задачу огромной важности: они, по сути, являлись силой, удерживавшей огромный по протяженности участок фронта на восточном фланге рубежей 4-й Ударной армии, в сентябре 1942 г. отразили мощное наступление врага на Слободу, вели диверсии и боевые действия в ближайшем немецком тылу в полосе 4-й Ударной армии.

Освобождение сафоновскими партизанами 20 января 1942 г. ст. Вадино положило начало образованию Вадинского партизанского края. Он нависал с севера над железной дорогой и магистралью Москва – Минск и включал юго-западную часть Холм-Жирковского, восточную часть Батуринского и Духовщинского, северные части Издешковского, Сафонов-

[7] Составлено по: Административно-территориальное деление Смоленской области. Справочник. Смоленск, Государственный архив Смоленской области, 1993. С. 132–133; Уходили в поход партизаны: Сборник материалов научной конференции «Всенародная борьба с немецко-фашистскими захватчиками на временно оккупированной территории Смоленской области в период Великой Отечественной войны 1941–1943 гг.». Смоленск, 1973. С. 248–249; Война народная: очерки истории всенародной борьбы на оккупированной территории Смоленщины. 1941–1945 гг. Смоленск, 1985. С. 98; ЦДНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 748. Л. 27, 39; Там же. Ф. 8. Оп. 1. Д. 16. Л. 114; Там же. Оп. 8. Д. 152. Л. 21, 23; Там же. Ф. 142. Оп. 2. Д. 804. Л. 7; Там же. Д. 877. Л. 35; Там же. Оп. 4. Д. 265. Л. 18; Там же. Ф. 1719. Оп. 1. Д. 1. Л. 16; Там же. Ф. 1737. Оп. 1. Д. 5. Л. 42.

ского и Ярцевского районов. Два райцентра (Холм-Жирки и Батурино) были освобождены и полгода находились в руках партизан.

В табл. 4 приводятся данные об освобождении сельсоветов Вадинского партизанского края.

Таблица 4

Территории сельсоветов Вадинского партизанского края, освобожденных в 1942 г.[8]

№	Районы	Число сельсоветов	Партизаны		Красная Армия		Всего	
			Полностью	Частично	Полностью	Частично	Полностью	Частично
1	Батуринский	24	24	–	–	–	24	–
2	Духовщинский (восточная часть)	12	9	1	–	–	9	1
3	Издешковский (северная часть)	12	6	1	–	–	6	1
4	Сафоновский (северная часть)	17	8	1			8	1
5	Холм-Жирковский	18	–	–	18	–	18	–
6	Ярцевский (северная часть)	12	8	1	–	–	8	1
7	Бельский (южная часть)*	5	2	–			2	1
18	Пречистенский (восточная часть)*	11	3	2			3	2
	Всего:	111	60	6	18	–	78	6

* Сельсоветы, освобожденные Красной Армией в южной части Бельского и восточной части Пречистенского районов, учены при анализе Северо-Западного партизанского края. – *О.И.*

[8] Составлено по: Административно-территориальное деление Смоленской области. Справочник. Смоленск, Государственный архив Смоленской области, 1993. С. 132–133; Уходили в поход партизаны: Сборник материалов научной конференции «Всенародная борьба с немецко-фашистскими захватчиками на временно оккупированной территории Смоленской области в период Великой Отечественной войны 1941–1943 гг.». Смоленск, 1973. С. 249; Смоленская область в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): Сборник документов и материалов. М., 1977. С. 152; Партизанская борьба с немецко-фашистскими оккупантами на территории Смоленщины. 1941–1943 гг.: документы и материалы. Смоленск, 1962. С. 126; Из истории партизанского движения в годы Великой Отечественной войны. М., 1963. С. 161; Война народная: очерки истории всенародной борьбы на оккупированной территории Смоленщины. 1941–1945 гг. Смоленск, 1985. С. 94; ЦДНИСО. Ф. 8. Оп. 8. Д. 219. Л. 2; Там же. Оп. 2. Д. 171. Л. 5; Там же. Оп. 1. Д. 30. Л. 112, 119, 123; Там же. Ф. 142. Оп. 2. Д. 573. Л. 17; Там же. Оп. 4. Д. 290. Л. 90; Там же. Оп. 2. Д. 713. Л. 10; Там же. Д. 724. Л. 11; Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 748. Л. 15; Там же. Ф. 8. Оп. 8. Д. 13. Л. 10; Там же. Д. 152. Л. 21, 27, 29; Там же. Д. 97. Л. 114, 125; Там же. Оп. 1. Д. 401. Л. 48; Там же. Оп. 2. Д. 100. Л. 132; Там же. Д. 138. Л. 4; Там же. Оп. 8. Д. 341. Л. 21.

Итак, на освобожденной территории Смоленщины зимой 1941/1942 г. образовались четыре партизанских края общей площадью 17 800 кв. км[9]. Они охватили 26 районов области. Некоторые из них с помощью Красной Армии были освобождены от оккупантов полностью (Понизовский, Слободской, Холм-Жирковский, Дорогобужский, Батуринский). Часть районов была очищена от врага почти полностью (Глинковский, Всходненский, Знаменский, Ельнинский). Территории семи районов входили в состав сразу двух партизанских краев, столько же районов имели по 1–2 освобожденных сельсовета.

Таблица 5

Данные о партизанских краях Смоленской области на апрель 1942 г.

Партизанский край	Время образования	Занимаемая площадь, км^2	Количество сельсоветов, освобожденных партизанами	Количество партизан, чел.
Дорогобужский	Январь – февраль 1942 г.	6140	102 – полностью 19 – частично	16 000
Южный Ельнинский	Январь – март 1942 г.	1790	18 – полностью 3 – частично	4500
Вадинский	Январь – февраль 1942 г.	5260	60 – полностью 6 – частично	6000
Северо-Западный	Январь – март 1942 г.	5180	31 – полностью 6 – частично	5500
Итого:		18 370*	211 – полностью 34 – частично	32 000**

* Подсчитано нами по: Атлас «Смоленская область». Великий Новгород, 2012. Масштаб 1:100 000. С. 40–43, 52–56, 64, 66–70, 72–79, 85–92, 92а, 97–100, 105–108.

** Война народная: очерки истории всенародной борьбы на оккупированной территории Смоленщины. 1941–1945 гг. Смоленск, 1985. С. 100; Уходили в поход партизаны: Сборник материалов научной конференции «Всенародная борьба с немецко-фашистскими захватчиками на временно оккупированной территории Смоленской области в период Великой Отечественной войны 1941–1943 гг.». Смоленск, 1973. С. 248–249; Очерки истории Смоленской организации КПСС. М., 1970. С. 332; *Комаров Д.Е.* Смоленская область в огне Великой Отечественной: война, народ, победа. Смоленск, 2015. С. 157.

[9] *Пережогин В.А.* Партизанское Подмосковье. М.: Московский рабочий, 1981. С. 62; Партизанское подполье. М.: Политиздат, 1983. С. 303; *Пономаренко П.К.* Всенародная борьба в тылу немецко-фашистских захватчиков. 1941–1944. М., 1986. С. 124; История Второй мировой войны 1939–1945. Т. 5. М., 1975. С. 294.

Исследователи обычно указывают площадь партизанских краев на Смоленщине 17,8 тыс. кв. км[10]. Вычисленная нами площадь уточняет эту цифру, увеличивая ее до 18 370 кв. км. Количество освобожденных сельсоветов обычно указывают в 319, в т. ч. 264 – полностью и 55 – частично[11]. Всего в 1942 г. партизаны и Красная Армия освободили в партизанских краях 280 сельсоветов полностью и 42 – частично (58 % общего числа сельсоветов, входивших в партизанские края). При этом самостоятельно партизаны освободили 211 сельсоветов полностью и 34 – частично (44 % от всех сельсоветов в партизанских краях). Красная Армия освобождала сельсоветы лишь в Северо-Западном и Вадинском партизанских краях.

Следует подчеркнуть тот факт, что партизаны контролировали более четверти всей территории области, равной 72,2 тыс. кв. км (в границах 1939 г.), – без учета партизанских зон и отдельных районов, не входивших в какой-либо партизанский край.

---

[10] *Пережогин В.А.* Партизанское Подмосковье. М.: Московский рабочий, 1981. С. 62; Уходили в поход партизаны: Сборник материалов научной конференции «Всенародная борьба с немецко-фашистскими захватчиками на временно оккупированной территории Смоленской области в период Великой Отечественной войны 1941–1943 гг.». Смоленск, 1973. С. 248–249; Война народная: очерки истории всенародной борьбы на оккупированной территории Смоленщины. 1941–1945 гг. Смоленск, 1985. С. 100.

[11] Уходили в поход партизаны: Сборник материалов научной конференции «Всенародная борьба с немецко-фашистскими захватчиками на временно оккупированной территории Смоленской области в период Великой Отечественной войны 1941–1943 гг.». Смоленск, 1973. С. 248–249; Война народная: очерки истории всенародной борьбы на оккупированной территории Смоленщины. 1941–1945 гг. Смоленск, 1985. С. 100; *Касаткин М.А.* В тылу немецко-фашистских армий «Центр»: всенародная борьба на оккупированной территории западных областей РСФСР 1941–1943 гг. М., 1980. С. 233.

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ КАК КОНСОЛИДИРУЮЩИЙ ФАКТОР В БОРЬБЕ ПРОТИВ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Каторжевский Павел Николаевич
(Белорусский государственный университет)

Победа советского народа в Великой Отечественной войне зачастую репрезентируется в ряде каналов коммуникации как результат геополитического превосходства Советского Союза либо же преимущества якобы существующих имманентных черт характера, присущих народам, населявшим СССР. Для западной прессы времен холодной войны имело место стремление представить победу советского народа в ВОВ как обыкновенный результат численного превосходства Красной армии над войсками фашистской Германии и ее союзников. В конце концов, победа советского народа в ВОВ большинством исследователей рассматривается как результат необходимости защиты территории, сохранения человеческих ресурсов и сложившейся формы государственности. Перефразируя Питирима Сорокина – результат защиты от потенциального ущемления инстинктов и реализация базового инстинкта самосохранения.

Вторая мировая война и Великая Отечественная как составная ее часть не были случайностью в категориальном смысле этого слова и были неизбежным результатом противоречий между двумя системами, одна из которых, несмотря на чудовищные бюрократические деформации, двигалась по пути социального прогресса, а вторая родилась на почве реваншизма, ксенофобии, как выражался фрейдомарксист Эрих Фромм[1], некрофилии, т. е. стремления превращать живое в неживое, и была вызвана к «жизни» из-за необходимости законсервировать социальные противоречия.

Не случайно в фашистской Германии использовались лозунги, направленные именно на то, чтобы заставить граждан одинаково думать, одинаково реагировать и беспрекословно выполнять все распоряжения властей, как пример – лозунг «Один народ, один Рейх, один фюрер». Стоит особо отметить, что ряд публицистов, анализируя причины начала Второй мировой войны и прихода нацистов к власти, часто приписывают немцам мифическую, якобы присущую им воинственность и «врож-

[1] *Фромм Э.* Анатомия человеческой деструктивности. М.: Республика, 1994. С. 285.

денную агрессивность». Однако подобные заявления не соответствуют действительности в силу того, что нацистам, пришедшим к власти в 1933 году, понадобилось более шести лет, чтобы подчинить немецких рабочих своей диктатуре и подавить антифашистское сопротивление, которое, тем не менее, не было уничтожено окончательно[2].

Коммунистическая идеология, в свою очередь, заявляла о необходимости расширения творческой активности масс и не реанимировала наиболее варварские и отжившие традиции прошлого, а заявляла об использовании всех лучших достижений человеческой мысли при движении к построению нового общества. Конечно, совершенно невозможно отрицать бюрократические искажения и последовавшие за ними репрессии в отношении населения и многих членов ВКП(б), однако здесь наиболее здравой и учитывающей как внутренние, так и внешние противоречия представляется позиция Л.Д. Троцкого, описанная им в тексте «СССР в войне». Там Л.Д. Троцкий заявляет о необходимости безусловной защиты Советского Союза, впрочем, продолжая последовательно критиковать сталинскую бюрократию[3].

Не лишним будет упомянуть, что именно ВКП(б) была авангардной силой советского общества, которая мобилизовала советских граждан против общей угрозы и активнейшим образом участвовала в организации сопротивления фашистской агрессии. За годы войны отдали свою жизнь во имя победы около двух миллионов коммунистов – свыше половины состава ВКП(б) к лету 1941 года[4]. Не отставал и помощник партии, ее молодежный резерв – ленинский комсомол. Только комсомольские организации Москвы и области направили в 1941 г. на фронт свыше 300 тыс. своих членов. В сентябре 1941 г. комсомол участвовал в формировании системы всеобщего военного обучения (Всевобуча), благодаря которой за годы войны было обучено различным военным специальностям около 1,7 миллионов будущих призывников. За героизм и мужество, проявленные в борьбе против фашизма, 3500 комсомольцев были удостоены звания Героя Советского Союза (из них 60 человек – дважды)[5].

Конечно, не все красноармейцы и партизаны были коммунистами и носили в карманах партийные билеты, однако можно с уверенностью сказать, что для большинства советских людей такие ценности, как патриотизм и социальная справедливость, не были чуждыми и в то же время органично вписывались в рамки коммунистической идеологии. Значение

---

[2] *Сосновский Л.* Что такое фашизм? [Электронный ресурс] URL: https://socialist.news/read/article/what-is-fascism/ (дата обращения: 30.01.2020).

[3] *Троцкий Л.Д.* СССР в войне / Л. Троцкий. «Бюллетень оппозиции». № 79–80, август–сентябрь–октябрь 1939. С. 2.

[4] История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 5. Кн. 1. М., 1970. С. 643.

[5] *Каторжевский П.* Комсомолу – 100 лет. Что эта дата означает для нас сегодня? [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://left.by/archives/15886/ (дата обращения: 30.01.2020).

имело и то, что советская система обеспечивала бывшим «низам» общества, т. е. большинству населения, путь к образованию, улучшению качества жизни, повышению социального статуса и предоставила возможность в полной мере воспользоваться так называемыми «социальными лифтами»[6]. Не зря одним из лозунгов, вдохновлявших бойцов Красной армии на фронтах ВОВ, стали слова: «Завоеваний Октября не отдадим!».

---

[6] *Сенявский А.* Идеологический фактор и феномен массового героизма в Великой Отечественной войне [Электронный ресурс] URL: http://rossiyanavsegda.ru/read/1977/ (дата обращения: 30.01.2020).

ДЕТАЛИЗАЦИЯ БЫТА МИРНОГО НАСЕЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ОККУПАЦИИ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА СОГЛАСНО МАТЕРИАЛАМ ИСТОЧНИКОВ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Киндяков Сергей Александрович, Жукова Юлия Александровна (Краснодарская региональная общественная поисково-исследовательская организация «Высота»)

Период оккупации населенных пунктов Северо-Западного Кавказа в ходе Великой Отечественной войны занимал сравнительно небольшой отрезок времени (6 месяцев) в отличие от иных оккупированных регионов СССР, которые находились под властью вражеской администрации большую часть военного времени. Подчас оккупация отдельных территорий (Украинская ССР, Эстонская ССР, Латвийская ССР, Литовская ССР, Белорусская ССР) продолжалась в течение не одного календарного года. В предгорной же части Краснодарского края период оккупации населенных пунктов продолжался в течение шести месяцев, согласно официальным научным исследованиям, средствам массовой информации, свидетельствам участников и очевидцев оккупации и боев за освобождение рассматриваемых территорий[1]. За столь непродолжительный период времени оккупационная немецкая администрация не успела в полной мере развернуть мероприятия по созданию «нового режима», и в соответствии с территориальными планами А. Розенберга и А. Шикеданца Северо-Западная часть Кавказских территорий не была преобразована в отдельный рейхскомиссариат[2]. Данный факт не позволяет в полной мере обозначать оккупационную политику на изучаемых территориях как сформированную.

Однако стоить отметить, что, несмотря на кратковременность оккупационного периода, он привел к негативным изменениям и деформации социальных институтов, нанес ущерб экономическому развитию региона. Восстановление населенных пунктов после окончания оккупационного периода зачастую продолжалось весьма длительный период времени. Кроме того, вторжение войск неприятеля и постоянное состояние опасности, возникающее в связи с этим, не могло не оставить разрушительных

---

[1] *Ковалев Б.* Повседневная жизнь населения России в период нацистской оккупации. М.: Молодая гвардия, 2011. С. 78–79.

[2] *Кларк А.* План Барбаросса. Крушение III Рейха 1941–1945 гг. М.: Центрполиграф, 2004. С. 181.

последствий для местного населения (разрушение жилья, уничтожение продовольствия, моральное и физическое насилие, убийства).

Это подтверждает факт того, что в процессе сбора воспоминаний очевидцев оккупационных событий в ряде населенных пунктов Северо-Западного Кавказа большинство свидетельств, полученных от респондентов, были отмечены резко негативным тоном в отношении оккупационной политики и действий оккупантов на территории их «малой родины». Здесь уместно привести некоторые фрагменты воспоминаний, взятых из архива Краснодарской региональной общественной поисково-исследовательской организации «Высота».

Шевцова Мария Алексеевна, во время начала оккупации проживавшая в рабочем поселке Хадыженской (ныне г. Хадыженск), говоря о начале оккупации, не могла сдержать эмоций: «...о начале оккупации все помню, тут было такое, что не дай бог! Немцы отовсюду заходили: по лесу и из [станицы] Куринки и из [станицы] Кабардинской...»[3] Подобные оценки были неслучайными, поскольку многие местные жители в лице врага ожидали страшных угнетателей и готовились к худшим последствиям после встречи с ними. И эти ожидания впоследствии были полностью оправданны. Отвечая на вопросы о начальном периоде оккупации, коренная жительница станицы Нижегородской Хрей Нина Ильинична также отметила экспрессивные представления об армии оккупантов: «...до того, как немцы пришли к нам в станицу, нам их описывали как чудовищ с рогами...»[4] Такое представление было недалеким от истины, однако скорее касалось их жестокого отношения к местному населению.

Еще до начала формирования оккупационного режима действия солдат противника нарушали правила обращения с мирным населением в военное время. Учитывая близость линии фронта, которая располагалась в районах на ближайших подступах к г. Туапсе на горных перевалах (с. Тубы, х. Маратуки, г. Облепен и т. д.) и г. Гунай (с. Фанагорийское, г. Фонарь и т. д.)[5]. Действия оккупационной администрации усугублялись также нестабильным положением на линии фронта, которая то приближалась, то отдалялась. Жители населенных пунктов предгорной части Краснодарского края вынуждены были находиться в прифронтовой полосе или на линии фронта, покидая свои жилища в поисках более безопасных мест для проживания.

О непростых условиях проживания, которые сложились с первых дней прихода неприятеля в хутор Спасов Апшеронского района, также рассказывает Чухова Александра Андреевна: «...нам очень плохо жилось, воды не было. Речка “Балка” была напротив моего дома в низине. Мы но-

---

[3] *Шевцова М.А.* Воспоминания // Архив КРОПИО «Высота». Ф. 1. Д. 2. Л. 103.

[4] *Хрей Н.И.* Воспоминания // Архив КРОПИО «Высота». Ф. 1. Д. 2. Л. 98.

[5] *Пятигорский Э.И.* История – это то, что было. Туапсинская оборонительная операция. Хроника. Факты. Размышления, комментарии и версии краеведа. Туапсе: [б. и.], 1992. С. 134–135.

сили оттуда воду, мама оставляла меня на обочине, а сама уходила. А немцы у нас ее забирали. Не давали попить нам воды...»[6] Нина Ильинична также указывала на тот факт, что продукты немецкие солдаты забирали из домов по своему усмотрению, без уведомления людей, проживающих в конкретном подворье[7]. Однако мнения очевидцев в отношении притеснений со стороны оккупационных властей разнятся. Многие из опрошенных очевидцев, в том числе и коренная жительница г. Хадыженска Таранова Вера Васильевна, указали на тот, факт, что немцы по большей части были сосредоточены на ведении боевых действий, тогда как ограблением местного населения занимались отобранные из числа местного населения отряды полицаев: «...продукты даже забирали у нас чаще всего не немцы, а полицаи...» – уточняет в своих воспоминаниях Вера Васильевна[8]. Кроме того, подобными действиями занимались пришедшие вместе с немцами отряды коллаборационистов[9].

С приходом оккупационных войск бытовые условия населения резко ухудшились. Представители «новой власти», занимая домовые постройки, оставляли местное население фактически без крова: «...во время оккупации нам приходилось жить в подвале (погребе) нашего собственного дома. А немцы жили в нем самом...» – рассказывает жительница ст. Кабардинской Апшеронского района Тоцкая Таисия Васильевна[10].

Охотно рассказывала о способах пропитания, которые находило местное население во время оккупации, Таранкина Таисия Георгиевна, проживавшая во время войны в ст. Кубанской Апшеронского района: «...картошку мы сажали свою, только с огорода и питались. Голодовали, конечно. Нас выручали кислицы и груши. Тыкву сажали, ходили за солью в те районы, где ее можно было достать. Мама выменивала на соль и другие продукты, кукурузу, например, тканевые отрезы, которые ей удалось сохранить...»[11] При этом, как показало проведенное этнографическое исследование в ряде населенных пунктов Северо-Западного Кавказа, голод был практически повсеместным, учитывая время начала оккупации (август 1942 г.). Мирное население было лишено возможности вовремя убрать урожай и заготовить его на зиму, притом что большая часть крупных хранилищ зерна была либо эвакуирована, либо уничтожена местными властями в процессе эвакуации. Тот урожай, который удалось спасти, местное население было вынуждено скрывать от оккупационных войск и полицаев. В собранных воспоминаниях были встречены случаи сокры-

---

[6] *Чухова А.А.* Воспоминания // Архив КРОПИО «Высота». Ф. 1. Д. 2. Л. 102.

[7] *Хрей Н.И.* Воспоминания // Архив КРОПИО «Высота». Ф. 1. Д. 2. Л. 98.

[8] *Таранова В.В.* Воспоминания // Архив КРОПИО «Высота». Ф. 1. Д. 2. Л. 91.

[9] *Колесниченко В.Г.* Воспоминания // Архив КРОПИО «Высота». Ф. 1. Д. 2. Л. 44.

[10] *Тоцкая Т.В.* Воспоминания // Архив КРОПИО «Высота». Ф. 1. Д. 2. Л. 96.

[11] *Таранкина Т.Г.* Воспоминания // Архив КРОПИО «Высота». Ф. 1. Д. 2. Л. 90.

тия овощей и семян под полом и в земле, что, однако, не всегда обеспечивало безопасность спрятанным припасам[12].

К сожалению, в рамках настоящей статьи невозможно раскрыть все особенности и трагедию оккупационного режима предгорной части Краснодарского края, которые были выявлены в ходе проводимого исследования. Однако материалы, использованные в работе, позволяют указать на тяжесть оккупационного режима, начавшегося на Северо-Западе Кавказа летом 1942 года.

---

[12] *Тарасян А.А.* Воспоминания // Архив КРОПИО «Высота». Ф. 1. Д. 2. Л. 93.

ВЫСТАВКА «НАСТРОЕНИЕ – ПОБЕДА» В МУЗЕЕ ИСТОРИИ ГОРОДА ЯРОСЛАВЛЯ: ПОДХОДЫ К ПОПУЛЯРИЗАЦИИ ПАМЯТИ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ В СРЕДЕ ШКОЛЬНИКОВ[1]

Козлова Светлана Юрьевна, к.и.н.
(Музей истории города Ярославля)

В условиях постепенного ухода из жизни поколения, пережившего Великую Отечественную войну, и нарастания временной удаленности от исторического события образы войны в памяти народа становятся все более относительными, нечеткими, они, как правило, транслируются извне, в связи с чем все более остро ставится вопрос о том, какая трактовка событий ляжет в основу получаемых знаний. Выставка «Настроение – Победа» (совместный проект музея и Государственного архива Ярославской области) ориентирована на школьников, в ее основе лежит идея о том, что война – это не только время глобальных политических и экономических трансформаций, но и смена эмоционального фона жизни людей[2].

Работа с аудиторией на выставке базируется на принципе ассоциативного соотношения жизни современных детей и детей в тыловом городе Ярославле в военное время. Нарратив выставки – тексты со страниц газеты «Северный рабочий»[3], в редакции которой «ковался» настрой на победу (подбирались нужные мотивирующие слова, не противоречившие общепринятым советским шаблонам, и отбирались яркие мотивирующие примеры из жизни города). Среди наиболее распространенных штампов передачи эмоционального настроя на победу: «враг будет уничтожен», «грозен гнев народа», «не повернуть озверелым фашистам колесо истории вспять»[4]. Среди поддерживавших настрой на победу высказываний, мотивирующих интенсифицировать трудовую деятельность ярославцев:

---

[1] Исследование осуществлено при поддержке фонда «История Отечества».

[2] *Козлова С.Ю.* Концепция выставки «Настроение – Победа» (17 апреля – 24 июня 2020 г.).

[3] Выпускалась с 1908 г. С июля 1922 г. газета выходила под названием «Северный рабочий». За период с февраля 1938 по октябрь 1947 г. являлась органом Ярославского обкома и горкома ВКП(б), Ярославского облисполкома.

[4] Северный рабочий. 1941. 23 июня; там же. 1941. 26 июня; там же. 1941. 27 июня.

«от нашей работы во многом зависит успех и на фронте», «мы не можем, не имеем права оставаться безучастными»[5].

Эмоциональная функция текстов военного времени в данном случае лежит в основе принципов сохранения памяти о войне, трансляции информации о войне в музейном пространстве. Практика проведения экскурсий и уроков в музее показывает, что наиболее эффективным способом запоминания школьниками информации о войне является представление ярких, запоминающихся фактов. В соответствии с этим принципом работа со школьниками построена на рассмотрении базовых тем, которые показывают, как изменилась жизнь детей в годы войны, в том числе четырех тем, связанных с организацией учебного процесса в школах.

В общении с детьми ставится проблема реализации программы всеобуча в условиях сокращения площадей, отводимых под учебные классы, передачи школьных помещений под госпитали (в годы войны в Ярославле действовали 29 эвакогоспиталей) и военные части. В первом полугодии 1941–1942 учебного года заведующим гороно выделялись следующие проблемы: «отсутствие школьных помещений у ряда школ, частые переезды из одного помещения в другое, трех-четырехсменность занятий, сокращенный урок, отсутствие возможности пользования школьными кабинетами, библиотеками, значительные изменения в составе учащихся, недостаточная обеспеченность учащихся учебниками и учебными пособиями»[6]. Эти проблемы в разной степени проявляли себя на протяжении войны, а их отголоски наблюдались и в первые послевоенные годы.

В справке о состоянии всеобуча в г. Ярославле, датированной не позднее 1 апреля 1942 г., отмечается, что в школах не обучалось более 4,5 тыс. детей в возрасте от 8 до 16 лет (в т. ч. «из-за отсутствия одежды и обуви» и «по болезни»)[7]. На декабрь 1942 г. в Ярославле насчитывалось 32 школьных здания (421 классная комната), занятых не по прямому назначению[8]. Тогда же под школы было передано 11 зданий, мало подходящих для организации учебного процесса (клуб, барак, контора, студенческое общежитие, парикмахерская, магазин и т. д.)[9]. 17 августа 1943 г. Ярославский горисполком принял решение о раздельном обучении мальчиков и девочек, касавшееся средних и неполных средних школ[10].

Второй аспект, на который обращается внимание в общении со школьниками, – *сбор средств, продуктов питания и вещей* в условиях ограниченного обеспечения ими, необходимость изготавливать вещи своими руками из имеющихся материалов, *участие в самодеятельности*. Концертная бригада Дворца пионеров и октябрят только за три первых ме-

---

[5] Там же. 1942. 29 августа; там же. 1942. 20 сентября.

[6] Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Ф. Р-1075. Оп. 1. Д. 224. Л. 112.

[7] Там же. Д. 202. Л. 94.

[8] Там же. Д. 222. Л. 1, 2.

[9] ГАЯО. Ф. Р-1075. Оп. 1. Д. 222. Л. 3.

[10] Там же. Ф. Р-1269. Оп. 3. Д. 142А. Л. 78.

сяца войны провела 200 концертов, в том числе в военных частях, на призывных пунктах и в госпиталях Ярославля и Ярославской области[11].

В многочисленных документах эта деятельность преподносится как эмоционально обогащавшая адресатов, воодушевлявшая их на дальнейшую борьбу до победы, а лейтмотивом этих документов можно считать фразу: «страну, в которой даже дети горят единым желанием помочь фронту, разгромить врага, такую страну победить нельзя»[12].

Ограниченность продовольственного обеспечения демонстрируется на примере новогоднего подарка (по норме выдачи продуктов), в который в 1941 г. входили: 150 гр. пряников, по 75 гр. сухарей и конфет, по 20 гр. печенья и монпасье[13].

Обращается внимание и на *практическую направленность обучения с упором на военно-физическую подготовку и трудовое воспитание* – «обогащение детей глубокими практическими знаниями, которые дали бы им возможность применить их в условиях советской действительности»[14]. Отсутствие помещений, как правило, не позволяло организовать военный кабинет при школе, но при этом организовывались военные уголки и уголки «героики русского народа»[15]. Оборудование для занятий (макеты ружей, болванки гранат и т. д.) закупались или изготавливались самими учениками, а физзарядка проводилась каждый день по 15 минут перед началом занятий. Ученики работали на земельных участках, передававшихся школам предприятиями, площадь которых в 1944 г. составляла от 0,5 га до 5,25 га[16], в колхозах и совхозах Ярославской области.

Последний блок информации *касается изменения школьной программы* с упором на героические тексты и *политико-воспитательную работу*. Программный материал был связан с текущими событиями, на уроках русского языка, литературного чтения, истории и географии использовались газетные и журнальные статьи. На уроках арифметики цифровые данные к задачам часто брались из военной жизни и работы тыла, на уроках физики и химии обращалось внимание на применение знаний в военное время[17]. В контрольных работах по русскому языку для 5-х классов за первое полугодие 1943/1944 учебного года поднимались темы, связанные с участием детей в партизанском движении и работой на промышленных предприятиях в тылу[18]. В условиях военного времени тексты литературных произведений получали новую интерпретацию. В 5-м классе учащимся мужской семилетней школы № 3 города Ярославля в 1943/1944 учебном году по произведению И.С. Тургенева «Муму»

---

[11] ГАЯО. Ф. Р-1075. Оп. 1. Д. 202. Л. 87.

[12] Там же. Д. 229. Л. 65.

[13] Там же. Д. 202. Л. 85 об.

[14] Там же. Д. 229. Л. 57.

[15] Там же. Д. 263. Л. 97.

[16] Там же. Д. 243. Л. 125, 125 об.

[17] Там же. Д. 263. Л. 110.

[18] Там же. Д. 260. Л. 41.

рассказывали «о бесправном положении крестьян в прошлом» и о том, «что несет фашизм в настоящее время в порабощенных странах»[19]. Классные руководители в специально отведенные дни проводили беседы о текущих событиях, зачитывали сводки информбюро, знакомили с биографиями героев Отечественной войны[20]. Активно в годы войны работали кружки, в школе № 3 помимо прочих работал кружок «по изучению винтовки и гранаты»[21].

В общении с современным поколением детей эффективным способом сохранения и популяризации памяти о Великой Отечественной войне является использование ярких фактов о войне с применением ассоциативного подхода.

---

[19] Там же. Д. 263. Л. 92.

[20] Там же. Л. 110.

[21] Там же. Д. 263. Л. 115.

ПАМЯТЬ О ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ КАК ФАКТОР УЧАСТИЯ ИТАЛЬЯНОК В АНТИВОЕННОМ ДВИЖЕНИИ В 1940 – 1960-е гг.

Козлова Светлана Юрьевна, к.и.н.
(Музей истории города Ярославля)

В годы Второй мировой войны итальянки принимали активное участие в движении Сопротивления. В 1944 г. в рамках Сопротивления появились две организации, находившиеся в авангарде женского движения в послевоенный период. 15 сентября в освобожденном Риме по инициативе коммунисток Р. Монтаньяна, М. Ромита, Б. Музу, Э. Гуальди, М. Родано и социалистки Дж. Ненни был организован Союз итальянских женщин (Unione delle Donne Italiane), целью которого являлась мобилизация итальянок в освободительной борьбе, помощь бойцам и их семьям[1]. В октябре там же, в Риме, под руководством Католического действия был создан Итальянский женский центр (Centro Italiano Femminile), деятельность которого была направлена на содействие участию католичек в антифашистской борьбе[2].

В послевоенный период исходные антивоенные настроения итальянок, порожденные памятью о Второй мировой войне, сыграли важнейшую роль в организации их участия в антивоенном движении. Память военного поколения, пережившего тяготы войны, конструировалась на основе собственного опыта, и в условиях высокого уровня политизации в женской среде корректировалась сообразно идейной и политической направленности организаций и объединений, в которых состояли итальянки. Для этого поколения в повседневной жизни память о войне и последствия войны были тесно связаны. Анализ антивоенных акций 1940-х – 1960-х гг. (в том числе в русле Движения сторонников мира), в которых принимали участие итальянки, позволил выделить четыре базовые мотивационные характеристики памяти о войне.

Во-первых, память о вкладе итальянок в победу над фашизмом лежала в основе их продвижения на политическом поприще и в целом их общественной активности в послевоенный период, в том числе и в ан-

---

[1] Costituzione dell'Unione Donne Italiane (15 settembre 1944 – Roma) // Quaderni della FIAP. 1978. № 28. P. 57–59.

[2] *Rodano M.* Memorie di una che c'era. Una storia dell'Udi. Milano: il Saggiatore, 2010. P. 27.

тивоенном движении. Политические партии выработали каноны женской антифашистской модели, активно использовали метод героизации женщин-политиков, тиражировали в прессе их биографии с акцентом на участии в антифашистском движении. Использовались такие характеристики, как «смелая участница антифашистской борьбы», «женщина с безупречным характером бойца-антифашиста», «активистка антифашистского движения»[3, 4]. Сами итальянки хорошо осознавали, что память об участии женщин в движении Сопротивления являлась одним из основных факторов, запустивших процесс эмансипации, являвшийся источником обновления итальянского общества. Женские объединения организовывали посещение мемориалов и мест памяти о войне, в своих акциях сжигали открытки и письма с посланиями сыновьям и мужьям, погибшим на войне. Интересно, что в 1950-е гг. в Италии борьба против немецкого милитаризма и Европейского оборонительного сообщества основывалась на национальной памяти, значительная часть манифестаций, проведенных женскими организациями, была приурочена к дням памяти павших в партизанской войне[5].

Во-вторых, итальянки осознавали необходимость передать память о войне детям, искали понятные и доступные формы для этого. В конце 1940-х гг., когда в Италии стали активно распространяться комиксы, руководство Союза итальянских женщин предложило адаптировать их под интересы итальянцев: заимствовать иллюстративную форму подачи материала, понятную детям с разным уровнем образования, и освещать национальную историю, эпизоды Сопротивления и актуальные темы. Это было вполне целесообразно и обусловливалось двумя основными факторами. Во-первых, уровень образования населения Италии был низким (к середине 1950-х гг. около 70 % населения Италии все еще имело только начальное образование[6]). В 1946 г. по всей Италии не хватало более 100 тыс. учебных классов[7], восстановление школьных помещений и строительство школ осуществлялось медленно. Во-вторых, существовала необходимость рассказать детям о войне и Сопротивлении.

До середины 1950-х гг. в школьных учебниках отсутствовала информация о войне, поэтому в октябре 1954 г. прокоммунистический Союз итальянских женщин распространил среди учителей брошюру по преподаванию новейшей истории Италии, в том числе истории Сопротивления[8]. Дети получали информацию о войне в интерпретации, а в контексте идеологического противостояния имело большое значение, авторитет какой из политических сил поддерживала та или иная интерпретация.

---

[3] L'Unità. 1946. 13 aprile; Ibid. 1946. 24 aprile; Ibid. 1946. 16 maggio.

[4] Ibid. 1946. 16 maggio.

[5] Ibid. 1952. 29 novembre.

[6] Nilde Iotti discorsi parlamentari (1946–1983): in 2 vols. Roma: Camera dei Deputati, 2003. Vol. I. P. 77.

[7] L'Unità. 1953. 28 maggio.

[8] Ibid. 1954. 7 ottobre.

Эта акция, с одной стороны, полностью соответствовала стремлениям компартии использовать память о Сопротивлении для консолидации электоральной базы, с другой – являлась важным шагом к реализации продвигавшейся союзом идеи об уменьшении влияния католических структур в школьном образовании.

В-третьих, в женской среде было распространено представление о том, что женщины, исходя из функции материнства, имеют неотъемлемое право и несут обязанность по защите детей от войны и на этой основе – стремление влиять на политику с позиций материнства. Нередко в парламентских дебатах и в антивоенных акциях итальянки выступали в роли представителей интересов детей, проводили мероприятия под соответствующими лозунгами (в т. ч. «За будущее наших детей, за свободу и прогресс: нет – войне!»[9]), создавали на этой основе женские объединения. Пик активности подобных объединений в Италии пришелся на период 1947–1955 гг., разгар крупных кампаний по сбору подписей за мир, когда в стране появились десятки объединений под характерными названиями, например «Матери против войны»[10]. Проводились манифестации с детскими фотографиями, в некоторых из них участвовали дети. Забота о детях, тесно связанная с преодолением последствий войны, была направлена на укрепление их здоровья (около 30–40 % детей в первые послевоенные годы страдали туберкулезом, гипотрофией, рахитом, деформацией грудной клетки, остановкой умственного развития[11]) и обеспечение безопасных условий их жизни (агромелиорацию заминированных территорий с целью предотвращения несчастных случаев)[12].

Италия приняла участие в акции «Караван матерей за мир», организованной в феврале 1958 г. на III сессии Международного постоянного комитета матерей. С мая по август 1958 г. караван посетил 16 стран с целью пропаганды «особого мнения» матерей в вопросах атомной войны[13].

В-четвертых, женские организации в Италии использовали «страх перед войной», основанный на воспоминаниях о прошедшей войне, как консолидирующий сторонников фактор. Союз итальянских женщин в работе с населением использовал метод, базировавшийся на стимулировании страхов через оглашение возможных последствий военной агрессии стран, увеличения числа ядерных держав, появления новых типов оружия массового уничтожения. В период, когда в Движении сторонников мира наблюдались кризисные явления, в 1958 г., союзом был выработан новый подход, в основе которого лежал тезис о связи контролируемого разоружения с освобождением народов от страха войны. В рамках круп-

---

[9] Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р7928. Оп. 4. Д. 29. Л. 34–35.

[10] L'Unità. 1951. 22 febbraio.

[11] L'Unità. 1951. 27 maggio.

[12] Atti Parlamentari. Camera dei Deputati. Proposta di legge. 24 giugno 1949. № 640. P. 1–4.

[13] ГА РФ. Ф. Р7928. Оп. 4. Д. 121. Л. 153–256.

ной кампании союза по сбору подписей против «Атлантического пакта», проведенной в феврале–октябре 1949 г., союзу удалось собрать 6 млн подписей и увеличить количество членов в 2,5 раза[14].

На итальянском примере видно, что память о войне имела важное мотивирующее и консолидирующее значение для участия женщин в антивоенном движении и стимулировала процесс женской эмансипации в послевоенный период.

---

[14] Советская женщина. 1955. № 5.

ФОНОДОКУМЕНТЫ РГАФД ПО ИСТОРИИ ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И ВОЗМОЖНОСТИ ИХ ИЗУЧЕНИЯ

Колтыгин Виталий Валерьевич
(Российский государственный архив фонодокументов)

В 2020 году отмечается 75-летие окончания Великой Отечественной войны. 15 января президент РФ В.В. Путин заявил о планах создать в России крупнейший комплекс архивных документов, кино- и фотоматериалов о Второй мировой войне[1]. Отсутствие упоминания в этом перечне документов на звуковых носителях указывает на недостаточную осведомленность общества о таких документах и их потенциале. Между тем в условиях неисчезающей потребности в исторических данных о Великой Отечественной войне и о партизанском движении как об одном из ее сюжетов документы на звуковых носителях могут существенно эту тему обогатить как в научном, так и в культурном отношении.

Фонодокументом называют звуковой документ, полученный посредством какой-либо системы записи звуковой информации[2]. В научной литературе фонодокументы признаются историческими источниками с уникальными особенностями. Главная ценность ФоД в этом качестве заключается в том, что они содержат разнообразную по характеру и содержанию информацию: речь, музыку, шумы, паузы в контексте определенной акустической обстановки. Речь, записанная в звуке, интересна исследователю не только с точки зрения смыслового содержания (которое может отличаться от опубликованной текстовой версии выступления), но и ее выразительных и информативных черт. Для ФоД, как и для кинофотодокументов, характерно значительное эмоциональное и ассоциативное воздействие на слушателя. Поэтому благодаря фонодокументу исследователь может понять не только то, что было сказано, но и то, каким образом сказано и в какой обстановке[3].

---

[1] Путин заявил о создании полного архива документов о Второй мировой войне // Российская Газета [электронный ресурс]. URL: https://rg.ru/2020/01/15/putin-v-rossii-poiavitsia-polnyj-arhiv-dokumentov-o-vtoroj-mirovoj-vojne.html

[2] *Магидов В.М.* Кинофотофонодокументы в контексте исторического знания. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2005. С. 224–226.

[3] Там же.

В РГАФД хранится более ста фонодокументов по истории партизанского движения. Они записаны преимущественно на магнитную ленту, некоторые изданы на грампластинках. Они ценны как источники по истории разворачивания партизанского движения сразу после начала войны, деятельности партизанских движений в РСФСР, на Украине, в Белоруссии, других регионах СССР и иностранных государствах. Документы рассказывают об эпизодах партизанской войны на оккупированных территориях, помощи партизан в боевых действиях и важных сражениях Великой Отечественной войны. Многие выступающие рассказывают о личном опыте участия в партизанском движении, раскрывая детали и особенности боевых операций, делясь – что не менее важно – личными переживаниями. Хранятся в архиве, например, воспоминания Валентины Константиновны Довгер, участницы партизанского движения и соратницы легендарного разведчика Н.И. Кузнецова, в которых она рассказывает, как на явочной квартире участники их подпольной организации читали классическую литературу и слушали музыку, чтобы поддерживать дух в тяжелых условиях войны[4].

Среди документов РГАФД есть и такие, которые рассказывают о малоизвестных эпизодах из истории партизанского движения. Например, выступление Ф.И. Кравченко, майора запаса, партизана, об участии испанских республиканцев в рядах партизанского отряда Героя Советского Союза Д.Н. Медведева[5].

Исследователи, интересующиеся историей партизанского движения, могут ознакомиться с 1 и 3 частями тематического каталога «Военная история СССР в фонодокументах РГАФД», размещенного на сайте архива[6].

Первая часть содержит информацию о хроникально-документальных записях, сделанных в предвоенный и военный период. Здесь можно найти сведения о выступлениях участников партизанского движения и командиров партизанских отрядов, а также выступления государственных, партийных и военных деятелей, поэтов о партизанском движении.

В третьей части можно найти сведения о записях воспоминаний участников партизанского движения и нескольких выступлений партийных и военных деятелей о партизанском движении. Записи сделаны в период с 1946 по 2000-е г. Это записи встреч ветеранов, митингов, торжественных заседаний, тематических вечеров, радиопередач. Некоторые сведения со-

---

[4] РГАФД. Ф. 1, № 6093.

[5] Там же. № 3440 (4–5).

[6] Каталог. Военная история СССР в фонодокументах РГАФД. 1 ч. 2 ч. 3 ч., выпуски 1–5. Сост. О.Б. Щипакин, О.Е. Вербицкая, Н.В. Устинова, Е.С. Чураева, Т.Н. Глущенко. Ред. В.А. Коляда, Т.В. Иванова, И.В. Наволокина, А.В. Викторов [электронный ресурс] // Российский государственный архив фонодокументов. URL: http://xn–80afe9bwa.xn–p1ai/nauchno-spravochnyi-apparat/katalog.shtml (дата обращения: 23.01.2020).

провождены гиперссылкой, перейдя по которой, исследователь может прослушать фрагмент фонодокумента.

В каталоге указаны архивные номера фонодокументов, разновидность оригинала носителя информации (шоринофон, тонфильм, магнитная лента, грампластинка, граморигинал), наличие копий фонда использования. Каталог снабжен гиперссылками – персональными, событийными и понятийными. Каждая часть каталога имеет научно-справочный аппарат: биографические справки, исторические справки и именной указатель[7].

Изредка при изучении каталога можно столкнуться с неполнотой сведений о документах. Может быть не установлена дата выступления, ФИО выступающего и другая информация о нем. Некоторые выступления записаны на иностранном языке без перевода (что объясняет неполноту информации о них), поэтому необходима дополнительная работа по расшифровке и атрибуции таких фонодокументов.

Этот каталог, новые части которого продолжают публиковаться, содержит наиболее полную информацию о фонодокументах РГАФД по истории как Великой Отечественной и Второй мировой войн, так и партизанского движения. Сотрудники архива пользуются каталогом для подготовки тематических интернет-проектов, в материалах которых тоже можно найти воспоминания участников партизанских движений. Например, в проекте «Женщины на войне» представлен фрагмент воспоминаний Надежды Александровны Богдановой (в замужестве Кравцовой), партизанки и разведчицы, об участии в подпольной работе в Витебске[8], и фрагменты воспоминаний нескольких других партизанок.

Сотрудники РГАФД готовят к 75-летию Победы интернет-проект «Фронт за линией фронта: партизаны и подпольщики в годы Великой Отечественной войны», в рамках которого отберут воспоминания участников и участниц партизанского движения и опубликуют фрагменты фонодокументов. Ознакомиться с проектом можно будет на сайте архива.

Помимо материалов проектов и тематического каталога исследователь может ознакомиться с характеристиками фонодокументов по истории партизанского движения в очерке-путеводителе РГАФД в разделе «Великая Отечественная война Советского Союза (1941–1945 гг.)». Он состоит из двух частей. Первая издана в 1991 г., вторая – в 2019 г. В первой части путеводителя представлен обзор небольшого количества интересующих

---

[7] Каталог. Военная история СССР в фонодокументах РГАФД (1929–1947 гг.) 1 часть. 2 часть. Сост. О.Б. Щипакин, О.Е. Вербицкая, Н.В. Устинова, Е.С. Чураева, Т.Н. Глущенко. Ред. В.А. Коляда, Т.В. Иванова, И.В. Наволокина, А.В. Викторов. С. 1–7 [электронный ресурс] // Российский государственный архив фонодокументов. URL: http://projects.rusarchives.ru/rgafd/War-history-USSR-fono-RGAFD/files/assets/basic-html/index.html#7 (дата обращения: 23.01.2020).

[8] Богданова (в замужестве Кравцова) Надежда Александровна // Женщины на войне [электронный ресурс]. URL: http://xn––-7kcjlebrn8abbem1n8a.xn–80afe9bwa.xn–p1ai/personalii/bogdanova-v-zamuzhestve-kravcova-nadezhda-aleksandrovna (дата обращения: 23.01.2020).

нас документов[9]. Особое внимание рекомендуем уделить второй части путеводителя, опубликованной в электронном виде[10], поскольку в ней больше информации об имеющихся ФоД о партизанском движении, чем в первой. В указанном разделе второй части каталога среди прочих ФоД по истории войны отдельной группой выделены фонодокументы местных радиокомитетов о партизанском движении, а также об известной антифашистской молодежной организации «Молодая гвардия».

Все фонодокументы РГАФД по истории партизанского движения находятся в открытом доступе и доступны для прослушивания в читальном зале архива. Кроме того, некоторые фрагменты выступлений и воспоминаний доступны для прослушивания в интернет-каталогах и на страницах проектов.

Обращение к фонодокументам РГАФД по истории партизанского движения может дать исследователю множество ценной информации. Мы можем предположить, что существенная часть ФоД по этой теме до сих пор не была опубликована. Кроме того, помимо информационного, смыслового содержания записанных выступлений фонодокументы позволяют судить об особенностях речи, интонациях говорящего. Последние особенно интересны, поскольку позволяют отличить «живую» речь от подготовленной и зачитанной с листа. Таким образом, даже опубликованные в текстовой форме выступления могут быть сопоставлены с содержанием фонодокументов и дополнены ими.

В зависимости от формулировки исследовательской темы фонодокументы РГАФД по истории партизанского движения могут послужить как основными, так и вспомогательными историческими источниками. В предисловии к каталогу указано, что ФоД произведены «официальными эфирными СМИ, информационными и агитационными организациями, что предопределяет характер содержания документов»[11]. Поэтому следует помнить, что для полноты исследования во всех случаях необходимо привлекать и другие группы источников, прежде всего письменные.

---

[9] Очерк-путеводитель Центральный государственный архив звукозаписей СССР. 1 часть. Сост. Н.Н. Жмуров, Г.Д. Петров, Л.Н. Розанова, А.Н. Филиппов, М.Ю. Лаврентьев. Ред. В.А. Коляда. М.: Главархив, 1991. 141 с.

[10] Очерк-путеводитель. Российский государственный архив фонодокументов. 2 часть. Сост. М.Ю. Лаврентьев. Москва, 2019 [электронный ресурс] // Российский государственный архив фонодокументов. URL: http://xn–80afe9bwa.xn–p1ai/sites/default/files/ocherk-putevoditel_rgafd._2_ch.pdf (дата обращения: 23.01.2020).

[11] Каталог. Военная история СССР в фонодокументах РГАФД (1929–1946 гг.). 1 ч. 2 ч. Сост. О.Б. Щипакин, О.Е. Вербицкая, Н.В. Устинова, Е.С. Чураева, Т.Н. Глущенко. Ред. В.А. Коляда, Т.В. Иванова, И.В. Наволокина, А.В. Викторов. Москва, 2013. С. 6 [электронный ресурс] // Российский государственный архив фонодокументов. URL: http://projects.rusarchives.ru/rgafd/War-history-USSR-fono-RGAFD/files/assets/basic-html/index.html#1 (дата обращения: 23.01.2020).

СООТНОШЕНИЕ СИЛ И ПЛАНЫ СТОРОН НАКАНУНЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Конович Евгения Максимовна
(Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова)

2020 год является значимым годом в истории не только нашей страны, но и всего мира. Ровно 75 лет назад завершилась одна из самых масштабных, кровопролитных и разрушительных войн в истории человечества – Вторая мировая война. Главную роль в борьбе с захватчиками сыграл Советский Союз, армия которого одержала победу над вооруженными силами Германии в Великой Отечественной войне. Мы не должны забывать, какую цену заплатил советский народ за победу, и искажать историю войны. Сейчас на Западе активно пропагандируется идея о том, что именно СССР виновен в развязывании войны из-за подписания пакта Молотова – Риббентропа и секретных протоколов. Нам важно сохранить истину и не допустить повторения этой мировой трагедии.

Данная тема является актуальной сегодня, и я хочу привести ряд тезисов по выбранной мной тематике.

Первый тезис. Военно-экономическая ситуация в Германии накануне Второй мировой войны. Стоит отметить, что Германия начала 1930-х гг. – нищая страна (безработица), имеющая огромный внешний долг и не имеющая военной мощи. Можно сказать, что Германия начала активно готовиться к войне с приходом к власти национал-социалистов во главе с А. Гитлером в 1933 г. Основным направлением экономической политики стала всеобщая милитаризация. 16 марта 1935 г. на пресс-конференции Геббельс объявил, что Германия не признает военных условий Версальского договора и вместо 100-тысячного добровольного рейхсвера создает 36-дивизионный вермахт, формируемый на основе всеобщей воинской повинности. В 1936 г. был принят четырехлетний план по подготовке экономики и вооруженных сил к войне. Было увеличено производство сырья – удалось увеличить выплавку стали до 22,6 млн т против 14,3 млн т в 1928 г. и чугуна – до 18 млн т против 11,8 млн т в 1928 г. Кроме того, с захватом Австрии и Чехословакии увеличилась мощность сталелитейной промышленности еще на 3 млн т стали в год. Зависимость Германии от ввоза железной руды снизилась до 45 % в 1939 г. Мощности германской алюминиевой промышленности выросли с 33,3 тыс. т в 1933 г. до 199 тыс. т в 1939 г. С 1933 по 1939 г. германское военное производство увеличилось более чем в 12 раз. В военной промышленности Германии

в мае 1939 г. было занято около 2,5 млн человек, или четвертая часть всех промышленных рабочих. К маю 1941 г. их количество достигло 5,5 млн человек, т. е. увеличилось в 2 раза.

В предвоенном 1940 г. производство вооружения в Германии достигло огромных размеров (по сравнению с 1939 г.). В 1940 г. было выпущено 10 250 самолетов, 2 200 танков и бронемашин, 5 900 орудий, 1 351,7 тыс. винтовок, 170,9 тыс. пулеметов и автоматов.

Подготовка к войне тяжелым бременем ложилась на плечи трудящихся масс Германии. С каждым годом возрастали налоги с населения, являвшиеся основным источником бюджета. Если в 1933 г. они составляли 6,8 млрд марок, то в 1939 г. достигли 24 млрд марок. Рабочий день достигал 10–12 часов, но фашистская пропаганда работала отлично и недовольных не было. Потребление населением продуктов было сведено до минимума. На все виды продуктов вводилась карточная система, а нормы их получения все время сокращались. Стоит отметить, что по производству стали, чугуна и добыче угля Германия превосходила СССР в 1,5–2 раза в 1939–1940 гг.

Второй тезис. Военно-экономическая ситуации в СССР накануне Второй мировой войны. Стоит отметить, что Германия начала военные действия раньше (1939), чем Советский Союз (1941). Но это не помешало Германии открыть еще один фронт. План третьей пятилетки (1938–1942) был направлен на улучшение отраслей промышленности, отвечающих за обороноспособность страны (повлиял опыт советско-финляндской войны). На Урале, в Сибири, Средней Азии развивалась топливно-энергетическая база. Было создано «Второе Баку» – новый нефтедобывающий район между Волгой и Уралом. Был модернизирован Магнитогорский металлургический комбинат, завершилось строительство Нижнетагильского. Были разработаны новые конструкции самолетов, но к 1940 г. было выпущено только 64 самолета ЯК-1 и 20 – МИГ-3, пикирующий бомбардировщик Пе-2 (всего 2 самолета), штурмовик Ил-2. Накануне войны Красная армия имела 187 дивизий, 12800 танков, 10100 самолетов, 2700 машин, 67000 орудий и минометов. в Северном, Балтийском и Черноморском флотах насчитывалось 182 корабля. В 1939 г. был принят закон о всеобщей воинской обязанности (к 1941 г. армия выросла до 5 млн человек). Из-за репрессий в сторону командного состава армии, проведенных в 1937–1938 гг., Советский Союз оказался без наиболее подготовленных командиров и военных теоретиков. В ходе репрессий было уничтожено до $^{2}/_{3}$ командного состава армии (43 тыс. командиров). Реабилитация нескольких тысяч репрессированных в 1939–1941 гг. не исправила положения, что привело к большим потерям в начале войны с Германией.

Третий тезис. Планы Германии накануне Второй мировой войны. После прихода к власти Гитлера стало очевидно, что войны не избежать. Цель Германии – мировое господство, возвращение былого величия после проигрыша в Первой мировой войне и заключения Версальского договора. Молниеносный план войны был изложен в книге Гитлера «Mein Kampf» («Моя борьба») и позже доработан. Данный план можно разделить на несколько частей:

1. Захват государств Центральной, Восточной, Юго-Восточной и Северной Европы «мирными» или военными способами для дальнейшей успешной кампании против Советского Союза, Франции, Англии. Для реализации этих целей были разработаны планы по захвату Чехословакии «Грюн» (не был реализован из-за Мюнхенского соглашения), Польши «Вайс», Франции, Бельгии, Голландии и Люксембурга «Гельб» (реализована французская кампания), операция «Везерюбунг» по аннексии Дании и Норвегии, оккупация территории Австрии (Остмарк) в 1938 г.

2. Разгром Франции (план «Рот») и авиационный захват Англии для благополучного захвата всей Западной Европы, что создаст решающие предпосылки для последующего уничтожения Советского Союза.

3. Разгром Советского Союза, предусматривающий установление полного господства нацистской Германии в Европе и последующую борьбу на других континентах. «Барбаросса» (по имени императора Священной Римской империи Фридриха I Барбароссы) – германский план нападения на СССР. Он подразумевал создание 3 группировок: «Север» – разгром советских войск в Прибалтике и захват балтийских портов и Ленинграда, «Центр» – окружить и уничтожить советские войска в Белоруссии, захватив Минск и Смоленск, создать условия для дальнейшего наступления на Москву, «Юг» – ликвидировать советские войска на Правобережной Украине, захватить Киев и Донбасс, наступать на Крым. Через 3 месяца планировалось окончить активные боевые действия и выйти на линию Архангельск – Астрахань. Также был разработан план «Ост», который решал дальнейшую судьбу захваченного Советского Союза.

4. Создание германской колониальной империи путем завоевания стран Африки, Ближнего Востока и других частей мира.

5. Вторжение в США с помощью японских военных сил.

Четвертый тезис. Планы СССР накануне Второй мировой войны. Советский Союз придерживался тактики оттягивания войны, накопления военной мощи и расширения границы с Германией. Были предприняты шаги во внешней политике, в том числе была начата война с Финляндией, победа над которой стоила СССР слишком дорого. Также был подписан пакт о ненападении (пакт Молотова – Риббентропа) с Германией в 1939 г. Изначально советский план по ведению борьбы был направлен на тактику нападения нашей армии на армию противника, а не на оборону. Это и стало одной из главных причин поражения советской армии в начале войны. Советское командование разработало план «Гроза», который так и не был подписан товарищем Сталиным, потому что его доработка затянулась до немецкого вторжения. План предполагал, что перед нападением на Германию СССР должен развернуть на своих западных границах 300 дивизий. Красная армия должна была разгромить противника на его территории.

Таким образом, накануне Второй мировой войны Германия превосходила Советский Союз по многим показателям, имела четкий план по захвату мира. Она сумела в короткий срок подчинить себе многие страны без особого сопротивления. Но немецкие военачальники недооценили

мощь и силу советской армии, руководства и тружеников тыла. В годы войны советская промышленность произвела оружия и военной техники почти вдвое больше и лучше по качеству, чем нацистская Германия. С 1 июля 1941 по 1 сентября 1945 г. было выпущено 112,1 тыс. самолетов, 102,8 тыс. танков и САУ, 482,2 тыс. орудий и минометов. Сегодня важно помнить, какой ценой была одержана победа во Второй мировой войне. В современном мире мы не должны допустить переписывания истории в ущерб национально-государственным интересам России. Необходимо сберечь ту правду, которая хранится в архивных документах, а не ту, что нам пытаются навязать.

ПОИСК СВЕДЕНИЙ О СОТРУДНИКАХ АППАРАТА ИСПОЛКОМА КОМИНТЕРНА, МОБИЛИЗОВАННЫХ НА ФРОНТ ЛЕТОМ 1941 ГОДА

Коршунов Данила Андреевич
(Российский государственный социальный университет)

В Российском государственном социальном университете, студентом которого является автор, в настоящее время создается Музей истории Коминтерна.

Именно в комплексе зданий в Ростокино, где в настоящее время находится РГСУ, в конце 1930-х – начале 1940-х гг. располагался Исполнительный комитет Коминтерна. Поэтому очень важно восстановить историю последних лет существования Коминтерна, не только в аспекте политических идей и идеологической борьбы, но и помнить о людях, работавших в Ростокино и ушедших на фронт.

Отметим, что в историографии преобладают и исследования, посвященные раннему периоду истории Коминтерна[1], и очень мало работ затрагивают последний период деятельности организации. Хотелось отметить исследование бывшего директора музея истории РГСУ Н.А. Печеня «Из прошлого в будущее», в котором на основе архивных документов освещаются основные этапы существования Исполкома Коминтерна в Ростокино[2].

В начале 1941 года аппарат ИККИ насчитывал более 600 человек[3]. Многие сотрудники ушли на фронт, кто-то трудился в тылу. Но биографии большинства из этих людей оставались тайной. Наша задача – узнать информацию и рассказать об этих людях.

Благодаря фондам РГАСПИ нам удалось не только выявить несколько человек, ушедших на фронт. Основным источником для исследования стали документы, хранящиеся в фонде Комитета ВКП(б) сотрудников

---

[1] Коминтерн: к 100-летию основания Коммунистического Интернационала. Каталог выставки [Электронный ресурс] // Центр социально-политической истории ГПИБ России. Б. д. URL: http://filial.shpl.ru/katalog-vystavki-komintern (дата обращения: 27 января 2019 г.).

[2] *Печень Н.А.* Из прошлого в будущее: исторический очерк о комплексе зданий по улице Вильгельма Пика, 4 / Российский гос. социальный ун-т. М., 2009. 127 с.

[3] Там же. С. 21.

аппарата ИККИ[4] за 1940–1941 гг. Это «Список мобилизованных коммунистов в Красную армию на 31/УП–41г.»[5], а также характеристики на некоторых сотрудников, подготовленные для предоставления в военкомат[6]. Для работы также привлекались материалы из Центрального архива Министерства обороны, опубликованные в электронных базах данных архивных материалов «Подвиг народа»[7] и «Мемориал»[8].

Необходимо подчеркнуть, что речь в данном случае идет только о мобилизованных в Красную армию в первые месяцы войны. Всего в «Списке...» 38 человек (32 было изначально, но позже были вписаны еще 6 человек).

Следует отметить, что в документе представлены достаточно скупые данные: фамилия, инициалы и номер партийного билета. Гораздо больше информации содержится в характеристиках.

Итак, благодаря характеристикам удалось установить более подробные сведения о 10 мобилизованных. К сожалению, на этом сведения о пяти сотрудниках, ушедших на фронт, ограничиваются. Это И.М. Яковлев, П.Д. Конюшков, И.П. Плышевский, К.В. Бойков, А.И. Воробьев.

Благодаря архивным базам данных «Подвиг народа» и «Мемориал» также удалось частично проследить боевой путь пяти сотрудников аппарата Исполкома Коминтерна.

Один из них, батальонный комиссар Анатолий Маркович Полумиенко, пропал без вести в 1942 году[9]. Известно, что А.М. Полумиенко 1904 года рождения был родом из Ростова-на-Дону[10]. Из характеристики мы узнаем, что он работал в ИККИ с 1938 года, и являлся выпускником Московского института Востоковедения[11].

Зильберман Шлема Зусевич был награжден Орденом Отечественной войны II степени. Награда нашла героя лишь в 1985 году[12]. К сожалению,

---

[4] РГАСПИ. Ф. 546. Оп. 1. Д. 474.

[5] Список мобилизованных коммунистов в Красную армию на 31/УП–41г. (Там же. С. 58).

[6] РГАСПИ Ф. 546. Оп. 1. Д. 475, 450, 452

[7] Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: [Электронный ресурс]. URL: http://podvignaroda.ru/?#tab=navHome) (дата обращения: 27 января 2019 г.).

[8] Мемориал: обобщенный банк данных: [Электронный ресурс]. URL: https://obd-memorial.ru/html (дата обращения: 27 января 2019 г.).

[9] Приказ об исключении из списков. 24 июля 1946 года // Мемориал. URL: https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=73961390&p=1 (дата обращения: 27 января 2020 г.).

[10] Информация из приказа об исключении из списков 24 июля 1946 года [ЦАМО] // Мемориал. URL: https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=73961394 (дата обращения 27 января 2020 г.).

[11] РГАСПИ. Ф. 546. Оп. 1. Д. 475. Л. 28–31.

[12] Зильберман Шлем Зусевич 1908 г. р. // Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. URL: http://podvignaroda.ru/?#id=1515676855&tab=navDetailManUbil (дата обращения: 27 января 2020 г.).

сведения, указанные в характеристике парторганизации ИККИ, достаточно скупые: «1908 года рождения, член ВКП(б) с 1930 года. Работает в аппарате ИККИ с августа 1935 года»[13].

Боевыми наградами отмечены фронтовые пути сотрудников Исполкома Коминтерна. Подполковник Алексей Алексеевич Гончаров в 1945 году был награжден Орденом Кутузова III степени[14]. Есть описание его подвига: «Тов. Гончаров, работая в должности начальника штаба, участвовал в боях по ликвидации Померанской группировки немецких войск с 24 фев. по 12 апр. В районах Кезлин – Штольп – Гдыня умело организовал работу штаба, благодаря чему управление бронетанковыми войсками в подвижных формах боя осуществлялось хорошо. Все приказы штаба армии доводились до войск своевременно. Благодаря хорошей организации работы штаба боевая задача выполнена. Был нанесены большие потери противнику в живой силе и технике. За вышеописанные заслуги был удостоен награды»[15]. Из характеристики, выданной парторганизацией ИККИ, мы узнаем, что А.А. Гончаров «1908 года рождения, член ВКП(б) с 1929 года, работает в ИККИ с 7 сентября 1940»[16].

Медалью «За отвагу был награжден старший политрук Павел Александрович Голубцов. Он «...участвовал в наступательных боях с января по март 1942 года в районе М. Ярославец, Медынь, Мятлеве, Юхнев политруком 1 роты 415 армейского стрелкового полка 43-й армии, а с мая 1942 г. находился в обороне военкомом 2-го б-на того же полка. Во время артподготовки противника получил контузию»[17]. Голубцов 1905 года рождения являлся членом ВКП(б) с 1931 года, работал в Исполкоме Коминтерна с 1932 года, также был председателем месткома[18].

И, наконец, старший сержант Василий Дмитриевич Парыгин 1913 года рождения, фактически самый молодой из мобилизованных. С первого дня войны находился в составе войск ПВО (противовоздушной обороны). Был награжден медалью «За отвагу»: «За самоотверженную службу безаварийную работу, отличное воспитание личного состава»[19]. Яркий образ комсомольца В.Д. Парыгина иллюстрируют данные характеристики из фондов РГАСПИ: «он активно принимал участие в размещении

---

[13] РГАСПИ. Ф. 546. Оп. 1. Д. 450. Л. 19.

[14] Гончаров Алексей Алексеевич 1908 г. р. // Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. URL: http://podvignaroda.ru/?#id=25899855&tab=navDetailManAward (дата обращения: 27 января 2020 г.).

[15] Там же.

[16] РГАСПИ. Ф. 546. Оп. 1. Д. 450. Л. 10.

[17] Голубцов Павел Александрович 1905 г. р. // Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. URL: http://podvignaroda.ru/?#id=25899855&tab=navDetailManAward (дата обращения 27 января 2020 г.).

[18] РГАСПИ. Ф. 546. Оп. 1. Д. 450. Л. 9.

[19] Парыгин Василий Дмитриевич 1913 г. р. // Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. URL: http://podvignaroda.ru/?#id=25899855&tab=navDetailManAward (дата обращения: 27 января 2020 г.).

займа 3-й пятилетки (выпуск четвертого года). Будучи уполномоченным по подписке на заем, добился хороших результатов. На 3 июня охвачено 100 % сотрудников, давших больше месячной зарплаты»[20].

Таким образом, благодаря архивным документам мы имеем данные о нескольких мобилизованных на фронт летом 1941 года сотрудниках аппарата Исполкома Коминтерна. Однако мы находимся только в начале поиска, подробные и точные биографические сведения указаны в учетных карточках членов ВКП(б), а в списке мобилизованных на фронт указаны номера партийных билетов сотрудников, отправившихся защищать Отечество.

[20] РГАСПИ. Ф. 546. Оп. 1. Д. 475. Л. 25.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИДЕНТИЧНОСТИ В МЕЖЭТНИЧЕСКОМ КОНФЛИКТЕ: ОПЫТ ВОЙНЫ КАСТ НА ЮКАТАНЕ (1847–1901)

Косиченко Иван Никитович, к.и.н.
(Российский государственный гуманитарный университет)

Война Каст на Юкатане стала самым продолжительным и кровопролитным межэтническим конфликтом в истории Мексики и Латинской Америки XIX в. Масштабное восстание сельского населения, преимущественно индейского происхождения, больше чем на 50 лет захлестнуло юго-восточную часть полуострова Юкатан (современная территория мексиканского штата Кинтана-Роо). Открытый вооруженный конфликт выявил ряд внутренних и внешних противоречий, касающихся идентичности населения и элит Юкатана на внутреннем, региональном и международном уровнях. Тему восприятия этого вооруженного конфликта его участниками раскрывает ряд исторических источников, как опубликованных, так и неопубликованных.

Рассматривая проблему идентичностей от международного к внутреннему уровню восприятия конфликта, в первом случае ключевым источником становится личный дневник юкатанского юриста, публициста и политика Хусто Сьерры О'Рейли (1814–1861). Будучи незаконным сыном приходского священника, он смог занять в место в рядах юкатанской элиты благодаря образованию и удачному браку с Консепсьон Мендес, дочерью лидера юкатанских федералистов (и впоследствии губернатора штата Юкатан) Сантьяго Мендеса[1]. Следующие два десятилетия О'Рейли был голосом юкатанского федерализма: под его редакцией выходило несколько газет и журналов, посвященных как актуальным проблемам юкатанского общества, так и его истории.

Вышеупомянутый дневник О'Рейли вел во время своего путешествия в Вашингтон в 1847–1848 гг. Этот документ был случайно найден в книжном магазине в Мехико историком Эктором Пересом Мартинесом[2] и опубликован в 1938 г. в серии «Мексиканская историческая библиотека неизданных трудов»[3].

---

[1] *Castro Ibarra G.* Justo Sierra O'Reilly: pionero de la novela histórica y de folletín en México // Caleidoscopio. 2004. № 16. P. 129.

[2] *Gómez M.R.* Sobre Justo Sierra O'Reilly // Historia Mexicana. 1954. Vol. 3. № 3. P. 309.

[3] *O'Reilly J.S.* Diario de nuestro viaje a los Estados Unidos / Prologo y notas de Pérez Martínez H. México D.F.: Antigua Librería Robredo, 1938. 214 pp.

Направленный губернатором С. Мендесом в США для решения вопросов, касающихся нейтралитета независимого в тот момент Юкатана в войне Мексики с северным соседом, О'Рейли невольно лишился возможности стать непосредственным свидетелем социального взрыва в индейских массах юго-востока. И тем ценен его дневник, что, располагая очень ограниченным доступом к информации с полуострова, автор выражал все, что думал и чувствовал по поводу отношений между различными слоями населения Юкатана, а также отношений Юкатана с Мексикой и США.

Различные записи этого документа демонстрируют определенные характерные черты идентичности представителя юкатанской политической элиты. Во-первых, Юкатан для него самоценен вне связи с Мексикой или иным иностранным государством[4]. Во-вторых, автор полагал самоочевидным, что цивилизованное общество должно желать помочь Юкатану в его борьбе с «адской и дикой расой» индейцев[5], и крайне возмущался тем, что многие не разделяли его расизма по отношению к индейцам майя[6].

Следующий крупный блок исторических источников, которые могут дать представление о видении Войны Каст со стороны юкатанского правительства, – это неопубликованные документы из исторического архива Секретариата национальной обороны Мексики[7]. Несмотря на то что эти документы по сути своей имеют утилитарный характер, стилистика составления официальных коммюнике середины XIX в. оставила исследователям образцы официальной риторики, касающиеся видения военнослужащими противника, самих себя, своей роли в войне и в политике штата. Эти документы также разделяют ряд характерных черт.

Ввиду того что вооруженные силы, задействованные в подавлении индейского восстания (Национальная гвардия Юкатана), состояли в большинстве своем из лиц европейского или смешанного происхождения, они разделяли характерный для элитных групп взгляд на индейцев как на людей второго сорта, опасных и жестоких дикарей. Например, в документах, охватывающих период 1848–1854 гг., относительно противника около 160 раз фигурирует термин «варвар(ы)» (*bárbaro(s)*), и 27 раз – дикарь(и) (*salvaje(s)*). Более нейтральный термин «индеец» (*indio*) встречается гораздо чаще – 373 раза, а совершенно лишенный оценочной нагрузки «противник» (*enemigo*) – 683 раза.

Необходимо отметить, что термины, имеющие идеологическую нагрузку, чаще встречаются в соответствующих документах: сводных докладах главнокомандующему Юкатана или в докладах последнего в Мехико (в 1848 г. Юкатан вернулся в состав Мексики). Сама война,

---

[4] Ibid. P. 24.

[5] Ibid. P. 28.

[6] Ibid. P. 33.

[7] Далее при ссылке на материалы этого архива используется устоявшееся в историографии сокращение ADN (Archivo de Defensa Nacional).

в названии которой также фигурирует термин «варвар» (*guerra contra bárbaros* или *guerra de bárbaros*), обозначается так в основном в посланиях федеральным властям. Происходящее называется «войной с варварами», например, в сообщениях посланников Юкатана от июля 1848 г., прибывших для обсуждения условий возвращения полуострова в состав Мексики[8]; в объемном коммюнике генерала Мануэля Мичелторены от 20 июня 1850 г., направленного Военному министру Мексики[9]; в письме губернатора Мигеля Барбачано военному министру от 2 июня 1851 г. и др.[10]

Завершая картину противопоставления правительственных войск и повстанцев, необходимо затронуть вопрос того, как видели военнослужащие самих себя и с чем они ассоциировали свою роль в той войне. Следуя логике противопоставления, идентичность национальных гвардейцев Юкатана строилась на понятии цивилизации. «Священное дело человечества и цивилизации» (*la causa santa de la humanidad y de la civilización*) являлось основным императивом, которым руководство вооруженных сил оправдывало плохое снабжение, отсутствие ротации и иные тяготы войны в джунглях юго-восточного Юкатана.

Угроза уничтожения «цивилизованного» населения на полуострове часто становилась аргументом в настойчивых требованиях об увеличении снабжения или пополнении, а затем стала одним из клише историографии Войны Каст, пока не была окончательно развенчана в монографии североамериканского исследователя Т. Рагли[11]. Сколь ни тяжела была война для служащих Национальной гвардии и правительства, лояльное население ни разу с начала 1848 г. не оказывалось в серьезной опасности – повстанцы были слишком малочисленны и плохо организованы.

Отдельно стоит отметить устойчивый автономизм и изоляционизм, бытовавший как среди политических элит, так и среди офицеров и солдат Национальной гвардии. Все они считали себя в первую очередь юкатеками и лишь во вторую – гражданами Мексики. Стремление к автономности продемонстрировало себя даже на корпоративном уровне. Так, офицеры Национальной гвардии в политическом выступлении января 1851 г. особенно подчеркнули свою независимость от федеральной армии[12]. На то, чтобы полуостров превратился в более или менее постоянную часть Мексики, потребуются еще долгие годы, и даже сегодня региональная идентичность в штате Юкатан имеет чрезвычайно прочные позиции.

---

[8] ADN. Exp. IX/481.3/2850. F. 2.

[9] Ibid. Exp. IX/481.3/2914. T. 2. F. 386.

[10] Ibid. Exp. IX/481.3/3257. F. 73.

[11] *Rugeley T.* Rebellion Now and Forever: Mayas, Hispanics, and Caste War Violence in Yucatan, 1800–1880. Stanford, 2009. 488 pp.

[12] ADN. Exp. IX/481.3/3255. F. 42.

В истории Войны Каст можно выделить определенную модель идентичности, сформировавшуюся в ходе истории Юкатана и ко времени конфликта затронувшую большую часть лояльного правительству штата населения. От уровня представителей высших политических кругов до солдат Национальной гвардии прослеживаются два ключевых мотива: автономизм и жесткое противопоставление «цивилизации» и «варварства», представленного условным «европейским» и «индейским» населением соответственно.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НЕМЕЦКИХ СПЕЦШКОЛ НА ТЕРРИТОРИИ БССР В 1941–1944 гг. В ОТРАЖЕНИИ ОРГАНИЗАЦИОННО–РАСПОРЯДИТЕЛЬНЫХ ДОКУМЕНТОВ РУКОВОДЯЩИХ ОРГАНОВ ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ
(по материалам Национального архива Республики Беларусь)

Кулинок Святослав Валентинович, к.и.н.
(Национальный архив Республики Беларусь)

Основными особенностями использования документальных источников при изучении истории деятельности немецких разведывательно-диверсионных школ и курсов на оккупированной территории являются:

закрытость архивов. На протяжении всего этого периода можно говорить о том, что документы по этой теме в своем большинстве являлись засекреченными. Это касается как архивов спецслужб, так и соответствующего корпуса документов «партизанских и партийных фондов»;

избирательное и тенденциозное использование материалов. В научный оборот в основном вводились документы, которые показывали положительные стороны деятельности советских чекистов и партизан (статистические данные о количестве разоблаченной агентуры, отчеты о разведывательной и контрразведывательной работе, докладные записки и др.);

недостаточное введение в научный оборот источников по теме, особенно это касается «партизанских документов». На территории Беларуси за все послевоенное время не издано ни одного сборника документов, посвященных разведывательной и контрразведывательной деятельности партизан.

Поскольку документы партизанских формирований и их руководящих органов до настоящего времени недостаточно опубликованы и введены в научный оборот, обратимся в первую очередь именно к ним. Согласно классификации И. Д. Ковальченко, документальные источники по разведывательной и контрразведывательной деятельности партизан можно отнести к письменным, а основу комплекса материалов БШПД и подчиненных ему формирований составляют документы делопроизводства. Представляется корректным использование функциональной классификации делопроизводственных документов по данной проблеме, когда можно выделить следующие основные виды документов: организационно-распорядительные (приказы, указания и рекомендации по ведению разведки, инструкции), планово-отчетные (отчеты, разведыватель-

ные и оперативные сводки, донесения, опросные листы, разведданные и др.), судебно-следственные (протоколы допросов, следственные дела) и справочно-информационные (справки, обзоры, аналитические и докладные записки).

Видовое разнообразие источников, их объем, содержание, а также возможность привлечения иных документов (органов НКВД–НКГБ, партийных организаций и др.) позволяет говорить о высокой степени репрезентативности и богатом информативном потенциале, отражающем практически все важнейшие аспекты деятельности немецких спецслужб по организации разведывательно-диверсионных школ на территории Беларуси.

Организационно-распорядительная документация по обозначенной проблеме представлена различного рода приказами, директивами, указаниями и распоряжениями, которые касались вопросов выявления спецшкол и разоблачения агентуры противника, использования различных групп населения в качестве шпионов, деятельности немецких спецслужб, подготовки кадров для борьбы с партизанским движением в Беларуси и на сопредельных территориях[1]. Например, в декабре 1943 г. в указаниях, поступивших из ЦШПД, сообщалось, что «из партизанских отрядов поступают агентурные данные и показания разоблаченных агентов гестапо, что немцы усиленно вербуют и обучают в школах большое количество своей агентуры с целью засылки в наши тылы, проникновения в части Красной Армии и внедрения в партизанские отряды для ведения разведки, совершения диверсий на коммуникациях и террористических актов... Для успешного розыска вражеских разведчиков, переброшенных в наши тылы и партизанские отряды, просим дать указания командирам вверенных вам партизанских отрядов... добиваться получения на переброшенную агентуру или внедренную в партизанские отряды подробных сведений с указанием: а) полных установочных данных; б) характеризующих данные агента и его предметы; в) район предполагаемой деятельности агента и его связи»[2].

---

[1] В первую очередь, имеются в виду документы руководящих органов партизанского движения по линии их разведотделов и руководителей ЦШПД – БШПД – представительства штабов на фронтах, а также их координация работы с органами НКВД/НКГБ. Например: документы о работе оперативно-чекистской группы Могилевского подпольного обкома КП(б)Б // НАРБ. Ф. 1350. Оп. 1. Д. 35. Л. 81–82; постановления Особых отделов и уполномоченных РК КП(б)Б и партизанских отрядов о проведении расследований о партизанской деятельности отдельных лиц // НАРБ. Ф. 1350. Оп. 1. Д. 29. Л. 140; отчеты об оперативной работе, следственные дела на партизан, сведения о шпионах // НАРБ. Ф. 1405. Оп. 2. Д. 192. Л. 9; отчеты о политико-моральном состоянии личного состава отрядов бригады. Указания и переписка начальника Особого отдела бригады с уполномоченными Особого отдела // НАРБ. Ф. 1405. Оп. 1. Д. 1313. Л. 23; приказы начальника РО НКВД о высылке сведений о шпионах // НАРБ. Ф. 1450. Оп. 21. Д. 281. Л. 13.

[2] Разведсправки и переписка опергруппы БШПД на 1-м Прибалтийском фронте // НАРБ. Ф. 1450. Оп. 1. Д. 886. Л. 52.

О степени важности вопроса выявления немецких спецшкол говорит тот факт, что 10 января 1943 г. приказом начальника БШПД № 11 (86) П. Калинина партизанским соединениям ставилась задача «в Горках разгромить школу полицейских. А также истребить преподавательский состав...»[3]. Для организации более качественной работы особых отделов (далее – ОО) партизанских формирований по разоблачению вражеской агентуры разрабатывались различного рода инструкции и указания. В апреле 1943 г. оперуполномоченным ОО была разослана «Инструкция о правах и обязанностях оперуполномоченного особого отдела при партизанском отряде»[4], а также инструкция «Об ограждении отрядов от проникновения шпионов и агентурной разведке»[5]. В августе этого же года всем начальникам особых отделов партизанских соединений были отправлены указания по контрразведывательной работе, в которых рекомендовалось «заиметь в отрядах вторых гласных оперработников исключительно занимающихся контрразведывательной работой. Для чего через командование бригады и партийные организации отрядов подберите надежных лиц, соответствующих на эту работу... Провести вербовку внутри отрядов и местных жителей надежной агентуры, направив ее на выявление агентуры противника. Подготовить надежных агентов для внедрения в органы и школы разведки противника, с задачей выявления их агентуры, сигналов и кодов...»[6]. С целью получения более полных разведывательных данных от разоблаченной агентуры противника всем секретарям РККП(б)Б и начальникам особых отделов бригад и отрядов Борисовской зоны были разосланы рекомендации по ведению допроса[7].

Таким образом, организационно-распорядительная документация регулировала и направляла деятельность партизанских структур и формирований по вопросу выявления немецких спецшкол и разоблачения агентуры противника. Важной функцией данного вида документов была консультативная, которая осуществлялась посредством издания рекомендаций и инструкций для уточнения и улучшения качества работы по отдельным направлениям.

---

[3] Приказы начальника БШПД с 1 января по 31 декабря 1943 г. // НАРБ. Ф. 1450. Оп. 17. Д. 5. Л. 4. Это единственный случай за 1942–1944 гг., когда решение об уничтожении школы было санкционировано напрямую через приказ начальника БШПД. – *Авт.*

[4] Докладные, информации и обзоры о положении на оккупированной территории Витебской и Полесских областей, о боевых действиях партизанских отрядов и подпольщиков Витебской области // НАРБ. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 1308. Л. 26.

[5] Инструкции, рапорта, донесения, протоколы допроса Особого отдела отряда, письма, списки шпионов гестапо // НАРБ. Ф. 1405. Оп. 1. Д. 1183. Л. 4.

[6] Приказы начальника РО НКВД о высылке сведений о шпионах // НАРБ. Ф. 1450. Оп. 21. Д. 281. Л. 12–13.

[7] Учет и работа партизанской разведки, контрразведки и агентуры // НАРБ. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 66. Л. 426–428.

СПИСОК СОТРУДНИКОВ ЭВАКОГОСПИТАЛЕЙ: АЛГОРИТМ ПОИСКА СВЕДЕНИЙ

Кусков Сергей Александрович, к.и.н.
(Объединенный государственный архив Челябинской области)

В первой половине XX века эвакогоспитали являлись наиболее распространенным типом тыловых военно-медицинских учреждений. Эвакогоспитали – военно-медицинские учреждения, создаваемые на время вооруженного конфликта[1]. В 1939–1945 годах действовало более 5 тыс. госпиталей, которые размещались во многих городах и в других пунктах бывшего Советского Союза и стран Восточной и Центральной Европы. Под лечебные корпуса эвакогоспиталей отдавались, как правило, помещения учебных заведений и больниц[2]. О госпитальном прошлом этих объектов свидетельствуют мемориальные доски, а кое-где и музейные уголки.

Эвакогоспитали являются неотъемлемой частью исторической памяти нашего народа. В данной сфере исторической памяти действуют различные субъекты, из которых особенно заметна федеральная власть, имеющая целью увековечивание памяти умерших в госпиталях солдат. Задачи музеев военных госпиталей несколько шире, но их ключевая задача заключается в исследовании биографий сотрудников и воссоздании образов повседневности и внутренних условий госпиталя. Изучение штатного расписания и составление списка сотрудников – необходимый этап на этом пути. На сегодняшний день возможности методов устной истории практически исчерпаны, и исследователи истории госпиталей вынуждены использовать главным образом опубликованные материалы и архивные документы.

Шаг первый. Изучение научных статей и монографий, посвященных военной медицине. Во многих регионах подготовлены и защищены кандидатские диссертации об эвакогоспиталях периода Второй мировой войны. Также полезны и опубликованные мемуары сотрудников госпиталей. Главной задачей работы с этими источниками является установление имен начальников и комиссаров, а при определенной удаче попутно могут быть обнаружены ФИО других сотрудников эвакогоспиталя.

---

[1] *Кулагина А.А.* Госпитали эвакуационные // Башкирская энциклопедия. Уфа, 2006. С. 347–348.

[2] ГА РФ. Ф. Р-5451. Оп. 43. Д. 143. Л. 71.

Шаг второй. Работа в библиотеке с периодическими изданиями военного времени. В специализированных медицинских журналах может содержаться информация о научно-исследовательской и лечебной работе в эвакогоспитале. По соображениям сохранения военной тайны указывались не номера госпиталей, а только пункт дислокации и фамилии начальников. Аналогичный подход использовался и редакциями газет. В 1942–1944 годах в местных газетах регулярно публиковались письма-благодарности от выписанных бойцов и другая информация[3]. Эти письма стилистически очень похожи, большую часть занимает перечисление фамилий врачей, среднего медперсонала и санитарок, которых желали отметить раненые. Письма раненых критического содержания не публиковались, то есть из газет и журналов можно узнать только о лучших сотрудников эвакогоспиталей[4]. Немало сведений о сотрудниках можно почерпнуть в рукописных газетах и журналах госпиталей (если таковые сохранились)[5].

Шаг третий. Поиск в региональном партийном архиве сведений о коммунистах – работниках эвакогоспиталя. Плюсом работы с партийными документами является точность содержащихся в них биографических сведений. В протоколе заседания парторганизации о приеме в члены ВКП(б) всегда приведены ФИО полностью, дата его рождения и другие анкетные данные[6]. С февраля 1942 года партийные ячейки эвакогоспиталей Наркомздрава СССР и профсоюзов подчинялись не военным отделам областных и республиканских военкоматов, а городским и районным комитетам ВКП(б). Именно эти органы утверждали решения первичных парторганизаций госпиталей о приеме новых членов.

Фамилии всех коммунистов-сотрудников, в том числе вступивших в партию до трудоустройства в госпитале, можно установить, изучив протоколы заседаний партийных организаций эвакогоспиталей. Протоколы заседаний парторганизации могут быть обнаружены в региональном партийном архиве по месту последней дислокации на момент расформирования эвакогоспиталя[7]. Большинство сотрудников эвакогоспиталей являлись членами комсомольской и профсоюзной организаций. Однако учет месткома и комсомольской организации был организован не повсеместно и не сохранился. По выявленному списку коммунистов эвакогоспиталя можно сделать запросы в Российский государственный архив социально-политической истории для поиска и предоставления копий учетных карточек персонального учета коммунистов (это платная услуга).

Шаг четвертый. Изучение документов отдела здравоохранения в районном, городском, областном архивах. Развертывание эвакогоспиталей

---

[3] *Кан-Шаргородская И.* Талантливые хирурги // Челябинский рабочий, 16 июля 1942.

[4] ГАПК. Ф. Р-176. Оп. 6. Д. 49. Л. 63.

[5] ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 11. Д. 491. Л. 26.

[6] ЦДООСО. Ф. 5044. Оп. 7. Д. 2. Л. 64–69.

[7] ПермГАНИ. Ф. 1573. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.

проводилось районными и городскими советами депутатов трудящихся и их отделами здравоохранения. Ими же давались приказы о передаче имущества госпиталям[8]. Приказами районных и городских здравотделов осуществлялся перевод обслуживающего и среднего и младшего медицинского персонала из гражданских лечебных учреждений в эвакогоспитали[9].

Шаг пятый. Оценка полноты собранных ранее сведений. В случае удачи в областном архиве могут быть найдены списки сотрудников и штатные расписания эвакогоспиталя, если какая-то часть документов отдела эвакогоспиталей не была передана в ЦАМО РФ[10]. В региональных архивах есть шанс встретить штатное расписание эвакогоспиталя, так как выплата зарплаты сотрудникам осуществлялась из местных областных и республиканских бюджетов. Фактическое количество сотрудников зависело от общего числа коек[11]. Штатная численность прифронтовых госпиталей была почти в 2 раза больше, чем в тыловых госпиталях. Также следует учесть, что в основном в эвакогоспиталях работала молодежь, имела место текучесть кадров младшего медицинского и обслуживающего персонала.

Шаг шестой. Сравнительная малочисленность коллективов эвакогоспиталей в сравнении с военными госпиталями Наркомата обороны СССР возмещалась привлечением добровольных помощников. Это могли быть младшие родственники сотрудников[12], а также взрослые люди, направляемые от предприятий и общественных организаций в госпитали в порядке шефской помощи[13]. В госпитале в дни работы их кормили, но денег не платили. Помимо воспоминаний источником персонализированной информации могут быть отчеты партийных организаций о шефской работе эвакогоспиталей.

Шаг седьмой. Если имеется такая возможность, то дальнейший поиск сведений о сотрудниках эвакогоспиталей целесообразно продолжить в стенах Центрального архива Министерства обороны РФ и его филиалов. В ЦАМО РФ интерес могут представлять фонды Санитарных отделов Штабов тыловых военных округов, а также фонды некоторых эвакогоспиталей, выдвинутых в период Великой Отечественной войны в прифронтовую полосу. Основной состав документов эвакогоспиталей и эвакопунктов (промежуточные территориальные органы управления эвакогоспиталями) находится на хранении в Филиале ЦАМО РФ (военно-медицинских документов) в г. Санкт-Петербурге. Приказы начальни-

---

[8] ГАКО. Ф. Р-465. Оп. 2. Д. 101. Л. 140.

[9] НАРБ. Ф. Р-444. Оп. 1. Д. 490. Л. 24, 31–31 об.; Д. 491. Л. 4.

[10] Государственный архив в г. Шадринске. Ф. Р-647. Оп. 3. Д. 16. Л. 2; Ф. Р-669. Оп. 1. Д. 23. Л. 173.

[11] ОГАЧО. Ф. Р-274. Оп. 20. Д. 2. Л. 407.

[12] Елена Кононенко. Дети пришли в госпиталь // Правда, 11 декабря 1941.

[13] *Колесник А.Д.* РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Проблемы тыла и всенародной помощи фронту. М., 1982. С. 209.

ков госпиталей (по личному составу), как правило, велись в рукописной форме, далеко не всегда указывались имя отчество сотрудника[14]. Серьезной проблемой является малая доступность для исследователей фондов филиала в Санкт-Петербурге. Расширение читального зала и штата отдела использования документов в данном архивном учреждении является общенациональной задачей.

Шаг восьмой. В течение военного времени наблюдается несколько волн развертывания эвакогоспиталей, в том числе в периоды вооруженных конфликтов в районе реки Халхин-Гол, Советско-Финской, Советско-Японской войны 1945 года[15]. Поиск сведений об эвакогоспиталях, развернутых в связи с подготовкой к войне с Японией в 1945 году, целесообразно проводить на тех же принципах. Если госпиталь действовал до начала Великой Отечественной войны, то сведения о сотрудниках следует искать в фондах Российского государственного военного архива.

Представленный алгоритм позволит последовательно проработать массив документов по вопросу кадрового состава эвакогоспиталей глубокого тыла. В ходе этой работы пытливый исследователь параллельно встретит много новых для себя находок о повседневности особого социально-психологического мира, диалектически сочетавшего черты военной и мирной (гражданской) реальности.

---

[14] РГВА. Ф. 34369. Оп. 1. Д. 6. Л. 392; Ф. 34370. Оп. 1. Д. 4. Л. 1–8.

[15] *Смирнов. Е.И.* Война и военная медицина 1939–1945 годы. М.: Медицина, 1979. С. 493.

ОФИЦЕРЫ УДАРНЫХ ЧАСТЕЙ РУССКОЙ АРМИИ ВО ВРЕМЯ ПОДГОТОВКИ И ПРОВЕДЕНИЯ ЛЕТНЕГО НАСТУПЛЕНИЯ 1917 г.

Лаптев Василий Алексеевич
(Российский государственный гуманитарный университет)

«Части смерти» – особые вооруженные формирования, возникшие в Русской армии на излете ее существования в период подготовки и проведения так называемого «наступления Керенского», 18 июня (1 июля) – 21 июля (3 августа) 1917 г.

Революционные события дестабилизировали солдатские умы, посеяв в них подозрительность и недоверие к офицерам. Обострение противоречий между офицерским корпусом и солдатской массой привело к гибели многих офицеров и стало основой трагедии, разыгравшейся в русской армии в 1917 г.

Выдвижение идеи о создании особых ударных частей стало откликом части наиболее активного и не равнодушного к происходящим событиям офицерства, на стремительный развал армии и падение ее боеспособности.

В начале мая 1917 года на Юго-Западном фронте группа офицеров выдвинула идею формирования на фронте ударных батальонов. Среди них были подпрапорщик Севастопольского гарнизона И. Хандобин, прапорщик того же гарнизона Аристов, подпоручик 46-го саперного батальона Данаусов, капитан 122-го пехотного Тамбовского полка М.А. Муравьев, подполковник Генерального штаба В.К. Манакин. Предложение офицеров Юго-Западного фронта нашло широкую поддержку на первом съезде делегатов фронта, проходившем в Каменце-Подольском 7–20 мая[1].

Деятельное участие в создании ударных частей принял помощник старшего адъютанта разведывательного управления отделения генерал-квартирмейстера штаба 8-й армии капитан М.О. Неженцев. 19 мая им был предоставлен доклад командующему 8-й армией генерал-лейтенанту Л.Г. Корнилову, в котором указывалось на необходимость создания особых ударных частей, которые могли бы служить примером для остальных и первыми идти в атаку[2]. Корнилов поддержал предложение своего

[1] *Кибовский А.В.* Революцией призванные // Цейхгауз. 1998. № 8. С. 34.

[2] *Левитов М.Н.* Корниловский ударный полк. М., 2015. С. 38.

подчиненного, 19 мая отдав приказ по 8-й армии, согласно которому было начато формирование «1-го ударного отряда при 8-й армии»[3].

Идеи, высказанные Неженцевым, Муравьевым и другими офицерами, сумели увлечь за собой многих других офицеров из разных родов войск. На собственном энтузиазме они стали сколачивать ударные «части смерти» по всем фронтам.

В скором времени Ставка утвердила создание ударных частей по образцу штурмовых частей русской армии – пехотных соединений, создававшихся для ведения наступательных операций в условиях «окопной войны». При формировании «частей смерти» офицеры пользовались «Наставлением для ударных частей». Ранее аналогичные «наставления» принимались в частном порядке. Так, подобные документы были приняты в Особой армии 25 марта 1917 г. приказом ее командующего генерала от инфантерии П.С. Балуева и в 9-й армии Румынского фронта 6 июня приказом командарма генерал-лейтенанта Г.В. Ступина[4].

Согласно «Наставлению» в штурмовые части набирались офицеры, «крепкие, показавшие себя в боях, здоровые, выносливые» и, что немаловажно, «преимущественно желающие». Офицеры-ударники должны были путем изнурительных тренировок добиваться слаженности и энергичности действий своих подчиненных и, что самое главное, требовать от них строжайшей дисциплины. Офицеры ударных частей должны были выработать в армейском коллективе «крепчайшую спайку», «развитое чувство взаимной выручки до крайних пределов, твердость характера и выносливость (физическую и моральную)», «глубокую активную личную инициативу общей задачи», «выполнение с великой энергией и изо всех сил»[5]. Все это было необходимо для нанесения по противнику внезапного, быстрого и решительного удара.

Вопрос вступления в ударные части для многих офицеров был непростым. Некоторые из военнослужащих выражали свою лояльность правительству в телеграммах, но при этом не видели целесообразности вступать в «части смерти». Так, например, 8-я конно-артиллерийская батарея на общем собрании постановила, что она «и без ношения эмблем “смерти” всегда была и будет сильна духом и как выполняла раньше свой долг, так и вперед выполнит таковой перед родиной, а посему считаем запись в “батареи смерти” излишней»[6]. Другие офицеры формально вступали в ударные части, при этом отказывались носить опознавательные знаки. Показателен пример 42-го пехотного Якутского полка, который постановил считать себя «ударной» частью «с отказом о присвоении отличительных знаков, предоставляемых ударным частям»[7]. У многих офицеров-удар-

---

[3] *Левитов М.Н.* Корниловский ударный полк. С. 41–42.

[4] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 348. Л. 28–29; 275.

[5] Там же. Л. 28–29.

[6] Там же. Л. 211.

[7] *Дуров В.А.* Солдатские георгиевские кресты в 1917 году // Военная быль. 1994. № 5. С. 21.

ников вызывала вопрос целесообразность принесения так называемого «клятвенного обещания» во время вступления в ряды «частей смерти». Эта клятва нигде не регламентировалось и была импровизацией офицеров – инициаторов формирования ударных частей.

Несмотря на все сложности с формированием ударных частей ряду наиболее выдающихся офицеров-организаторов, горевших желанием создать «часть смерти», удавалось сколачивать боеспособные воинские части. Характерными примерами могут служить батальон смерти при 38-й пехотной дивизии, сформированный штабс-капитаном 152 пехотного Владикавказского полка В.П. Егоровым, 279-й пехотный Лохвицкий полк смерти, сколоченный полковником В.М. Кохановским, батальон смерти при 28-й пехотной дивизии, созданный штабс-капитаном Л.Е. Азаренко. Эти вооруженные формирования, как и большинство ударных частей, превосходно проявили себя во время летнего наступления, однако понесли колоссальные потери, при этом не достигнув поставленных задач[8].

Результатом исследования является вывод о том, что сам принцип формирования ударных частей приводил в их ряды наиболее идейных бойцов-ударников. Это в полной мере касается как офицерского, так и рядового составов. Такое комплектование идейными бойцами, как правило отличавшимися и высоким профессиональным уровнем, позволило ударным частям в ряде случаев хорошо проявить себя на фронте. Но создание ударных частей на фронте имело и обратную сторону. Уход лучших офицеров и солдат в ударные части в значительной степени обескровил многие другие воинские части, лишившиеся наиболее идейных и опытных бойцов. Участие ударных частей в июньском наступлении помимо ряда выдающихся примеров героизма и самопожертвования привело к физическому истреблению многих лучших бойцов русской армии без достижения поставленной армии при наступлении цели.

---

[8] *Фомин М.* Батальон смерти 38-ой пехотной дивизии// Военная быль. 1996. № 8. С. 26–32; РГВИА.Ф. 2890. Оп. 1. Д. 65. Л. 18, 24, 247–248; Ф. 2723. Оп. 1. Д. 327. Л. 5.

СПЕЦИАЛЬНЫЕ ЛАГЕРЯ НКВД/МВД СССР В ГЕРМАНИИ КАК ЧАСТЬ ПОСЛЕВОЕННОГО СТАЛИНСКОГО ГУЛАГА

Леонтьева Надежда Ильинична
(Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова)

В истории сталинских репрессий в послевоенной Германии система специальных лагерей и тюрем НКВД/МВД в советской зоне оккупации Германии (далее – СЗО), существовавшая в 1945–1950 гг., занимает особое место. Размах ее деятельности был чрезвычайно широк: за пять лет через спецлагеря прошло более 157 тысяч человек, из них более 122 тысяч составляли немцы и более 34 тысяч – граждане СССР. За эти годы в спецлагерях умерло более 43 тысяч человек. Из общего числа заключенных немцев, по оценкам современных исследователей, только около 10 % находились в лагерях по приговору советских военных трибуналов, работавших на территории СЗО, остальные относились к категории интернированных[1]. Среди советских граждан к осужденным принадлежало подавляющее большинство заключенных[2].

За прошедшие после начала «архивной революции» в России десятилетия, когда исследователям стали доступны обширные советские источники по истории спецлагерей (главным образом из фонда Отдела спецлагерей в Государственном архиве Российской Федерации[3]), было опубликовано большое количество исследований (в основном немецких историков), посвященных истории спецлагерей. Диапазон проблем, затрагиваемых в этих работах, очень широк: это и анализ различных характеристик немецкого контингента спецлагерей[4], и изучение деятельности

---

[1] *Von Plato A.* Sowjetische Speziallager in Deutschland 1945–1950. Ergebnisse eines deutsch-russischen Kooperationsprojektes // Speziallager in der SBZ. Gedenkstätten mit “doppelter Vergangenheit”/ hrsg. von P. Reif-Spirek, B. Ritscher. Berlin, 1999. S. 140.

[2] Специальные лагеря НКВД/МВД СССР в Германии, 1945–1950 гг.: Сборник документов и статей. М., 2001. С. 190.

[3] ГА РФ. Ф. Р-9409. Оп. 1, 2.

[4] Подробнее об этом см.: *Greiner B.* Verdrängter Terror. Geschichte und Wahrnehmung sowjetischer Speziallager in Deutschland. Bonn, 2010. S. 73–133.

советских военных трибуналов, действовавших в СЗО[5], а также аппарата уполномоченного НКВД–МГБ СССР в Германии[6], изучение проблем, связанных с интерпретацией советской лагерной статистики и ее достоверности[7], и многое другое.

В то же время существенным пробелом в истории спецлагерей до последнего времени оставалось отсутствие сколь-нибудь ясного представления о советских гражданах – заключенных спецлагерей, составлявших значительную часть общего числа контингента[8]. Введенные в научный оборот эшелонные списки советских заключенных, осужденных военными трибуналами на территории СЗО и этапированных в течение 1945–1948 гг. оттуда в различные исправительно-трудовые и особые лагеря ГУЛАГа, позволили дать достаточно развернутую характеристику этому контингенту. Методика и основные принципы работы с указанными документами подробно рассмотрены в одной из наших публикаций[9]. Здесь же выделим некоторые наиболее существенные моменты, позволяющие рассматривать систему советских спецлагерей в СЗО как существенную, хотя и обособленную часть системы послевоенного ГУЛАГа[10].

Формально спецлагеря вошли в состав ГУЛАГа МВД СССР на правах его подразделения только в августе 1948 г., после первой масштабной акции по освобождению существенной части их заключенных. До этого они входили в структуру Советской военной администрации в Германии, хотя фактически управлялись Уполномоченным НКВД/МВД СССР в Германии И.А. Серовым. В сущности, это изменение подчиненности мало что меняло в характере работы спецлагерей, хотя вскоре после этого последовали попытки реформирования их работы в направлениях, предложенных комиссией ГУЛАГа, инспектировавшей их в начале 1948 года[11], которые так и не были реализованы вплоть до упразднения системы спецлагерей в марте 1950 г.

---

[5] *Erler P.* Zur Tätigkeit der Sowjetischen Militärtribunale (SMT) in der SBZ/DDR // Sowjetische Speziallager in Deutschland 1945 bis 1950 / hrsg. von S. Mironenko u. a. Band 1: Studien und Berichte. Berlin, 1998. S. 172–187.

[6] *Козлов В.А.* Деятельность уполномоченных и оперативных групп НКВД СССР в Германии в 1945–1946 гг. // Специальные лагеря. С. 311–330; *Петров Н.В.* Аппарат уполномоченного НКВД–МГБ СССР в Германии (1945–1953 гг.) // Там же. С. 349–366.

[7] *Jeske N.* Kritische Bemerkungen zu den sowjetischen Speziallagerstatistiken // Sowjetische Speziallager in Deutschland 1945 bis 1950. Band 1. S. 457–480.

[8] Впервые эта проблема была поставлена в статье И.Л. Щербаковой: *Scherbakova I.* Sowjetische Staatsangehörige und sonstige Ausländer in den Speziallagern // Sowjetische Speziallager in Deutschland 1945 bis 1950. Band 1. S. 241–249.

[9] *Леонтьева Н.И.* Советские граждане – заключенные спецлагерей НКВД/МВД СССР в Германии: анализ базы данных // Историческая информатика. 2019. № 4. С. 12–30.

[10] В данном случае термин «ГУЛАГ» употребляется в узком смысле слова – как конкретное подразделение в составе Наркомата/Министерства внутренних дел СССР.

[11] ГА РФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 360. Л. 157–170.

Однако говорить о месте спецлагерей в Германии в структуре ГУЛАГа позволяет вовсе не их формальная подчиненность, а то, что на протяжении нескольких послевоенных лет заключенные спецлагерей из числа советских граждан составляли существенный источник пополнения лагерей ГУЛАГа рабочей силой. В их распределении преобладало «северное» направление: наиболее многочисленные потоки заключенных отправлялись в Ивдельский и Восточно-Уральский лагеря на севере Свердловской области, в Интинский и Воркутинский лагеря Архангельской области, а также в Алданский лагерь в Якутии (всего 73 % заключенных). Остальной объем потоков приходится в основном на лагеря Сибири – Сиблаг и Южно-Кузбасский ИТЛ[12].

Определить вклад советского контингента спецлагерей в общую численность указанных лагерей ГУЛАГа можно на основе имеющихся данных по численности заключенных в этих лагерях на ближайшую дату после даты этапирования заключенных. Наибольший вклад контингент спецлагеря внес в общую численность Алданского ИТЛ, который был образован в июне 1947 г., а заключенные, этапированные туда в тот же период, в конце мая – начале июня, из спецлагеря № 10 Торгау, составили почти четверть от общего количества заключенных этого лагеря, зафиксированного на 1 августа 1947 года. Контингент спецлагерей стал одним из основных, пополнивших только что открытый лагерь, занятый добычей руды и геологоразведкой. В остальных случаях контингент спецлагерей использовался в основном в лагерях, занятых лесозаготовками или угледобычей. В общем объеме капитальных работ, выполняемых структурами МВД СССР в послевоенный период, эти отрасли производства не были основными. Объем угледобычи (как части топливной промышленности) колебался от 3 до 15 % в 1946–1950 гг., лесной промышленности – от 2 до 4 %[13]. В то же время такое распределение потоков заключенных вряд ли было случайным. Они направлялись туда, где требовалась эффективная рабочая сила, – на физически тяжелые виды работ, в основном в северные лагеря с суровыми климатическими условиями, где рабочая сила нуждалась в постоянном пополнении. Поток советских заключенных, шедший из спецлагерей в лагеря ГУЛАГа, был постоянным и стабильным, в течение нескольких лет подпитывая отдельные отрасли «гулаговской» экономики.

Таким образом, нахождение советских граждан в спецлагерях представляло собой хотя и не первостепенную, но значимую составляющую их деятельности, ориентированную в том числе и на накопление и сохранение до востребования рабочей силы для лагерей ГУЛАГа. В этом можно видеть и специфику спецлагерей, вобравших в особенных условиях существования вне СССР, на оккупированной территории, одновременно функции мест отбывания наказания, интернирования, фильтрации и накопления контингента для его дальнейшего распределения.

---

[12] Источники подсчетов здесь и далее см. в: *Леонтьева Н.И.* Указ. соч.

[13] *Хлевнюк О.В.* Введение // История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7 томах. Том 3. Экономика Гулага / отв. ред. и составитель О.В. Хлевнюк. М., 2004. С. 33–34.

220-ЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ АКАДЕМИИ НАУК КАК СПОСОБ КОММЕМОРАЦИИ ПОБЕДЫ

Лиманова Светлана Андреевна, к.и.н.
(Архив РАН)

В июне 1945 года были организованы празднования по случаю долгожданной Победы в Великой Отечественной войне. Одним из самых ярких стал грандиозный парад на Красной площади в Москве. В эти же дни состоялось еще одно торжество – 220-летие Академии наук, где чествовали науку, которой удалось объединить лучшие умы своей страны и передовые изобретения для достижения общей цели – победы над врагом и дальнейшего мирного развития.

Выбранная дата – 220 лет – была скорее круглой, нежели юбилейной (до этого в 1925 году широко отмечался 200-й юбилей Академии наук). Однако с точки зрения закрепления в памяти устойчивой ассоциации «Наука – Победа» она пришлась как нельзя кстати. Вопрос о праздновании решался на самом высоком уровне. Согласно архивным документам, 13 ноября 1944 года состоялась беседа И.В. Сталина с президентом АН СССР академиком В.Л. Комаровым, в ходе которой прозвучало предложение устроить весной «большое научное празднество»[1].

Подготовка осуществлялась в кратчайшие сроки – буквально за несколько месяцев. Постановлением СНК СССР от 21 января 1945 года[2] предписывалось создать Всесоюзный Комитет по проведению празднования. Председателем Комитета стал академик В.Л. Комаров, его заместителями – академики А.А. Байков, В.П. Волгин, Н.Д. Зелинский и Л.А. Орбели, ответственным секретарем – академик Н.Г. Бруевич; в состав вошли многие известные ученые.

Юбилейная программа была намечена на 15–29 июня[3]. 16 июня в Большом театре состоялось торжественное заседание юбилейной сессии Академии наук СССР. С приветственной речью выступил академик В.Л. Комаров[4], отметивший, что «Академия наук СССР с первых

---

[1] Архив Российской академии наук (далее – АРАН). Ф. 277. Оп. 1. Д. 197. Л. 2–3.

[2] Там же. Ф. 596. Оп. 2. Д. 15. Л. 1–4.

[3] Там же. Ф. 519. Оп. 1. Д. 24. Л. 12–16 об.

[4] Подробнее см.: *Корзун В.П.* Юбилей АН СССР в победном 1945 году: презентация образа советской науки в выступлениях академика В.Л. Комарова //

дней войны направила все свои усилия на помощь фронту, на усиление и усовершенствование вооружений нашей славной Красной Армии, на повышение экономической мощи страны»[5]. Зачитанное в ответ приветствие от СНК СССР и ЦК ВКП(б) начиналось словами: «Академия наук СССР отмечает свой юбилей в период, когда советский народ победоносно завершил Великую Отечественную войну с немецкими захватчиками. В дни войны советские ученые вели успешную работу, помогая своим трудом фронту и народному хозяйству нашей страны. Советские ученые внесли ценный вклад в дело разгрома врага»[6]. Эти же слова были напечатаны на следующий день в газете «Правда», на передовых страницах подробно освещавшей весь академический юбилей[7].

Лейтмотив «Наука – Победа» звучал и в других речах и публикациях, приуроченных к юбилею. Известный французский физик и общественный деятель Поль Ланжевен писал: «Я с самого начала следил с глубокой симпатией и страстным вниманием за гигантским советским планом социалистического строительства внутри страны и защитой Родины доблестной Красной Армией от покушений врага извне. Весь мир может сегодня измерить величие ваших усилий. Основываясь на науке, Советская Россия показывает нам сегодня путь к решающему этапу человеческого развития»[8]. Таким образом происходило включение советского государства в европейское социокультурное пространство на совершенно новых условиях. Наука не только воспринималась как средство достижения победы, но и позиционировалась как залог дальнейшего мирного сосуществования в рамках возможного нового геополитического устройства.

С 17 по 20 июня прошли заседания отделений Академии наук СССР в Москве. За время проведения юбилейной сессии было заслушано 93 доклада советских и 36 докладов иностранных ученых по проблемам химии, физики, математики, аэродинамики, техники, геологии, биологии, истории, философии, экономики, права, литературы и языка. 24 июня участники юбилейной сессии присутствовали на Большом параде Победы на Красной площади. Параллельно происходило знакомство с культурой страны – показ достопримечательностей Кремля, посещение выставок и научных учреждений, просмотр спектаклей. В программу специально был включен спектакль «Сталинградцы» по пьесе Ю.П. Чепурина в Центральном театре Красной армии. С 25 по 28 июня заседания юбилейной сессии продолжились в Ленинграде. Ученые успели осмотреть разрушенные войной памятники архитектуры – Петродворец, Пулковскую обсерваторию, а также посетили Пушкин и другие пригороды Ленинграда.

История науки и техники: источники, памятники, наследие. Третьи чтения. К 150-летию со дня рождения В.Л. Комарова. М.: Янус-К, 2019. С. 27–30.

[5] АРАН. Ф. 519. Оп. 1. Д. 50. Л. 20.

[6] Там же. Л. 28.

[7] Правда. 1945. № 144 (9915). С. 1.

[8] Там же. № 150 (9921). С. 1.

На зарубежных гостей такое посещение произвело сильное визуальное впечатление[9].

30 июня участникам юбилейной сессии устроили торжественный прием в Георгиевском зале Московского Кремля. На встрече присутствовал И.В. Сталин вместе с членами советского правительства – В.М. Молотовым, М.И. Калининым, К.Е. Ворошиловым, Л.М. Кагановичем, А.И. Микояном, А.А. Ждановым, Л.П. Берией, Г.М. Маленковым, Н.М. Шверником и другими. В тот вечер прозвучали многочисленные тосты в честь Академии наук и академиков, самого Сталина и советского народа-победителя[10]. Большая группа ученых удостоилась правительственных наград в связи с 220-летием Академии наук. Многие получили почетные грамоты Президиума АН СССР или денежные премии. На память о торжестве были сделаны юбилейные значки «Академии наук СССР 220 лет».

Подводя итог завершившейся юбилейной сессии, академик В.Л. Комаров сказал: «Первый итог сессии, как мне кажется, общее признание исключительного значения науки в современной жизни. В дни величайшей исторической значительности, в дни победы над Германией, народ и правительство сделали юбилей Академии всенародным и общегосударственным праздником, окружили науку и ученых беспримерным почетом и заботой. Каждый советский человек признает, что наша наука заслужила народную любовь и уважение <...> победа над Германией не заслонила юбилея Академии, не затмила его, а осветила, подняла его, придала научному празднику глубокий исторический смысл, глубокое общественное содержание»[11].

Празднование 220-летия Академии наук явило собой уникальный пример признания успехов науки на государственном уровне. Оно расширило границы чисто военного торжества, позволило вести диалог с представителями других стран, презентовать успех советской науки и закрепить его в мировых научных кругах. Юбилей способствовал выстраиванию позитивного образа Победы и неоспоримо свидетельствовал о решающей роли Советского Союза в ее достижении.

---

[9] Документальные кадры этой поездки можно увидеть в кинофильме «Юбилейная сессия Академии наук СССР в Ленинграде» (К 220-летию Академии наук) // Архивы Российской академии наук [Электронный ресурс]. URL: http://www.arran.ru/?q=ru/exposition15_2 (дата обращения: 10.06.2019).

[10] Подробнее см.: Академия наук СССР. Сессия (1945, июнь–июль). Юбилейная сессия Академии наук СССР. 15-е июня – 3-е июля 1945 г.: В 2 т. М., Ленинград: Изд-во и 2-я тип. изд-ва Акад. наук СССР в Москве, 1947–1948.

[11] Правда. 1945. № 156 (9927). С. 2.

«ДЕТИ ВОЙНЫ» В ПОСЛЕВОЕННОЙ ГЕРМАНИИ: СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ И ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ

Любомирова Екатерина Сергеевна
(Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова)

Под «детьми войны» в данной работе понимаются молодые юноши и девушки 1933–1939 г. р., пережившие войну детьми и подростками. Практически до конца 1950-х гг. их никак нельзя было назвать благополучными. Виной тому оказались вызванные войной очень трудная социально-экономическая и психологическая ситуации.

В социально-экономическом плане они находились в том же клубке проблем, что и вся Германия: хозяйственная разруха, проблемы с жильем, одеждой и питанием, отсутствие работы. Конечно, степень трудностей зависела от многих факторов (проживание в постоянно подвергавшемся бомбежкам городе или в относительно спокойной деревне, наличие или отсутствие собственного дома и кормильца в семье и т. д.), но, пожалуй, тяжелее всего пришлось беженцам и репатриантам. Всем им требовались ресурсы, которых не хватало и местным, что могло привести к конкуренции и обострению отношений.

Фактически у «детей войны» были две возможности прокормиться – это мешочничество и спекуляции[1]. Невзирая на штрафы и запреты[2], нагруженные сумками и рюкзаками, они ехали в автобусах, цеплялись за подножки поездов, теснились в переполненных купе или сидели на крышах вагонов. В деревне они выменивали предметы на картофель, хлеб, молоко, масло, мясо и овощи[3]. К оплате принималось все, кроме денег, – они больше не имели никакой ценности.

В таких условиях существенно возросли детская и юношеская преступность (только в Берлине – на 850 %) и проституция[4]. По статистике

---

[1] *Болдырев Р.Ю.* “Stunde Null” или “Neubeginn”? Ситуация в до-эрхардовской Германии 1945–1948 гг. // Социальное рыночное хозяйство: концепции, практический опыт и перспективы применения в России. М., 2007. С. 249.

[2] *Müller J.* Wir vom Jahrgang 1935. Kindheit und Jugend. Gudensberg-Gleichen, 2009. S. 44.

[3] Nachkriegskinder. Kindheit in Deutschland 1945–1950. S. 59.

[4] *Kleßmann Ch.* Die doppelte Staatsgründung. Deutsche Geschichte 1945–1955. Göttingen, 1982. S. 53.

с 1945 по 1952 г. число осужденных за телесные повреждения выросло на 133,3 %, а за преступления против нравственности – на 147 %[5]. В 1950 г. только за мелкую кражу было осуждено 4371 человек в возрасте 14–16 лет и 5361 человек 16–18 лет, а за крупную – 1420 и 1848 человек соответственно[6]. Эта волна преступности начала спадать только к середине 1950-х гг., когда выровнялось экономическое положение в стране.

Психологическое состояние «детей войны» также оставляло желать лучшего. Руины городов отражали руины в душе. Война стала их личной трагедией[7]. 89,4 % детей и подростков пережили бомбардировки, 35,4 % – бегство или изгнание, 16,2 % – смерть брата или сестры, 7,4 % – насилие, а 7,8 % получили хронические заболевания[8].

В таких условиях «дети войны» рано научились подавлять собственные эмоции, особенно страх, боль и горе[9]. Чтобы выжить, им приходилось рассчитывать только на свои собственные силы[10]. Поэтому они быстро становились самостоятельными и предприимчивыми, но в то же время замкнутыми, молчаливыми и угрюмыми[11].

Конечно, дальнейшее их становление как личностей и во многом их дальнейшая судьба зависели от многих факторов, но, пожалуй, одним из ключевых был фактор наличия или отсутствия отца. Лишь 45 % «детей войны» не знали длительного отсутствия отца, в то время как 25–30 % пережили долгую разлуку[12]; 25 % выросли совсем без отцов[13], около 2,5 млн так и остались наполовину или круглыми сиротами[14].

Не удивительно, что зачастую отсутствующий отец определял жизнь своих детей намного сильнее, чем если бы он был дома. Его портрет висел на стене, он постоянно упоминался в рассказах матери, каждый поступок подростка оценивался с точки зрения того, понравилось бы это отцу или нет[15]. Если отец погибал, то его потеря становилась огромной

---

[5] *Wagner B.* Jugendliche Lebenswelten nach 1945. Opladen, 1995. S. 56, 211.

[6] Statistisches Jahrbuch für die Bundesrepublik Deutschland für das Jahr 1950. S. 80–81.

[7] *Тимофеева Т.Ю.* Повседневная жизнь в Берлине в 1943–1948 гг. Опыт исследования // Послевоенная история Германии: российско-немецкий опыт и перспективы. М., 2007. С. 339.

[8] *Radebold H.* “Abwesende Väter – Fakten und Forschungsergebnisse” // *Schulz H., Radebold H., Reulecke J.* Söhne ohne Väter. Erfahrungen der Kriegsgeneration. Bonn, 2005. S. 116.

[9] *Kolbatz K.-P.* Kriegskinder. Norderstedt, 2005. 180 S.

[10] Kriegskinder. Erinnerung einer Generation. Berlin, 2009. S. 202.

[11] Ibid. S. 247.

[12] *Radebold H.* “Abwesende Väter – Fakten und Forschungsergebnisse”. S. 116.

[13] *Schulz H., Radebold H., Reulecke J.* Söhne ohne Väter. S. 27.

[14] *Radebold H.* “Abwesende Väter – Fakten und Forschungsergebnisse”. S. 115.

[15] *Ennulat G.* Kriegskinder. Wie die Wunden der Vergangenheit heilen. Stuttgart, 2008. S. 181.

трагедией[16]. Отец независимо от того, каким он был на самом деле, идеализировался, а его образ становился примером для подражания[17].

Иная картина была в тех семьях, где отец рано или поздно возвращался домой. В этом случае его образ не идеализировался, более того – зачастую возникали конфликты. Установлению гармонии в семье мешали как пережитое отцом, так и то, что за годы разлуки дети и подростки, принимая на себя часть заботы о семье и ее существовании, постепенно становились маленькими взрослыми[18]. Конечно, заново обрести отца было для них большим счастьем, но они больше не желали автоматически признавать авторитет человека, который фактически был для них чужим[19].

Такие конфликты разрешались сами собой, если отец приходил к пониманию того, что отныне вместо «авторитета позиции» ему придется завоевывать «авторитет личности». В тех же семьях, где отец по каким-либо причинам не мог или не желал этого делать, возникала еще одна проблема: еще большее отчуждение «детей» от мира «отцов» и их уход в мир улицы, где они создавали свои малые группы[20].

Если для семей ведущим был конфликт «отцов и детей», то для властей одной из проблем стали поступавшие к ним тревожные сигналы о политических предпочтениях «детей войны». Так, в 1952 г. Институт изучения общественного мнения опубликовал данные соцопроса молодежи ФРГ, согласно которому 40 % опрошенных выразили желание видеть у власти одну сильную национальную партию[21]. Согласно опросу 1954 г., проведенному Билефельдским институтом, Гитлер был назван молодежью третьей по популярности личностью прошлого (после Бисмарка и Фридриха Великого)[22]. Восхищение вызывали его «способности государственного деятеля», «сильный характер» и то, что он «поднял Германию на высокий политический и экономический уровень»[23]. Несмотря на то что более 43 % опрошенных все же высказалось за многопартийность[24], это было сигналом того, что инерция авторитарных представлений в обществе еще достаточно сильна. Между тем опрос июля 1956 г. показал, что 22 % юношей и девушек 1929–1939 г. р. оценивали национал-социализм резко негативно, 16 % дали ему положительную характеристику, 29 % не высказали никакого мнения по этому вопросу, а 33 % колебались

---

[16] *Schulz H., Radebold H., Reulecke J.* Söhne ohne Väter. S. 29.

[17] Ibid. S. 73.

[18] *Тимофеева Т.Ю.* Социально-бытовые отношения в Германии периода национал-социализма (1933–1945): немецкая семья в Берлине. М., 2010. С. 148.

[19] *Schulz H., Radebold H., Reulecke J.* Söhne ohne Väter. S. 31.

[20] *Ennulat G.* Kriegskinder. S. 186.

[21] Jahrbuch der öffentlichen Meinung 1947–1955. Band 1. Allensbach – Bonn, 1956. S. 145.

[22] Jugend zwischen 15. und 24.: Untersuchung zur Situation der deutschen Jugend im Bundesgebiet / hrsg. von Karl-Georg von Stackelberg. Bielefeld, 1953. S. 166.

[23] Jugend zwischen 15. und 24. S. 47.

[24] Jahrbuch der öffentlichen Meinung 1947–1955. S. 145.

в оценках[25]. Это означало, что бóльшая часть «детей войны» продолжала быль аполитичной, но в условиях очередного экономического или политического кризиса она могла оказаться восприимчивой к авторитарным, антидемократическим решениям проблемы.

[25] Jahrbuch der öffentlichen Meinung 1956–1957. Band 2. Allensbach – Bonn, 1957. S. 149.

КОММУНИСТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ В УСЛОВИЯХ НАЧАЛА «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ» (1945–1949 гг.)[1]

Манухин Алексей Анатольевич, к.и.н.
(Институт Латинской Америки РАН)

Участие стран Латинской Америки во Второй мировой войне серьезно сказалось на их внутреннем положении. Победа над фашизмом породила надежды на демократизацию и привлекла внимание к проблемам зависимости их экономики от спроса на сырьевые товары. Ухудшение условий жизни трудящихся и ужесточение конкуренции для отечественных производителей привели к массовым забастовочным движениям и появлению новых многопартийных коалиций, что открывало новые возможности для коммунистов[2]. Данное исследование посвящено тому, как коммунистические партии Латинской Америки пытались адаптироваться к новой международной обстановке в виде структурной эволюции и изменения тактики борьбы.

Переход Вашингтона к строительству «межамериканской системы» обусловил его стремление сделать регион управляемым, в результате чего он был втянут в начинающуюся «холодную войну». Антикоммунистическая кампания в США нашла горячую поддержку консервативных сил Латинской Америки и мобилизовала их. Уже в 1943 г. было основано Межамериканское сообщество печати, одной из задач которого было противостояние «радикальным» идеям[3]. В Москве считали необходимым воздерживаться от демонстративной поддержки компартий, например в виде посещения их съездов делегатами от ЦК ВКП(б), поскольку это даст «реакционерам» дополнительные аргументы для борьбы с ними[4]. По-

[1] Исследование выполнено при поддержке проекта «Коминтерн в Латинской Америке: исторические традиции и политические процессы» (грант РНФ, соглашение от 06 мая 2019 г. № 19-18-00305).

[2] *Bethell L., Roxborough I.* Latin America Between the Second World War and the Cold War: Some Reflections on the 1945–1948 Conjecture // Journal of Latin American Studies. 1988 (May). Vol. 20. No. 1. P. 169–170.

[3] *Босса Х.А.* Медийное оружие правых. Межамериканское общество прессы во время латиноамериканской «холодной войны» // Латиноамериканский исторический альманах. 2019. № 3(23). С. 143.

[4] Л.С. Баранов – А.А. Кузнецову. 19 июля 1948 г. // Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17: ЦК ВКП(б). Оп. 128: Отдел внешней политики ЦК ВКП(б). Д. 645. Л. 16.

ложение каждой компартии было обусловлено расстановкой социальных сил и политической культурой отдельно взятой страны. Однако общим магистральным направлением их деятельности можно считать работу на достижение единства профсоюзных движений, повышение популярности в среде беспартийных организаций и участие в электоральных процессах, в том числе и за счет акцентирования борьбы с империализмом.

В рядах рабочего движения наиболее многочисленным и независимым объединением была Конфедерация трудящихся Латинской Америки (КТЛА) во главе с мексиканцем В. Ломбардо Толедано. Борьба против нее провозглашалась одним из главных объектов антикоммунистических усилий правых партий и правительств региона, а также Американской федерации труда (АФТ)[5]. Тем не менее отношения самого Ломбардо Толедано с руководством Коммунистической партии Мексики (КПМ) и ее генеральным секретарем Д. Энсиной складывались непросто из-за его неприятия догматизма. В результате провалилась попытка создания так называемой Единой марксистской (Народной) партии Мексики с привлечением широкого круга левых организаций и кружков, которая была призвана составить конкуренцию на всеобщих выборах 1946 г. КПМ, опасаясь за собственный авторитет, категорически отвергала возможность формального объединения[6]. Специфика положения мексиканской компартии заключалась в том, что в поддержании диалога с ней правительство видело важный политический козырь. Так, президент М. Алеман на встрече с президентом США Г. Трумэном согласился присоединиться к борьбе с «красной угрозой» с той оговоркой, что чрезмерные репрессии произведут негативный психологический эффект в обществе[7].

В Чили коммунисты в 1946–1947 гг. входили в кабинет президента Г. Гонсалеса Виделы и были инициаторами ряда важных мер по созданию Государственного банка, модернизации политики кредитования предприятий и борьбы с дороговизной. Вместе с тем Коммунистическая партия Чили столкнулась с беспрецедентной травлей со стороны социалистов, которые объединили свои усилия с либералами и радикалами[8]. Важность сырьевых ресурсов Чили среди стран Южного конуса стала стимулом для давления США на правительство Гонсалеса Виделы в сфере внешних займов[9]. Отчасти схожая ситуация наблюдалась в Аргентине,

---

[5] Антикоммунистическая кампания в Латинской Америке. 11 августа 1947 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 1177. Л. 10–11.

[6] К вопросу о создании Единой марксистской партии Мексики. 1 октября 1946 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 218. Л. 55–60.

[7] О положении в Коммунистической партии Мексики. 29 мая 1949 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 645. Л. 55–57.

[8] К вопросу об участии Коммунистической партии Чили в правительстве и о выходе из него. 22 мая 1947 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 1131. Л. 125–129.

[9] *Barnard A.* Chilean Communists, Radical Presidents and Chilean Relations with the United States, 1940–1947 // Journal of Latin American Studies. 1981 (November). Vol. 13. No. 2. P. 363–371.

где режим Х.Д. Перона стремился заработать политический капитал на своей «независимой» внешней политике, что на время привлекло на его сторону Коммунистическую партию Аргентины (КПА). После свободных выборов 1946 г. перонистская Хустисиалистская партия полностью перешла к поддержке внешнеполитических планов США в Латинской Америке[10].

Пожалуй, наибольший интерес представляет деятельность компартий в таких странах, как Бразилия и Куба, которые стали двумя главными оплотами антикоммунизма в регионе. Коммунистическая партия Бразилии (КПБ) во главе с ее генеральным секретарем Л.К. Престесом была представлена в Конгрессе. На выборах в федеральный Конгресс 1946 г. и муниципальных выборах 1947 г. она уже после ее запрета режимом Э.Г. Дутры добилась победы своих кандидатов, выступавших по спискам малых нейтральных партий. Умело используя левые настроения среди военных и интеллигенции, КПБ возглавила движение по созданию Национальных комитетов защиты нефти, призванных не допустить односторонне выгодной концессии для «Стандард Ойл»[11]. Народно-социалистическая партия Кубы (НСП), находясь в похожих условиях преследований со стороны проамериканских правых организаций, на момент всеобщих выборов 1948 г. насчитывала почти 200 тыс. членов. Тактика по созданию местных предвыборных «бригад» была признана коммунистами ошибочной, поскольку не смогла привлечь беспартийных и отнять голоса у Революционной партии аутентиков[12]. Значительную роль в расколе дружественной коммунистам массовой Конфедерации трудящихся Кубы (КТК) внесли кубино-американские рабочие активисты, действия которых координировались Вашингтоном[13].

Начало «холодной войны» совпало с кратковременной либерализацией политической жизни многих стран Латинской Америки. Прекращение деятельности Коминтерна побудило коммунистические партии больше опираться на собственные силы. Они попытались включиться в процесс массового общественного давления на национальные элиты с широкими демократическими требованиями. Тем не менее быстрая унификация политического ландшафта, которая во многом происходила под внешним воздействием, закономерно сделала коммунистов удобной жертвой и надолго отсрочила возврат ими своих позиций.

---

[10] О положении Коммунистической партии Аргентины. 22 февраля 1947 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Л. 54–90.

[11] Сообщение члена ЦК Коммунистической партии Бразилии Жоржи Амаду. 23 декабря 1948 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 44. Л. 70–81.

[12] Записка Отдела о работе V Чрезвычайного съезда Народно-социалистической партии Кубы. 29 января 1949 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 696. Л. 2–4.

[13] *Sims D.S.* Collapse of the House of Labor: Ideological Divisions in the Cuban Labor Movement and the U.S. Role, 1944–1949 // Cuban Studies. 1991. Vol. 21. P. 132–141.

ИСТРЕБИТЕЛЬНЫЕ БАТАЛЬОНЫ НКВД СССР КАК ОДИН ИЗ ЭЛЕМЕНТОВ МОБИЛИЗАЦИОННЫХ ПРАКТИК СОВЕТСКОГО СОЮЗА В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (июль 1941 – март 1942 года)

Медведев Тимофей Дмитриевич
(НИУ «Высшая школа экономики)

Тематика, связанная с историей Второй мировой войны, несмотря на свое зачастую «центральное место» в отечественном и зарубежном историческом нарративе, до сих пор является во многом не изученной историками. При этом ошибкой было бы полагать, что изучение истории войны предполагает исключительный исследовательский фокус, сосредоточенный на непосредственно боевых действиях. Очевидно, что государственный и партийный аппарат Советского государства в период войны продолжал активно функционировать на всей территории страны, более того, он подвергся некоторой эволюции как на самом высоком уровне (создание Ставки ВГК), так и «на местах», что, в частности, иллюстрирует развернувшийся в первый период войны процесс создания различного рода иррегулярных воинских формирований, к числу которых можно отнести дивизии народного ополчения и истребительные батальоны. Несмотря на различные структурные модели и задачи, стоящие перед данными соединениями, они являют собой примеры использования советской модели мобилизации ресурсов, которая в период войны была задействована во всех аспектах государственного и военного управления страной и ее армией.

Соответственно, поставленные в докладе вопросы будут направлены на решение научной проблемы, связанной с функционированием технологий мобилизации в Советском Союзе периода Великой Отечественной войны. Мною будет изучена система формирования истребительных батальонов, их кадровый и численный состав, проведена оценка материально-технического обеспечения изучаемых соединений. Также будет обрисован круг задач, решаемых данными иррегулярными формированиями. Кроме того, в своем докладе я постараюсь ответить на вопрос о том, насколько эффективно использовались истребительные батальоны.

Стоит отметить, что историография данной проблемы в настоящий момент представлена лишь отдельными статьями и монографиями[14],

[14] См., например: *Биленко С.В.* На охране тыла страны. Истребительные батальоны и полки в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М.: Наука, 1988. 256 с.; *Данилов В.Н.* Война и власть: Чрезвычайные органы власти регионов

в основном структурированными ЦГАИПД СПб[1]. В первую очередь, планируется изучить фонды местных истребительных батальонов дабы проследить за тем, как упоминаемые выше приказы и распоряжения высшего командного состава НКВД выполнялись на местах, как именно проявлялись на конкретных примерах те проблемы и сложности, о которых упоминается в отчетах руководства штабов истребительных батальонов, какие корректировки вносило развитие ситуации на фронтах под Москвой и Ленинградом в круг стоящих перед иррегулярными формированиями НКВД задач и каким образом эти задачи ими решались. Уточню, что хронологически исследование будет ограничено июлем 1941 – мартом 1942 года.

Предметом моего доклада выступят истребительные батальоны НКВД в качестве одного из примеров функционирования советской мобилизационной модели в начальный период войны. В первую очередь будут исследованы механизмы формирования и комплектования данных подразделений, их численный и кадровый состав, на основании исследуемых документов будет подтвержден или опровергнут выдвигаемый в советской историографии тезис о том, что основу истребительных батальонов составляли советские и партийные работники, члены партии и комсомольцы. Вторым исследовательским вектором доклада станет вопрос о материальном обеспечении исследуемых иррегулярных подразделений, их вооружении и оснащении, подготовке бойцов батальонов для выполнения возложенных на них задач. Наконец, особого внимания заслуживает проблема подчиненности истребительных батальонов, решение которой напрямую подводит исследование к вопросам о перестройке системы управления Советского Союза в период войны. Известно, что до 1943 года истребительные части фактически были подчиненны трем разным ведомствам – НКВД, РККА и местным партийным органам, что накладывает очевидный отпечаток на процесс их функционирования. Наконец, фокус исследования подвергнется смещению на микроуровень – в тексте доклада будут кратко изучены условия боевой работы истребительных подразделений на территории Московской и Ленинградской областей в период 1941 – начала 1942 года.

России в годы Великой Отечественной войны. Саратов: Издат. Поволж. Фил. Рос. уч. центра, 1996. 392 с.; *Пилишвили Г.Д.* Боевая деятельность истребительных батальонов в Центрально-Черноземном регионе РСФСР (1941–1945 гг.) / Г.Д. Пилишвили. Курск: Курск. гос. ун-т, 2007. 196 с.; Трегубова М.С. Деятельность истребительных батальонов НКВД во время Великой Отечественной войны в Сталинграде // Материалы научной сессии, г. Волгоград, 26–30 апреля 2010 г. Вып. 2. Философские, социальные и исторические науки. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2010. С. 330–33.

[1] ЦГАИПД СПб. Ф. 8671 (Управление НКВД Ленинградской области). Оп. 1. Д. 2, 3, 4.

Выводом из поднятой в докладе проблемы может являться факт того, что процесс создания истребительных батальонов НКВД являлся ярким проявлением перманентной мобилизации, проводившейся в Советском Союзе после начала Великой Отечественной войны. Созданные для выполнения целого ряда специфических задач, связанных с охраной ближнего тыла РККА, истребительные части в течение 1941–1942 годов использовались в весьма широком целевом диапазоне – помимо выполнения своих прямых обязанностей бойцы-истребители участвовали в боевых действиях, служили базой для формирования партизанских и диверсионных отрядов, привлекались для проведения военно-чекистских операций. При этом на всех этапах своей деятельности батальоны сталкивались с целым рядом структурных проблем, среди которых стоит отметить плохое материальное обеспечение, низкое качество командных кадров, плохую подготовку военнослужащих. Однако, несмотря на все названные факторы, истребительные батальоны в целом справились с возложенными на них задачами и стали одним из факторов провала немецких планов захвата Москвы и Ленинграда.

НЕМЕЦКОЕ ГОСУДАРСТВО И ГЕРМАНСКИЙ КРАСНЫЙ КРЕСТ В ПЕРИОД НАЦИЗМА: ОПЫТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И ПРОТИВОСТОЯНИЯ

Медведева Марина Александровна
(Ярославский государственный педагогический университет имени К.Д. Ушинского)

25 января 1921 г. в Бамберге на учредительном собрании Германского Красного Креста (ДРК), реорганизованного согласно положениям Версальского мирного договора, был одобрен новый устав организации, в соответствии с которым ДРК, управляемый собственным общегерманским советом, оставался общественной организацией, что исключало полный административный контроль над ней со стороны рейхстага и правительства[1]. Новые организационные принципы ДРК отвечали требованиям ст. 177 и 178 Версальского договора и отводили ДРК лечебную деятельность не в военной, а в гражданской сфере. Традиционный уход за ранеными солдатами в военное время переместился на последнее место. Целями ДРК являлись «предотвращение, контроль экономических и моральных трудностей, поддержка здоровья населения»[2].

После прихода нацистов к власти Германский Красный Крест непрерывно подвергался системной реорганизации, что способствовало преодолению экономического кризиса, в который он вошел в годы Веймарской республики. Президент ДРК Йоахим фон Винтерфельдт-Менкин, исключив из деятельности ДРК принципы демократии и политической нейтральности, в своем циркулярном письме от 4 мая 1933 г. одобрил политику нацистов и заявил об обязанности ДРК «сделать цели национального правительства собственными целями», а в работу главного совета ДРК предложил включить членов НСДАП[3]. 12 мая 1933 г. он официально объявил о новом национал-социалистическом руководстве Германского Красного Креста и направил рейхсканцлеру Гитлеру циркулярное пись-

---

[1] *Grüneisen F.* Das Deutsche Rote Kreuz invergangenheit und gegenwart. Potsdam, 1939. S. 159.

[2] Ibid. S. 159–160.

[3] Цит. по: *Rödiger S.* Das Deutsche Rote Kreuz während der nationalsozialistischen Diktatur. Norderstedt, 2007. S. 13; Цит. по: *Seithe H., Hagemann F.* Das Deutsche Rote Kreuz im Dritten Reich (1933–1939) mit einem Abriß seiner Geschichte in der Weimarer Republik. Frankfurt am Main, 2001. S. 58.

мо, в котором «от имени всех полутора миллионов мужчин и женщин ДРК» заявил «об их безоговорочной готовности подчиниться новому руководству и следовать за ним»[4]. В 1933 г. нацисты провели в ДРК расовую чистку и отстранили значительную часть персонала от профессиональной деятельности. На основании закона «О защите немецкой крови и немецкой чести»[5] медсестры ДРК с 1936 г. были обязаны подтверждать свою «арийскую» родословную специальной справкой и соответствовать прочим требованиям[6]. Помимо службы в гражданских медучреждениях государственной системы здравоохранения согласно п. 3 «Положения о добровольной медицинской помощи в вермахте на войне» от 1 февраля 1940 г.[7] добровольный медицинский персонал использовался в вермахте в военное время как правило в армейском тылу. Согласно ст. 10 Женевской конвенции об обращении с военнопленными от 27 июля 1929 г. медперсонал добровольной медицинской помощи в армии был обязан подчиняться военным нормам и положениям[8].

1 января 1937 г. заместителем президента ДРК, заместителем уполномоченного комиссара по вопросам добровольной медицинской помощи и рейхсвальтерем председателя правления, отвечающим за службу по вызову и медицинские бригады ДРК, а с 24 декабря того же года исполнительным президентом ДРК стал доктор медицины, начальник медицинской службы СС обергруппенфюрер Эрнст-Роберт Гравиц (1899–1945)[9]. Его требования были реализованы в статьях нового закона о ДРК[10] от 9 декабря 1937 г. и нового устава[11] от 24 декабря. Согласно закону 8961 союзов в составе ДРК лишались своей относительной независимости и объединялись под руководством президиума в одно юридическое лицо «Deutsches Rotes Kreuz». ДРК был уполномочен в качестве добровольной организации «участвовать в официальной медико-санитарной службе вермахта». Подчеркивалась добровольность членства, однако добровольный выход из ДРК рассматривался как саботаж, что противоречило положениям Женевской конвенции о военнопленных.

---

[4] Цит. по: *Rödiger S.* Op. cit. S. 13–14.

[5] Reichsgesetzblatt 1935. Teil I. S. 1146.

[6] *Tewes L.* Rotkreuzschwestern. Ihr Einsatz im mobilen Sanitätsdienst der Wehrmacht 1939–1945. Paderborn, 2016. S. 28.

[7] *Panke-Kochinke B., Schaidhammer-Placke M.* Frontschwestern und Friedensengel: Kriegskrankenpflege im Ersten und Zweiten Weltkrieg. Ein Quellen – und Fotoband. Frankfurt am Main, 2002. S. 159–161.

[8] Reichsgesetzblatt 1934. Teil II. S. 207–222.

[9] *Eckart W.U.* SS–Obergruppenführer und General der Waffen-SS Prof. Dr. med. Ernst Grawitz // Ueberschär G. R. (Hrsg.). Hitlers militärische Elite. Vom Kriegsbeginn bis zum Weltkriegsende. Bd. 2. Darmstadt, 1998. S. 63–71.

[10] Reichsgesetzblatt 1937. Teil I. S. 1330.

[11] *Grüneisen F.* Das Deutsche Rote Kreuz invergangenheit und gegenwart. Potsdam, 1939. S. 269–274.

Статус президента ДРК отныне определялся фактом его назначения на должность лично рейхсканцлером Адольфом Гитлером. Другие ключевые посты в ДРК также заняли мужчины из СС и партийные чиновники. В новом уставе указывалось на членство в Международном Красном Кресте, но особо подчеркивались национальная самостоятельность и идентичность ДРК. Национальная самостоятельность организации выражалась в том, что ее покровителем становился лично фюрер, а также в новом тексте присяги, которая теперь приносилась, как и в вермахте, лично фюреру Германии Адольфу Гитлеру. В число основных задач ДРК включалось участие в официальной медико-санитарной службе вермахта и противовоздушной обороне. ДРК действовал в составе аварийных служб при чрезвычайных ситуациях и стихийных бедствиях, в области здравоохранения и в военном обеспечении. Поддержка в сферах гражданского благосостояния и ухода исключались. Административные границы подконтрольных территорий были пересмотрены одновременно и в соответствии с округами вермахта, а пункты расположения управлений земельных отделений ДРК совпадали с дислокацией командования военных округов[12].

Национал-социалистическая идея о трудовой деятельности женщин во благо государства пропагандировала преимущественное вовлечение в ДРК одиноких медсестер, нежели замужних[13]. В соответствии с законом «Об организации медицинской помощи» от 28 сентября 1938 г. в теоретическую подготовку помощниц ДРК включались не только собственно профессиональные знания, но и «мировоззренческое обучение, учение о наследственности и расе, забота о наследственности и расе, демографическая политика»[14]. По месту службы помощниц ДРК также особое внимание уделялось идеологии и вопросам расы и наследственного здоровья[15]. Женщины ДРК отставили идеологию гуманитарного сектора, о чем говорят их военные награды: медали «За военные заслуги»; кресты «За военные заслуги»; медали «За зимнюю кампанию на Востоке 1941/42».

6 декабря 1943 года ДРК-Генералгауптфюрер, профессор, доктор медицины Отто Шталь рекомендовал всем сестринствам ДРК обеспечить публичное ношение женским персоналом, имеющим вышеуказанные награды, соответствующие наградные ленты, даже если это было им неудобно. В 1940 году наблюдается увеличение членов НСДАП в сестринствах ДРК: 49 из 69 руководительниц сестринств ДРК стали членами НСДАП. Президиуму ДРК было важно, чтобы руководящие посты в сестринствах

---

[12] *Grüneisen F.* Das Deutsche Rote Kreuz invergangenheit und gegenwart. S. 269–270.

[13] *Tewes L.* Rotkreuzschwestern. Ihr Einsatz im mobilen Sanitätsdienst der Wehrmacht 1939–1945. Paderborn, 2016. S. 356.

[14] Reichsgesetzblatt 1938. Teil I. S. 1309.

[15] Grundsatze fur die weiblichen Hilfskrafte des Deutschen Roten Kreuzes // Anlage zu «Nachrichten des Deutschen Roten Kreuzes» Nr. 12. Dezember 1934. S. 13.

ДРК замещались идеологически надежными женщинами[16]. Тем не менее, несмотря на лояльность большинства руководительниц ДРК, были и недовольные новой политикой государства. Это выразилось в лишении их постов еще в 30-е годы. Например, руководительница одного из баварских сестринств ДРК Герта фон Айкс в 1938 году выступила против использования ведомственных денежных средств сестринского фонда на обучение медицине девочек из молодежной нацистской организации «Союз немецких девушек» (БДМ), а также противостояла фактам изъятия атрибутов религиозного культа из материнских домов ДРК, за что и была снята с должности[17].

Презентация службы сестер ДРК в медико-санитарной службе вермахта была осуществлена через бюро «Прессы и рекламы» Президиума ДРК в журналах «Германский Красный Крест». Сестер фотографировали на фоне самолетов, подводных лодок, в военных санаториях и госпиталях, на железнодорожных станциях для обложек журналов ДРК[18]. Фактически персонал ДРК участвовал в военной пропаганде, приукрашивавшей жестокую и агрессивную сущность событий в районах ведения боевых действий, путем представления профессии медсестры ДРК как высшей благородной цели для каждой немецкой женщины: быть ангелом и любимым человеком, находиться в центре внимания общества. Немецкая женщина-символ в образе медсестры ДРК – это боевой товарищ для солдат, разделяющий их лишения на вражеской территории, духовное лекарство, олицетворяющая сильную, радостную, женственную и нежную мать для страждущих, представителя далекой Родины[19].

Таким образом, с приходом нацистов к власти со стороны государства начался неуклонный процесс унификации структуры и задач ДРК. Идеи возвращения ДРК к «первоначальным задачам», т. е. к обслуживанию интересов армии в военный период, воплотились в строки новых уставов и положений: фюрерство, вертикаль управления, территориальное соподчинение, государственная поддержка.

---

[16] *Tewes L.* Rotkreuzschwestern. Ihr Einsatz im mobilen Sanitätsdienst der Wehrmacht 1939–1945. Paderborn, 2016. S. 361.

[17] Idem. S. 365.

[18] Idem. S. 371.

[19] *Panke-Kochinke B., Schaidhammer-Placke M.* Frontschwestern und Friedensengel: Kriegskrankenpflege im Ersten und Zweiten Weltkrieg. Ein Quellen – und Fotoband. Frankfurt am Main, 2002. S. 166–167.

МЕСТО И РОЛЬ АЗЕРБАЙДЖАНА В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Мусаева Сахиба Халил
(Азербайджанский Государственный Педагогический Университет)

Уже более трех четвертей века отделяет нас от времени завершения Второй мировой войны 1939–1945 годов, которая принесла человечеству огромные потери. У этой войны было много аспектов, и каждый из них по-своему важен. Каждый из аспектов этой войны – это зримая, наглядная, очевидная ее сторона, о которой вспоминают в первую очередь.

Великая Отечественная война стала временем тяжелейших испытаний и невиданного подъема для всех народов СССР. И Азербайджан в этом плане ничем не отличался от иных республик. Каждый из народов, входивших в состав Союза, внес свою значительную лепту в победу над фашизмом.

Однако место и роль каждой из республик, входившей в состав Советского Союза, определялась ее геостратегической значимостью и ее природными богатствами. Именно эти два вектора стали архиважными на пути защиты Советского Отечества.

План нападения Германии на СССР был подготовлен вермахтом к 18 декабря 1940 года и утвержден под кодовым названием «Барбаросса». И, хотя уроженец Баку, разведчик Рихард Зорге еще в мае 1941 года сообщил высшему советскому руководству о грядущем нападении Германии на СССР, Сталин в это не поверил. И Великая Отечественная война между СССР и гитлеровской Германией началась 1 июня 1941 года.

Несмотря на то что в довоенной Советской Армии существовало предвзятое недоверие к азербайджанским солдатам, примеры героизма азербайджанцев на фронтах Великой Отечественной войны без особого труда удостоверяют, что уже с первых ее дней азербайджанский народ вложил заметную лепту в достижение исторической победы всего прогрессивного человечества над фашистской Германией.

Первыми принявшими бой с фашистской ордой и нанесшими врагу большой урон были герои – защитники Брестской крепости. Среди мужественных защитников Брестской крепости 44 бойца были азербайджанцами.

За проявленную храбрость в бою за село Пустынка под Новгородом в декабре 1941 года первым среди азербайджанцев, получившим звание

Героя Советского Союза, был Исрафил Мамедов, который вместе с небольшой группой солдат остановил атаку вражеского батальона и лично уничтожил десятки фашистов.

В боях за Москву неимоверным мужеством отличилось танковое подразделение азербайджанца Ази Асланова. За отличие в боях за Москву Ази Асланов был награжден орденом Красной Звезды. Его танковое подразделение разбило 49 вражеских танков, уничтожило 14 минометных батарей, 3 пешие роты и взяло в плен 144 немецких солдата. За проявленный героизм еще в ходе Сталинградской операции Ази Асланов 31 декабря 1942 года получил звание Героя Советского Союза. В 1944 году Ази Асланов вторично был представлен к званию Героя Советского Союза за переправу через реку Березина и освобождение города Плещени.

В Сталинградской битве советская армия нанесла сокрушительный удар гитлеровской Германии, произошел коренной перелом в Великой Отечественной войне. 24 генерала, 330 тысяч солдат и офицеров во главе с генералом Паулюсом, которому Гитлер более всех доверял, попали в плен. Отличившиеся в пленении Паулюса разведчики-азербайджанцы Али Керимов и Гамза Садыгов за проявленную доблесть были удостоены ордена Красной Звезды.

В своем сегодняшнем выступлении особо хочу подчеркнуть своего прадеда – участника Первой и Второй мировых войн Тарлана Абдулла оглы Алиярбекова, грудь которого за храбрость и отвагу украшали ордена, которых он был удостоен за участие в сражениях двух мировых войн: Святого Георгия 4 степени, Святого Станислава 3 степени, Ленина, Красного Знамени, Красной Звезды и многие медали. Он известен не только как храбрый и ответственный командир, пользующийся уважением и авторитетом среди солдат и офицеров, но и профессиональный военный, предпринявший различные военные маневры при фронтовых операциях. На передовых фронтах использовались мастерски подготовленные им военные кадры для подразделений воинских дивизий.

В 1925–1931 гг. он был назначен членом Центрального Исполнительного Комитета Азербайджанской ССР, депутатом Верховного Совета Азербайджана 2-го созыва. В 1946–1948 годах он был заместителем министра обороны Азербайджанской ССР и ушел в отставку в 1948 году. 15 февраля 1956 года в возрасте 63 лет генерал Тарлан бек Алиярбеков скончался и похоронен в Баку.

Как известно, в зимних операциях 1941–1942 годов рухнул миф о непобедимости немецкой армии, был сорван гитлеровский план «молниеносной войны». На территории Азербайджана было сформировано четыре стрелковые национальные дивизии. В 1941 году из азербайджанцев были созданы 402-я, 223-я, а в 1942 году – 416-я, 271-я. В 1942 году была заново укомплектована 77-я азербайджанская дивизия, потерявшая при обороне Крыма большую часть своего состава. У всех этих азербайджанских дивизий были разные судьбы: одни из них были разгромлены и больше не восстанавливались, другие после недолгих боев выводились

в тыл и в дальнейшем использовались как центры подготовки пополнений, иные дошли до Берлина и водрузили свои знамена над Бранденбургскими воротами.

Национальные азербайджанские дивизии сыграли решающую роль в освобождении Таманского полуострова, Керчи, Новороссийска, Моздока, Ставрополя и других городов.

За 1942–1945 годы славный путь от Кавказа до Берлина прошла 416-я национальная дивизия, полностью укомплектованная азербайджанцами и которая 2 мая 1945 года водрузила Знамя Победы над Бранденбургскими воротами в Германии. В годы войны за отвагу, проявленную при освобождении города Таганрога, дивизия получила наименование «Таганрогская». Таганрогская дивизия, которая вела беспрерывные бои в течение 27 месяцев, освободила территорию Советского Союза в 7900 кв. км и уничтожила более 22 тысяч вражеских солдат. Дивизия была награждена орденами Александра Невского, Суворова, Богдана Хмельницкого и Красного Знамени.

Здесь также с гордостью подчеркну, что в числе профессионального командного состава этой дивизии был мой прадед Тарлан Алиярбеков. Его военный профессионализм в 416-й дивизии был настолько безупречным, что, учитывая слабое командование в 402 дивизии, Тарлан бек Алиярбеков был назначен командующим 402-й национальной стрелковой дивизией. Под его командованием эта дивизия освободила почти 300 км территории Украины от немцев. За заслуги при командовании этой дивизией Тарлан Алиярбеков неоднократно получал благодарности от командования фронтом.

В освобождении Украины, Болгарии, Венгрии, Румынии и Югославии участвовала 223-я национальная дивизия. В общей сложности дивизия освободила 8200 кв. км территории, уничтожила более 45 тысяч солдат и офицеров вражеской армии и захватила в плен около 44 тысяч человек. За освобождение столицы Югославии Белграда эта дивизия получила наименование «Белградская».

При освобождении Польши и Чехословакии особенно отличилась 271-ая Горловская национальная дивизия. В этой дивизии воевал известный ученый-историк Зия Буниятов, получивший звание Героя Советского Союза.

Можно продолжить бесконечный перечень фактов героизма, проявленного азербайджанскими бойцами на фронтах Великой Отечественной войны, на оккупированных фашистами территориях СССР.

Место и роль Азербайджана определялись не только в обеспечении фронта людскими ресурсами. В годы Великой Отечественной войны задачам достижения победы были подчинены вся экономика, наука культура Азербайджана.

Исторически сложилось так, что основным нефтедобывающим районом СССР был Азербайджан и Азербайджан же являлся вторым по значимости хлопковым регионом СССР. Фактически азербайджанская нефтяная промышленность являлась одной из базовых отраслей, опреде-

лявших обороноспособность советской страны в целом. В годы Великой Отечественной войны азербайджанская нефть и ее нефтяная промышленность в действительности стали основной кровеносной артерией этой войны. Не побоимся сказать, что это был важный и нужный фронт, который решал судьбу СССР.

В целом за 1941–1945 годы из 110 млн тонн нефти, использованной в промышленности, в транспорте военной техникой (авиация, танки, бронетехника и т. д.) только 75 млн тонн приходится на долю азербайджанской нефти. Группа азербайджанских ученых под руководством химика Юсифа Мамедалиева разработала и получила высокооктановый авиационный бензин, азербайджанские ученые разработали технологию смазочного масла для самолетов, танков и военных машин. 85–90 % авиационного бензина в СССР производилось только в Баку.

В годы войны Баку превратился в основной военный арсенал СССР. На предприятиях города производились знаменитые реактивные установки «Катюша», части для пулеметов Шпагина и военных истребителей «ЯК-3». В целом в Баку производилось до 130 видов оружия и военного снаряжения.

Азербайджанские геологи под руководством Мирали Кашкая и Шамиля Азизбекова выявили месторождения такого стратегически важного сырья, как термостойкая глина и фосфорит, широко использовавшихся в военных целях в годы войны.

В период битвы за Кавказ территория Азербайджана превратилась в военный госпиталь. В республике была развернута широкая сеть госпиталей, обеспечивавших излечение и послеоперационную реабилитацию тысяч бойцов. Под руководством хирурга Мустафы Топчибашева были разработаны новые методы военной хирургии, благодаря которым тысячи бойцов смогли выжить.

Однако значение и место Азербайджана в этой войне на этом не заканчивается. Благодаря своим богатствам и выгодному геостратегическому положению между Западом и Востоком Азербайджан в захватнических планах гитлеровской Германии занимал особо важное место и был центром оккупационных планов нацистской Германии во Второй мировой войне. И по этому поводу еще в марте 1941 года Гитлер дал указание, чтобы после оккупации Баку добычу, переработку и перевозку нефти обеспечивало «Континентальное нефтяное общество», где только немцы должны были руководить крупными промышленными объектами Азербайджана. Захват Баку планировался на 25 сентября 1941 года.

По инициативе И. Сталина и председателя Государственной Комиссии по переселению Анастаса Микояна был разработан особый план минирования и уничтожения города Баку в случае возникновения опасности его захвата.

Однако до сих пор значение места и роли Азербайджана и его нефтяной базы Баку в Великой Отечественной войне не оценено. Город Баку не числится в числе городов-героев, внесших в победу свой неоценимый вклад.

«ГОНКА ВООРУЖЕНИЙ» КАК ИНСТРУМЕНТ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ИСТОЩЕНИЯ СССР

Мусиева Джамиля Маллаевна
(Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова)

С началом «холодной войны» между бывшими союзниками СССР и США началась всем известная гонка вооружений, негативно отразившаяся на международной безопасности, отношениях между государствами, а также ставшая тяжелым бременем для экономик этих стран, в частности СССР. Важно подчеркнуть, что гонка вооружений помимо целей обезопасить свою страну от противника имела также иные, направленные на изматывание экономики противника. Всем известно, что США располагали существенно бо́льшими возможностями для финансирования дорогостоящих проектов по созданию новых вооружений, а также наращиванию производства уже имеющихся видов. В то время как для СССР это было значительно сложнее, размеры экономик двух стран были не сопоставимы и рост вооружений проводился в ущерб развитию благосостояния страны. В частности, об этом пишет проф. СПбГУ, доктор исторических наук М.Ф. Полынов, утверждая, что это была намеренная стратегия США в рамках гонки вооружений, которая заключалась в экономическом изматывании СССР[1]. Основной целью было вынудить СССР перераспределить средства на производство дорогостоящих вооружений в ущерб социально-экономическому развитию страны. Так, стратегия могла позволить подорвать уровень жизни населения Советского Союза, вызвать недовольство действующим режимом, что затем можно было бы использовать в интересах США.

Действительно, послевоенное состояние СССР требовало активных вложений в восстановление экономики страны, разрушенных городов (1710), сел и деревень (70 тыс.), промышленных предприятий (32 тыс.), важнейших объектов инфраструктуры, транспорта и т. п. Наращивание вооружений серьезно затрудняло процесс восстановления страны после тяжелых потрясений Великой Отечественной войны и законсервировало социально-экономическую отсталость страны при выдающихся

[1] *Полынов М.Ф.* Гонка вооружений как метод изматывания СССР США. 1945–1990 гг. Вестник Санкт-Петербургского университета. 2005. Сер. 2. Вып. 3. С. 92–103.

достижениях в военно-технической сфере. Военно-технологическое лидерство США, побуждало СССР расходовать огромные финансовые и материальные ресурсы страны с целью сократить отставание. Однако в доказательство своих утверждений о том, что это была именно намеренная стратегия США, Матвей Федорович Полынов приводит лишь отрывок из разговора 1970-х гг. президента США Ричарда Никсона с лидерами Конгресса[2].

При этом в широком доступе официальные документы или заявления высших органов власти США, в которых прямо на это указывается, до президента Рональда Рейгана отсутствуют или недоступны на данный момент, ввиду чего особый интерес вызывает секретный доклад[3] для ВВС США, сделанный стратегическим аналитическим центром RAND Corporation в 1972 году[4], в котором впервые формулируется мысль о том, что США должны изменить стратегию ведения гонки вооружений – ограничивать расходы на вооружения. Важно подчеркнуть, что имеется в виду лишь умеренное расходование средств, а саму гонку использовать для обеспечения национальной безопасности, а также в качестве инструмента манипуляции противником – вынудить его расходовать больше в ущерб своим интересам. Речь шла о создании мнимых угроз и опасений в руководстве СССР, которые будут обусловливать соответствующий рост вооружений и расходов на них. Роль данного доклада, т. е. учет руководством США указанных в нем положений и рекомендаций можно определить тем фактом, что он подготовлен именно в рамках стратегического аналитического центра RAND Corporation. Данная организация была создана в 1948 году и обеспечивала правительственные учреждения исследованиями по самым разным направлениям, затрагивавшим актуальные вопросы национальной безопасности страны. Доклады в рамках данной организации составляются сугубо на основе имеющихся запросов и заказов со стороны государственных ведомств и крупных влиятельных корпораций. Таким образом, можно предположить, что указанные рекомендации не просто были учтены руководством страны, но являлись результатом соответствующего запроса с их стороны.

В Докладе подчеркивается, что, несмотря на подписание соглашений об ограничении стратегических вооружений, ликвидация самой гонки не предвидится. Тем не менее не исключается возможность ее ограничения в случае принятия конкретных мер со стороны США. Учитывая невыгодный характер дорогостоящей гонки для США, резюме рекомендаций состоит из трех аспектов: 1) оценить реальность военных угроз,

---

[2] Цит. по: Россия – 2000. Современная политическая история (1985–1999 гг.): В 2 т. Т. 1. 3-е изд. М., 2000. С. 561–562.

[3] Рассекреченный 30 марта 2010 года.

[4] *Marshal A.W.* Long-Term Competition with the Soviets: A Framework for strategic Analysis (U). A Report prepared for USA Air Force Project RAND. April 1972.

2) прояснить цели США в этой гонке, а также 3) развить соответствующую эффективную и рациональную стратегию[5].

Так, особый интерес представляет рекомендация вынудить Советский Союз расходовать средства на сферы, которые потенциально для него не выгодны и которые не представляют угроз для США. Более того, предлагается подумать над тем, как сместить саму гонку вооружений в те сферы, в которых у США значительное преимущество, а СССР – наоборот отстает. Такое смещение вынудит СССР прилагать весомые усилия для восполнения отставания в данных сферах[6].

Необходимо заметить, что Доклад был сделан в апреле 1972 года, за два месяца визита Никсона в Москву и подписания договора ОСВ-1. К концу 1960-х гг. в рамках гонки вооружений страны достигли устойчивого военного паритета, что стоило СССР больших усилий. США в новых условиях вынуждены были сменить свой внешнеполитический вектор в отношении СССР, что, вероятно, определило спрос на доклад с аналитикой будущих действий в новых реалиях. Официальная риторика властей США изменилась от необходимости достижения превосходства над СССР в пользу достаточности наличествующего стратегического вооружения.

Договором ОСВ-1 было предусмотрено сокращение дальнейшего строительства пусковых установок для межконтинентальных баллистических ракет (МБР), сократить число подводных лодок с МБР (ПЛАРБ) и т. п.[7] В итоге договор предусматривал сохранение стратегического вооружения на уровне 1398 единиц для СССР и 1054 для США. Данный договор, тем не менее, не смог изменить мышление и стратегии лиц, непосредственно принимающих решение, обеих стран. В докладе RAND это также подчеркивалось – выражалось сомнение касательно того, что договор остановит гонку вооружений, поэтому в качестве альтернативного варианта предлагалось изменить ее характер и таким образом извлечь преимущества для США.

В дальнейшем, после достижения паритета и ограничения ракетно-ядерных вооружений и их носителей, стремлением СССР стала ликвидация отставания в области военно-морского флота. За 1970–1980 гг. было создано множество видов надводных кораблей, подводных лодок, противолодочных крейсеров и атомных подводных лодок с баллистиче-

---

[5] *Marshal A.W.* Long-Term Competition with the Soviets: A Framework for strategic Analysis (U). A Report prepared for USA Air Force Project RAND. April 1972. Page v, Summary.

[6] *Marshal A.W.* Long-Term Competition with the Soviets: A Framework for strategic Analysis (U). A Report prepared for USA Air Force Project RAND. April 1972. Page viii, Summary.

[7] *Полынов М.Ф.* Гонка вооружений как метод изматывания СССР США 1945–1990 гг. Вестник Санкт-Петербургского университета. 2005. Сер. 2, вып. 3. С. 97.

скими ракетами и т. п. Расширение военно-морского флота требовало обеспечения мест его базирования, что также стоило СССР больших расходов как на сами базы, так и на экономическую и военную поддержку правительствам государств, на территории которых они находились. Безусловно, данные шаги обеспечивали надежные гарантии безопасности страны. Однако реальность возможных угроз, по всей вероятности, недостаточно скрупулезно рассчитывалась руководством СССР, которое ориентировалось преимущественно на ликвидацию отставания от США в различных видах вооружений, необходимость и коэффициент полезного действия (КПД) которого для страны представлял второстепенный вопрос либо просто переоценивался. Необходимо было классифицировать угрозы не сугубо с военной точки зрения, как это активно практиковалось, но также обращать внимание на наличествующие экономические ресурсы и более рациональное их расходование. Важно упомянуть, что сейчас легче это оценивать в рамках исторической ретроспективы, когда известно, что ничего не произошло, по-другому ситуация обстояла на тот момент, в разгар «холодной войны», когда напряженность и опасения были на высоком уровне и руководство лишь пыталось таким образом обезопасить страну.

Тем не менее подобного рода недочет повлек за собой серьезные проблемы в экономике СССР, привел к кризису, сильно снизил уровень жизни населения, начало расти недовольство действующим режимом. Последствия этого начали явно проявляться уже в 1980-е гг., когда под руководством президента Р. Рейгана США уже официально заявляли о намерениях экономически истощить своего противника и предпринимали для этого действенные и эффективные практические меры. Однако начало данной политики было положено не с 1980-х, когда стали проявляться первые ее результаты, а десятилетием раньше, в эпоху так называемой разрядки гонки вооружений. В результате данной политики с приходом к власти Михаила Горбачева Советский Союз начал ориентироваться на экспорт природных ресурсов для обеспечения финансовых средств и таким образом попал в «ловушку развития», что сделало его зависимым от поставок на внешний рынок. Согласно данным, рассчитанным экспертами в 1990-х гг., доля оборонных расходов стран практических совпадала. Однако размеры экономик не были сопоставимы[8] – экономика СССР в 1980-е гг. составляла 50–60 % ВНП США[9].

В итоге данная гонка по стоимости была одинакова для обеих стран, но при этом США располагали средствами на ее осуществление, в то время как СССР израсходовал на нее необходимые для поддержания

---

[8] *Наумов Н.В.* Международные аспекты распада СССР. С. 378.

[9] *Полынов М.Ф.* Гонка вооружений как метод изматывания СССР США. 1945–1990 гг. Вестник Санкт-Петербургского университета. 2005. Сер. 2. Вып. 3.

развития и дальнейшего существования страны ресурсы. Дальнейшее ухудшение социально-экономических проблем страны, неспособность развития в рамках административно-командной экономики как раз стало последствием как внешней политики США, направленной на истощение противника в рамках гонки вооружений, так и непродуманной политики руководства СССР.

СТАЛИНГРАДСКАЯ БИТВА В ВОСПОМИНАНИЯХ УЧАСТНИКОВ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941–1945 гг. ПО ДОКУМЕНТАМ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Николаева Юлия Валерьевна
(Государственный архив новейшей истории Ульяновской области)

Великая Отечественная война – важная составляющая Второй мировой войны, исход которой явился определяющим для расстановки сил на мировой арене. Великая Отечественная война стала примером мужества и героизма Советского народа.

Архивные документы хранят историческую память о событиях Великой Отечественной войны. Именно они являются важнейшим источником, позволяющим сохранить память поколений. На современном этапе развития общества приобретает особую актуальность проблема сохранения и увековечения подвига советского народа в годы Великой Отечественной войны, а также недопущения фальсификации истории. Архивные документы, как никакие другие источники, могут помочь в решении обозначенной проблемы. Отдельным пластом документов, позволяющих сохранить память о происходящих событиях, являются воспоминания участников. В Государственном архиве новейшей истории Ульяновской области сохранился большой комплекс воспоминаний ульяновцев – участников Великой Отечественной войны и, в частности, Сталинградской битвы.

Сталинградская битва – одно из важнейших сражений Великой Отечественной войны, продолжавшееся с 17 июля 1942 года по 2 февраля 1943 года. Бои в Сталинграде немцы называли «новой городской войной», записывали в своих дневниках, что «кухню заняли и продолжают биться за спальню»[1]. Борьба шла за каждую улицу, каждый завод, каждый дом, подвал или лестничный проход.

Одним из участников Сталинградской битвы был известный всем дважды Герой Советского Союза, генерал-майор авиации, командир авиационной дивизии и корпуса Иван Семенович Полбин. Им был разработан и применен ряд важных тактических приемов воздушного боя. Полбин первым обучил советских летчиков групповому бомбометанию

[1] *Чуйков В.И.* В трудные дни Сталинграда. М., 1974. С. 47.

с пикирования. В документах архива сохранились воспоминания однополчан Ивана Семеновича.

Герой Советского Союза Игорь Валентинович Копейкин вспоминает боевые эпизоды Сталинградской битвы с участием И.С. Полбина: «В июле 1942 г. полку была поставлена задача разбомбить аэродром в районе г. Миллерово, расположенный в глубоком тылу противника. На аэродроме были сосредоточены “юнкерсы”, которые днем и ночью бомбили наши войска, оборонявшие Сталинград. Три пятерки Пе-2 вел Полбин. Летели без прикрытия наши истребители (не позволял радиус полета). На маршруте наши самолеты были неоднократно атакованы новейшими истребителями “Ме-109 г-2”, имевшими мощное вооружение. Благодаря умелым действиям ведущего – И.С. Полбина и остальных экипажей на аэродроме было уничтожено 27 фашистских бомбардировщиков и 4 “мессера” – в воздушных боях. В этом тяжелейшем затяжном бою, оставшись без боеприпасов, мы потеряли 6 самолетов. Через несколько дней часть экипажей возвратилась на свой аэродром. Налеты вражеской авиации на Сталинград заметно ослабели. Спустя некоторое время два самолета Пе-2, ведомые И.С. Полбиным и Л.В. Жолудевым, бомбометанием с пикирования, прорвавшись сквозь плотный зенитный огонь противника, уничтожили крупный склад горючего гитлеровских войск, что приостановило на несколько дней наступление фашистских танков на Сталинград. За этот подвиг И.С. Полбину было присвоено звание Героя Советского Союза»[2].

Участвовали в боях за Сталинград работники тогда еще Партийного архива Ульяновского обкома КПСС, преемником которого стал Государственный архив новейшей истории Ульяновской области.

Один из них – Михаил Васильевич Безруков. В своих воспоминаниях Михаил Васильевич описывал боевые действия, в которых непосредственно участвовал: «Наша дивизия участвовала в Сталинградской битве. Гвардейцы проявили массовый героизм и отвагу. Расскажу о четверке комсомольцев – гвардейцев во главе с сержантом Петром Болото. В один из дней сражения они занимали оборону на высотке, хорошо были замаскированы и удобно сделаны траншеи. И вот на эту высотку пошли 30 фашистских танков. Они из двух противотанковых оружий подбили половину, а остальные повернули обратно. В этом бою ни один не был даже ранен... Всю войну я провел в наблюдательных пунктах как связист и разведчик. Наша дивизия, завершив Сталинградскую битву, участвовала в боях на р. Миус в период Белогородско-Курской битвы, брали знаменитую Каховку, форсировали Сиваш, освобождали Крым и Севастополь...»[3] В анкете участника Великой Отечественной войны значится: «Участвовал в боях с 22 июня 1941 года по 9 мая 1945 г.». За боевые заслуги был награжден двумя орденами Великой Отечествен-

---

[2] Государственный архив новейшей истории Ульяновской области. Ф. 57а. Оп. 2. Д. 557. Л. 17.

[3] ГАИНУО. Ф. 51. Оп. 1. Д. 48. Л. 5.

ной войны, орденами «Красная Звезда», «Слава» III степени, медалью «За отвагу»[4].

Одним из участников обороны Сталинграда был Михаил Иванович Кривов, бывший заведующий партийным архивом Ульяновского обкома КПСС. Вот выдержки из его воспоминаний о войне: «Пройдя по фронтовым дорогам не одну тысячу километров, я остался жив, значит, повезло. Повидал много горького и страшного. Видел в глубоком горе и разорении свою страну»[5]. Он называет Сталинград «самым горячим местом войны». Вот эпизоды событий 1942 года: «В нескольких километрах от Сталинграда наш эшелон был обстрелян с воздуха фашистскими бомбардировщиками. Пикируя, они бросали на нас какие-то чемоданы, которые раскрываясь в воздухе, рассеивали множество противопехотных гранат, поражавших все живое. Снаряды летели во все стороны и, соприкасаясь с землей, рвались. Помню эту страшную картину. И день и ночь гудела земля от взрывов. Много под Сталинградом погибло наших воинов и моих товарищей, с которыми начинал служить. Но и фашистские войска здесь были разбиты наголову». «Об этих исторических событиях написано много, но описать все то, что пришлось пережить участникам этой битвы, не под силу, по-видимому, и опытному летописцу», – пишет ветеран войны[6]. Награжден Михаил Иванович орденом Отечественной войны II степени, а также многочисленными медалями, грамотами, благодарственными письмами, в числе которых и медаль «За оборону Сталинграда»[7].

Интерес представляют воспоминания женщин – участниц Великой Отечественной войны. В коллекции документов участников войны хранятся документы Марии Федоровны Шибановой, призванной на фронт Новоспасским военным комиссариатом в 17-летнем возрасте и прошедшей боевой путь от Сталинграда до Берлина. Девушка прошла ускоренные курсы по подготовке связистов. По их окончании, в сентябре 1942 года, она прибыла под Сталинград. В своих воспоминаниях Мария Федоровна пишет, как попала под Сталинград: «В августе 1942 года с группой девочек попала на фронт под г. Сталинград в 62 армию. Наше ополчение не обрадовало командиров. Сталинград был озарен пламенем пожарищ. Город нужно удерживать, нужны крепкие, мужественные руки, а не юные девчонки!»[8] Все же девочек направили на фронт. Как она вспоминала, «подобрали трех девочек-смельчаков: Катю Попкову, Лелю Рябову с Воронежа, Аню Терехину с Ленинграда. Вот нас четверых ночью переправили в Сталинград, в 124 стрелковую бригаду 62 армии. Что там было – невозможно описать, какие были ужасы. От этих ужасов войны у Кати Поповой вспыхнула желтуха, Леля Рябова ослепла, я одной ночью

---

[4] Там же. Д. 45. Л. 1, 1 об.

[5] Там же. Ф. 6010. Оп. 1. Д. 35. Л. 9.

[6] Там же. Л. 7–7 об.

[7] Там же. Д. 11. Л. 1 об.

[8] Там же. Ф. 64. Оп. 1. Д. 172. Л. 11.

поседела, ну жива. Катю и Лелю отправили обратно за Волгу в госпиталь. Мы с Аней остались две. Нас поместили на разные точки»[9].

Необходимо отметить, что представленные воспоминания участников Сталинградской битвы были написаны в 1980–1990 гг. Несомненно, воспоминания могут отражать и субъективное восприятие отдельно взятого человека. Однако именно этот вид документов позволяют сформировать целостное представление о происходящих событиях и увидеть их глазами очевидцев, что, несомненно, способствует сохранению исторической памяти для будущих поколений.

[9] ГАНИУО. Ф. 64. Оп. 1. Д. 172. Л. 13.

ОРГАНИЗАЦИЯ СОВЕТСКОЙ ПРОПАГАНДЫ В ПЕЧАТИ В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Новиков Александр Сергеевич
(Донецкое Высшее общевойсковое командное училище, ДНР)

Пропаганда – многостороннее явление. В буквальном смысле она означает распространение (от лат. «propage» – распространять) идей, учений, взглядов[1]. Используется различными политическими партиями и государствами для целенаправленного распространения своих идей, воззрений и ценностей с целью оказать воздействие на мировоззренческие представления, социальную ориентировку и поведение индивидов и социальных общностей[2].

Исследованием этой проблемы активно занимались в советское время, однако особенный интерес для изучения представляют работы современных исследователей, в частности работы Г.Г. Почепцова[3]. Аспекты морально-политической работы в Красной Армии были затронуты в работах Г.Д. Комкова[4] и др.

Недооценка сил противника была характерна для предвоенного периода; поощрение тезиса о войне на чужой территории, установки на легкую победу носили откровенно неправдивый и шапкозакидательский характер. В начале войны практически все компоненты советской пропаганды, в том числе и печать, не отражали реальных трагических событий, не способствовали поднятию морального духа населения страны. «Отличительная черта пропаганды – безразличие к правде»[5]. Однако советскую пропаганду времен Великой Отечественной войны часто называли «третьим фронтом», и уже 24 июня 1941 г. Совинформбюро стало ответственным за пропаганду на радио и в советской периодике.

---

[1] Коммунистическая пропаганда: вопросы теории и методики. М., 1974. С. 302.

[2] *Гуревич П.С.* Пропаганда в идеологической борьбе: учеб. пособие для ВУЗов. М., 1987. С. 100.

[3] *Почепцов Г.Г.* Пропаганда и контрпропаганда. М., 2004.

[4] *Комков Г.Д.* Идейно-политическая работа КПСС в 1941–1945 гг. М., 1965. С. 337.

[5] *Доброхотов В.Я.* Разработка В.И. Лениным научных основ партийной пропаганды М., 1980. С. 133.

Несмотря на стойкое сопротивление советских войск, к концу осени 1941 г. гитлеровцы оккупировали значительные территории европейской части СССР, подошли к Москве. Советское правительство хорошо понимало опасность потери влияния на население оккупированных территорий, особенно из-за условий его мощной обработки со стороны нацистской пропагандистской машины. Необходимо было налаживать агитационно-пропагандистскую работу на оккупированных территориях, учитывая все просчеты и недостатки всех прошлых компаний и акций.

Большую работу по выяснению морально-политического состояния на оккупированных территориях проделали разведывательное управление Генерального штаба Красной Армии и НКВД. Полученные сведения, как отмечают исследователи, передавались в Отдел агитации и пропаганды ЦК ВКП(б), где использовались в пропагандистских целях. Донесения о жестоком отношении оккупантов и их пособников к местному населению, ограбление крестьян, массовые казни в спецсообщениях подчеркивались красным карандашом – «использовать». А потом эти сюжеты появлялись в спецсообщениях информбюро, листовках и в периодической печати[6]. Так, в листовках Ямпольского партизанского отряда Сталинской области Донбасса население призывалось к смертельной мести предателям, а к ним самим – покаяться и повернуть оружие против «общего нашего врага – гитлеровских бандитов»[7].

Удачной была практика обращения советской власти в листовках и плакатах к конкретным категориям населения оккупированных регионов: «К советским женщинам оккупированных немцами областей»; «К советским крестьянам и крестьянкам оккупированных немцами областей»; «К советской молодежи оккупированных немцами областей». Осенью 1942 г. даже вышла листовка детям, приуроченная 25-летию октябрьской революции[8]. Такие обращения создавали впечатление персонифицированной заботы со стороны партии и правительства и воспринимались достаточно позитивно.

Постановлением ГКО осенью 1942 г. в составе Центрального Штаба партизанского движения было создано политическое управление (отдел). Перед ним стояла задача широкого распространения агитационно-пропагандистских материалов среди населения оккупированной территории СССР, организация печати, устной пропаганды и контрпропаганды.

---

[6] *Грідіна І.М.* Радянська пропаганда та агітація як чиник духовного життя населення України під час другої світової війни // Науковий журнал. Історичні і політологічні дослідження. Видання Донецький Національний Університет, історичний факультет. № 3–4 (39–40), 2008, грудень. С. 102.

[7] ГА ДНР. Ф. 1895. Оп. 1. Д. 1. Л. 1; Д. 10. Л. 1; Д. 8. Л. 1.

[8] Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны: «коммуникация убеждения» и мобилизационные механизмы. М., 2007. С. 318–319, 354–356, 410–411.

Огромное значение уделялось снабжению военнослужащих (особенно находящихся на фронте) и населения, в том числе и на оккупированных территориях, свежими газетами. Недостатком советской прессы было то, что местные материалы поступали в редакцию с некоторым опозданием[9]. Так, за период лета–осени 1942 г. было издано и различными путями доставлено для населения оккупированной части УССР большое количество газет и газет-листовок, что подтверждают следующие данные[10]:

Таблица 1

Обеспечение печатными изданиями населения оккупированной части УССР летом–осенью 1942 г.

Тип	Название	Номеров	Тыс. копий
Газета	Коммунист	155	1340
Газета-листовка	Коммунист		535
Газета	Советская Украина	185	435
Газета-листовка	Советская Украина	12	120
Всего газет и листовок			25 430

Данные таблицы свидетельствуют об активной деятельности Отдела пропаганды и агитации ЦК КП(б) Украины, ЦК ЛКСМУ и политуправлений Южного и Юго-Западного фронтов, несмотря на тяжелейший период Великой Отечественной войны.

Огромную роль Главное политуправление Красной Армии (ГлавПУ) и управление по делам военнопленных и интернированных (УПВИ НКВД) уделяло пропагандистской работе среди военнопленных с целью перевоспитания бывших солдат вермахта, подготовки антифашистских кадров и содействия поражению гитлеровского режима. В ноябре 1941 г. начинается издание газеты «Свободное слово» (Das freie Wort) для военнослужащих немецкой армии. Ее тираж составлял от 50 до 200 тыс. экз. После поражения немцев под Москвой, которое имело огромный резонанс как в СССР, так и в нацистской Германии, к началу 1942 г. настроения в немецкой армии постепенно меняются. От военнопленных начинают поступать антифашистские обращения и воззвания – всего 267; статьи в газеты – 744; 3512 писем на фронт и в Германию. К концу 1942 г. антифашистами в советском плену себя считали около 3 тыс. человек[11].

---

[9] *Кулик С.В.*. Эволюция содержания советских газет и листовок на оккупированной территории России в годы Великой Отечественной войны // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2005. Сер. 2. Вып. 3. С. 77.

[10] Таблица составлена автором по материалам *Гридиной И.М.* Указ. соч. С. 103.

[11] *Сидоров С.Г.* Политическая работа с военнопленными в лагерях НКВД – МВД СССР в 1939–1949 гг. // Юг России в условиях революционных потрясений, вооруженных конфликтов и социально-политических кризисов, 1917–2017 гг.: материалы всероссийской научной конференции. Ростов н/Д., 2017. С. 444.

Советская пропагандистская печать оставалась бы малоэффективной, если бы ее содержание не подтверждалось реальными событиями на фронте и в тылу. Понятно, что не все задуманные цели были достигнуты, существовали просчеты и ошибки, однако важнейшей деятельностью советского пропагандистского аппарата была его направленность на неотвратимость разгрома врага и победу советского народа.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О СПРАВЕДЛИВОЙ ВОЙНЕ И ДОСТОЙНОМ МИРЕ В ТРУДАХ Ю. МАРХЛЕВСКОГО И Ю. ПИЛСУДСКОГО
(на примере советско-польской кампании 1919–1921 гг.)

Новикова Елизавета Ивановна
(Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации)

Непростое положение Польши, разделенной, потерявшей независимость в XVIII в., не давало покоя польскому народу. Независимо от происхождения, положения в обществе и политических воззрений многие поляки стремились к независимости, возрождению своего государства. На карте мира независимое государство Польша появилось в 1918 г., однако его возникновение совпало с трудным, насыщенным социально-политическими событиями периодом. Тяжелые последствия Первой мировой войны, череда революций – все это оказало огромное влияние на умонастроения поляков. Они искали новые ориентиры и новые смыслы, которые иногда противоречили друг другу, что приводило к непониманию, гражданскому противостоянию и агрессивной внешней политике.

Глава новой независимой Польши Юзеф Пилсудский, а также министр иностранных дел Польской республики в 1919 г. Игнаций Падеревский[1] во внешней политике придерживались идеологической установки «Польша от моря до моря». Так, после Первой мировой войны Юзеф Пилсудский выдвинул проект «Междуморье», предусматривавший создание конфедеративного государства, включавшего в себя Польшу, Белоруссию, Латвию, Литву, Эстонию, Румынию, Украину, Чехословакию и Югославию. В основе этой конфедерации была идея возрождения Речи Посполитой, ее многокультурная традиция. Данный проект вызвал сопротивление и опасения как внутри Польши, так и за ее пределами, поскольку его реализация грозила нарушением прав суверенных государств и их граждан, а также военными конфликтами.

Политическим и идеологическим оппонентом Пилсудского в этот период стал выдающийся общественный деятель, один из основателей

[1] Игна́ций Ян Падере́вский (1860–1941) – польский пианист, композитор, государственный и общественный деятель, дипломат. С января по декабрь 1919 года занимал пост премьер-министра и министра иностранных дел Польши.

СДКПиЛ[2] и сторонник социалистической Польши Юлиан Мархлевский[3]. Он не принял новую польскую власть и поселился в Советской России. Мархлевский обвинял Пилсудского и тогдашнее польское правительство в предательстве идей социализма и развязывании войны с Советской Россией:

«Польская Социалистическая Партия (ППС), которая в течение четверти столетия обманывала рабочих, сбивая их с пути классовой борьбы, эта партия, дорвавшись теперь до власти, предала рабочий класс, вошла в позорный союз с буржуазией и деятельно помогала обращению Польши в государство не только буржуазное, но и до мозга костей реакционное, в государство, которое сделалось жандармом Восточной Европы.

Это государство начало войну с пролетарской Россией»[4].

Юлиан Мархлевский был тепло принят в Стране Советов: занимал высокие должности, его труды и статьи активно печатались. Однако, он всегда выступал за независимость родной Польши, за право наций на самоопределение[5]. В 1919 г. Мархлевский представлял советскую сторону на переговорах с Польшей, ему были предоставлены широкие полномочия, в том числе и на заключение мира. Однако удалось договориться лишь о временной приостановке польских военных действий против РККА, что позволило последней сосредоточиться на разгроме войск Деникина. Мархлевский отмечает, что Польша, упустила возможность получить мир на чрезвычайно выгодных условиях из-за политических интриг в Варшаве.[6] Позднее же Польша выдвинула необоснованные территориальные претензии, в том числе на земли, которые ей исторически не принадлежали, а также, как отмечал Мархлевский, Пилсудский нарушал право наций на самоопределение.

Подходы польских исследователей и общественных деятелей Юзефа Пилсудского и Юлиана Мархлевского к трактовке событий советско-польской войны 1919–1921 гг. особенно важны и интересны, поскольку они были одновременно активными участниками событий войны и представляли различные позиции устройства новой независимой Польши. И Мархлевский, и Пилсудский ратовали за независимое Польское госу-

---

[2] Социал-демократия Королевства Польского и Литвы (СДКПиЛ) (польск. Socjaldemokracja Królestwa Polskiego i Litwy) – социал-демократическая марксистская партия, основана в июле 1893 года под названием «Социал-демократия Королевства Польского».

[3] Юлиа́н-Бальтаза́р Юзефович Мархле́вский (польск. Julian Baltazar Marchlewski, 1866 – 1925) – польский политик, коммунист.

[4] *Marchlewski J.B.* Rosja Proletarjacka a Polska Burżuazyjna. Moskwa, Kijów, Smoleńsk, Trybuna, 1921. S. 6.

[5] *Черных М.Н.* Юлиан Мархлевский о советско-польских отношениях в 1918–1921 гг. / Черных М.Н.; АН СССР. Ин-т славяноведения и балканистики. М., 1990. С. 8–9.

[6] *Marchlewski J.B.* Rosja Proletarjacka a Polska Burżuazyjna. Moskwa, Kijów, Smoleńsk, Trybuna, 1921. S. 18.

дарство еще с конца XIX века, но их подходы к организации этого государства оказались различными. Пилсудский отстаивал права нации, вел ради этого агрессивную внешнюю и внутреннюю политику, видел Польшу государством – защитником от Германии и Советской России, видел в восточном соседе угрозу и не желал сотрудничать. Советско-польская война 1919–1921 гг. представлялась Пилсудскому осознанной необходимостью[7]. Мархлевский же настаивал на добрососедском взаимодействии с Советской Россией, на адекватных, правовых территориальных претензиях и на равных правах национальностей в рамках единой Польши.

[7] *Piłsudski J.* Rok 1920: Z powodu książki M. Tuchaczewskiego. Warszawa, Polska zjednoczona, 1927.

ПОСЛЕВОЕННОЕ ВОССТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ГОРОДОВ

Новикова Мария Олеговна
(Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова)

Вторая мировая война принесла множество жертв и разрушений. Новые методы ведения войны, например возрастание роли бомбардировок, оказали значительное влияние на ход войны и буквально стерли с лица земли многие европейские и японские города. В своей статье я бы хотела проанализировать методы и практики послевоенного восстановления городов и отметить их отличительные особенности.

Исследование городов, пострадавших от войны, неизбежно должно быть сосредоточено на массовых разрушениях 20-го века, когда оружие и способы ведения войны усовершенствовали искусство разрушения города. Несмотря на массовые бомбардировки, к концу войны города, охваченные войной, научились восстанавливать транспортную инфраструктуру и основные коммуникации в кратчайшее время. Так, электричество было доступно в большей части Хиросимы к 7 августа 1945 года, на следующий день после того, как была сброшена первая атомная бомба, а железные дороги возобновили работу на следующий день[1]. За восемь месяцев, в течение которых люфтваффе наносили удары по Великобритании, Лондон пережил 57 ночных атак подряд. Но, несмотря на потерю более 1 млн домов и большей части доков[2], лондонский ущерб от войны бледнеет даже по сравнению с другими опустошенными городами Британии, не говоря о городах Советского Союза. Например, Ковентри потерял весь центр города за одну ночь, а в Халле к концу войны 95 % жилого фонда было разрушено или сильно повреждено. На восстановление Лондона было потрачено множество сил и средств начиная с 1945 года, найти доказательства ущерба, нанесенного войной, достаточно проблематично.

Берлин по итогам войны оказался разрушенным на 80 % в центре, чему поспособствовали бомбардировки примерно в 67 600 тонн в тротиловом эквиваленте в течение пяти лет войны, а также интенсивные 14-днев-

---

[1] *Gosling F.G.* The Manhattan Project: Making the Atomic Bomb, Washington, 1999. С. 52.

[2] *Bell A.* Landscapes of Fear: Wartime London, 1939–1945 // Journal of British Studies 48.1 (2009). С. 163.

ные уличные бои на завершающем этапе войны. После войны город был сильно реконструирован: разделен стеной и зонами влияния, что все еще можно увидеть и сегодня. Берлин сохранил следы многих шрапнельных повреждений отчасти потому, что не было достаточного финансирования, а отчасти потому, что вина и роль Берлина в войне никогда не должна быть забыта. Однако Берлин был разросшимся городом, построенным в основном из камня и кирпича. В результате британскому командованию бомбардировщиков ВВС не удалось нанести урон, который предполагалось, поскольку концентрация легковоспламеняющихся зданий была не такой высокой, как, например, в Дрездене.

Этот многолюдный город в стиле барокко с его большим количеством деревянных зданий был сожжен ночью 13 февраля 1944 года в результате огненной бури, вызванной бомбардировкой, в том числе зажигательными бомбами, которая разрушила 90 % центра города. Впрочем, с точки зрения величины процента разрушенных зданий город Юлих пострадал больше всего. Построенный на пересечении реки Рур в Северной Рейн-Вестфалии, Юлих считался одним из главных препятствий на пути плана союзников по оккупации Рейнской области. Не желая рисковать, союзники разбомбили город 16 ноября 1944 года и разрушили его на 97 %[3]. Оставшиеся 3 % были уничтожены в течение трех месяцев боевых действий, которые закончились 23 февраля 1945 года, когда союзникам наконец удалось пересечь реку Рур. После Второй мировой войны первоначально планировалось покинуть Юлих и сохранить его руины, которые в аэрофотосъемке очень напоминали центр Хиросимы, в качестве военного мемориала. Новый город должен был быть построен поблизости. Однако в 1949 году началось восстановление Юлиха с использованием плана улиц, который был составлен в 1930-х годах и изменил первоначальный план эпохи Возрождения. Основные работы были завершены в 1956 году, и сегодня в городе почти нет признаков того, что здесь была война, хотя кратеры и воронки от снарядов были намеренно сохранены в цитадели и близлежащих лесах.

В истории было множество примеров, когда города, разрушенные в гораздо меньшей степени, были покинуты своими жителями, однако отказ от переселения более распространен в Европе, поскольку, во-первых, существует не так много свободных, незанятых мест для целого города, а во-вторых, большинство европейских городов были основаны на уникально выгодных местах, находящихся рядом с крупными реками. Например, когда пришло время переселять Юлих, не нашлось ни одного другого места, которое было бы так же удобно. В подобной ситуации оказался и бельгийской город Ипр, чье стратегическое положение сдерживало немецкую армию в течение четырех лет во время Первой мировой войны, и был при этом разрушен на 99 % к концу войны. Восстановительные работы были почти закончены, когда вермахт вернулся в 1940 году и взял город с относительно небольшим ущербом.

---

[3] URL: https://de.wikipedia.org/wiki/J%C3%BClich#Historischer_%C3%9Cberblick

Тем не менее несколько европейских городов были полностью заброшены после войны. В Испании после битвы при Бельчите в 1937 году Франсиско Франко заявил, что останки города должны быть сохранены в качестве военного мемориала. Выжившие жители были переселены в Бельчите-Нуэво, на противоположной стороне старого города[4]. Точно так же во Франции после массового убийства почти всего гражданского населения Орадур-сюр-Глан в Лимузене 10 июня 1944 года было принято решение сохранить руины в качестве памятника[5].

В качестве примера восстановления почти полностью разрушенного крупного города можно привести Варшаву, чей центр был тщательно перестроен с использованием многих оригинальных кирпичей и декоративных элементов. Восемьдесят пять процентов города было разрушено, в то время как Старая Варшава и Королевский замок были разрушены до основания. Примечательно, что поляки приступили к восстановлению центра Варшавы точно так, как он выглядел до войны. Они проделали невероятную работу, изучая картины и наброски 18-го века, написанные Каналетто и Марчелло Баччарелли. Процесс занял почти 30 лет и завершился открытием реконструированного замка в 1984 году. Сейчас порой бывает трудно отличить аутентичные строения от реконструкций; кроме того, многие здания проектировались уже после войны в различных исторических стилях, с тем чтобы скомпоновать оптимальный фон для того или иного памятника архитектуры.

В качестве восстановления крупного советского города можно привести Минск. В августе 1945 г. Госплан СССР получил задание подготовить проект плана восстановления и развития народного хозяйства. Минск потерял 89 процентов всех довоенных построек в результате войны. На момент взятия города советскими войсками в центральных районах Минска осталось всего 70 неразрушенных зданий. Первый послевоенный генеральный план Минска составлен «Белгоспроектом» в конце 1945 г. и подразумевал снос большей части старых зданий и полную перестройку города. Некоторые старые постройки восстанавливались лишь в том случае, если это не мешало следованию генеральному плану и не требовало тщательной реконструкции. Так, в 1950 году был взорван частично разрушенный во время войны костел св. Фомы Аквинского, ранее признававшийся памятником архитектуры. Планировка исторического центра была полностью переосмыслена путем полного ее превращения в радиально-кольцевую, расширения основных магистралей, устройства двух сквозных взаимно перпендикулярных городских диаметров[6]. Все эти изменения совершенно

---

[4] URL: https://web.archive.org/web/20090422003516/http://usuarios.lycos.es/antoniomarinlopera/belchite.htm

[5] *Essaian E.* La construction du nouveau bourg d'Oradour-sur-Glane, document de l'exposition du Centre de la mémoire, collaboration Centre de la mémoire et Conseil général de la Haute-Vienne, 1997.

[6] *Духан И.Н.* Горизонталь и возвышенное: неоклассический ансамбль в Минске // Academia. Архитектура и строительство. № 4. 2014. С. 56.

поменяли облик города, так как генеральный план предполагал создание нового города, пригодного для жизни современного человека со множеством рационализаторских решений, однако при этом потерялся крупный исторический пласт, который делал именно этот город уникальным.

Приведенные примеры показывают, насколько различным может быть подход к восстановлению разрушенных городов: начиная от полного оставления города до полной его перестройки, которая призвана отвечать современным требованиям уровня жизни.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НЕМЕЦКИХ И СОВЕТСКИХ ШТРАФБАТОВ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Носкова Анастасия Павловна
(Московский государственный областной университет)

На начальном этапе Великой Отечественной войны Сталин, наблюдая дезертирство, многочисленные отступления, упаднический дух армии, пришел к решению создать штрафные батальоны для поддержания боевого духа армии и в качестве дисциплинарной меры. Существует множество исследований на эту тему, но при этом даже сейчас в историческом сообществе уделяется недостаточное внимание немецким штрафным подразделениям, а ведь именно с них берут свое начало и советские штрафные батальоны, что мы видим из приказа № 227, когда речь Сталина заходит о дисциплине в войсках немцев: «Не следует ли нам поучиться в этом деле у наших врагов?..»[1] Не проводятся сравнения между этими двумя дисциплинарными органами. Поэтому в своей работе я хочу сравнить оба штрафных подразделения и выявить их сходства и различия, чтобы показать, что каждый из себя представляет.

Первым дисциплинарным органом в фашистской практике был штрафной лагерь. По особому приказу 25 мая 1936 года в специальные подразделения должны были попадать не только военнообязанные, провинившиеся на службе, но и те «солдаты, пребывание которых в части является нежелательным из-за их поведения, образа мышления, жизненных установок»[2]. «Осужденные должны на протяжении всей войны пребывать в штрафных лагерях, где столкнутся с самыми тяжелыми условиями существования»[3], – гласит приказ Германа Геринга от 17 ноября 1939 года. «Арестантов надо привлекать к тяжелому физическому труду, по возможности имеющему прямое или опосредованное значение для защиты рейха... Рабочий день должен составлять 10–14 часов»[4]. На тот момент армия вермахта еще не испытывает нужды в дополнительной военной помощи. Перед началом Великой Отечественной войны немецкие

---

[1] Приказы народного комиссара обороны СССР. 22 июня 1941 г. 1942 г. Т. 13. М., 1997. С. 276–279.

[2] *Васильченко А.А.* Штрафбаты Гитлера. М., 2008. С. 25.

[3] Там же. С. 21.

[4] Там же.

войска распустили особые подразделения, полагая, что искоренили трусость из своих солдат и те смогут достойно сражаться на фронте. Но немецкому руководству пришлось вновь применить практику штрафных батальонов.

С октября 1942 года пребывание в штрафном лагере ограничивалось сроком от 6 до 9 месяцев, после чего арестант направлялся на фронт для «искупления вины». Данное положение было принято из-за острого дефицита солдат на фронте и обузы, которую стали собой представлять подобные предприятия: огромный запас людских кадров простаивал или уничтожался, к тому же на его охрану требовались дополнительные людские средства.

Во время мобилизации штрафные батальоны вермахта рассредоточивались по местам необходимости: это могли быть полевые части, резервные воинские части и те, которые передавались в ведение полиции. Помимо этого существовали особые карательные отряды. К ним относится 36-я гренадерская дивизия СС «Дирлевангер», из-за которой возникло много споров в вышестоящих кругах. Но «нездоровая тенденция вербовать «отбросы общества» в охранные отряды, видимо, пустила корни»[5].

Кроме того, попадавшие в штрафные лагеря в немецкой армии имели особые условия: «у них будет ограниченный паек. Они не смогут укрыться от вражеских обстрелов и прочих опасностей войны, так как будут нести военную службу»[6].

Что касается отпуска, то он согласно приказу от 12 марта 1943 года предоставлялся «солдатам, переведенным в испытательное формирование, в целом только перед проверкой фронтом»[7]. Но позже данный приказ изменился, и «испытуемым» отпуск не предоставлялся.

Для советского руководства решающим моментом стала середина 1942 года. Попытка развернуть контрнаступление под Харьковым 12–29 мая 1942 года провалилась. Резкое обострение стратегической обстановки на фронте привело к объявлению приказа № 227, известному так же как «Ни шагу назад!», 28 июля 1942 года.

Приказ Сталина был зачитан во всех частях красной Армии и Военно-Морского флота. «Части войск Южного фронта, идя за паникерами, оставили Ростов и Новочеркасск без серьезного сопротивления и без приказа Москвы, покрыв свои знамена позором», – говорилось в нем. «Командиры роты, батальона, полка, дивизии, соответствующие комиссары и политработники, отступающие с боевой позиции без приказа свыше, являются предателями Родины»[8].

---

[5] *Жуков Д.А., Ковтун И.И.* Охотники за партизанами. Бригада Дирлевангера. М., 2013. С. 45.

[6] *Васильченко А.А.* Штрафбаты Гитлера. М., 2008. С. 23.

[7] Там же. С. 161.

[8] Приказы народного комиссара обороны СССР. 22 июня 1941 г. 1942 г. Т. 13. М., 1997. С. 276–279.

Организация советских штрафных подразделений имела четкую структуру. Это были действующие военные части с соответствующим командным составом, назначавшимся из числа «волевых и наиболее отличившихся в боях командиров и политработников»[9].

Всему постоянному составу штрафных батальонов сроки выслуги в званиях по сравнению с командным, политическим и начальствующим составом строевых частей действующей армии сокращаются наполовину.

Попадали в штрафные батальоны по специальному указу или военному трибуналу. Имелись случаи определенных временных рамок прохождения службы в штрафных подразделениях от одного до трех месяцев. Это относилось к лицам среднего и старшего командного, политического и начальствующего состава. Помимо этого солдат мог быть освобожден досрочно за боевые отличия или ранения на фронте, а инвалидам назначалась пенсия из оклада содержания по последней должности перед зачислением в штрафной батальон.

Семья проштрафившегося солдата переводится на пособие, установленное для семей красноармейцев и младших командиров указами Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1941 г. и от 19 июля 1942 г. Семьям погибших штрафников назначается пенсия на общих основаниях со всеми семьями командиров из оклада содержания по последней должности до направления в штрафной батальон[10].

Порядок учета военнослужащих, направленных в штрафные батальоны и роты, был определен в директиве Генерального штаба Красной армии № 989242 от 28 августа. Для учета военнослужащих, направленных в штрафные батальоны и роты в соответствии с приказом НКО № 227, надлежало высылать ежемесячно в Генеральный штаб Красной армии к 5 и 20 числу, по состоянию на 1 и 15 число, донесения о количестве переменного состава, находящегося в штрафных батальонах и ротах.

Руководствуясь приказом Ставки № 270 от 1 августа 1941 года, который относил сдачу в плен как измену Родине, с появлением штрафных подразделений армейская комиссия направляла туда бывших военнопленных, которые не запятнали себя сотрудничеством с врагом. «И в нашем батальоне в тот период значительная часть пополнения из “окруженцев” была “делегирована” именно такими комиссиями, а из кадровых офицеров – единоличными решениями командующих разных рангов»[11], – пишет Александр Васильевич Пыльцын, участник Великой

---

[9] *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 18. Тверь, 2006. С. 615–620.

[10] Указ Президиума Верховного Совета СССР от 19 июля 1942 года «Об изменении ст. ст. 1 и 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1941 г. “О порядке назначения и выплаты пособий семьям военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава в военное время”».

[11] *Пыльцын А.В.* Штрафной удар, или Как офицерский штрафбат дошел до Берлина. СПб., 2003. С. 25.

Отечественной войны, в своей книге «Штрафной удар, или Как офицерский штрафбат дошел до Берлина».

Как можно увидеть, два органа с одинаковым названием и предназначением имеют совершенно разную структуру. И решающим в этом отличие является отношение к человеку и задачи, которые ставит перед собой руководство армией.

ФОРМИРОВАНИЕ ДИСКУССИЙ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ В ПЕРИОД ПЕРЕСТРОЙКИ

Осина Ольга Владимировна
(Российский государственный архив новейшей истории)

О необходимости пересмотра исторического наследия советского государства власть заговорила сразу, на первом этапе перестройки. 1986 год можно назвать годом подготовки к реализации политики гласности, в рамках которой происходило распространение нового исторического мышления.

Осенью 1986 года М.С. Горбачев встретился с представителями научного сообщества, подготавливая их к тому, что «поиски истины должны идти через сопоставление различных точек зрения, дискуссии и обсуждения, ломку старых стереотипов»[1]. С ним согласился Е.К. Лигачев, говоря о необходимости постановки острых вопросов в исторической науке. Именно в этот момент историческое сообщество получило от власти социальный заказ на конструирование «нового» в освещении советского прошлого. Об этом заявил С.Л. Тихвинский в своем докладе на Общем собрании АН СССР (21 октября 1986 г.). Он говорил о сильнейшем импульсе, данном партией для развития общественных наук. Докладчик цитировал М.С. Горбачева, отмечал, что «обновление, далеко не безболезненно происходящее в нашей жизни, дает ответственнейший социальный заказ всей системе общественных наук. Советские историки с партийной принципиальностью обязаны подойти к выполнению этого социального заказа с тем, чтобы авторитет, реальная “отдача” исторической науки соответствовала современным требованиям, задачам ускорения развития нашего общества»[2]. С.Л. Тихвинский назвал актуальные темы и призывал к дискуссиям по вопросам периодизации советского общества, оценке отдельных этапов Великой Отечественной войны.

Советское прошлое стало активно обсуждаться на страницах различных СМИ учеными, социологами, писателями, историками. Огромный пласт публикаций по исторической проблематике[3], обсуждение ленин-

---

[1] Речь М.С. Горбачева на Всесоюзном совещании зав. кафедрами общественных наук // Правда. 2.10.1986.

[2] *Тихвинский С.Л.* Некоторые вопросы работы советских историков // Вопросы истории. 1986. № 12. С. 3–7.

[3] См.: Советский Союз в 20-е годы: «Круглый стол» редакции // Вопросы истории. 1988. № 9. С. 3–58; *Бурлацкий Ф.* Хрущев: Штрихи к политическому пор-

ского наследия, вопросов, связанных с НЭПом, революционным выбором, политической борьбой в 1920-е годы, и других – однозначно был идеологически задан. Правящей элите было необходимо дать историческое обоснование необходимости реформирования советского общества.

Основным программным документом по выработке «новой исторической политики» стал доклад М.С. Горбачева на мероприятиях, посвященных 70-летию Октября. Именно после него можно наблюдать резкий всплеск публикаций по исторической тематике, прежде всего в антисталинском дискурсе. Понимая, какое значение в советское время придавалось выступлению первых лиц, можно уверенно констатировать, что в докладе была сформулирована программа партии, по которой должно было пересматриваться советское прошлое[4].

Много дискуссионных вопросов вызывали материалы по изучению Великой Отечественной войны. Так, летом 1986 года Е. Долматовский обратил внимание на проблему военнопленных. Он призывал к тому, чтобы признавать пропавших «без вести» погибшими в сражениях в годы Великой Отечественной войны[5]. Вслед за Долматовским академик А.М. Самсонов продолжил изучение данной проблемы, настаивал на том, что «пришло время углубленно подойти к слагаемым цифры наших потерь»[6].

Начиная с № 1 за 1990 г., в «Известиях ЦК КПСС» началась широкомасштабная публикация документов, посвященных истории Великой Отечественной войны. Спорных вопросов было множество. С одной стороны, была необходимость пересмотреть некоторые события и оценки Великой Отечественной войны в связи с проходившей в стране реализацией проекта новой исторической политики, с другой, перед историками стояла задача не допустить доминирования существующей на Западе точки зрения, что подписание пакта Молотова – Риббентропа являлось катализатором для начала войны. Этот тезис неоднократно подчеркивал в своих выступлениях М.С. Горбачев. Так, на пленуме ЦК КПСС 21 октября 1987 года он осудил позицию западных ученых о том, что пакт Молотова – Риббентропа явился разрешением к началу войны. «Сегодня на Западе... ложь перемешивается с полуправдой. Особенно рьяны те, кто недоволен итогами Второй мировой войны – политическими, территориальными, социальными»[7].

трету // Литературная газета. 24.02.1988; «Круглый стол»: Вопрос мировой войны – истоки и причины // Вопросы истории. 1989. С. 3–32 и др.

[4] *Новикова М.В.* Историческая проблематика в советской газетной периодике в годы Перестройки: сравнительный анализ центральной и региональной прессы (на материалах Нижегородской (Горьковской) области). Дисс. ... к.и.н. Нижний Новгород, 2018. С. 32.

[5] *Долматовский Е.* Самый длинный день в году // Литературная газета. 1986. 25 июня.

[6] *Самсонов А.М.* Память минувшего. События, люди, история. М., 1988. С. 222.

[7] Стенографический отчет октябрьского (1987) Пленума ЦК КПСС // Известия ЦК КПСС. 1989. № 2. С. 216.

В 1988 году развернулась дискуссия в отношении изучения некоторых событий Великой Отечественной войны. В связи с 45-летием окончания Сталинградской битвы академик А. Самсонов подготовил материал, в котором высказал свою позицию относительно причин, из-за которых враг смог проникнуть вглубь страны[8]. Историк называет следующие причины: просчеты и ошибки руководства страны, полная уверенность в том, что «мы по всем параметрам сильнее любого врага», и массовые репрессии, – из-за которых на фронте не хватало «знающих» людей. С выводами А. Самсонова не согласился В. Морозов – военный историк, главный редактор 5-го тома «История Второй мировой войны 1939–1945». Он был не согласен с А. Самсоновым по ряду приводимых им «ошибок Ставки и советского руководства»[9]. В. Морозов призывал не следовать за конъюнктурно-тенденциозной полуправдой, а говорить о прошлом всю правду. Далее последовал ответ коллег А. Самсонова, которые в свою очередь обвинили В. Морозова в том, что он из тех историков, которые противодействуют переосмыслению самых трудных страниц истории минувшей войны, что он призывает к замалчиванию негативного прошлого[10].

Тема Великой Отечественной войны особенно заявила о себе в 1991 году, в 50-ю годовщину начала войны. Д. Волкогонов, опираясь на мысль, которая к тому времени прочно утвердилась в умах общественности, что Сталин наравне с Гитлером виновен в огромном количестве погибших солдат, призывал к демонтажу пирамиды, которую создал Сталин[11].

Резюмируя, можно говорить о том, что политика гласности, в рамках которой происходило переосмысление советской истории, поддерживалась М.С. Горбачевым, Е.К. Лигачевым, А.Н. Яковлевым.

Для осуществления реформаторских шагов Горбачеву необходимо было актуализировать революционное прошлое. В форсированном темпе ученые исследователи пересматривали ключевые этапы советской истории. Как показали дальнейшие события, смена полюсов в оценке исторических событий привела к брожению общественного сознания.

---

[8] *Самсонов А.* Сталинград: ни шагу назад // Московские новости. 07.02.1988.

[9] «Историк А. Самсонов и умалчивает, и искажает» // Московские новости. 27.03.1988.

[10] «Историк В. Морозов сердится...» // Московские новости. 27.03.1988.

[11] *Волкогонов Д.* Цена могла быть иной... // Московские новости. 23.06.1991.

ВЗГЛЯД ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ДОМА РОМАНОВЫХ НА ИТОГИ РОССИЙСКО-ГЕРМАНСКОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ В КАМПАНИИ 1915 г.

Пименов Олег Владимирович
(Волгоградский государственный университет)

Представители Дома Романовых занимали высокие посты и могли влиять на принятие решений и формирование общественного мнения. Кроме того, некоторые великие князья участвовали в военных действиях, что, несомненно, влияло на их отношение к войне и противнику. В связи с этим особый интерес вызывает их отношение к военным действиям и Германии как противнику России, в особенности во время кампании 1915 г., которая оказалась крайне неудачной для России.

Деятельность Дома Романовых в годы Первой мировой войны в исторической науке исследуется с разных сторон. Н.Н. Блохина проанализировала деятельность императрицы Александры Федоровны и ее дочерей в роли сестер милосердия в годы Первой мировой войны[1], рассмотрела подвижническую деятельность августейших сестер милосердия в качестве рядовых сестер милосердия в Царскосельском госпитале. М.А. Сенина изучила специфику благотворительной деятельности великого князя К.К. Романова и его семьи в условиях Первой мировой войны[2]. Особое внимание уделено благотворительным учреждениям, которые были созданы в это время. В.В. Черемухин изучил взгляд представителей Дома Романовых на причины Первой мировой войны[3]. По его мнению, для представителей Дома Романовых было характерно адекватное восприятие причин начала войны. Также подверглась изучению источниковедческая сторона вопроса. В работе В.М. Осина был проанализирован личный дневник великого князя Андрея Владимировича. Автор показал исто-

---

[1] *Блохина Н.Н.* Деятельность сестер милосердия Дома Романовых в годы Первой мировой войны (к 100-летию Первой мировой войны) // Российский медицинский журнал. 2015. № 1. С. 52–56.

[2] *Сенина М.А.* Благотворительность великих князей Константиновичей в период Первой мировой войны. Комитет «Мраморного дворца» // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 119. С. 74–78.

[3] *Черемухин В.В.* Повод и причины Первой мировой войны в представлении членов Дома Романовых (на основе воспоминаний) // Иднакар: методы историко-культурной реконструкции. 2016. № 1(30). С. 151–157.

рическую ценность данного источника при изучении вопросов периода Первой мировой войны[4]. Однако многие вопросы до сих пор не изучены в полной мере. Так, недостаточно полно рассмотрено восприятие Романовыми военных действий и их отношение к Германии как главному противнику России. Целью исследования является анализ восприятия Домом Романовых поражений России на Северо-Западном фронте в 1915 г.

Кампания 1915 г. оказалась крайне неудачной для Российской империи на Северо-Западном фронте. Она ознаменовалась массовым отступлением российской армии из Польши и Литвы весной–осенью 1915 года. Германские войска заняли Ковно, Вильно, Люблин и Варшаву. Лишь осенью 1915 г. российским войскам удалось стабилизировать фронт и остановить германское наступление.

Представители Дома Романовых активно анализировали итоги кампании 1915 г. и причины неудач царской армии. Все они негативно оценивали итоги кампании.

Великий князь Александр Михайлович в поражениях винил Ставку, которая не смогла вовремя организовать правильное отступление войск. Упорство командования он связывал со стремлением Антанты переманить Грецию и Румынию на свою сторону[5]. Александр Михайлович положительно отнесся к назначению начальником штаба верховного главнокомандующего генерала М.В. Алексеева. Но при этом великий князь отмечал, что М.В. Алексеев уступал в качествах стратега Э. Людендорфу, руководившему германскими войсками[6].

Причину поражений царской армии великий князь Андрей Владимирович видел в отсутствии у российских войск резервов. Также отмечалось превосходство германского командования над российским.

Андрей Владимирович при анализе итогов кампании утверждал, что российским солдатам часто удавалось ловить немецких шпионов. Он хвалил организацию германской разведки, которая мешала проведению военных операций России. Также великий князь указывал на частое распространение в Польше немецких воззваний против России, что вело к росту антироссийских и сепаратистских настроений в регионе. Он был крайне недоволен этой подрывной деятельностью[7]. Кроме того, отмечалась усиленная антивоенная пропаганда в российской армии со стороны Германии, которая не была безрезультатной.

---

[4] *Осин В.М.* Дневник великого князя Андрея Владимировича как исторический источник и особенности подготовки его публикации // Вестник архивиста. 2013. № 3. С. 153–168.

[5] Воспоминания великого князя Александра Михайловича Романова. СПб., 2015. С. 249.

[6] Там же. С. 250.

[7] Военный дневник великого князя А.В. Романова (1914–1917). М., 2008. С. 79.

Андрей Владимирович считал, что Николай II поступил верно, приняв командование армией на себя. Он утверждал, что в Германии и Италии монархи сохранили за собой законное верховное управление армиями, при этом ни один из них непосредственно не командует, а имеет ответственных главнокомандующих. И это ничуть не мешает им руководить всеми военными делами[8].

Великий князь Гавриил Константинович не обошел стороной тему измены в армии. Как он уверял, ходили многочисленные слухи о предательстве генерала П.К. Ренненкампфа, поскольку он был немцем по происхождению. Кроме того, поговаривали, что его родной брат командует германскими войсками. Но все же, по мнению великого князя, все это были досужие выдумки[9]. При этом стоит отметить, что слухи об измене генералов не осуждались Романовыми.

Императрица Александра Федоровна высказывала мнение, что в поражениях российской армии виноваты вражеские шпионы. Она утверждала, что в Ставке есть шпион, и этот шпион не кто иной, как генерал Ю.Н. Данилов.

Великие князья отмечали, что многие офицеры российской армии испытывали страх перед немцами и что они часто утверждали о невозможности наступление ввиду превосходства неприятельских сил. Хотя на самом деле никакого превосходства в количестве солдат у германской армии не было.

Нередко высказывалось мнение, что германская армия превосходила российскую в организованности. Считалось, что в Германии генерал Х. Мольтке заложил твердую основу всей военной структуры, что в немецких войсках каждый человек в своей сфере специалист и все говорят на одном языке.

Помимо неудачной организации армии великие князья выражали свое недовольство снабжением боевых частей. В 1915 г. российской армии приходилось много экономить из-за проблем с боеприпасами. Германия же таких проблем не испытывала, вследствие этого немецкие войска вели сильный огонь по позициям противника, в то время как российской артиллерии приходилось часто молчать.

Кирилл Владимирович утверждал, что в 1915 г. Россию от разгрома спасли стойкость русских солдат, а также решение Николая II возглавить армию.

Еще одной причиной неудач царской армии называлась деятельность немецких агентов в рядах войск и в тылу. В качестве одной из мер для решения этой проблемы Андреем Владимировичем был предложен проект создания, как в Германии, особого суда по делам шпионажа и государственной измены. По его мнению, этот суд должен был снизить влияние

---

[8] Военный дневник великого князя А.В. Романова (1914–1917). С. 178.

[9] *Гавриил Константинович (вел. кн.).* В мраморном дворце. М., 2005. С. 242.

командующих на судебные процессы по делам измены и повысить качество судебных разбирательств[10].

Таким образом, у представителей Дома Романовых не было единой точки зрения на причины провала Россией кампании 1915 г. Чаще всего в поражениях винилась Ставка. Отмечалось, что германская армия была лучше организована, и у нее было превосходно налажено снабжение. Характерно, что также высказывались предположения о превосходстве германских командующих над российскими. Еще одной причиной поражений России виделась деятельность немецких агентов.

---

[10] Военный дневник великого князя А.В. Романова (1914–1917). С. 158.

«РУССКИЙ ИСХОД»: ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ В РЕСПУБЛИКЕ ТЫВА В 1990–1993 гг.

Пищук Матвей Дмитриевич
(Российский государственный гуманитарный университет)

Современная политическая история Республики Тыва (РТ) остается практически неизученной. Автор убежден в том, что события 1990–1993 гг. в РТ имели важнейшее значение в формировании новой модели межэтнических отношений в регионе. Поэтому в данной статье автор хочет обозначить основные «болевые точки» этого этнополитического конфликта.

Освоение русскими переселенцами этой территории началось во второй пол. XIX века. Процесс освоения был прерван в результате Первой мировой войны, двух революций и Гражданской войны. В 1921 г. была образована Тувинская Народная Республика (ТНР), которая лишь частично поддерживала процессы прошлого имперского освоения (Русская самоуправляющаяся трудовая колония; комитеты советских граждан). В 1944 г. ТНР присоединилась к СССР. Если на момент присоединения в ТНР проживало 85 % тувинцев и только 15 % русских, то уже к 1959 г. численность русских составила 40 % (68 тыс. человек). В последующие 30 лет произошел резкий рост численности тувинского населения (с 97 до 198 тыс. человек к 1989 г.), в то время как русское население увеличилось лишь на 30 % по сравнению с 1959 г. (возросло до 98 тыс. человек).

Резкий рост населения и несбалансированное развитие региона без учета реальных потребностей людей привели к накоплению социальных противоречий. Непосредственное обострение ситуации в конце 1980-х гг. в РТ произошло из-за следующих факторов: высокая безработица среди тувинской молодежи; нехватка жилья[1]; несбалансированная языковая политика в школах; низкий социальный и образовательный статус тувинцев; обилие огнестрельного оружия (от охотников и чабанов); распространение наркотических средств[2].

---

[1] *Москаленко Н.П.* Этнополитическая ситуация в Республике Тува (1992 г.) // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. Документ № 37. М., 1993. С. 14.

[2] *Жорницкая М.Я.* Национальная ситуация в Тувинской АССР и Хакасской АО (май–июнь 1990 г.) // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. Документ № 18. М., 1991. С. 5.

Более того, в конце 1980-х гг. становились популярными националистические движения за возрождение тувинской культуры. В октябре 1989 г. был создан Народный фронт Тувы (НФТ) во главе с К.А. Бичелдеем. НФТ формировался как умеренное движение, однако довольно скоро к нему стали примыкать радикальные националисты.

Отправной точкой этнополитического конфликта стали события 12 мая 1990 г., когда в поселке Хову-Аксы произошел конфликт между группой тувинской молодежи и добровольной дружиной из русских. 14–15 мая конфликт перерос в уличные стычки между тувинцами и русскими по 100–150 человек. По РТ прокатилась волна митингов (по 400–500 человек) с требованием решить социальные проблемы населения. По отношению к русскому населению участились хулиганские выходки (вплоть до вооруженных нападений), начались поджоги автомобилей и домов, грабежи.

Русские стали покидать РТ. Ситуация осложнялась тем, что почти все квалифицированные специалисты в РТ были русскими, из-за чего возникла угроза остановки крупнейших промышленных предприятий и социальных объектов по всему региону[3]. Несмотря на критическую ситуацию, руководство РТ вело себя пассивно по отношению к происходящему конфликту, уклонялось от оценки событий и было неспособно стабилизовать ситуацию. Более того, ситуация усугубилась после принятия 12 декабря 1990 г. Верховным Советом РТ «Декларации о государственном суверенитете», а 14 декабря «Закона о признании тувинского языка государственным».

После событий лета 1990 г. Бичелдей и некоторые умеренные тувинские политики стали отходить от деятельности НФТ[4]. В начале 1991 г. на базе распавшегося НФТ возникает более радикальный Народный фронт «Хостуг Тыва» (НФХТ). Среди сторонников НФХТ – интеллигенция, тувинская молодежь, бывшие заключенные[5]. НФХТ был тесно связан с деятельностью Общества бездомных г. Кызыла, которое, по некоторым сведениям, являлось в 1991–1993 гг. боевым крылом движения и занималось захватом пустующих квартир (покинутых русскими), призывая к официальному «переделу» жилищного фонда[6].

В 1991 г. крупные этнические столкновения (как летом 1990 г.) сменились на отдельные политические акции националистов. Продолжилась волна преступлений по отношению к русскому населению[7]. Очевидно, что в результате событий 1990–1991 гг. произошла искусственная мар-

---

[3] *Жорницкая М.Я.* Национальная ситуация в Тувинской АССР и Хакасской АО (май–июнь 1990 г.). С. 6–8.

[4] ГА РФ. Ф. 10121. Оп. 1. Д. 52. Л. 50.

[5] Там же.

[6] *Музаев Т.М.* Этнический сепаратизм в России // Pdf-версия печатного издания. 1999. URL: https://www.sova-center.ru/files/books/pano-separ-1999.pdf (дата обращения: 21.01.2020). С. 292.

[7] ГА РФ. Ф. 10121. Оп. 1. Д. 52. Л. 52.

гинализация русского населения (в т. ч. выдавливание русских с руководящих должностей)[8]. За полтора года РТ покинуло более 11 тыс. человек.

Тем не менее к началу 1992 г. ситуация в РТ несколько улучшилась[9]. Межэтнический конфликт стал переходить в область экономических проблем и политики (идея «референдума о независимости» стала главной у националистов)[10]. Весной 1992 г. Общество бывших заключенных провело акцию с требованием провести референдум о независимости. Летом 1992 г. НФХТ провел акции против некоторых областных руководителей (сторонников «центра»)[11], потребовав также закрепить за тувинскими семьями квартиры, занятые ими в самовольном порядке[12].

Важно, что в 1992 г. руководство РТ постаралось отдалиться от наиболее радикальных националистов. Влияние НФХТ ослабло, и в 1992 г. часть его бывших членов образовала Народную партию суверенной Тывы (НПСТ), которая стояла на более умеренных позициях националистического толка[13]. Снижение интереса к националистическим лозунгам отразилось и на выборах президента РТ в марте 1992 г., где граждане проголосовали за умеренного Ш.Д. Ооржака (83,2 %), а не за главу НПСТ Б.Т. Санчы (9,6 %).

Несмотря на относительную стабилизацию ситуации, процесс исхода русского населения в 1993 г. продолжился. Это было связано с усилением в 1993 г. «войны законов»: местное руководство искало пути закрепления за собой дополнительных политических и экономических привилегий. В феврале 1993 г. в РТ состоялся референдум о частной собственности на землю. Известно, что большинство русских высказалось за частную собственность, а тувинцы против нее[14]. Это свидетельствовало о стремлении русского населения закрепить свои права на собственность для защиты ее от возможных «земельных переделов». В ходе продолжающегося как этнического, так и экономического притеснения, к концу 1993 г., РТ покинуло более 20 тыс. человек (большинство русские).

В итоге к 1994 г. радикальные националистические идеи стали терять свою политическую актуальность среди населения. НФХТ был вынуж-

---

[8] ГА РФ. Ф. 10121. Оп. 1. Д. 52. Л. 56–58.

[9] Там же. Л. 54–55.

[10] *Москаленко Н.П.* Этнополитическая ситуация в Республике Тува (1992 г.). С. 24–25.

[11] *Музаев Т.М.* Этнический сепаратизм в России // Pdf-версия печатного издания. 1999. URL: https://www.sova-center.ru/files/books/pano-separ-1999.pdf (дата обращения: 21.01.2020). С. 291.

[12] *Кужугет А., Татаринцева М.* Этнополитическая ситуация в Республике Тыва накануне и после выборов в Федеральное собрание России в 1993 г. // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. Документ № 74. М., 1994. С. 16.

[13] *Кужугет А., Татаринцева М.* Этнополитическая ситуация в Республике Тыва... С. 9.

[14] Там же. С. 8.

ден признать, что в движении произошел значительный спад активности (кол-во членов сократилось на 30 %)[15]. Однако эффект событий 1990–1991 гг. влиял на настроения русских на протяжении всех 1990-х гг.[16] Русское население продолжало покидать РТ даже после политического проигрыша тувинских националистов. Важную роль в этом сыграл фактор «этнического шока»: русское население оказалось незащищенным со стороны центра, а со стороны местной элиты долгое время наблюдалась пассивность в отношении происходящих притеснений. В результате, хотя прямые этнические столкновения закончились еще в первой половине 1991 г., русские понимали, что их интересы, как меньшинства, не будут защищаться должным образом.

В результате можно говорить о том, что основной пик этнополитического конфликта 1990–1993 гг. пришелся на 1990–1991 гг., когда произошли основные крупные столкновения. 1991–1992 гг. стали временем активной политической деятельности радикальных тувинских националистов, стремившихся либо отсоединиться от России, либо получить максимальные привилегии перед русским населением. Только в 1993 г. политическая ситуация стала стабилизироваться и массовый исход русского населения стал сокращаться. С 1994 г. можно говорить о завершении активной стадии этнополитического конфликта. К сожалению, следует признать, что современная ситуация в РТ характеризуется сохраняющейся «зоной риска» в области межэтнических отношений, особенно в отношении проблемы защиты интересов русского населения, которое объективно находится на положении меньшинства в этом регионе.

Автор данной статьи убежден, что необходимо провести повторный, тщательный анализ событий 1990–1993 гг., чтобы избежать намеренного игнорирования этнического фактора (в т. ч. и его оценки) и отказаться от упрощенного восприятия этого конфликта только как социально-экономического. Это необходимо для проведения эффективной национальной политики и для предотвращения возможных негативных явлений в области межэтнических отношений в этом регионе.

---

[15] *Кужугет А., Татаринцева М.* Этнополитическая ситуация в Республике Тыва... С. 17.

[16] *Анайбан З.В.* Межэтническая ситуация и этнополитические процессы в постсоветской Туве // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. Документ № 227. М., 2011. С. 15–16.

ИНСТИТУТ СТАНОВЫХ ПРИСТАВОВ: К ВОПРОСУ О РЕАЛИЗАЦИИ «ПОЛОЖЕНИЯ О ЗЕМСКОЙ ПОЛИЦИИ» 1837 г.

Плех Олеся Анатольевна, к.и.н.
(Институт российской истории РАН)

Предпринятое в 1837 г. реформирование земской полиции[1] имело целью, согласно официальным источникам, «предоставить каждому из обывателей ближайшие способы получать на месте законное удовлетворение в своих надобностях и ускорить течение всех дел, относящихся к полицейскому управлению»[2]. Иными словами, преобразования должны были привести к более рациональному распределению служебных обязанностей и приблизить управление к населению[3]. Главным нововведением стал институт становых приставов. В 42 губерниях и одной области появилось 1208 участков, или станов, под управлением особого должностного лица – становой пристава, который в отношении к вверенному ему участку получал «в сущности те же права и обязанности, какие городничий в городе»[4]. В настоящем исследовании предпринимается попытка осветить некоторые сюжеты, связанные с учреждением института становых приставов, и отразить, как происходила адаптация нововведений к существовавшей на местах системе управления. Документальную основу составили сохранившиеся в ГА РФ материалы конца 1830-х – начала 1840-х гг., зафиксировавшие поступавшие с мест сведения.

Отметим, что и центральные, и местные учреждения признавали цель реформы – «сближение чиновника полиции с местом» – как значительную пользу административному управлению. «Положение о земской полиции» 1837 г. тщательно готовилось и обсуждалось, учитывались предшествовавшие ему проекты реорганизации земских судов и опыт их функционирования. До введения нового «Положения» в действие министр внутренних дел Д.Н. Блудов «циркулярно» предписывал гражданским и военным губернаторам, чтобы они сообщили «замечания и сооб-

---

[1] «Положение о земской полиции», «Наказ чинам и служителям земской полиции». См.: ПСЗ-2. Т. 12. Отд. 1. № 10305, 10306.

[2] ГА РФ. Ф. 109. Оп. 15. 1-я эксп. Д. 61. Ч. 1. Л. 33 об.

[3] Подробнее о земской реформе см.: *Тот Ю.В.* Реформа уездной полиции в правительственной политике России в XIX веке. СПб., 2002. С. 83–99.

[4] ГА РФ. Ф. 109. Оп. 15. 1-я эксп. Д. 61. Ч. 1. Л. 33 об.

ражения свои о тех частях оного, кои окажутся неудобными», и получил в целом положительные отзывы[5].

Однако уже в первые годы после проведения реформы в центр стали поступать жалобы на действия становых приставов, на вредное их влияние на дела земской полиции; обнаруживались случаи, все больше убеждавшие правительство в том, что новое «Положение» не оправдывает ожидания. В 1840 г. было принято решение собрать с мест подробные сведения о состоянии земской полиции. При этом, «дабы соображения к обнаружению истины в деле столь важном для благосостояния народного могли иметь большую силу»[6], предписывалось «истребовать донесения» из разных «и один от другого независимых источников»: с одной стороны, министр внутренних дел А.Г. Строганов запросил мнения военных и гражданских губернаторов и предводителей дворянства, а с другой – шеф жандармов А.Х. Бенкендорф распорядился всем начальникам округов и штаб-офицерам корпуса жандармов «удостовериться на месте» и подробно описать сложившуюся ситуацию.

Обобщая полученные от губернских начальников сведения, Строганов указывал на то, что никто не находит, «чтоб учреждение становых приставов было неудобно или вредно». Все соображения губернаторов сводились лишь к необходимости увеличить число станов и улучшить содержание становых приставов, что, по сути, не касалось существа реформы[7]. В то же время министр подчеркивал, что отдельные случаи «дурного выбора в становые пристава чиновников», на которых поступали жалобы в центр, следует рассматривать лишь как упущения губернского начальства, «кои должны и могут быть исправляемы распорядительными мерами, непосредственно к тому или другому лицу относимыми»[8].

Несколько иного мнения о результатах земской реформы придерживались штаб-офицеры корпуса жандармов и губернские предводители дворянства, которые во многом были солидарны. Отмечая полезным появление становых приставов, в то же время они особо выделяли и существенные недостатки в учреждении этого института. Во-первых, становые приставы, заменившие выборных дворянских заседателей, назначались на должности по определению от правительства. Местное «благородное общество», воспринимавшее такие изменения как ущемление корпоративных интересов, обосновывало свою позицию тем, что выборное должностное лицо всегда находится под контролем избравшего его общества и «ответствует» не только перед правительством, но и избирателями[9]. Губернские предводители подчеркивали, что «доколе земские полиции будут зависеть от одного губернского правления, до тех пор полицейские чиновники не будут действовать совершенно благонамеренно; им нужно

---

[5] ГА РФ. Ф. 109. Оп. 15. 1-я эксп. Д. 61. Ч. 1. Л. 36–36 об.

[6] Там же. Л. 34.

[7] Там же. Л. 36–36 об.

[8] Там же. Л. 35–35 об.

[9] Там же. Л. 37–38.

дать ближайшее начальство, которое бы было посредником между ними и губернским правлением и на самой практике видело действия полицейских чиновников»[10]. В то же время отмечалось, что губернское начальство из-за отсутствия достойных кандидатов часто определяло в становые приставы лиц, не заслуживавших доверия и «нередко с весьма вредными слабостями». Во-вторых, на становых приставов возлагалось «28 разнородных обязанностей», официальная переписка по которым за год могла достигать до «2 тыс. номеров»; ежедневно приходилось исполнять до 10 и более текущих дел. И все это при одном и, как правило, неопытном письмоводителе[11]. В-третьих, число станов в уездах было определено «без всякого соображения с местными потребностями»[12].

И губернские штаб-офицеры, и предводители дворянства настаивали на необходимости изменить правила замещения должности станового пристава (определять по выбору местного дворянства с утверждения губернатора), назначить к становым приставам «особых чиновников вроде секретарей», которые во время отсутствия пристава исполняли бы срочные дела и наблюдали за канцелярским порядком, увеличить число станов и учредить «особый подгородный стан» под управлением непременного заседателя земского суда, в который вошли бы близлежащие к уездному городу селения («не далее 10 верст»)[13].

Донесения, поступавшие с мест в конце 1830-х – начале 1840-х гг., сигнализировали о том, что главная цель земской реформы не была достигнута. Институт становых приставов хотя и приблизил полицейское управление к населению, но не решил проблемы, связанные с оперативностью и качеством исполнения возложенных на уездных чиновников обязанностей. Уже в скором времени (в 1844 г.) по распоряжению императора при Министерстве внутренних дел был учрежден «Комитет о преобразовании земской полиции»[14], приступивший к обсуждению проекта новой полицейской реформы.

Подводя итог, отметим, что «Положение» 1837 г. и учреждение института становых приставов в целом не меняли систему местного управления, базировавшуюся на «Учреждении о губерниях» 1775 г., но затрагивали один из главных принципов – привилегии дворянства при формировании состава местных учреждений. Преобразования привели к усилению роли коронной администрации, что положительно оценивалось губернским начальством и болезненно воспринималось местным дворянским обществом. Неслучайно вопрос о принципах назначения на должности становых приставов оживленно обсуждался и в последующие годы.

---

[10] Там же. Л. 48.

[11] Там же. Л. 43.

[12] Там же. Л. 44.

[13] Там же. Л. 46–47 об.

[14] Подробнее см.: *Тот Ю.В.* Реформа уездной полиции в правительственной политике России в XIX веке. СПб., 2002. С. 127–155.

Что же касается замечаний относительно чрезмерной нагрузки, возложенной на становых приставов, недостаточности материального обеспечения их служебной деятельности, неустроенности становых квартир, а также непропорционального деления губерний на станы, то это отчетливо осознавалось и в центре, и на местах. Однако решение этих вопросов требовало увеличения затрат на содержание местного аппарата управления, к чему верховная власть была не готова.

ХЕРСОНЕССКИЙ МУЗЕЙ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ЛЮДИ И СУДЬБЫ

Прохорова Татьяна Александровна, к.и.н.
(Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический»)

События Великой Отечественной войны, все вместе и каждое в отдельности, имевшие место более 75 лет тому назад, по сей день никого не оставляют равнодушным. Это не просто хроника лет, это история живых людей, их судеб, потерь и переживаний. В 1939 году в Государственном Херсонесском историко-археологическом музее трудилось 43 человека, таким же был кадровый состав музея и в 1941 году: 18 научных сотрудников, 16 человек из числа обслуживающего и 9 человек административно-хозяйственного персонала. Проследить, как сложилась жизнь каждого из них, сложно – в архивах сохранилось крайне мало сведений об их дальнейшей судьбе. Но для всех 22 июня 1941 года был особым днем, заставившим взглянуть в глаза самому сильному страху и изменившим их жизнь навсегда. Для кого-то она продолжилась в тревогах и лишениях на оккупированной территории, кому-то выпало на долю совершить самое грандиозное за всю жизнь путешествие в отдаленные районы нашей огромной Родины в поисках спасения для себя и музейных коллекций, кто-то отправился защищать страну и пал смертью храбрых, а кто-то в суровых боях дошел до Дня Великой Победы, вернулся в родной город и принимал участие в восстановлении музея.

До настоящего времени основное внимание исследователей было обращено на главных фигурантов тех событий – научного сотрудника Станислава Стржелецкого как единственного хранителя коллекции музея в эвакуации в г. Сверловске, заведующего феодальным отделом музея Александра Тахтая как остававшегося на оккупированной территории и выполнявшего роль хранителя памятников городища, зданий и площади раскопок в Херсонесе[1]; периодически вспоминали имя директора Ивана

[1] Отдельным страницам деятельности А.К. Тахтая посвящено несколько небольших очерков писательницы О.Ф. Берггольц и музееведа В.И. Шевченко: *Берггольц О.Ф.* Говорит Ленинград. Л.: Лениздат, 1946. С. 131–151; *Шевченко В.И.* Сокровища исчезнувших городов: записки музейного работника / под ред. В.К. Никольского. Л.: Лениздат, 1948. 87 с. Некролог исследователя в 1964 году опубликовал академический журнал «Советская археология»: *Шульц П.Н.*

А.К. Тахтай: некролог // СА. 1964. № 4. С. 247–248. Несколько работ о его деятельности в Полтавской области, на Донбассе, в Херсоне помещено в сборниках тезисов и материалов региональных конференций: *Супруненко А.Б.* А.К. Тахтай – сотрудник Полтавского музея // История и культура Херсонеса и Западного Крыма в античную и средневековую эпохи: тез. докл. конф. мол. ученых. Севастополь, 1987. С. 2–3; *Супруненко А.Б.* К биографии А.К. Тахтая // Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе: тез. докл. науч.-практ. семинара. Донецк, 1989. С. 65–66; *Супруненко А.Б.* Археолог и музейный сотрудник А.К. Тахтай // Проблемы археологии Северного Причерноморья: к 100-летию основания Херсонесского музея древностей: тез. юбилейн. конф. Херсон, 1990. Ч. 3. С. 69–71. Краткая библиографическая заметка подготовлена к печати в республиканской хронике «Памятники Украины»: *Супруненко О.О.* К. Тахтай // Пам'ятки України. 1991. № 1. Развернутый по содержанию очерк о трагической судьбе исследователя был опубликован в полтавском информационном вестнике «События, случаи, факты», написан по материалам архивного следственного дела ученого: *Граб В.І.* Опальний археолог // Події, факти, пригоди. 1990. № 3. Липень. С. 1, 3, 5.

В 1990 г. при поддержке Управления СБУ Институт истории Академии наук УССР начал разработку темы «Увековечение жертв незаконных репрессий 30–40-х и начала 50-х годов в контексте исследования проблем региональной истории» под руководством кандидата исторических наук Ю.С. Данилюка. Данная тематика с большим интересом воспринималась учеными. К примеру, в Полтавской области совместными усилиями Полтавского педагогического института им. В.Г. Короленко, Полтавского областного союза краеведов, Полтавской областной организации Украинского общества охраны памятников истории и культуры, Управления СБУ была подготовлена книга о реабилитированных полтавчанах, подвергшихся политическим репрессиям [*Подкур Р.Ю., Рублев А.С.* Историография политических репрессий в Украине. С. 11]. Книга «Репрессированное краеведение» впервые дала возможность узнать о трагических судьбах реабилитированных академиков Ф. Шмита, М. Слабченко, М. Биляшивского, М. Яворского, профессоров А. Гермайзе, А. Янати, В. Гериновича и многих других [Репрессированное краеведение (20–30-е гг.). Хмельницкий: Родной край, 1991. 478 с.; Реабилитированные историей. Полтава: Родной край, 1992. 401 с.].

В 1991 году ввиду 100-летнего юбилея Полтавского и Херсонского краеведческих музеев свет увидела работа В.И. Граба и О.Б. Супруненко «Археолог Александр Тахтай» – небольшая брошюрка с обложкой черного цвета и портретом главного героя, в действительности посвященная 100-летию со дня рождения исследователя и призванного максимально полно и правдиво рассказать о тяжелой трагической судьбе А.К. Тахтая. Имя его тогда произносилось с осторожностью, ведь Закон Украины «О реабилитации жертв политических репрессий на Украине» только готовился и был принят 17 апреля 1991 г. Пройдет еще три года и по заключению Прокуратуры Республики Крым от 05 января 1994 г. Тахтай Александр Кузьмич будет реабилитирован... А пока о его судьбе рассказывала книжица, подготовленная на основе материалов фонда А.К. Тахтая в научном архиве ИА АН УССР, фонда ВУАКа того же архива, материалов научных архивов Полтавского и Донецкого краеведческих музеев, государственных архивов Сумской и Полтавской областей, документов следственного дела А.К. Тахтая из архива СБУ по крымской области, воспоминаниям его супруги Н.В. Тахтай и лиц, которые знали А.К. Тахтая, – О.И. Домбровского, Д.С. Цвейбель, Т.О. Шаповалова и других, частично – материалах архива Национального заповедника «Херсонес Таври-

Максименко, а в 2019 году благодаря публикации диссертации Василия Лисина стали говорить и о нем – заведующем античным отделом Херсонесского музея, талантливом исследователе и храбром воине, погибшем в партизанском отряде весной 1942 года.

По состоянию на 1 февраля 1939 года[2] в составе Государственного Херсонесского историко-археологического музея в числе научного персонала значились: заместитель директора по научной части Василий Петрович Лисин (1911–1942), заведующий феодальным отделом Александр Кузьмич Тахтай (1890–1963), заведующий отделом фондов Рауф Бареевич Ахмеров (1911–2000), заведующий антирелигиозным отделом Ефим Израилович Этин (1914–?), старший научный работник Мария Ермолаевна Арсакова (1894–?), экскурсовод Мария Семеновна Рыбальченко (1914–1958), экскурсовод Семен Александрович Грановский (1920–?), экскурсовод Антонина Селиверстовна Колесникова (1909–?), экскурсовод Елена Селиверстовна Колесникова (1917–?), библиотекарь Нина Васильевна Тахтай (1901–?). Среди инженерно-технических работников числились архитектор Станислав Францевич Стржелецкий (1910–1959) и реставратор Николай Васильевич Глазов (1909–?). Отдельной категорией значились работники из числа административно-управленческого персонала, в том числе директор Иван Данилович Максименко (1894–1977), а также помощник директора по хозяйственной части Иван Казимирович Манцевич (1906–?), секретарь-машинистка Татьяна Александровна Мурзина (1914–?), бухгалтер Михаил Иванович Самков (1884–?), счетовод Лазарь Давыдович Берман (1881–?), кассир Анастасия Григорьевна (Федорова 1898–?), комендант Федор Петрович Капрелюк

ческий» (ныне – Государственный музей-заповедник «Херсонес Таврический») и его семейного архива [*Граб В.І., Супруненко О.Б.* Археолог Олександр Тахтай. Полтава, 1991. С. 8]. За последние два десятилетия вышло немало работ, преследующих цель восстановить честное имя А.К. Тахтая. Работы в этом направлении ведутся силами историков, журналистов и преподавателей средних и высших учебных заведений [*Зубарь В.М.* Летопись археологических исследований Херсонеса-Херсона и его округи (1914–2005 гг.). Т. 1–2 // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Supplementum. Вып. 6. Симферополь, 2009. 496 с.; *Новикова М.И.* Святыни народов Крыма. Симферополь: Таврия, 1991. С. 31; *Кончин Е.* Картины, опаленные войной: рассказы о том, как были спасены и сохранены во время Великой Отечественной войны музейные историко-художественные ценности. М.: Лира, 2000. С. 283, 284; *Романчук А.И.* Истоки научного сотрудничества Уральского университета и Национального заповедника «Херсонес Таврический» (1941–1942) // Историческое наследие Крыма: научный журнал. 2007. № 17. С. 50–67; *Омельчук Д.В.* Судьба директора: Александр Тахтай – директор Херсонесского музея в период оккупации // XVI Таврические научные чтения: материалы Всерос. науч.-практ. конф., 17–21 июня 2015 г. М.: СГЦМСИР, 2015. Ч. 1: Великая Отечественная война и культурное наследие России. С. 120–131]. Большую роль в их подготовке сыграли материалы, собранные предшествующими исследователями, которые не побоялись затронуть запрещенную тему политических репрессий и изменить представление общественности об участниках тех событий.

[2] НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 397. Л. 24.

(1885–?), уборщица-рассыльная Евгения Ивановна Волобуева (1915–?), ночной сторож Порфирий (в другом месте – Прокофий) Павлович Царев (1888–?), ночной сторож Илларион Антонович Попов (1889–?), ночной сторож Дьячков, гардеробщица Иваненко. Кроме вышеперечисленных сотрудников в музее работали: смотрители городища Царева Елизавета Зиновьевна, Анастасия Васильевна Рубанова, Степан Федорович Захаров; служители Елизавета Ивановна Приваленко, Александра Борисовна Бондаренко, Клавдия Павловна Канаки, Прасковья Августовна Чернышева, Анна Дмитриевна Афанасьева. Подсобные рабочие: садовник Николай Зиновьевич Федоров (1868–1942), рабочая Александра Петровна Багликова (1913–?), рабочая София Александровна Топузова (1920–?), конюх-рабочий Фома Игнатьевич Гончаров (1891–?), истопник Георгий Константинович Канаки (1884–?), столяр Мирон Иванович Землянский (1881–?), столяр Семен Зиновьевич Федоров (1887–?), фотограф Семен Федорович Кузиков (1896–?), старший шофер Иван Ильич Гудзь (1893–1944?), шофер Анатолий Константинович Кочевой, шофер Семен Дмитриевич Крысин (1910–?), кондуктор автобуса Клавдия Николаевна Мозговая (1905–?), ученик гаража Дмитрий Иванович Мельников (1922–1944).

В началом Великой Отечественной войны приказами № 95 и № 96 от 6 ноября и 11 ноября 1941 года соответственно все сотрудники музея были уволены по сокращению штатов в связи с консервацией работы Государственного Херсонесского историко-археологического музея в г. Севастополе. Единственным хранителем зданий, имущества и памятников, оставшихся в фондах, городища и всех зеленых насаждений территории музея впредь до возобновления его работы был назначен Н.З. Федоров[3], который выполнял эти обязанности до 31 декабря 1941 года включительно. 1 января 1942 года он был выселен в Севастополь в связи с прекращением выплаты заработной платы, и специальным постановлением Совнаркома Крымской АССР хранителем музея был назначен А.К. Тахтай. Спустя некоторое время сложился штат музея из трех человек – Александр Кузьмич и Нина Васильевна Тахтаи, Александр Васильевич Приваленко. Несмотря на все сложности и перипетии осадного и военного положения, такой состав сотрудников сохранился до дня освобождения Севастополя. С 1 июня 1944 года на работу в музей поступила художница О.Л. Скляренко, направленная из штата ГорОНО.

В годы Великой Отечественной войны музей понес невосполнимые людские потери. В письме от 27 июня 1944 года хранитель Херсонесского музея и городища в 1942–1944 годах А.К. Тахтай сообщал директору И.Д. Максименко: «Из быв[ших] сотрудников Музея остались в живых кроме меня: моя жена (Нина Васильевна Тахтай. – *Т. П.*), Приваленко Е.И. (ее муж А.В. [Приваленко] работает в Музее с 1-й осады), Афанасьева и Чернышева, Самков и Кузиков. Н.З. Федоров убит, И.И. Гудзь умер от раны. Анашевы умерли «от голода». С.З. Федоров и Ф.И. Гонча-

[3] НАО ГМЗ ХТ. Д. 881. Л. 13.

ров в плену. О Лисине и Ахмерове вестей нет. Рыбальченко в Новочеркасске, Литвак, кажется, тоже (?)»[4]. В Докладной записке, составленной позже, кроме того, им отмечено, что «из состава музейного коллектива пострадали [...] архивариус О.А. Янышева (умерла во время оккупации)[5], [...] Лисин В.П. убит в партизанских отрядах Крыма»[6].

6 декабря 1944 года к месту постоянной работы в г. Севастополь прибыли из эвакуации директор музея И.Д. Максименко, С.Ф. Стржелецкий и Т.Д. Бажанова[7].

В списке работников музея в 1945 году значились: директор Максименко И.Д., заместитель директора по научной части Стржелецкий С.Ф., старший научный сотрудник и фотолаборант Михайлова А.М., научный сотрудник и реставратор Скляренко О.Л., старший научный сотрудник и заведующий феодальным отделом Тахтай А.К., библиотекарь и врио секретаря-машинистки (по совместительству) Тахтай Н.В., смотритель Приваленко Е.И., завхоз Приваленко А.В., старший бухгалтер Самков М.И., рабочая по двору Здонек А.К., смотрительница музея Леонова К.А., садовник Хаджикова Е.Л., смотрительница музея Стржелецкая М.А., садовник Моисеев С.Н., научный сотрудник Рыбальченко М.С., сторож-рабочий Гладышева А.И.

После Великой Отечественной войны все силы сотрудников были брошены на восстановление музея, который, стряхнув со своих седых руин пепел войны, смотрел в мирное светлое будущее. В 1947 году в составе работников музея было уже 22 человека. Девять из их числа трудились в музее и до начала войны – Иван Данилович Максименко, Станислав Францевич Стржелецкий, Елизавета и Александр Приваленко, Нина Васильевна и Александр Кузьмич Тахтаи, Михаил Иванович Самков, Мария Семеновна Рыбальченко, А.К. Здонек. Некоторые сотрудники и их семьи по разным причинам оставались в осажденном и оккупированном Севастополе в 1942–1944 годах: А.К. и Н.В. Тахтаи, С.Н. Моисеев, А.К. Здонек, А.В. и Е.И. Приваленко, М.И. Самков, А.Д. Афанасьева. С установлением оккупационного режима всем им надлежало пройти регистрацию в германских оккупационных органах, и, поскольку сведений об этом периоде их жизни почти нет, надежным историческим источни-

---

[4] НАО ГМЗ ХТ. Д. 881. Л. 32. Эти сведения подтверждают отчасти воспоминания Н.В. Тахтай в пересказе Т.А. Новиковой: «В Херсонесе из сотрудников оставались: Тахтай Александр Кузьмич (по решению Горисполкома назначенный хранителем музея) и его жена – Нина Васильевна, а также Ф. Гончаров, семьи Приваленко, Афанасьевых, Землянских, Рыбальченко, Чернышевых, Янышевых и др., которые по разным причинам не смогли вовремя эвакуироваться. Шесть человек мужчин, в том числе А.К. Тахтая, оккупанты отправили в лагерь под Бахчисарай, а женщин, в том числе Янышевых, выселили из Херсонеса в город. [...] А.К. Тахтая и Приваленко немцы вернули в Херсонес, и Нина Васильевна вернулась к мужу» [НАО ГМЗ ХТ. Д. 2076. Л. 16–17].

[5] В начале 1943 года [НАО ГМЗ ХТ. Д. 2076. Л. 17].

[6] НАО ГМЗ ХТ. Д. 881. Л. 58 об.

[7] Там же. Д. 885. Л. 4.

ком служат адресные листки немецкой ортскомендатуры. Листки прибытия и выбытия не только дают представление о действовавших в период оккупации учреждениях, предприятиях, учебных заведениях, но и позволяют выявить лиц, состоявших на службе у немецких властей, работавших и занимавшихся частным промыслом[8].

У каждого была своя дорога к мирной жизни, некоторым эту дорогу преодолеть не удалось. Имеющиеся в нашем распоряжении архивные данные позволили восстановить жизненный путь отдельных сотрудников музея, и вот каким он выглядит с точки зрения архивных материалов.

---

[8] *Шутикова Е.С., Шпакова И.Е.* Адресные листки немецкой ортскомендатуры как исторический источник по изучению оккупационного режима в городе Севастополе 1942–1944 годов // Севастополь: взгляд в прошлое: научные статьи сотрудников Государственного архива г. Севастополя. Севастополь, 2006. С. 263–269.

ГРАЖДАНСКАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ В США ВО ВРЕМЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Пучков Владимир Михайлович
(Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова)

Начало Второй мировой войны США встречало с последствиями Великой депрессии, которая привела к серьезным социально-экономическим проблемам. Например, безработица весной 1940 года составляла 7,7 миллиона человек, что составляло почти 6 процентов от всего населения страны и 14 процентов от всего числа рабочей силы. С началом мобилизации на войну безработица снизилась почти вдвое – до 3,4 миллиона осенью 1941 года, затем снизилась до 1,5 миллиона осенью 1942 года, достигнув минимального показателя в 700 000 человек осенью 1944 года[1].

Увеличение производства во время войны создало миллионы новых рабочих мест, в то время как военная мобилизация уменьшила число мужчин трудоспособного возраста, доступных для гражданских работ. Спрос на рабочую силу был велик, поэтому миллионы пенсионеров, домохозяек, студентов, а также людей, задействованных в сфере услуг, пошли работать на производства. Интересным показателем данного процесса является переход магазинов от обслуживания у прилавка к самообслуживанию в связи с сокращением числа продавцов.

В сельском хозяйстве также ощущалась нехватка рабочей силы, хотя большинству фермеров была предоставлена возможность не быть мобилизованными, но большое количество работников переехали в города для работы на фабрике или пошли на фронт добровольцами. Однако в то же время многие сельскохозяйственные товары пользовались повышенным спросом со стороны военных и гражданского населения союзников, что требовало повышения производства сельскохозяйственной продукции. Гражданским лицам было рекомендовано создавать «огороды победы», которые часто создавались во дворах и на участках. Фрукты и овощи, собранные на этих приусадебных участках, по оценкам, составляли 8 200 000–9 100 000 тонн в 1944 году, что равнялось всему коммерческому производству свежих овощей. Также существовала программа Bracero, двухстороннее трудовое соглашение между Мексикой и США, подписан-

[1] *Miller Sally M., Cornford Daniel A.* American Labor in the Era of World War II. Praeger. Westport, 1995.

ное в 1942 году. Около 290000 мексиканских работников были наняты для работы в сельскохозяйственных областях[2]. Более того, в период с 1942 по 1946 год около 425000 итальянских и немецких военнопленных использовались в качестве сельскохозяйственных рабочих, лесорубов и т. п.

Многим штатам пришлось изменить свои законы о детском труде, чтобы позволить подросткам работать на производствах. В период с 1940 по 1944 год число работающих подростков увеличилось на 1,9 миллиона, а число учащихся в государственных средних школах сократилось с 6,6 миллиона в 1940 году до 5,6 миллиона в 1944 году.

Важную роль в обеспечении военной экономики играли военные облигации, которые должны были помочь наладить военное производство. У большинства рабочих был автоматический вычет из заработной платы; вкладчик платил $^3/_4$ номинальной стоимости военной облигации и получал полную номинальную стоимость через определенное количество лет. Это сместило их погашение с военного на послевоенное время и позволило более 40 % ВВП пойти на военные расходы при умеренной инфляции[3]. Американцам было предложено ввести «не менее 10 % от каждой зарплаты в облигации».

Опыт Великой депрессии сделал профсоюзы рабочих значимой величиной во взаимодействии рабочих, бизнесменов и государства. Забастовки могли теперь оказывать влияние не только на работу одного завода, но и на целую индустрию, поэтому 15 декабря 1941 года Исполнительный совет Американской федерации труда единогласно проголосовал за политику отсутствия забастовок в военной промышленности, вскоре после бомбардировки Перл-Харбора. Президент Рузвельт призвал к встрече представителей труда и промышленности для согласования политики взаимодействия, которая «предотвратила бы прерывание производства трудовыми спорами в период войны». Сто профсоюзных лидеров Американской федерации труда распространили политику запрета забастовок на всех своих 5 миллионов членов. Вступление США во Вторую мировую войну принесло почти полное единодушие среди различных группировок американского рабочего движения. Хотя иногда возникали трудовые конфликты, обещанное обязательство не предпринимать забастовки в основном сохранялось на протяжении всего срока. По итогам раундов встреч между владельцами предприятий и рабочими Рузвельт просто принял те пункты, по которым было достигнуто согласие:

Не должно быть никаких забастовок или локаутов.

Все споры разрешаются мирным путем.

Президент должен создать надлежащий совет по военному труду для разрешения этих споров.

---

[2] *Gamboa E.* Mexican Labor & World War II: Braceros in the Pacific Northwest, 1942–1947. 2000.

[3] *Kimble James J.* Mobilizing the Home Front: War Bonds and Domestic Propaganda, Texas A&M University Press, 2006. С. 134.

Вопреки тому, что страна объединилась против Германии и Японии, обещание не бастовать осложнило жизнь профсоюзам. Первоначальный шок от нападения на территорию США, а также ранние военные неудачи союзников показывали необходимость уступок со стороны рабочих. Однако, начиная с 1943 года, когда силы союзников постепенно набирали силу, разногласия лишь нарастали и стали более очевидными.

Несмотря на жалобы членов профсоюза об издержках проводимой политики, профсоюзное движение не отказалось от нее. Однако Объединенные шахтеры, занимавшие изоляционистскую позицию в годы, предшествовавшие войне, и выступавшие против переизбрания Рузвельта в 1940 году, покинули объединенное профсоюзное движение в 1942 году. Шахтеры угрожали многочисленными забастовками, включая успешную 12-дневную забастовку в 1943 году[4].

Все основные союзы укрепились во время войны. Правительство оказывало давление на работодателей, чтобы они признавали профсоюзы, чтобы избежать той бурной борьбы за признание профсоюзов в 1930-х годах. Работодатели давали работникам новые не облагаемые налогом льготы (такие как отпуск, пенсии и медицинское страхование), которые увеличивали реальные доходы, даже когда ставки заработной платы были заморожены. Разница в заработной плате между высококвалифицированными и менее квалифицированными работниками снизилась, и с увеличением сверхурочной работы для наемных рабочих заработки в домохозяйствах рабочих выросли, в то время как наемный средний класс утратил свои позиции. Однако сохранялась дискриминация по признаку пола в промышленности военного времени, которая привлекла большое число женщин на рабочие места, которые были вынуждены вернуться к семейной жизни после войны, когда мужское население вернулось домой. В первые послевоенные годы начались огромные национальные забастовки из-за отложенных требований военного периода.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что данные меры помогли интеграции американской экономики, что помогло быстро перестроить экономику с военной сферы на гражданскую. После того как основные мощности оказались не нужны в таком количестве, произошла массовая переорганизация предприятий. За время войны произошло массовое увеличение рынка рабочей силы, что также оказало заметное влияние на рост экономики, но и привело к новым столкновениям в профсоюзной среде.

---

[4] *Lichtenstein N.* Labor's War at Home: The CIO in World War II. 2003.

КОГНИТИВНЫЕ ПОВОРОТЫ В ИСТОРИИ КАК МАРКЕР ТРАНСФОРМАЦИИ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ В XXI в.

Пучнина Ольга Евгеньевна, к. полит. н.
(Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова)

В начале XXI в. очевидно, что два фактора – глобализация и повсеместное распространение информационных технологий – кардинальным образом изменили и продолжают менять все сферы общественной и личной жизни человека, и процесс этот все более ускоряется. При этом адекватное восприятие и осознание последствий этих изменений и адаптация к ним объективно затруднены все увеличивающимся информационным потоком, а гуманитарное знание, призванное анализировать эти изменения, само находится в процессе трансформации.

Можно отметить как минимум два тесно связанных между собой явления, которые характеризуют современный этап развития гуманитарного знания, – это так называемые мемориальный и рефлексивный повороты. И наиболее заметны эти новые направления в научном поле исторической науки.

С одной стороны, последние 20 лет характеризуются явным всплеском исследовательского интереса к проблемам исторической памяти, взаимосвязи памяти и идентичности, исторической политике, историческим образам, символам и мифам в общественном сознании, механизмам трансляции прошлого в культуре социума[1].

То есть основной упор делается не на исследовании прошлого как такового, что затруднено в силу невозможности непосредственного наблюдения, а на изучении «образа» прошлого, содержания памяти о прошлом, акцентировании внимания к тому, что любое историческое знание актуализируется настоящим и его потребностями.

Такой «мемориальный поворот» в историческом познании отразил логику изменений самого гуманитарного знания, а именно – распространение нового типа рациональности и критериев научности. В противовес классическому типу, который предполагает возможность и необходи-

[1] *Леонтьева О.Б., Репина Л.П.* «Мемориальный поворот» и «история памяти» в России // Историки в поисках новых перспектив. Коллективная монография. М., 2019. С. 274–317.

мость получения «истинного», объективного научного знания, жестко противопоставляет объект и субъект познания, отрицает «субъективность» исследования и воспринимает объект как внешний и статичный, появились новые типы – неклассический и постнеклассический. Их отличает, напротив, принципиальное внимание к субъекту исследования, признание его ценностных и познавательных установок, ориентация на «понимание», а не «объяснение» и провозглашение влияния среды, языка, контекста на содержание, цели и средства познания[2].

Одновременное сосуществование разных исследовательских парадигм привело к переосмыслению функций и задач истории как науки в современном мире и возникновению дискуссии о роли научного сообщества историков в формировании коллективных представлений о прошлом[3] и дискуссии о возможности существования «чистого» знания или всегда политически релевантного, пересечении и границах «истории историков» и «народной» истории, статусе и задачах публичной истории и т. д.

Это привело, в свою очередь, к возникновению целого пласта исследований, посвященных «истории истории», эпистемологическим проблемам бытийствования науки как таковой – рефлексивному повороту в гуманитарном познании. Это отвечает, с одной стороны, объективной потребности самоидентификации истории как дисциплины в стремительно меняющемся мире, с другой стороны, научное сообщество в принципе всегда гораздо больше склонно к рефлексии, в том числе относительно основ и целей своей профессиональной деятельности.

Такая постоянная практика самонаблюдения исследователя за собой – сознательным выбором методологического инструментария, объекта, проблемного разворота, понимания контекста – позволяет избежать, с одной стороны, догматизма, а с другой стороны, окончательного релятивизма в оценках и сомнений в научном статусе истории. Однако это может привести к «проблеме сороконожки» и даже параличу интеллектуальных усилий в условиях понимания поливариативности как инструмента, так и результата.

Таким образом, в истории как науке эти явления заметны в наибольшей степени, однако обозначенные процессы характерны для всего гуманитарного знания. Социология, политология, психология, культурология и другие общественные науки, находясь в общем познавательном пространстве, точно так же обусловлены доминирующим типом исследовательской культуры, зависимы от познавательных и ценностных установок

---

[2] *Воробьева О.В.* Эпистемологические основания и стандарты научности в российских диссертационных исследованиях 1995–2015 гг. // Историки в поисках новых перспектив. Коллективная монография. М., 2019. С. 206–273.

[3] *Репина Л.П.* «Может ли история обойтись без теории?»: вечные вопросы и поиски новаций в историографии // Историки в поисках новых перспектив. Коллективная монография. М., 2019. С. 32–86.

ученого и опосредованы контекстом. В условиях все большего понимания возрастающей сложности мира, общества, человека и принципиальной междисциплинарности проблем и объектов исследования, как никогда возрастает потребность в компетентности, ответственности и открытости профессиональных ученых во всех сферах гуманитарного познания.

ЛИЧНЫЕ ФОНДЫ УЧАСТНИКОВ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (по материалам государственных и муниципальных архивов Удмуртской Республики)

Рамазанова Арина Андреевна
(Центр документации новейшей истории Удмуртской Республики)

В государственных и муниципальных архивах Удмуртии находятся на хранении более 60 личных фондов и коллекций документов участников боевых действий Великой Отечественной войны – ценнейший исторический источник, с помощью которого можно получить описание конкретных деталей, обстоятельств событий войны, услышать голос ушедшей эпохи из первых уст, прочувствовать атмосферу времени.

Важнейшая группа документов личных фондов представлена воспоминаниями участников Великой Отечественной войны. Например, в архиве г. Глазова хранятся воспоминания П.А. Каркина – участника боев за города Волоколамск, Гжатск, Вязьму, Сычевку, Ельню, кавалера ордена Боевого Красного Знамени[1]. Воспоминания интересны тем, что охватывают большой временной период – в них отражена жизнь российской деревни периода Первой мировой войны, события Гражданской и Великой Отечественной войн.

Еще один значимый источник личного происхождения – дневники. В личном фонде почетного гражданина г. Можги, краеведа М.М. Максютина имеются дневниковые записи, сделанные в первый день войны: «22 июня. Полдень. Киев. Весь личный состав собрали во дворе на митинг. Дежурный по полку объявил, что будет срочное правительственное сообщение. Включили громкоговоритель, и мы услышали заявление Наркома Иностранных дел В.М. Молотова. Он сообщил, что в четыре утра германские войска напали на нашу страну, атаковали границу, подвергли бомбежке наши города, в их числе назвал Киев. Сказал, что войну поведем непобедимую Отечественную, за Родину. Призвал к дисциплине, организованности, патриотизму. Командование полка разъяснили: утром

[1] Архивное управление Администрации г. Глазова. Ф. Р-463. Оп. 1. Д. 1.

в Киеве бомбили аэродром, артиллерийскую часть, казармы, завод “Большевик”, служебные и жилые здания, среди них детсад»[2].

В воспоминаниях мы можем найти подробные сведения о ходе боев и сражений, узнать подробности фронтового быта. Например, отрывок из воспоминаний З.И. Торохова рассказывает об устройстве лесных военных лагерей под Москвой: «Наш лагерь был разбит в еловом бору. Балаганный городок был построен в несколько часов. Крыли балаганы лапами ельника. Каждый балаган мог вмещать до 10 человек»[3]. Воспоминания В.П. Потемина рассказывают о боях на подступах к Ленинграду: «Атаки и контратаки следовали одна за другой. Наши солдаты уничтожали врага огнем из винтовок, автоматов, пулеметов, артиллерии, бутылками с горючей смесью, штыком и прикладом, а то и просто сходились в смертельной рукопашной схватке. Не было ни дня, ни ночи, ни тыла, ни окруженных и окружающих, было сплошное поле схваток»[4].

Конечно, следует принимать во внимание и недостатки данной группы источников, а это и неполнота сведений, и субъективность, и ретроспективность. Для получения полной и объективной картины событий важно сопоставлять данные нескольких источников, использовать и данные официальных документов, и статистические сведения, и данные периодической печати, и воспоминания очевидцев событий, письма и фотографии.

Особенный интерес представляют документы, которые напрямую относятся к периоду Великой Отечественной войны: это военные билеты, красноармейские и летные книжки. Отдельную группу источников представляют наградные документы участников боевых действий Великой Отечественной войны: орденские книжки, удостоверения к медалям, наградные листы. В фондах ветеранов также имеется немало грамот, полученных ими в послевоенный период за добросовестный труд и активную общественную работу.

В личных фондах участников Великой Отечественной войны хранятся фотоснимки, представляющие собой ценный и важный исторический источник. Это портреты фондообразователей в военной форме, групповые снимки военнослужащих, боевая техника, сцены фронтового быта, материалы об эвакогоспиталях, снимки встреч ветеранов и фотографии об их послевоенной жизни.

Отдельную группу документов составляют автобиографии участников Великой Отечественной войны. Перед нами предстают жизни простых людей, из которых соткана судьба целой страны. Это выходцы из разных семей, разных социальных кругов: крестьяне и рабочие, врачи и педагоги, партийные работники, музыканты, артисты. Важны также

---

[2] Архивный отдел Управления по обеспечению деятельности Главы, городской Думы, Администрации МО «Город Можга» Аппарата Главы, городской Думы, Администрации МО «Город Можга». Ф. 357. Оп. 1. Д. 51. Л. 63–64.

[3] ЦДНИ УР. Ф. 188. Оп. 1. Д. 14. Л. 128–131.

[4] Там же. Ф. 245. Оп. 1. Д. 1. Л. 9–18.

и документы к биографиям ветеранов, характеризующие их профессиональную деятельность, трудовой путь в послевоенные годы: депутатские и служебные удостоверения, характеристики, грамоты. Биографические документы дают нам возможность проследить судьбы людей, которые своим героизмом и ежедневным тяжелым трудом спасли наш мир от фашистской угрозы. При помощи данных этого вида источников мы можем восстановить коллективный портрет поколения победителей – собрать сведения о социальном происхождении, роде занятий, возрастном и половом составе, образовательном уровне участников боевых действий.

Значительный исследовательский интерес представляют письма, открытки с фронта к членам семьи, близким людям. Важно учитывать, что письма проходили через руки военной цензуры, потому как необходимо было следить, чтобы в них не содержалось сведений, составляющих военную тайну, и информации, деморализующей бойцов фронта и тружеников тыла. И все же фронтовые письма являются, пожалуй, самыми искренними свидетельствами того времени. Ярким примером тому служат короткие, но очень трогательные письма Героя Советского Союза, летчицы Н.З. Ульяненко с фронта своим родным[5]. Она участвовала в боях за Сталинград, освобождение Северного Кавказа, Крыма, Белоруссии, Польши и Восточной Пруссии, дошла с боями до Берлина. В Архивном управлении Администрации г. Глазова имеется личный фонд Н.З. Ульяненко, в котором хранятся фронтовые письма, дневники, фотографии, биографические и наградные документы.

В Архивном отделе администрации МО Воткинского района хранятся фронтовые письма Ф.П. Тукмачева к медсестре М.И. Ивановой – его будущей жене[6]. Они познакомились в госпитале, когда медсестра Вера выхаживала тяжело раненного в боях под Смоленском лейтенанта Ф.П. Тукмачева.

Отдельно хотелось бы отметить редкие, необычные документы, сохранившиеся в личных фондах участников войны. Например, фронтовые стихи историка, заслуженного работника народного образования А.А. Александрова[7], блокнот военного корреспондента С.П. Зубарева с записями о командировках на передовую[8]. Среди документов личного фонда М.С. Спиридонова – ветерана войны и труда, краеведа – имеются рукописная характеристика бетонобойных гаубичных снарядов, чертежи и расчеты к ней[9], а также список личного состава взвода, которым коман-

---

[5] Управление по делам архивов Администрации г. Воткинска. Ф. 423. Оп. 1. Д. 20. Л. 1 об. – 10 об.

[6] Архивный отдел администрации МО «Воткинский район». Ф. 354. Оп. 1. Д. 60.

[7] ЦДНИ УР. Ф. 4994. Оп. 1. Д. 24, 141.

[8] Там же. Ф. 103. Оп. 1. Д. 71. Л. 1–2.

[9] Архивный отдел администрации МО «Малопургинский район» УР. Ф. 177. Оп. 1. Д. 6.

довал лейтенант М.С. Спиридонов[10]. Интересен также фрагмент карты фашистской Германии, которой руководствовалась «ночная ведьма» Н.З. Ульяненко, вылетая на боевые задания[11].

Особая ценность документов личных фондов участников Великой Отечественной войны заключается в силе их эмоционального воздействия на читателя – на живых примерах мы глубже, сильнее можем прочувствовать все ужасы войны. Ведь всем нам важно помнить о страшных трагедиях, которые пережили наши семьи в военные годы, и прилагать все усилия, чтобы это никогда не повторилось. Необходимо хранить эти документы, вводить в научный оборот содержащиеся в них сведения, использовать их в патриотической, воспитательной работе. Это позволит обеспечить сохранение самосознания, культурной идентичности, исторической памяти нашего народа. Наша задача – сберечь истории жизней этих людей – самый честный источник по истории войны, которую сейчас так часто искажают в угоду политической пропаганде.

---

[10] Архивный отдел администрации МО «Малопургинский район» УР. Ф. 177. Оп. 1. Д. 7.

[11] Управление по делам архивов Администрации г. Воткинска. Ф. 423. Оп. 1. Д. 23.

ПРОИЗВОДСТВО ПИСТОЛЕТОВ-ПУЛЕМЕТОВ В МОСКВЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ ПО ПОСТАНОВЛЕНИЯМ ГКО

Ривчак Кирилл Владимирович, к.и.н.
(Музей-панорама «Бородинская битва»)

Оборона Москвы 1941 г. стала одним из ключевых событий Великой Отечественной и Второй мировой войны. Широко известно, что в этот период в столице было налажено производство различного вооружения – в частности пистолетов-пулеметов. Однако конкретные упоминания о таком производстве в исторической литературе отрывочны и неполны.

Большой объем информации о производстве пистолетов-пулеметов содержат постановления Государственного Комитета Обороны. Подлинники постановлений ГКО хранятся в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ)[1]. Электронные копии этих документов находятся в свободном доступе на сайте Федерального архивного агентства России «Документы советской эпохи»[2]. 49 постановлений ГКО так или иначе регулировали производство пистолетов-пулеметов в Москве. Результаты анализа информации этих постановлений изложены автором в отдельной статье[3].

Основополагающими стали постановления ГКО № 946сс от 22 ноября 1941 г. «О производстве пистолетов-пулеметов Шпагина (ППШ) на заводах г. Москвы» и № 1223сс от 30 января 1942 г. «О производстве пистолетов-пулеметов Шпагина в феврале месяце 1942 года»[4]. В постановлениях определены головные и кооперированные предприятия, а также характер и объемы выпускаемой ими продукции. Так, на начало 1942 г. в производство ППШ были кооперированы 82 московских предприятия. С 1943 г. ГКО утверждал список из 20–30 таких предприятий, которые обеспечивались электроэнергией в первую очередь[5].

Постановление ГКО № 1223сс также впервые было специально посвящено производству пистолетов-пулеметов в стране в наступающем

---

[1] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2.

[2] sovdoc.rusarchives.ru

[3] *Ривчак К.В.* «Московская прописка» ППШ и ППС // Московский журнал. 2019. № 12. С. 26–35.

[4] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 26. Л. 86–88; Д. 35. Л. 81–86.

[5] Там же. Д. 35. Л. 88–91; Д. 121. Л. 123 и др.

месяце. С мая 1942 г. по ноябрь 1944 г. такие постановления выходили ежемесячно, в первой половине 1945 г. – ежеквартально.

При организации производства пистолетов-пулеметов Шпагина в Москве его базой стали два предприятия: Автомобильный завод им. Сталина (ЗиС) и Завод счетно-аналитических машин (САМ, затем переданный Наркомату минометного вооружения под № 828)[6]. С февраля 1942 г. подключились еще два головных предприятия: завод № 43 Наркомата авиапромышленности и завод «Искра» Моссовета. На ЗиС планировалась мощность в 1,5 тыс. шт. ППШ в сутки, на САМ – 500 шт., на остальных – по 150 шт.[7]

Летом 1943 г. завод № 828 постепенно перешел на производство пистолета-пулемета Судаева (ППС)[8]. С осени 1943 г. планировалось перевести на производство ППС все остальные московские заводы, но после колебаний на них было полностью сохранено налаженное производство ППШ[9].

Общее количество заводов-производителей ППШ в Советском Союзе за годы войны неоднократно менялось и достигало тринадцати. В Москве находились всего четыре завода, но на их долю стабильно приходилось около половины месячного плана производства ППШ в стране. Из пяти производителей ППС в Москве находился лишь завод № 828. Однако план производства этого завода составлял основную часть общесоюзного количества. В целом месячные планы производства пистолетов-пулеметов в Москве с 14 тыс. шт. в декабре 1941 г. выросли до 50 тыс. шт. в марте 1942 г., а с конца 1942 г. приближались к 100 тыс. шт. Крупнейшим московским производителем оставался ЗиС – на него приходилось две трети плана производства в столице.

Четыре московских головных завода в той или иной степени снабжались деталями с других предприятий. Важнейшей такой деталью был магазин. В постановлениях ГКО о плане выпуска пистолетов-пулеметов вторым пунктом устанавливался также план выпуска магазинов к ним с разверсткой по предприятиям.

Изначально ППШ комплектовались дисковыми магазинами, изготовление которых в Москве было поручено заводу № 509 Наркомата среднего машиностроения[10]. Постановлением ГКО № 1272сс от 12 февраля 1942 г. на вооружение наравне с дисковым был принят взаимозаменяемый коробчатый магазин к ППШ. Производство коробчатых магазинов было организовано на заводе «Красный штамповщик» Моссовета, а позднее и на заводе № 509[11]. Тем не менее в постановлении ГКО № 6152сс указано «производить комплектацию ППШ 70 % круглыми магазинами

---

[6] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 26. Л. 86–88.

[7] Там же. Д. 31. Л. 103; Д. 35. Л. 81.

[8] Там же. Д. 172. Л. 51.

[9] Там же. Д. 172. Л. 52; Д. 176. Л. 67; Д. 220. Л. 170.

[10] Там же. Д. 26. Л. 87.

[11] Там же. Д. 36. Л. 151–152; Д. 150. Л. 22.

и 30 % коробчатыми магазинами»[12]. Изначально коробчатые магазины изготовлялись из стального листа толщиной 0,5 мм и легко деформировались. На заводе № 509 был отработан магазин из стального листа толщиной 1 мм и поставлен во всесоюзное производство постановлением ГКО № 6043сс от 14 июня 1944 г.[13]

В феврале 1942 г. ГКО постановил «прикрепить московские заводы, производящие ППШ, к заводу “Серп и Молот” (Москва), обеспечив снабжение этих заводов металлом требуемой кондиции»[14]. Важнейшей продукцией металлургического завода «Серп и Молот» стали ствольные заготовки. Они поставлялись в основном на Московский инструментальный завод (МИЗ), который изготовлял стволы пистолетов-пулеметов[15].

Ствольные коробки для ППШ изготовлял ЗиС, полностью покрывая потребности остальных головных заводов Москвы[16]. Изготовлением затворов были заняты сразу несколько предприятий: 1-й Государственный подшипниковый завод им. Кагановича (ГПЗ-1), Станкостроительный завод им. Орджоникидзе, Сокольнический вагоноремонтный завод (СВАРЗ) и другие[17].

Затворные коробки изготовляли по меньшей мере два предприятия: Завод автотракторного электрооборудования (АТЭ-1), а также завод «Арматура», затем получивший № 846 Наркомата минометного вооружения. Этим предприятиям посвящено постановление ГКО № 1243сс от 4 февраля 1942 г.: в течение декабря 1941 г. они изготовляли затворные коробки из некондиционной стали, из которых заводы ЗиС и САМ собрали 7605 шт. ППШ «с низкими боевыми качествами»[18].

Пистолеты-пулеметы московских заводов снабжались текстолитовыми амортизаторами производства Карачаровского завода пластмасс[19]. Амортизаторы из пергаментной кожи изготовлял завод «Красный Дубитель», однако его продукция шла непосредственно Наркомату вооружений[20].

Возвратно-боевые и другие пружины к пистолетам-пулеметам, а также пружины к коробчатым магазинам выпускал Завод им. Буденного НКСМ[21]. Ленточные пружины к дисковым магазинам московским заводам поставлял Синарский труболитейный завод (г. Каменск-Уральский)[22].

---

[12] Там же. Д. 350. Л. 46.

[13] Там же. Д. 343. Л. 98, 103.

[14] Там же. Д. 36. Л. 43.

[15] Там же. Д. 114. Л. 91 и др.

[16] Там же. Д. 56. Л. 149 и др.

[17] Там же. Д. 121. Л. 125 и др.

[18] Там же. Д. 36. Л. 41–42.

[19] Там же. Д. 56. Л. 143 и др.

[20] Там же. Д. 65. Л. 160 и др.

[21] Там же. Д. 65. Л. 163 и др.

[22] Там же. Д. 74. Л. 99 и др.

Помимо названных крупных заводов в производство пистолетов-пулеметов были кооперированы десятки небольших московских предприятий, среди которых заводы спортинвентаря, детских колясок, кассовых аппаратов, пишущих машинок, духовых инструментов, а также кроватная фабрика[23]. Эти предприятия изготовляли отдельные, зачастую мелкие детали: намушник, ось целика, спусковой крючок и т. п.; а также принадлежности: масленки, отвертки, шомполы, ремни, сумки для магазинов. Деревообрабатывающие предприятия изготовляли ложи.

Итак, примерно через месяц после организации производства в Москве, к началу января 1942 г. уже были изготовлены тысячи пистолетов-пулеметов. Через два месяца налицо сложившееся производство, в которое были кооперированы десятки предприятий. Кооперация охватывала также другие регионы, причем не только в форме импорта, но и экспорта деталей за пределы Москвы.

Организация производства не была лишена недостатков. Так, на этапе запуска имел место массовый выпуск некачественной продукции. По меньшей мере до 1943 г. ощущалась нехватка стволов. Совершенно не было налажено изготовление пружин для дисковых магазинов. Тем не менее в короткие сроки стратегически важное производство было развернуто не просто в военных условиях, а в непосредственной близости от линии фронта.

---

[23] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 35. Л. 88–91.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ СТАЛИНГРАДА В 1943 ГОДУ

Рыбакова Анастасия Александровна
(Самарский филиал Московского городского педагогического университета)

Проблемы восстановления Сталинграда затрагивались в монографиях и статьях многих авторов. Так, например, Э.В. Кузьмина рассматривала механизмы централизованных поставок и планового распределения материальных, трудовых и финансовых ресурсов; Г.А. Ясковец освещал молодежно-комсомольское и черкасовское движение[1].

Несмотря на большое число исследований, посвященных восстановлению экономики и городского хозяйства на оккупированных территориях и пострадавших от боевых действий, отдельные вопросы нуждаются в дальнейшем изучении. В частности, актуальной проблемой является оценка масштабов разрушений на территории города. На основе выявленных архивных документов проанализирована структура организации восстановительных работ на территории Сталинграда в послевоенный период, изменения его внутригородских объектов после Сталинградской битвы 1943 года.

Исходя из цели исследования, были систематизированы архивные документы Центра документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИВО) и Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), дана оценка уровня выполненных работ и выявлены факторы, замедляющие ход восстановительных работ. Анализ архивных документов позволил сделать вывод о масштабности потерь и разрушений города, проанализировать роль населения в восстановительных работах.

Сталинград представлял собой страшную картину разрушений. Не сохранилось ни одного из 126 предприятий, 48 заводов уничтожено полностью. Заводы «Красный Октябрь», «Баррикады», СТЗ представляли собой разрушенные и пострадавшие от тяжелых боев здания.

---

[1] *Ясковец Г.А.* Черкасовское движение: год первый (из истории добровольного участия жителей Сталинграда в восстановлении родного города в 1943–1945 гг.) // Окончание войны в Сталинграде и Кельне, 1943–1945: мат. науч. конф., Волгоград, апрель 1995 г. Волгоград, 1997.

Началом восстановительных работ послужило постановление городского комитета обороны 25 февраля 1943 года[2], по которому директор завода № 91 А.И. Уфлянд обязывался обеспечить окончание восстановительных работ к 1 июня 1943 года. Но восстановление цехов завода № 91 проходило неудовлетворительно, и об этом свидетельствовал документ Обкома ВКП(б) от 12 апреля 1943 года. Работы велись по суточному графику, который срывался из-за отсутствия квалифицированной рабочей силы, транспорта, стройматериалов и горючего. Для выполнения поставленных задач требовалось 2200 человек рабочих, из них 1200 квалифицированных. К моменту работ имелось уже 1536 рабочих, из них только 396 квалифицированных.

В марте 1943 года рассматривается вопрос о состоянии машиностроительных заводов. 29 марта справочные материалы из обращения секретаря Сталинградского горкома И. Пиксина к жителям города[3] сообщали об общем положении заводов № 221 и СТЗ.

Оценивая состояние заводов, он отмечал, что «все корпуса зданий цехов завода № 221 были сильно повреждены. За время с 5 февраля по 27 марта 1943 года дирекцией и парторганизацией завода была проделана большая работа. Очищена территория завода от трупов, очищено и отремонтировано 500 погонных метров дороги внутри завода.

Завод СТЗ пострадал гораздо сильнее. Имеются цеха, оборудование которых почти полностью подверглось горению. В инструментальном цехе из 187 станков, годных к восстановлению только 12 станков, а 175 станков сгорели»[4].

Метизный завод потерял достаточно большое количество оборудования. Из 620 единиц совершенно невредимыми осталось 39 единиц, повреждены, но подлежат восстановлению 46 единиц, горелых 403 единицы и разрушенных, т. е. негодных к восстановлению, 32 единицы[5].

По состоянию завода Сакко и Ванцетти оборудование в количестве 179 единиц можно восстановить при среднем и капитальном ремонте[6].

Требовалось организовать производство в помещении, требующем только ремонта и восстановления разрушенных частей здания. Была расчищена вся территория завода и цехов от захламленности. Отремонтированы склады для хранения материальных ценностей и столовая на 350 человек.

4 февраля 1943 года[7] был проведен общегородской митинг личного состава частей Красной Армии и трудящихся города. Во всех районах города была возвращена советская власть. В первые же дни было учтено

---

[2] Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИВО). Ф. 171. Оп. 1. Д. 5. Л. 39–40.

[3] Там же. Ф. 71. Оп. 2. Д. 122.

[4] Там же. Л. 11–14.

[5] Там же.

[6] Там же.

[7] Там же.

имеющееся в городе население, которое состояло из 9796 человек. Выявлено около 500 безнадзорных ребят, которым была оказана помощь. «В освобожденных районах приступили к работе 10 начальных школ, 4 неполных средних и 2 средние школы»[8].

Огромную роль по восстановлению города и его промышленности сыграли специально организованные бригады трудящегося населения. 4 апреля выходит постановление Городского Комитета Обороны «О первоочередных мероприятиях по восстановлению хозяйства Сталинграда и области»[9]. Патриотка города, награжденная медалью «За оборону Сталинграда», Александра Максимовна Черкасова, работница детского сада Дзержинского района, стала организатором добровольческой бригады из работниц детского сада, домохозяек. Бригада Черкасовой обратилась с призывом к сталинградцам включиться в восстановление родного города. «Только в июне месяце 1943 года только в 3-х районах города – Тракторозаводском, Краснооктябрьском и Ерманском – было организовано 136 бригад с количеством 1945 человек, в июле 254 бригады – 4315 человек, в августе 261 бригада – 5346 человек»[10].

Добровольческими бригадами была проведена большая работа, в Ерманском районе восстановлена начальная школа на 200 мест; в Дзержинском районе было восстановлено 2 общежития, детские ясли, 3 детских дома; в Краснооктябрьском районе было отстроено 8 квартирных домов, оборудовано 3 класса начальной школы[11].

13 июня 1943 года 19 девушек – участниц Черкасовского движения вышли на восстановление легендарного Дома Павлова. Проводили расчистку завалов и лестничных клеток. Все жители города, примкнувшие к Черкасовскому движению, трудились абсолютно бесплатно. Сами черкасовцы брались за выполнение самых трудоемких дел – расчистку площадок для строителей, разбор завалов, ремонт домов.

В 1943 г. 863 бригады черкасовцев выполнили около половины всего объема восстанавливаемого социально-культурного и жилищно-коммунального строительства: 8 детских садов, 25 школ, 5 больниц, 7 поликлиник, 12 детских яслей, 10 молочных кухонь и консультаций, 7 столовых и т. д.

Наряду со взрослыми на восстановительных работах трудились и дети. Подростки расчищали завалы, таскали мусор, заготавливали кирпич, носили из Волги воду, выполняя тяжелую работу. В марте 1943 года в Сталинграде была восстановлена телефонная и телеграфная связь.

Подводя итог, можно сказать, что разрушения на территории города были колоссальными: почти половина промышленных предприятий была полностью уничтожена, однако те заводы, которые уцелели, требо-

---

[8] Там же. Д. 122. Л. 11–14.

[9] Там же. Ф. 171. Оп. 1. Д. 5.

[10] Там же.

[11] Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 88. Д. 225.

вали капитального ремонта и огромных ресурсов, как человеческих, так и финансовых.

Местное население и организованные бригады на добровольной основе принимали активное участие в восстановительных работах: люди разбирали завалы голыми руками, чтобы расчистить территорию для строительства новых домов. Восстановление двигалось медленно и с огромным трудом. Но постепенно отстраивались и возвращались к работе заводы и предприятия, которые снова снабжали фронт не только необходимой военной, но и мирной продукцией.

МОРИС ТОРЕЗ – БОРЕЦ ЗА МИР, ПРОТИВ ФАШИЗМА И ВОЙНЫ

Савельева Майя Петровна
(Российский государственный архив социально-политической истории)

Морис Торез – выдающийся деятель международного коммунистического и рабочего движения, видный французский политический деятель. Из почти 100 лет существования Французской коммунистической партии он возглавлял ее 34 года – сначала в качестве Генерального секретаря, а затем как Председатель.

В марте 1919 г. он, девятнадцатилетний шахтер, становится членом Социалистической партии Франции и вскоре с частью социалистов участвует в создании Французской коммунистической партии, в которой становится заметной фигурой, а с 1930 г. – генеральным секретарем ЦК ФКП[1].

В 1930-е годы во Франции активизировались фашистские группировки, стремившиеся к власти. Противодействие фашистам становится возможным только при условии формирования широкой коалиции демократических и левых сил, чему активно содействует Торез. «Сопротивление рабочего класса, успехи антифашистского фронта деморализуют самые слабые колеблющиеся элементы фашистского лагеря... эти успехи усиливают противоречия в фашистском лагере», – писал Торез[2]. Он внес огромный вклад в дело мира и независимости народов. Борьба за мир, против сил агрессии и реакции, которую он вел вместе с партией, развивалась на национальной почве, но всегда носила глубоко интернационалистический характер. Дух солидарности со всеми революционными и освободительными силами был внутренне присущ самому характеру М. Тореза, а всякое проявление национальной узости и ограниченности было глубоко чуждо ему.

С 1932 г. происходит сближение коммунистов с правящими левоцентристскими силами. Данный опыт сотрудничества помог им в создании Народного фронта, одержавшего победу на парламентских выборах в 1936 г.[3]

---

[1] Histoire du Parti communiste française. Paris, 1964. P. 54.

[2] РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 73. Д. 31а. Л. 233.

[3] Там же. Ф. 660. Оп. 10. Без указания листов.

Торез заклеймил франкистский мятеж в Испании и активно участвовал в оказании помощи испанским республиканцам. «Дело испанской Республики – это наше собственное дело, это дело Франции, дело свободы и мира», – так выразил он суть позиции ФКП, разоблачая политику «невмешательства», которую точно обозначил как капитуляцию перед фашизмом[4]. Не только данная пассивная позиция правительства Леона Блюма, но и внутрипартийные конфликты вынудили его вскоре уйти в отставку. Но планы крайне правых по приходу к власти были сорваны.

Торез разоблачил попытки правящих кругов Франции и Англии сговориться с гитлеровской Германией и направить ее агрессию против Советского Союза. Он заклеймил Мюнхенский сговор как предательство интересов мира и Франции. В обстановке антисоветской истерии французские коммунисты упорно продолжали борьбу за укрепление сотрудничества и союза между Францией и СССР, видя в нем гарантию мира и безопасности в Европе. «Мы... должны учиться на основе поражений, которые претерпели наши братья в других странах. Нам это нужно для того, чтобы иметь возможность спасать самих себя, для того чтобы французский народ мог избежать варварства и позора фашизма. С другой стороны, чтобы поднять моральное и политическое состояние наших братьев в Германии и Италии и других странах, находящихся под игом фашизма, помочь им свергнуть иго, и таким образом мы поможем им освободить себя от палачей»[5].

В 1939 г. Морис Торез оказался между двух огней. Серьезный удар по репутации партии нанесло подписание Пакта о ненападении между СССР и Германией. Выступая с антифашистских позиций, ФКП не сочла возможным не поддержать в этом вопросе дружественную ей ВКП(б), но подтверждала свою приверженность национальной обороне от нацистского вторжения. Коминтерн объявил войну «империалистической», и лидер французских коммунистов был вынужден подписать письмо с призывом к миру. Это послужило основанием для правительства Франции объявить о запрете ФКП 26 сентября 1939 г. По всей стране начались аресты коммунистов.

Торез иммигрировал в Советский Союз. На родине его обвинили в предательстве и дезертирстве. Он принимал участие в организации французского движения сопротивления, в том числе посредством своих обращений по московскому радио[6]. Подобно набату прозвучал призыв М. Тореза и Ж. Дюкло 10 июля 1940 г. к всенародной борьбе за национальное спасение Франции, против нацизма: «Истекающая кровью Франция хочет жить свободной и независимой... Никогда столь великий народ не будет народом рабов... И лишь вокруг рабочего класса, пламенного и великодушного, полного веры и отваги, потому что ему принадлежит будущее, только вокруг рабочего класса, руководимого коммуни-

---

[4] *Торез М.* Избр. статьи и речи. 1930–1964. М., 1966. С. 241.

[5] РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 73. Д. 31а. С. 209.

[6] Там же. Оп. 270. Д. 82. Ч. I. С. 96.

стической партией, партией чистой совести, чести и героизма, может быть создан фронт свободы, независимости и возрождения Франции»[7]. Торез не раз подчеркивал, что победа над фашизмом стала возможной благодаря Советскому Союзу и его выдающемуся вкладу в общую борьбу. «Октябрьская революция, – говорил он, – спасла Францию и весь мир от фашистского варварства»[8].

В это время генерал Шарль де Голль создавал и вдохновлял организацию «Сражающаяся Франция», призванную к активной борьбе с оккупантами и марионеточным правительством в Виши. Его авторитет был непререкаем. На его фоне и в условиях вынужденного затворничества Торез явно проигрывал де Голлю. Однако он, не теряя присутствия духа, активно инструктировал французских коммунистов в вопросах создания подпольных организации Сопротивления и формирования партизанских отрядов.

Утро 22 июня 1941 г. расставило все по своим местам. Нанеся внезапный удар по СССР, Германия нарушила все действующие договоренности. Французская коммунистическая партия не замедлила выступить с обращением: «Каждый, кто достоин называться французом, отныне должен считать себя союзником СССР. Победа Гитлера над СССР была бы нашим поражением, а каждая победа СССР над Гитлером будет нашей победой»[9].

В годы войны Морис Торез работал в Уфе в Исполкоме Коминтерна. В его обязанности входило написание статей для газеты «Юманите», служившей важнейшим органом партийной пропаганды и нелегально распространявшейся во Франции. Он выступал с обращениями к французам по радио[10]. В 1941 г. подпольная сеть коммунистов активизировалась и стала самым сильным звеном французского Сопротивления. Немало усилий им было потрачено на создание эскадрильи «Нормандия», составленной из французских летчиков[11], хоть отношения между Торезом и пилотами Франции, не забывшими позицию ФКП в начале Второй мировой войны, были непростыми.

Потепление отношений и налаживание взаимодействия между де Голлем и Торезом начались в 1943 г. Чрезмерная зависимость от Лондона и Вашингтона вынудила лидера «Сражающейся Франции» начать активные переговоры с Москвой. Нельзя отрицать, что генерал Шарль де Голль признавал ведущую роль коммунистов в партизанской войне, которая велась в самой Франции[12]. Торез, дипломат по натуре, со своей стороны

---

[7] *Арсеньев Э.* Выдающийся руководитель французских коммунистов // Коммунист. 1980. № 5. С. 115–116.

[8] *Коньо Ж., Жоанес В.* Морис Торез – человек, борец. М., 1975. С. 98.

[9] *Торез М.* Избранные произведения: В 2 т. М., 1959. Т. 1. С. 305.

[10] *Касаткина Г.П.* Морис Торез. Библиографический указатель. М., 1975. С. 116.

[11] *Bulaitis J.* Maurice Thorez: A Biography. London, 2018. P. 412.

[12] *Фревиль Ж.* М. Торез. М., 1961. С. 84.

сдерживал радикальные настроения в ФКП, намерения многих коммунистов совершить социалистическую революцию сразу после изгнания гитлеровцев казались ему слишком радикальными. В 1944 г., после освобождения Парижа, во Франции было создано Временное правительство, во главе которого встал Шарль де Голль. Его решения о помиловании Мориса Тореза, в отношении которого продолжал действовать смертный приговор, и о легализации деятельности Французской коммунистической партии стали одними из первых. В тот же год Морис Торез вернулся на родину, где его ждали еще 20 лет политической карьеры.

Его идеи и борьба оказали глубокое воздействие на рабочее и демократическое движение Франции. До сих пор все французы с уважением произносят имя Тореза, чья жизнь стала вдохновляющим примером страстной борьбы против всякого гнета и несправедливости, за счастье народа, за мир, за победу демократии и социальной справедливости.

РЕЛИГИОЗНАЯ ПОЛИТИКА СССР В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ КОНЦЕПЦИИ «СИМФОНИИ ВЛАСТЕЙ»

Садов Владислав Владимирович
(Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова)

Победа в Великой Отечественной войне стала духовным подвигом народов СССР, совершенным посредством титанического напряжения сил всего населения нашей Родины. Эхо тех событий доносится и до настоящего дня, а их влияние на современную Россию и современный мир колоссально. Одним из них являются изменения в отношениях между советским государством и религиозными организациями, возрождением давней традиции сосуществования церкви и государства – «Симфонии властей». Процесс налаживания диалога начался именно в годы Великой Отечественной войны.

На протяжении длительного времени советская власть, руководимая принципами коммунизма, диктовавшими материальное понимание истории, а также проповедовавшими идеи классовой борьбы, всячески притесняла деятельность каких-либо религиозных кругов, которые воспринимались как реакционные элементы. Изданным 23 января 1918 г. декретом «О свободе совести, церковных и религиозных обществах» религиозные организации отделялись от государства и лишались статуса юридических лиц, что сильно затрудняло их деятельность. К примеру, здания и предметы богослужения могли быть получены только при разрешении властей при условии, что договаривающейся стороной являлась группа мирян, а не духовенство[1]. В постановлении «О религиозных объединениях» от 8 апреля 1929 г. требования ужесточались: все религиозные общества (от 20 совершеннолетних, имеющих право голосовать человек) и религиозные группы (менее 20 человек) должны были зарегистрироваться в органах государственной власти, при этом религиозная деятельность ограничивалась стенами храма по месту регистрации духовного лица, за исключением посещения больных и умирающих, запрещалась благотворительность, молитвенное здание могло быть изъято контролирующим органом[2], священнослужители облагались непосильными налогами – по-

[1] Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 373.

[2] Русская православная церковь и коммунистическое государство. 1917–1941: Документы и фотоматериалы. М., 1996. С. 250–261.

доходным в виде 81 % от дохода, за непризываемость на военную службу, за неучастие в выборах и т. д.[3] В Конституции 1929 г. провозглашалась «свобода религиозных исповеданий и антирелигиозной пропаганды»[4], что означало запрет прозелитизма и поощрение атеистической деятельности и ущемляло религиозные организации. Надзор же за церковными организациями во многом оставался за НКВД[5]. Это вело к распространению среди религиозного населения антисоветских настроений.

Однако в условиях войны подобное положение дел вело к дестабилизации общества: это могло быть использовано и активно использовалось нацистской Германией в военной кампании. Сперва в «12 заповедях поведения немцев на востоке и их обращения с русскими» утверждалось, что разрешение религиозного вопроса не входит в круг задач[6]. Однако вскоре ситуация изменилась, и уже в апреле 1942 г. Гитлер заявил, что «...в наших интересах, чтобы в каждой деревне была своя секта... Это усилит разъединение в русском пространстве»[7]. На оккупированных территориях вновь открывались закрытые большевиками храмы всяческих конфессий (кроме иудейской), разрешались литургия, подготовка новых кадров, сближение церкви и школ, а также печать религиозной литературы[8]. Надо при этом отметить, что к РПЦ немцы относились с предосторожностью, видя в ней угрозу[9]. Данная политика Германии сопровождалась пропагандистской деятельностью как на территории Советского Союза, уже находящейся под контролем немецкой армии, так и на приграничной, еще свободной земле.

В таких условиях Советская власть должна была оказаться в невыгодном положении: кроме непосредственных военных действий, шпионажа и саботажа, противник вел и пропагандистскую деятельность, в том числе и религиозную, с целью расколоть общество СССР. В таком случае для выживания необходимо было либо усилить репрессии против религиозных организаций, что требовало привлечения новых, и без того стремительно сокращающихся ресурсов, либо отступиться от ате-

---

[3] Государственный архив Российской Федерации. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 302. Л. 3.

[4] Русская Православная Церковь и право: комментарий // отв. ред. М.И. Ильичев. М. 1990. С. 35.

[5] Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 32. Л. 16.

[6] Двенадцать заповедей поведения немцев на Востоке // Военно-исторический журнал. 1991. № 8. С. 10–11.

[7] *Кондакова Н.И.* Церковь в условиях Великой Отечественной войны // Религиозные организации Советского Союза в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг.: материалы круглого стола, посвященного 50-летию Победы (13 апреля 1995 г.). М., 1995. С. 15.

[8] *Журавлев Е.И.* Коллаборационизм, немецкий «Новый порядок» и религиозный вопрос на юге России в годы оккупации (1942–1943 гг.) // Вестник СПбГУ. Серия 2. История. 2009. С. 135–141.

[9] См. *Регельсон Л.* Трагедия русской церкви. 1917–1945. Париж, 1977. С. 508.

истической политики, которая проводилась на протяжении последних двадцати лет.

После первых, самых тяжких двух лет войны бездействия в области религиозной политики, Советская власть пошла на сближение с РПЦ. Данный выбор во многом был предопределен главами и представителями конфессий СССР еще в первые годы войны – иерархи РПЦ, видные деятели ислама, древлеправославной церкви, иудаизма и протестантских конфессий выступили с призывами противостоять немецким захватчикам, даже если для этого требуется забыть обиды, нанесенные большевиками[10]. В ночь с 4 на 5 сентября 1943 г. состоялась встреча между И. Сталиным и митрополитом Московским и Коломенским, Местоблюстителем патриаршего престола Сергием (Страгородским), результатом которой стало разрешение на восстановление многих церковных институтов, в том числе Патриаршества[11]. Был создан Совет по делам РПЦ, с которым должны были координироваться все мероприятия, связанные с религиозной политикой, а также изменен ряд нормативно-правовых документов[12].

Со своей стороны РПЦ (как и иные конфессии СССР) оказывала посильную помощь фронту: от теплых вещей до сбора средств на строительство танковой колонны имени Дмитрия Донского и эскадрильи Александра Невского[13]. После завершения войны из средств РПЦ создавался фонд, направленный на поддержание семей погибших фронтовиков. К примеру, за второй квартал 1945 г. было пожертвовано 67 150 руб. и еще 62 235 руб. облигациями гос. займа[14]. Кроме того, РПЦ проводила патриотическую деятельность, направленную на моральную поддержку населения, агитировала население всячески сотрудничать с советской властью, воодушевляла армию и морально обосновывала необходимость ведения оборонительной войны против сил немецких войск.

Деятельность РПЦ саботировала попытки Германии расколоть российское общество, прошедшее через антирелигиозную политику СССР, в том числе ведя активный диалог с иными конфессиями и течениями в христианстве. Наиболее ярко это выразилось в ликвидации греко-католической унии на западе Украины. При этом РПЦ не стремилась вернуть свои дореволюционные позиции, видимо, считая, что отделение церкви

---

[10] *См. Ахмедов Р.М.* Особенности государственно-конфессиональной политики Советского государства в период Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы (1941–1950 гг.) // Вестник экономической безопасности. 2010. № 5. С. 9–13; *Васильева С.В.* Изменение государственной политики в отношении древлеправославной церкви в условиях Великой Отечественной войны // Вестник БГУ. 2015. № 7. С. 7–13.

[11] *Поспеловский Д.В.* Русская православная церковь в XX в. М., 2005. С. 540.

[12] *См.* ГАРБ. Ф. 1857. Оп 1. Д. 19. Л. 4; Ф. П-248. Оп. 1. Д. 19. Л. 4.

[13] *Македонская В.А., Швец Т.Д., Макинина Н.П.* Патриотическая деятельность Русской Православной Церкви в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 // Евразийский Союз Ученых. 2015. № 4–10 (13).

[14] Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 25. Л. 152.

от государства наиболее соответствуют традиционной системе отношений церкви и государства.

Таким образом, можно утверждать, что и в период Великой Отечественной войны изменение политики Советской власти по отношению к религиозным организациям является проявлением традиционной для России модели «Симфонии властей», обеспечивавшей политическую устойчивость российского государства на протяжении всей его истории. РПЦ вносила свою лепту в общую победу всего советского народа, избегая вмешательства в политическую сферу и ожидая дальнейших улучшений в отношениях с государством. Советская власть, в свою очередь, в будущем хоть и вернется к антирелигиозной пропаганде, не будет нарушать новые установленные границы между церковью и государством.

«ВСЕ ЗНАКОМЫЕ СУЩЕСТВУЮТ ПОНЕМНОГУ И МЕЧТАЮТ О ВСЯКИХ ЗЕМНЫХ БЛАГАХ»
(новые письма военных лет в АРАН)

Селиванова Ольга Владимировна, к.и.н.
(Архив Российской академии наук)

В 2019 г. Архив РАН принял на хранение документы академика А.И. Шальникова[1] от его дочери Н.А. Шальниковой и внучки Е.В. Корнеевой[2]. Помимо биографических и деловых документов был сдан большой корпус переписки членов семьи академика, эвакуированных в годы войны из Москвы[3].

В свете антропологизации науки и с появлением в историографии новых направлений, изучающих сознание и поведение человека на фронте и в тылу, возникает потребность в соответствующих источниках. Введение в научный оборот новых писем как вида эго-документа отвечает этим задачам. В переписке военных лет находит отражение и личное – то, как справлялись с тяготами авторы писем, и социальное – то, как изменилась жизнь советских людей в целом.

В тяжелое время частые письма (на данный момент атрибутировано 505 документов с июля 1941 по август 1943 г., т. е. в среднем 1 письмо в 4 дня) связывали семью как некий ритуал; это было не только возможностью узнать обстоятельства жизни, бытовые моменты, но и вообще свидетельством того, что человек еще жив. Почти каждое письмо содержит приветы всем близким и друзьям, с кем общались в довоенной жизни[4], – как некое выражение памяти о мирном времени и, возможно, надежды на то, что однажды снова все встретятся. Характерна в этом отношении фраза

---

[1] Шальников Александр Иосифович (1905–1986) – специалист в области физики твердого тела и физики низких температур, академик АН СССР (1979).

[2] Фонд ученого (№ 2046) был сформирован в 1994 г.; документы, переданные в 2019 г., стали дополнением.

[3] В основном это Ольга Григорьевна Кваша (жена А.И. Шальникова), ее мать Прасковья Сергеевна Полубояринова, Наталия Шальникова (дочь А.И. Шальникова), уехавшие в 1941 г. в эвакуацию в Казань, и ее сестра Лидия Григорьевна Кваша (геолог, ученица ак. А.Н. Заварицкого), направленная в Миасс.

[4] Упоминаются семьи физиков Я.И. Френкеля, Е.М. Лифшица, П.Л. Капицы, Э.Л. Андроникашвили, геологов А.Н. Заварицкого и А.Г. Бетехтина.

Е.К. Березовской[5] из письма А.И. Шальникову от 26.09.1942: «Как будто заглянула на Банковскую, 8, и одним глазком взглянула на вас всех... пригласила бы в гости “к Лифшицам”».

Общее горе сплотило советских людей, вызвало в тыловиках готовность трудиться не покладая рук во имя победы. Но, видимо, тяжелый труд одновременно становился отдушиной, которая помогала забыть об общем горе, о близких на фронте, о нелегких бытовых условиях[6]. На фронте, особенно в первые годы войны, также был подъем патриотизма и желания трудиться: «...сил почему-то очень много здесь. За пять месяцев ни разу не чувствовала усталости. Всегда кажется, что работы, как ее ни много, мало» (26.09.1942, в/ч С.Г. 4495).

Исследования показывают, что в письмах и фронтовиков, и тыловиков преобладало описание быта: устройство жилья, распорядок дня, еда, денежные вопросы, состояние одежды и обуви, досуг, описания погоды, местности; затем рассказы об окружающих. Безусловно, тот факт, что авторами представляемых писем, как уже говорилось выше, в основном были мама и дочери, обусловил сугубо бытовой характер тем; преимущественно сообщаются подробности повседневной жизни. Так, после переезда в Казань П.С. Полубояринова пишет Лидии: «Мы, кажется, остаемся в общежитии, устроились неплохо (исключая уборные), имеем семь новых кроватей с матрацами, стол, и Оля купила две табуретки. Вот все в комнате. Жалеем, что не взяли электрического утюга и чайника... все бы было неплохо, да немного голодно, денег мало, а здесь неимоверно жить сейчас дорого. Сахара мы и по дорогой цене не имеем, для детей и Шуры это лишение. Но что поделать, утешаемся тем, что много сахара ели раньше» (09.09.1941, Казань). Карточная система, нехватка продовольствия обесценили деньги; распространился обмен. В письмах часты упоминания о том, как удалось достать молока, выменять чулки, получить за ставшее ненужным нарядное платье теплую обувь; вожделенным было мыло. Участники переписки, понимая мелочность этих проблем, все же отмечали, что это становилось наиболее насущным. Нередкой была информация о денежных переводах[7]. Реалии жизни военных лет, например военная цензура, нашли отражение даже в письме ребенка[8].

---

[5] Березовская Елена Константиновна (1916–1993) – жена ак. Е.М. Лифшица. Служила (1941–1946) военврачом. До войны Лифшицы жили в одном доме с Шальниковыми на территории Института физических проблем.

[6] «Все знакомые существуют понемногу и мечтают о всяких земных благах. Работаем мы много – единственная радость и утешение» (19.3.42, Казань).

[7] «...500 р., даже 1000 р. уже получила... спасают всегда в очень трудную минуту» (23.08.42, Казань). Так, на рынке 1 кг картофеля стоил 25 р., говядины – 280 р.

[8] «Военной цензуре (лично). Военная цензура, пожалуйста, не выбрасывайте эту карточку. Я шлю своей Лиде. Большая это я, маленькая моя сестренка Таня, а меня звать Наташа. Вот» (12.5.42, Казань).

Со временем, конечно, в письмах прослеживается усиливающаяся усталость от тяжелого труда, нехватки продуктов[9] и вещей[10], усугубляющаяся зимой[11]. Сказывается специфика проживания большого количества людей в одной комнате[12], приводившая и к частым болезням, и неизбежным ссорам[13], но не раз после описания ссоры сам автор пишет: «Перемелется – мука будет». Часты переживания от отсутствия сведений о близких.

Вопреки этому, авторы писем стараются увидеть что-то хорошее, радуются наступающему теплу, весточке от родных, возможности передать посылку, урожаю картофеля в 8 пудов, интересным событиям[14]. Тем не менее иногда такие события вызывают у самого автора некоторое недоумение[15] или даже стыд[16]. С одной стороны, явно видно, что жизнь, несмотря ни на что, продолжается – письма частые, в целом тон бодрый; с другой – переживания от неизбежных смертей друзей, но это было нередким явлением, и в письмах уже сквозит смирение[17].

В письмах часты упоминания передачи посылок, писем, нередко даже малознакомыми людьми – никто не отказывал. И в этой детали – свидетельство той связи, которая объединяла народ. Е.К. Березовская так пишет об этом: «...письма, забота близких, друзей... во всех, начиная от генералов и кончая рядовыми бойцами, поднимает дух и дает много сил. Возможно, от этой большой любви часто раньше считавшихся чужими друг для друга людей, выражавшейся в письмах, приветах (памяти), подарках (я была тронута подарком мне, например – кусочком туалетного мыла и платочком, вышитым девочкой Таней из Омска с надписью «Будь

---

[9] Тем показательнее факт, что постоянно сдавали кровь, несмотря на недоедание.

[10] «...все чулки мы забыли в Москве, а здесь купить не удается» (1.1.1942, Казань).

[11] «У нас в комнате 6–8 гр[адусов], окна замерзли» (19.1.1942, Казань).

[12] Средняя норма на человека составляла около 3 кв. м.

[13] «Страшно враждует и остро ненавидит... ссорятся ужасно» (19.3.1942, Казань).

[14] «...открылась медная конференция, на которой мне очень хотелось быть... дали пропуск в столовую, на улучшенное питание, и мы за эту неделю как в санатории... много кекса и белого хлеба» (29.5.42, Свердловск).

[15] «Новый год... как ни удивительно, люди устраивали «встречу», танцевали и т. д. Наше общежитие чуть не до утра веселилось. Мне казалась просто нелепой даже мысль об этом веселье, но, очевидно, люди не могут жить без радости и должны сами себя веселить» (1.1.1942, Казань).

[16] «...теперь я ежедневно в 7 ч. утра иду купаться на озеро. Мне даже стыдно, что в такое время я испытываю такое удовольствие» (7.8.1942, Миасс).

[17] «Многое пришлось пережить... одно горе сглаживает другое, и все чувства притупились» (24.8.42, Борисоглебск).

«...умер Алеша... более печального быть ничего не может, и только мы, ставшие совершенно бесчувственными и окаменевшими, можем все пережить» (12.08.1943, Казань).

жив и здоров»), от любви людей, не хотящих, чтобы ими правили фашистские варвары, в значительной мере будет зависеть наш успех в деле победы» (26.9.42, в/ч С.Г. 4495).

Подводя итог вышесказанному, стоит отметить, что письма семьи А.И. Шальникова представляют несомненный интерес для изучения истории повседневности в тылу и, безусловно, заслуживают введения в научный оборот.

ИССЛЕДОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ТВОРЧЕСТВЕ Ф.М. БУРЛАЦКОГО

Соболев Владимир Андреевич, к. полит. н.
(Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова)

Современные отечественные исследования феномена *политической культуры*[1] опираются на работы не только зарубежных политологов, но и советских ученых. В отечественной науке предпринималось немало попыток определить содержание понятия «политическая культура».

Ф.М. Бурлацкий[2] предложил следующую трактовку понятия «политическая культура». *Политическая культура* – «институционализированный и неинституционализированный исторический и социальный опыт национальной или наднациональной общности, оказывающий большее или меньшее воздействие на формирование политической ориентации и политического поведения индивидов, малых или больших со-

[1] См.: *Пивоваров Ю.С.* Политическая культура. Методологический очерк. М.: ИНИОН, 1996. 80 с.; *Ширинянц А.А., Ширинянц С.А.* Российская интеллигенция на рубеже веков: заметки о политической культуре. М.: Издательство Московского университета, 1997. 160 с.; *Ширинянц А.А.* Вне власти и народа. Политическая культура интеллигенции России XIX – начала XX века. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2002. 360 с.; *Гаман-Голутвина О.В.* Развитие категории «политическая культура» в общественно-политической мысли // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2005. № 2. С. 39–49; *Гуторов В.А.* Политическая культура и политическая власть в эпоху глобализации // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2006. Т. 2. № 4. С. 63–74; *Ширинянц А.А.* Нигилизм или консерватизм? (Русская интеллигенция в истории политики и мысли). М.: Издательство Московского университета, 2011. С. 19–56; и др.

[2] Подробнее об идейно-политическом наследии Ф.М. Бурлацкого см.: *Соболев В.А.* Значение Ф.М. Бурлацкого для становления и развития политической науки в России // Русская политология. 2018. № 1 (6). С. 152–158; *Соболев В.А.* Ф.М. Бурлацкий (1927–2014): Жизнь и труды. Становление политической науки в СССР. М.: Издательство Московского университета, 2019. 224 с.; *Соболев В.А., Ширинянц А.А.* Ф.М. Бурлацкий и становление политической науки в СССР // Политическая наука. 2016. № S. С. 25–42; *Шестопал Е.Б., Шутов А.Ю.* Памяти Ф.М. Бурлацкого (1927–2014) // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2014. № 3. С. 124–127; *Sobolev V.A.* F.M. Burlatsky about development of political science in the USSR // Russian Political Science. 2019. № 1 (10). P. 12–17.

циальных групп»[3]. Он подчеркивал, что политическая культура – это «зафиксированный опыт как общества в целом, так и его отдельных классов и слоев»[4]. Данный опыт включает в себя сферу отношений с «внешней средой, с другими народами, перипетии внутриполитической и социальной борьбы, последствия побед и поражений»[5].

На формирование, развитие и смену политических культур влияет множество факторов. Среди них можно назвать революции. Ведь именно они порождают «встряску, вследствие которой устойчивые системы политических обычаев, установок, ориентаций и норм поведения приходят в движение, трансформируются, распадаются или заменяются другими»[6]. Поэтому чем глубже социальный переворот, чем продолжительнее его последствия, тем «сильнее воздействие, оказываемое им на политическую культуру, нередко даже за территориальными рамками, которыми он ограничен»[7].

На политическую культуру оказывает воздействие характер внешней политики государства, а именно «степень безопасности от угрозы нашествий, опыт общения с соседними народами, интенсивность включенности в систему международного товарообмена»[8]. Существование постоянной угрозы вторжения способствует «формированию одного отношения к институтам власти и связанным с ними структурам, отсутствие такой угрозы – совсем другого отношения. Традиции завоевательной политики формируют политическую культуру в одном направлении, традиции миролюбивой политики – в другом и т. д.»[9].

В качестве третьего фактора можно назвать войны: «Чем более глубинные слои затрагивает война, чем более важные общественные интересы она задевает, тем значительнее ее отрицательные или положительные последствия для развития политической культуры. Особенно велико поэтому, как правило, позитивное воздействие, которое оказывают на политическую культуру освободительные войны»[10].

Кроме того, важными факторами являются как «степень остроты текущей социальной и политической конфронтации, так и зафиксированные в общественной памяти наиболее типичные формы ее протекания. Если по тем или иным причинам социальная и политическая конфронтация, являющаяся неотъемлемой чертой антагонистического общества, протекает в особо острых формах, они запечатлеваются в политической культуре как наиболее естественный метод решения общественных

---

[3] *Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А.* Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма. М.: Мысль, 1985. С. 197–198.

[4] Там же. С. 198.

[5] Там же.

[6] Там же. С. 203.

[7] Там же.

[8] Там же. С. 204.

[9] Там же.

[10] Там же.

противоречий»[11]. Тем не менее, когда в политической истории преобладали «компромиссные варианты решения политических споров, тенденция политической культуры к компромиссу проявляется значительно сильнее»[12]. Но это не означает, что политическая культура «сама по себе определяет характер и формы социальных столкновений в любых условиях и на любом этапе. Их характер и формы зависят от множества иных обстоятельств»[13]. Однако политическая культура может «вносить коррективы в развитие событий, обостряя или смягчая его»[14].

Формирование, развитие и изменение *политической культуры* во многом зависят от ее взаимоотношений с *политической системой*: «С одной стороны, политическая система является порождением определенной политической культуры; с другой – на базе одной и той же политической культуры могут возникать и эффективно действовать различные модели политической системы, в том числе и существенно отличающиеся друг от друга»[15].

Относительная независимость политической системы от политической культуры обеспечивается нормативными установлениями и институциональной структурой. Это таит опасность возникновения разрыва между ними. В случае возникновения между ними заметного разрыва политическая система стремится его ликвидировать, стараясь модифицировать политическую культуру, «препятствуя реализации тех или иных образцов поведения, навязывая составляющим общество социальным группам новые ценности и образцы поведения, выгодные для господствующего класса. Обычно это удается лишь частично, ибо политическая культура, обладая значительным запасом прочности, оказывает сопротивление подобным усилиям и стремится по возможности приспособить политическую систему к существующим структурам политической культуры»[16].

Воздействие факторов, влияющих на динамику политической культуры и обеспечивающих ее развитие, однако, не может «поколебать относительную устойчивость, представляющую собой одну из самых важных характеристик этой наименее динамичной части системы категорий, описывающих политические процессы, институты, нормы и т. д. Основу подобной устойчивости образуют механизмы межгенерационной преемственности»[17]. Данные механизмы могут быть разделены на: первичную политическую социализацию и вторичную.

При этом, отмечает Ф.М. Бурлацкий, для существенного изменения политической культуры недостаточно отдельных преобразований в бази-

---

[11] Там же. С. 204.

[12] Там же.

[13] Там же. С. 205.

[14] Там же.

[15] Там же.

[16] Там же. С. 205–206.

[17] Там же. С. 206.

се или надстройке. Необходимым условием таких преобразований является «аккумуляция изменений, создающая силу, способную преодолеть мощные психологические барьеры»[18]. Поэтому так актуальна проблема соотношения микро- и макроуровня в исследованиях политических культур, а также связей и взаимодействия между ними. Решение этой проблемы предполагает поиск ответов на следующие вопросы: «1) как политическая культура влияет на процессы первичной и вторичной политической социализации личности; 2) как осуществляется слияние личностных ориентаций в политическую культуру»[19].

Политическая культура, подчеркивает Ф.М. Бурлацкий, *неоднородна внутри себя*. Поэтому необходимо выявить порождающие неоднородность причины. Определяющими причинами являются «объективная социальная полярность и неоднородность... общества. Порождая широкий разброс потребностей и интересов, такая гетерогенность приводит прежде всего к тому, что даже общий исторический опыт, будучи пропущенным через их призму, получает различную, а иногда и противоположную трактовку, а следовательно, по-разному формирует элементы политической культуры»[20].

В итоге на основе проведенного анализа Ф.М. Бурлацкий сформулировал базовую типологическую модель политических культур, основанную на разделении общества по уровню социального развития. Он выделил следующие ее типы:

а) архаическая политическая культура;

б) элитарная политическая культура;

в) представительская политическая культура;

г) политическая культура высокой гражданственности (коммунистическая).

Таким образом, Ф.М. Бурлацкий на основе историко-сравнительного анализа политических систем США, Великобритании и ФРГ с учетом их традиций и особенностей культурного развития разработал оригинальный подход к феномену политической культуры. Он одним из первых в советском обществознании исследовал политическую культуру в качестве компонента политической системы общества и отнес ее к социально-психологическим явлениям, так как она формирует политическое поведение и основывается на социально-политическом опыте общества.

---

[18] *Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А.* Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма. С. 207.

[19] Там же.

[20] Там же. С. 209.

КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМ В ВИННИЦКОЙ ОБЛАСТИ В ПЕРИОД ОККУПАЦИИ (1941–1944 гг.)

Солодовникова Елизавета Андреевна
(НИУ «Высшая школа экономики»)

Вторая мировая война радикально изменила социальные иерархии в советском обществе. Именно поэтому события военного времени – в том числе феномен коллаборационизма на советских оккупированных территориях – долгие годы остаются в центре внимания исследователей. Некоторые важные темы внутри истории коллаборационизма, особенно связанные с поведением людей, их мотивами и переживаниями, могут быть проанализированы только посредством изучения микроистории. Без изучения истории отдельных людей в конкретных регионах невозможно полное представление о поведении местного населения на оккупированных советских территориях.

Винницкая область была выбрана не случайно. В годы Второй мировой войны эта часть Украины граничила с Румынией, которая выступила на стороне стран Оси. Данный регион находился под румынско-немецкой оккупацией с 1941 по 1944 г., т. е. довольно длительный срок в сравнении с другими регионами. Это позволяет проследить во временном пространстве, как изменялись формы сотрудничества местных жителей с оккупантами, какие мотивы были важны для людей в разные периоды оккупации, каким образом положение на фронте влияло на это. Важна и предвоенная история области – голод и репрессии 1930-х гг. настроили значительную часть населения против советской власти. Все вместе это дает картину оккупированной советской территории, на примере которой можно изучить как общие процессы, связанные с коллаборационизмом, так и выделить особенности, характерные именно для Винницкой области.

Проблеме коллаборационизма на Украине уже были посвящены не так давно появившиеся исследования[1]. Тем не менее вопрос о коллаборационизме, долгое время остававшийся табуированной темой в отечественной историографической традиции, еще не изучен во всей полноте. Зарубежная историография более обширна[2], однако в некоторых работах

[1] См.: *Семиряга М.И.* Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., 2000; *Ковалев Б.Н.* Нацистская оккупация и коллаборационизм в России, 1941–1944. М., 2004.

[2] См.: *Dean M.* Collaboration in the Holocaust. Crimes of the Local Police in Belorussia and Ukraine, 1941–1944. London, 2000; *Weiner A.* Making sense of war: the

тема коллаборационизма поднималась лишь вскользь, являясь частью масштабных исследований, посвященных оккупационному периоду в Украинской ССР[3]. В связи с этим в настоящее время не все аспекты, связанные с локальной историей коллаборационизма, были освещены в историографии.

Основными источниками для доклада стали документы, опубликованные в сборнике «Жизнь в оккупации. Винницкая область 1941–1944 гг.»[4]. Большинство из них взяты из Государственного архива Винницкой области, а также из центральных украинских архивов. Часть примеров, иллюстрирующих тезисы доклада, взята из рассказов и воспоминаний местного еврейского населения. Рассказы были созданы евреями в Винницкой области сразу после ее освобождения в 1944 г., а воспоминания позже – в 1993–1994 гг.

Другую группу материалов составляют документы, взятые из фондов низовых органов управления, предприятий и учреждений, функционировавших в период оккупации. Докладные записки, директивы, приказы и распоряжения представителей оккупационной администрации позволяют проанализировать настроения населения и его отношение к оккупантам, а также позволяют понять характер взаимоотношений оккупантов с населением.

Важными источниками для доклада также стали многочисленные заявления граждан в сельские и районные управы; отдельную категорию обращений составляют жалобы на представителей сельской администрации и местной полиции. Для понимания настроений населения, а также причин коллаборационизма были важны материалы газеты «Винницкие вести». Также были использованы документы Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков.

Рассматривая случаи коллаборационизма, стоит отметить, что сотрудничество с оккупантами не всегда было добровольным и принимало множество форм. Мы постарались выяснить, какие существовали причины сотрудничества с оккупантами и в чем оно выражалось.

В воспоминаниях евреев, переживших оккупацию, содержатся описания случаев коллаборационизма. Е. Лаврова вспоминала, как ее сосед, В.А. Куливеприк, помогавший вначале прятаться ее семье от артобстрелов, затем был назначен бургомистром г. Бар и «хвастливо показал... бумагу о своем назначении»[5]. Судя по дальнейшим воспоминаниям, Ку-

---

Second World War and the fate of the Bolshevik Revolution. Princeton, 2002; *Lower W.* Nazi Empire-Building and the Holocaust in Ukraine. Chapel Hill, 2005; *Brandon R., Lower W.* The Shoah in Ukraine: History, Testimony. Bloomington, 2010.

[3] См.: *Kosyk W.* The Third Reich and Ukraine. New York, 1993; *Boshyk Yu.* Ukraine During World War II. History and its Aftermath. Edmonton, 1986.

[4] *Васильев В.Ю., Подкур Р.Ю.* Жизнь в оккупации. Винницкая область 1941–1944 гг. М., 2010.

[5] *Васильев В.Ю., Подкур Р.Ю.* Указ. соч. С. 272–273. № 97.

ливеприк участвовал в грабежах евреев. В данном случае сыграли роль личные мотивы: как желание обогащения, так и стремление выжить, заняв сторону оккупантов. Стремление выжить было, как нам кажется, определяющим фактором в сотрудничестве с оккупантами, без этого шансы жителей на выживание значительно снижались. Это могла быть ярко выраженная позиция сотрудничества в случае Куливеприка или же лишь выполнение приказов.

Различные виды сотрудничества местных жителей с немецкой стороной появились с начала оккупации: в октябре 1941 г. были открыты курсы немецкого языка дирекцией сахаротреста. Газета «Винницкие вести», в которой была опубликована информация о курсах, призывала и другие организации присоединиться к этому «инициативному началу»[6]. Стремление по-новому обустроить свою жизнь с учетом оккупации было одной из наиболее встречаемых форм коллаборационизма, хотя довольно часто такие действия и не подразумеваются под этим термином. Сужение этого термина лишь до активного сотрудничества, обусловленного убеждениями и идеалами, кажется неактуальным, поскольку это в значительной степени упрощает картину жизни в оккупации.

Особой группой среди коллаборационистов являются украинские националисты (ОУН). Лаврова вспоминала, что через несколько дней после начала оккупации в город вошли бандеровцы и мельниковцы, кричавшие: *«Німці нам визволили Україну!»*. Они же призывали бить евреев, Лаврова писала, что видела, как один из них избил еврея-старика[7].

Немецкие оккупанты относились к националистам в целом так же, как и к остальным местным жителям. Более того, лозунги об освобождении Украины им скорее мешали, нежели помогали. Тем не менее оккупанты никогда и не отвергали националистов полностью.

Украинские националисты с первых дней оккупации Винницкой области стремились захватить ключевые управленческие посты. Их силами была создана народная милиция в различных районах области[8]. Многие из них злоупотребляли своей властью, грабя население, на что нередко жаловались жители в своих заявлениях[9].

Таким образом, в вопросе коллаборационизма особенностью Винницкой области являлось националистически настроенное население, стремившееся путем коллаборационизма достичь своих целей. Несмотря на то что националисты все же не составляли абсолютного большинства среди населения, тем не менее это была одна из наиболее активных группировок среди коллаборационистов. В украинском коллаборационизме стремление выжить и стремление «отомстить» советской стороне за довоенную политику были равноценны, что видно из документов, содержащих антисоветскую пропаганду.

---

[6] Там же. С. 521–522. № 206.

[7] Там же. С. 272. № 97.

[8] Там же. С. 148–149. №. 21, 22.

[9] Там же. С. 158–159, 163–164, 174–176. № 28, 33, 41.

Как и на многих других оккупированных территориях СССР, в Винницкой области практически отсутствовали случаи идейного коллаборационизма в результате сочувствия нацистским идеям, что связано с расовой политикой Третьего рейха. Однако даже откровенная ксенофобия оккупантов не мешала многим жителям выбирать сотрудничество с немецкой стороной в качестве стратегии приспособления.

ПУБЛИКАЦИИ ДОКУМЕНТОВ ПО ИСТОРИИ МАНЬЧЖУРСКОЙ НАСТУПАТЕЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ НА РУССКОЯЗЫЧНЫХ ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСАХ

Стародубцев Алексей Юрьевич
(Московский государственный областной университет)

На сегодняшний день обращение к Интернет-ресурсам является важным этапом любой научной деятельности. Специализированные сайты позволяют узнать о существующих на данный момент публикациях, а с частью из них ознакомиться в онлайн-режиме. Такое применение Интернета является актуальным для всех направлений науки. Но возможности Интернета этим, конечно, не исчерпываются. В контексте изучения истории XX века вызывает большой интерес использование Интернет-ресурсов как источника оцифрованных документов.

В данной статье будет осуществлен анализ русскоязычных Интернет-ресурсов на предмет публикаций документов по истории Маньчжурской наступательной операции. Данный эпизод Второй мировой войны можно назвать очень дискуссионным. Вопросы вызывает как его влияние на ход войны, так и отдельные аспекты боевых действий, и до сих пор Маньчжурская наступательная операция остается широкой почвой для исследований. В таком контексте свободные публикации документов открывают новые возможности для тех ученых, которые по каким-то причинам, например удаленности места жительства, не имеют возможности регулярно работать в архивах.

Открытые публикации достоверных документов по теме Второй мировой войны важны для всего российского общества. Сложно поспорить, что память о Второй мировой войне является очень трепетным вопросом для современной России как на уровне всего государства, так и среди населения. Такое внимание, положительное само по себе, иногда приводит к определенной мифологизации памяти о войне или даже сознательному искажению или переписыванию в угоду политических соображений. В таких условиях публикации достоверных документов вносят существенный вклад в одно из самых главных предназначений истории – формирование у широких слоев общества правильного представления о прошлом.

В приведенном в статье анализе будет рассматриваться ограниченное количество ресурсов. К их числу относятся только те, где указана полная информация об источниках документов, а также такие, где можно точно определить, какая конкретно организация занимается их отбором и публикацией. Такой подход кажется единственно верным, ведь для ис-

следований необходима подтвержденная информация из надежного источника. Также не будут упоминаться сайты, где можно ознакомиться с электронными версиями печатных сборников документов и мемуаров.

Публикации документов в Интернете можно разделить на две категории. К первой относятся отсканированные или сфотографированные листы документов, как правило собранные в файлах в формате pdf. Ко второй категории относятся такие случаи, где документы были перепечатаны и представлены на сайте в виде электронного текста. Предпочтение стоит отдавать публикациям первой категории, ведь печатные тексты на сайтах не всегда передаются в соответствии с правилами археографии. Важной особенностью русскоязычных ресурсов является то, что чаще всего публикации относятся к первой категории. Все упомянутые далее в статье сайты также будут использовать или фотографии, или сканы.

Одним из важнейших исторических ресурсов в русском сегменте Интернета можно назвать сайт Российского исторического общества. Там присутствует небольшая подборка документов Архива внешней политики Российской Федерации. В описании подборки сказано, что часть этих документов не были известны широкому кругу исследователей. Эти документы связаны с историей советско-американских, советско-английских и советско-японских дипломатических отношений, а также капитуляцией Японии[1]. Также на этом же ресурсе присутствуют документы из личного архива Р.Я. Малиновского, часть из которых затрагивают события в Маньчжурии[2].

Другой ресурс – это федеральный портал histrf.ru, где в одной из подборок присутствуют документы, касающиеся разгрома Квантунской армии[3]. Как и в предыдущем случае, в подборке опубликованы только дипломатические документы, которые не касаются напрямую боевых действий.

Все упомянутые выше документы могут помочь в одном из самых сложных вопросов – определении роли Маньчжурской наступательной операции в общем ходе войны с Японией. Если говорить об истории боевых действий, то уникальным источником документов становится портал «Память народа», созданный Министерством обороны. На сегодняшний день это, по-видимому, единственный авторитетный проект, на котором

---

[1] Заключительный этап Второй мировой войны и капитуляции Японии [Электронный ресурс] // Ассоциация «Российское историческое общество»: сайт. URL: https://historyrussia.org/dokumenty-po-istorii-vojny-sssr-s-yaponiej.html (дата обращения: 31.01.2020).

[2] Документы из личного архива маршала Советского Союза Р.Я. Малиновского [Электронный ресурс] // Ассоциация «Российское историческое общество»: сайт. URL: https://historyrussia.org/tsekh-istorikov/archives/dokumenty-iz-lichnogo-arkhiva-marshala-rodiona-yakovlevicha-malinovskogo.html (дата обращения: 31.01.2020).

[3] К 80-летию начала Второй мировой войны [Электронный ресурс] // Портал «История.РФ». URL: https://histrf.ru/biblioteka/articles/k-80-lietiiu-nachala-vtoroi-mirovoi-voiny (дата обращения: 31.01.2020).

бы публиковались документы советских войск, участвовавших в Маньчжурской наступательной операции. В качестве источника выступает Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации.

Представленный на сайте «Память народа» комплекс документов по истории Маньчжурской наступательной операции (на самом ресурсе она называется «Разгром японских войск на Дальнем Востоке»[4]) можно назвать очень крупным, особенно по сравнению с другими Интернет-ресурсами. Только журналов боевых действий насчитывается более тридцати, а отдельные приказы, планы и карты присутствуют в значительно большем количестве.

Характеризуя комплекс документов портала, необходимо сказать об его разнообразии в плане представленных в нем видов и родов войск. Как можно было бы ожидать, очень широко представлены документы сухопутных войск: танковых, пехотных, артиллерийских. Важно, что в комплекс документов портала уделено большое внимание частям противовоздушной обороны и кавалерийским подразделениям. Имеется множество документов военно-воздушных сил, включая и крупные формирования уровня авиационного корпуса. Слабее представлены документы тыловых служб, однако и они присутствуют: есть, например, документы о военно-автомобильных дорогах и документы некоторых органов снабжения. Помимо этого, отрывочная информация о тыловых службах представлена в большинстве журналов боевых действий.

Разнообразен уровень военных формирований, которым принадлежат документы. На портале соседствуют документы целых фронтов, армий, корпусов, дивизий и отдельных полков. Выбранные для оцифровки документы часто связаны друг с другом. В качестве примера можно привести 27-ю отдельную мотострелковую бригаду, которая представлена целым рядом документов: помимо журналов и отчетов о боевых действиях самой бригады присутствуют и некоторые журналы боевых действий отдельных полков, входивших в ее состав, а также документы тех частей, которые были на время боевых действий подчинены бригаде. Все это позволяет проследить отражение одних и тех же событий в разных документах, благодаря чему расширяется доступная информация.

Из проведенного анализа можно сделать следующий вывод. При поиске Интернет-ресурсов с документами на тему Маньчжурской наступательной операции удалось выявить очень небольшое количество сайтов. Это свидетельствует о том, что данная тема все еще слабо представлена на специализированных сайтах. Исключением является только портал «Память народа», где публикация документов осуществляется в большом объеме и носит систематический характер. Однако почти все упомянутые публикации появились за последние несколько лет, что может свидетельствовать о возрастании интереса к данной теме.

---

[4] Разгром японских войск на Дальнем Востоке [Электронный ресурс] // Портал «Память народа». URL: https://pamyat-naroda.ru/ops/razgrom-yaponskikh-voysk-na-dalnem-vostoke/ (дата обращения: 31.01.2020).

РЕАКЦИЯ ЖИТЕЛЕЙ КОСТРОМЫ И КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНИИ НА МАНИФЕСТ 17 ОКТЯБРЯ 1905 г.

Сулоев Иван Николаевич, к.и.н.
(Костромской государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник)

В 2020 году исполняется 115 лет со дня публикации манифеста «Об усовершенствовании государственного порядка», который «даровал населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов»[1]. В связи с этим является актуальным обобщение и анализ имеющегося материала, и раскрытия новых аспектов проблемы. В настоящей статье ставится задача исследования реакции населения Костромы и Костромской губернии на «октябрьский манифест».

После объявления манифеста 17 октября 1905 г. в ряде городов Российской империи прошли черносотенные погромы, в том числе и в Костроме. 19 октября 1905 г. на Сусанинской площади г. Костромы собрался митинг. Очевидец описывал выступление оратора следующим образом: «Какой-то революционер стал читать прокламацию, сущностью которой, конечно, было это кощунственное, отвратительное: “Долой самодержавие”. Крестьяне сперва внимательно слушали. Потом перебивают чтеца: “Ты это что читаешь?” – “А вот слушай”. – Чтение продолжается. “А, так вот оно что! Это он читает, что Царя не нужно, да и Бога не нужно. Бей их! Постоим за бога и за Царя православного!”»[2] В ответ на антиправительственные высказывания революционеров монархически настроенное население начало избивать собравшихся.

Иван Гаврилович Смирнов вспоминал: «...со стороны Мучных рядов и Царевской улицы от полицейского управления с кольями и тростями бежали разъяренные банды черной сотни с криками “бей смутьянов”, “бей бунтарей безбожников”, “бей жидов”. Банды черносотенцев, переодетых

[1] Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. 1905. СПб., 1908. Т. 25. С. 754.

[2] Костромские епархиальные ведомости. Приложение к официальной части. 1905. 1 ноября. С. 652.

в штатскую одежду царских опричников, набросились на мирную безоружную демонстрацию и зверски стали избивать людей»[3].

Старый большевик Ирина Герасимовна Киселева-Маслова впоследствии писала: «Пошла я в магазин. Подхожу к полицейской управе и вижу, что много собралось народу около памятника Ивану Сусанину. Подошла. Вижу, стоит оратор. Он говорил о забастовках в Петербурге и в Москве, о войне с Японией. Рабочие, которые выступали, требовали прекращения войны и улучшения жизни. Среди присутствующих большинство были студенты, техники, реалисты. Рабочих было мало. Правда, тут было много рабочих печатников. Их окружили стражники и казаки. Часть участников митинга разбежалась, остальных под конвоем загнали во двор полицейской управы»[4].

Митинг проходил рядом с полицейским управлением и торговыми рядами. Тем не менее полиция не препятствовала избиению учащейся молодежи. На площади присутствовали преимущественно представители интеллигенции. В избиении принимали участие «черносотенцы». Местная периодическая печать отмечала: «Бедные юноши! По своей молодости, неопытности и недальновидности они совсем упустили из виду, что в России есть миллионы людей, не читающих газет, особенно с либеральным направлением, людей, лозунгом жизни коих было всегда и остается: “православие и самодержавие”. Эти люди не знают существа реформ государственного и общественного строя, на которых настаивает нынешняя интеллигенция и либеральная часть русского населения»[5]. Для сельского населения антимонархические высказывания ораторов явились покушением на традиционный образ жизни и мировоззрение.

После погрома «в подгородных деревнях вечером в день избиения учащихся некоторые крестьяне, приехавшие из города, открыто хвастались перед с соседями привезенными из города и снятыми с избитых учащихся колошами, ботинками и т. п., но теперь, узнав, что судебная власть принялась [...] отыскивать виновных, [...] все участвовавшие в избиении крестьяне, [...] стараются скрыть участие отдельных лиц в побоище...»[6]. Сельские жители принимали участие в избиении демонстрантов и, пользуясь неразберихой, присваивали себе личные вещи жертв погрома.

В селе Шунга Костромского уезда «избиение учащихся произвело свое впечатление на наше крестьянство. Некоторые из бывших 19 октя-

---

[3] Воспоминания Смирнова Ивана Гавриловича о революционных событиях и трудовой деятельности // Костромской музей-заповедник. Научно-вспомогательный фонд 17419. Л. 4.

[4] Рукопись. Кисилева-Маслова Ирина Герасимовна. Воспоминания старого большевика с 1903 года по 1920 год // Костромской музей-заповедник. Научно-вспомогательный фонд 17490. Л. 2.

[5] Костромские епархиальные ведомости. Приложение к официальной части. 1905. 1 ноября. С. 633.

[6] Костромской листок. 1905. 26 октября.

бря в городе, участвовавших в погроме, хвастались этим открыто (пока не услыхали о начале следствия по этому делу)... Разногласие в мнениях вызвали настолько обостренные отношения между крестьянами, что сочувствующие “черной сотне” (вроде Ф.Д. Сидорова, Лукошина, Быкова) грозят избить побольше “грамотеев и чтецов газет” и погромить чайную (Жукова), в которой последние собираются»[7]. Мнения крестьян разделились: часть сельских жителей сочувствовала молодежи, другая же прослойка крестьян поддерживала самодержавную власть.

В уездах губернии текст «октябрьского манифеста» среди крестьян вызвал недоверие. Так, в Покровской волости Буйского уезда «местного земского начальника г. Травина при объяснении крестьянам манифеста 17 октября постигла такая же неудача, как и его Кинешемского коллегу Хомутова. Крестьяне в самом начале чтения манифеста отнеслись к нему крайне скептически и под конец и прямо заявили, что этот манифест подложный, требуя от земского показать им настоящий, где им обещана прирезка земли». В ответ земский начальник пробовал успокоить их, «но неудачно и скоро принужден был ретироваться. Тогда крестьяне обратились за манифестом к духовенству, но и от него услышали только то, что слышали и от начальства»[8].

Сельские жители ожидали получить от манифеста прирезку земли. В связи недоверием к официальным властям в Кинешемском уезде среди крестьян царила «уверенность, что от них скрыли какой-то манифест. Это обостряет их недовольство»[9]. Главной проблемой сельской местности являлось малоземелье и поэтому крестьяне ожидали от манифеста решения именно своих насущных проблем. В связи с тем, что зачитанный манифест не оправдал их ожиданий, крестьяне отнеслись с недоверием к местным властям, считая, что земство саботирует «подлинный» манифест царя.

После объявления «октябрьского манифеста» в Костроме создается особый комитет «по успокоению населения и разъяснению ему манифестов 17 октября и 3 ноября». По мнению А.В. Перелешина, «часть крестьянства совсем не знакома с манифестами 17 октября и 3 ноября, а многие неправильно понимают последний. Результатом этого непонимания, и отчасти постороннего подстрекательства явились так называемые аграрные волнения»[10]. В связи с неполучением земельных наделов после «октябрьского манифеста» жители сел и деревень под влиянием революционных партий переходят к радикальным мерам: погромы усадеб, захват земли, порубки леса и др.

Таким образом, в ответ на «октябрьский манифест» в Костроме произошел черносотенный погром, в котором принимали участие приехавшие

---

[7] Костромской листок. 1905. 28 октября.

[8] Костромская жизнь. 1906. 11 января.

[9] Костромской голос. 1906. 20 января.

[10] Костромской листок. 1906. 13 января.

на ярмарку крестьяне. В сельской местности жители, ожидая получить от манифеста прирезку земли, с недоверием отнеслись к зачитанному им земским начальником тексту. В связи с отсутствием решения проблемы малоземелья жители сел и деревень под влиянием революционных партий и организаций переходят к радикальным мерам.

ФОТООЧЕРКИ ЖУРНАЛА «ОГОНЕК» 1943–1945 гг. КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК ПО ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Танцевова Анастасия Владимировна, к.и.н.
(Российский университет транспорта)

В этом году исполняется 75 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Журнальная периодика военных лет представляет собой уникальный источник по истории войны. Пресса синтезирует в себе черты источников различных типов: словесную, цифровую и изобразительную информацию, официальные сообщения и авторские выступления. Их изучение является актуальным в условиях новых подходов к изучению периодики, т. к. печать всегда принимает форму и окраску тех социальных и политических структур, в рамках которых она функционирует.

Среди принципиально новых, эвристически ценных материалов особое место заняли визуальные источники, обладающие уникальной способностью сохранять для истории образы. К ним относятся и фотографии, сочетающие в себе художественную выразительность с достоверностью, запечатлевшие определенный момент действительности. Фотография в качестве источника визуальной информации позволяет обратиться к объектам, недоступным для прямого наблюдения, создать визуальную модель исторической ситуации. Информативные возможности фотографий огромны, они рассматриваются как источники по самым разнообразным темам исследований. Передавая зрительную сторону исторического факта, фотодокумент обычно выхватывает довольно существенные мельчайшие детали события, фиксируя важные подробности свершившегося факта. Фотография – это совместный визуальный нарратив модели и фотографа, а также и человека, который позже рассматривает данное изображение[1].

Особый интерес представляют фотографии периода Великой Отечественной войны, напечатанные в еженедельнике «Огонек». Возрожденный на новой «советской» основе журнал «Огонек» (гл. редактор М.Е. Кольцов) стал выходить с апреля 1923 г. и довольно быстро пре-

[1] *Богданова Н.М.* Фотография как инструмент социологического анализа практик конструирования визуальной самопрезентации. Визуальные исследования. [Электронный ресурс]. URL: http://ecsocman.hse.ru/ (дата обращения: 24.11.2019).

вратился в один из самым массовых советских еженедельников. Журнал «Огонек» выступил основой для создания Акционерного издательского общества «Огонек» (1926 г.) и созданного в 1931 г. на его основе Государственного газетно-журнального объединения «Жургаз». После ликвидации Жургаза в мае 1938 г. журнал «Огонек» был передан в издательство «Правда». Пережив процессы реорганизации и унификации печати, к началу войны «Огонек» по-прежнему являлся массовым советским еженедельником.

Главными в журнале выступали визуальные жанры, ключевым компонентом которых являлась фотография как отдельный смысловой элемент в тексте или без него: фотоочерк, фоторепортаж, фотограмма, фотозаметка, фотообложка, фотоколлаж. Работая с фотоисточниками, необходимо учитывать, что визуальный способ подачи информации – это «особый путь реализации иерархически взаимосвязанных целей, для решения определенных задач... аудитория получает материал, способствующий как рациональному познанию действительности, так и эмоциональному сопереживанию отображаемых событий»[2]. Определенная направленность журнала, позиция редакции и цензура, – все это накладывало отпечаток на характер отбора и использование фотоматериалов на страницах журнала, запечатлевших события или факт исторического прошлого. Как отмечают исследователи: «Кодирование фотографического изображения происходит на этапе его создания, и, кем бы ни был создатель, характеристики фотографического образа определяются эстетическими, профессиональными, идеологическими нормами, формирующими социальное поведение любого человека»[3]. При источниковедческом анализе особую значимость приобретает авторский аспект и контекст, который необходимо восстановить с привлечением других исторических источников.

Разные по жанру и содержанию материалы журнала «Огонек» (политические статьи и обзоры, социально-экономические обозрения, хроника, исторические и путевые очерки и статьи, фотоочерки, фотозаметки, отрывки литературных произведений, фоторепортажи, объявления, реклама и т. д.) позволяют рассмотреть практически все стороны жизни общества военных лет. С первых дней войны на страницах журнала «Огонек» нашли отражение и рисунки, и карикатура, направленные на поднятие боевого духа народа. Карикатура в отличие от фотографии уже содержала готовый сконструированный образ, с помощью нее можно было ярче передать образ врага на страницах печати. Как, например, карикатуры,

---

[2] *Тертычный А.А.* Жанры периодической печати. 4-е изд., испр. и доп. М., 2011. С. 5.

[3] *Захарова Н.Ю.* Визуальная социология: Фотография как объект социологического анализа. [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ (дата обращения: 24.12.2019).

изображавшие гитлеровцев: «Облик фашистских гуннов»[4], карикатура Б. Ефимова «На высоте положения»[5] и т. д.

Особое место в визуальном фоторяде журнала занимали и документальные фотографии, зафиксировавшие преступления фашизма. Год коренного перелома в Великой Отечественной войне являлся временем начала освобождения многих оккупированных территорий, что нашло свое яркое отражение и на страницах печати. Уже в первых номерах журнала за 1943 г. мы встречаем публикации, освещающие преступления фашистов на оккупированных ими территориях. В № 1 за 1943 г. был опубликован фотоколлаж «Вот что творит гитлеровское зверье»[6] (фотодокументы о преступлениях немецких захватчиков). Он включал в себя набор из 3 фото, на которых были изображены тела «истерзанных» бойцов Красной Армии, «замученных немецкими палачами на хуторе Вертячем Сталинградской области, виселица на площади в Великих Луках»[7]. Фотофиксация страшных преступлений становилась важным аргументом в борьбе с врагом. Успешное завершение Великолукской операции в январе 1943 г. нашло освещение на страницах журнала в фотоочерке «Освобождение Великих Лук». Автор пишет: «Полтора года хозяйничали фашисты в Великих Луках. Они превратили город в узел обороны – минировали все подходы, опутали улицы колючей проволокой, установили в подвалах, на чердаках домов орудия и пулеметы»[8].

На снимках в фотоколлаже «Здесь были немцы...» изображены «сожженная немцами школа в г. Калаче Сталинградской области; трупы пленных красноармейцев в селе Средне-Царицынском Сталинградской области; остатки хутора Сухановский (на Дону), сожженного фашистами; мирные советские жители, повешенные фашистскими палачами в одном из населенных пунктов Сталинградской области[9]. С помощью таких фотоколлажей перед читателем представал образ врага, лишенный человеческих черт, борьба с которым должна идти до победного конца.

В фотоколлаже «Кровавые злодеяния гитлеровцев» журнал представлял читателю страшные документальные свидетельства их преступлений. В нем фото «советских граждан, расстрелянных эсэсовцами на хуторе Грузинове» Ростовской области, запечатленный «лагерь для военнопленных в балке «Западновка». В одной из нор, где жили советские солдаты,

---

[4] Облик фашистских гуннов // Огонек. 1943. № 10–11. С. 2.

[5] *Ефимов Б.* На высоте положения // Огонек. 1943. № 10–11. Обложка, оборотная сторона.

[6] Вот что творит гитлеровское зверье // Огонек. 1943. № 1. С. 7.

[7] Там же.

[8] Освобождение Великих Лук (фото С. Коршунова) // Огонек. 1943. № 3. С. 4.

[9] Здесь были немцы ... // Огонек. 1943. № 4. С. 11.

обнаружены десятки трупов военнопленных»[10]. В официальный советский нарратив вошли фотокадры военной действительности, для публикации допускались снимки погибших бойцов Красной Армии и мирного населения от рук фашистов. Такими фотоматериалами журнал апеллировал к читателю, с тезисом, что плен – это всегда смерть.

Отдельное место в журнале отводилось фотоочеркам, посвященным концлагерям, созданными фашистами. Фотографии военных корреспондентов зафиксировали следы преступлений фашистов («“Комбинат смерти” в Треблинке»[11], «Освенцим»[12]).

В одном из номеров 1942 г. встречаем фотоколлаж «Автопортрет врага», состоящий из 7 фото, снабженных текстом, на которых изображены немецкие солдаты в период «попойки», «развлечений», а также «поджога дома»[13]. В конце фотоочерка звучит призыв громить врага до победного конца! В фотоочерке «Коридор смерти» автор Б. Изаков с помощью слова и фото описывает, что оставили после себя фашисты в период отступления: «Отходя по “коридору”, фашисты дотла выжгли населенные пункты. Ни осталось ни одной постройки в деревнях Годилове, Великом селе, Нижней Сосновке, Кукое, Кукарине, Пустошке, Поляне, Степанове и других»[14]. Далее автор пишет: «Кругом безлюдно. Восемнадцать месяцев оккупанты систематически истребляли местное население... Немцы принесли смерть на эту землю... Март 1943 года. Залучье-Большое Засово-Лозницы»[15]. Фотоочерк «Трагедия деревни Леоново» (фотодокументы фашистских зверств). Автор описывает жизнь в деревне Леоново Смоленской области до прихода фашистов и сравнивает, что осталось после их ухода: «Огромное и безмолвное пепелище»[16].

Эффект противопоставления мирной и военной жизни играл и важную пропагандистскую роль. Фотографии в журнале не просто фиксировали военную действительность, но и выполняли идеологическую задачу, оказывая эмоционально-образное воздействие на читателя. С помощью фотографий, запечатлевших преступления фашистов, журнал «Огонек» призывал читателей к активной борьбе с захватчиками, часто материалы начинались и заканчивались призывами «громить врага!» или, как в фо-

---

[10] Кровавые злодеяния гитлеровцев (фото Э. Евзерихина, Е. Копытова, Л. Якубова, ТАСС) // Огонек. 1943. № 9. С. 7.

[11] *Рейзман С.* «Комбинат смерти» в Треблинке // Огонек. 1945. № 9–10. С. 8.

[12] Освенцим (фото Г. Малелева, ТАСС) // Огонек. 1945. № 9–10. С. 9.

[13] Автопортрет врага // Огонек. 1942. № 45. С. 12.

[14] *Изаков Б.* Коридор смерти (П. Кондратьев, В. Шаровский, ТАСС) // Огонек. 1943. № 14. С. 7.

[15] Там же.

[16] Трагедия деревни Леоново (фотодокументы фашистских зверств, фото Б. Игнатовича) // Огонек. 1943. № 15–16. С. 9.

токоллаже за 1943 г., – «Запомните! Отомстите!»[17]. Фотографии, сделанные спецкорами ТАСС и «Огонька» Л. Великжаниным и Б. Иваницким, наглядно демонстрировали, как «в каждом освобожденном городе и селе наши войска обнаруживают кошмарные следы злодеяний гитлеровских изуверов», на одном снимке «была мать, убитая фашистскими бандитами вместе со своим ребенком в Георгиевске», далее располагались снимки из станицы Гартмашевка, на них «семья железнодорожника Тихона Кулеченко погибшая от рук немецких палачей, немцы расстреляли и детей железнодорожника»[18].

С продвижением советских войск в «Огоньке» еженедельно появлялись фотозаметки об освобожденных населенных пунктах и городах. Так, в одной из них «На Таманском полуострове» были размещены снимки трофейной немецкой техники и пленных немецких солдат со следующей подписью: «Таманский полуостров стал последним клочком кубанской земли, находившимся в руках врага»[19]. Фотоочерк «Наступление продолжается» был посвящен успешному продвижению и наступлению Красной Армии в районе Среднего Дона, под Сталинградом и на Северном Кавказе[20]. Фотоколлаж «В героическом городе»[21] был посвящен освобождению Сталинграда. На фотоснимках изображены бойцы Красной армии в разрушенном городе, которые «...шаг за шагом... выбивают врага...» с родной земли[22].

Фотоматериалы за 1945 г., опубликованные в журнале «Огонек», зафиксировали последние месяцы войны, которая закончилась Победой советского народа: «На подступах к Берлину»[23], «За Одером»[24], «В центре Германии»[25].

Снимки на полях сражений делали только профессионалы, аккредитованные в крупнейших периодических изданиях, информационных агентствах (ТАСС, Совинформбюро), газетах, издаваемых в боевых условиях. Для печати выбирали лишь те фотографии, которые отвечали задачам дня и идеологическим требованиям, предъявляемым к фотоинформации. Несмотря на заданные идеологические рамки и цензурные ограничения, фотографии военных лет в журнале «Огонек» представля-

---

[17] Запомните! Отомстите! (фото Л. Великжанина, ТАСС, Б. Иваницкого) // Огонек. 1943. № 5. С. 2.

[18] Там же.

[19] На Таманском полуострове // Огонек. 1943. № 7–8. С. 8.

[20] Наступление продолжается (фото А. Зинин, ТАСС, А. Кричевский) // Огонек. 1943. № 1. С. 3–4.

[21] В героическом городе// Огонек. 1943. № 2. С. 4.

[22] Там же.

[23] На подступах к Берлину // Огонек. 1945. № 9–10. С. 4.

[24] За Одером (фото М. Щепкина) // Огонек. 1945. № 6–7. С. 7.

[25] В центре Германии (фото А. Устинова) // Огонек. 1945. № 18. С. 2.

ют собой важный источник по истории Великой Отечественной войны. Данный источник выступает и как объект для изучения, дающий документальное отражение действительности, и как инструмент, с помощью которого конструировались образ и само «отражение» действительности. В силу этого работа с фотоисточниками из советских журналов военных лет требует специальных методов изучения для правильного прочтения сконструированной «фотореальности» и документальной хроники. Военная фотожурналистика еще ждет своих исследователей.

ОСОБЕННОСТИ ФРОНТОВОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ В ПОГРАНИЧНЫХ И ПОЛЕВЫХ ЧАСТЯХ КВАНТУНСКОЙ АРМИИ В ХОДЕ СОВЕТСКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ 1945 г.

Тарасов Станислав Витальевич
(Тверской государственный университет)

История советско-японской войны 1945 г. в настоящее время заслуживает дальнейшего изучения. Для этого необходимо обратиться к исследованию особенностей фронтовой повседневности в пограничных и полевых частях Квантунской армии.

Данный вопрос нужно исследовать, так как в ходе конфликта столкнулись две принципиально разные культуры, что имело немало самых разных последствий, а также в связи с тем, что японской этнопсихологии, менталитету и религии присущ крайне уникальный характер, который отразился на повседневности. Также они имели множество неповторимых особенностей, которые в полной мере проявились в период этой скоротечной войны.

После начала наступления Красной Армии в Маньчжурии пограничные полицейские части японо-маньчжурских войск продолжали, насколько это было возможно, нести функцию охраны государственной границы Маньчжоу-Го и делали попытки отражать массовые атаки советских войск на пограничные сооружения. Ввиду молниеносности советского наступления и малого числа охраны, состоявшей в основном из полицейских, а не военных, на большом числе постов они не смогли оказать серьезного сопротивления советским войскам и в большинстве своем уничтожались штурмовыми отрядами.

Военнослужащие полевых частей после начала наступления спешно начинают подготовку оборонительных сооружений. В первую очередь, по показаниям военнопленных, усиленно создавались противотанковые рвы. Вместе с тем ускоренными темпами была организована постройка сети окопов на пути наступающих советских войск с целью его максимального замедления.

При подготовке только окопов рабочая сила распределяется на каждый окоп, а при одновременной отрывке окопов и ходов сообщения – по участкам[1]. Ввиду того что попытки отражения наступления Красной Ар-

[1] Наставление по полевой фортификации японской армии (1938 г.): пер. с яп. М., 1940. С. 5–31.

мии предпринимались в спешке, большая часть войск Квантунской армии успевала производить только первую операцию.

Настроения солдат при выполнении данных работ были смесью ошеломления и отчаяния обреченных, ввиду того что никто из японских военнослужащих не ожидал настолько массового советского наступления в такое неблагоприятное время года из непроходимых горно-лесных районов Маньчжурии. В солдатской среде шли разговоры о том, что граница Маньчжурии защищена явно недостаточно, и сильного желания защищать ее не было, но долг службы, этнопсихология и идеология не оставляли другого выбора. По боевому духу солдат также нанесло сильный удар поражение нацистской Германии: здесь оценки варьируются от того, что Японии теперь придется тяжело, до того, что теперь страна остается биться одна против всего мира и ее тоже ждет неминуемое поражение[2].

В первых же приграничных сражениях пехотные части Квантунской армии оказали упорное и фанатичное сопротивление, несмотря на практически абсолютное превосходство противника, категорически отказываясь от капитуляции, что обусловлено множеством факторов, главным из которых была философская категория сознания «японский дух» (Ямато дамасии), а также религия синто, которая гарантировала всем умершим японцам посмертное обожествление. Однако позже все же имели место единичные случаи сдачи в плен, что, по словам пленных, которые были захвачены уже после выхода императорского указа о капитуляции 15 августа 1945 г., было обусловлено лишь тем, что, соблюдая пакт о нейтралитете с СССР, командование Квантунской армии издает приказ ни при каких обстоятельствах не вступать в сражение с частями Красной Армии, который позднее был отменен, однако из-за потери управления войсками далеко не всем подразделениям он был передан вовремя[3].

К особенностям фронтовой повседневности относится и то, что против наступающих советских войск применялось множество уникальных японских приемов ведения боевых действий, начиная от всех видов смертников, массовых банзай-атак с применением холодного оружия, а конкретно бамбуковых пик даже против бронетехники, а также проявлений поистине животной жестокости к военнопленным, и до использования технологий имитаций численного и технического превосходства Квантунской армии над Красной, которые успешно вводили противника в заблуждение.

Камикадзе являлись пилоты, изначальной задачей которых было уничтожать корабли таранными ударами. Однако в Маньчжурии их зада-

---

[2] Центральный архив Министерства обороны (ЦАМО). Ф. 282. Оп. 7164. Д. 1. Л. 175–176.

[3] *Карасев С.В.* Идеологическая работа в японской армии во время Второй мировой войны (по материалам допросов японских военнопленных) // Вторая мировая война: предыстория, события, уроки: Материалы международной научной конференции, посвященной 70-летию Великой Победы над немецким фашизмом и японским милитаризмом: В 2 частях. Чита, 2015. С. 121–125.

ча была изменена на поражение таким способом преимущественно бронетехники противника, а по прямому назначению их удалось использовать лишь в Корее и на Курильских островах. Тейсинтай представляли собой еще одну разновидность живых мин, но на этот раз противотанкового назначения. К солдату была привязана взрывчатка, с которой он должен был броситься под танк, подорвав его, либо же ему вручали кумулятивную гранату, закрепленную на бамбуковом шесте, которой необходимо было ударить о броню вражеского танка, подбежав к нему вплотную. Кирикомитай являлись отрядами смертников-диверсантов, в задачи которых входило нанесение максимального урона вражеским тылам, а также уничтожение его офицеров с помощью холодного оружия.

На начальном этапе войны все данные тактики показали довольно высокую эффективность, однако вскоре Красной Армией была разработана тактика борьбы с тейсинтай: на броню танков помещали десантников, уничтожавших огнем автоматического оружия атакующих смертников, и, соответственно, результативность массовых самоубийственных атак существенно упала. Однако удары из хорошо подготовленных засад на пути следования бронетехники, особенно в горно-лесистой местности Южного Сахалина, продолжали стабильно давать необходимый эффект[4].

Другая форма смертничества представляла собой добровольное приковывание японскими солдатами себя к пулеметам и орудиям для того, чтобы погибнуть вместе со своим оружием в бою, которое соответственно японской традиции считалось военнослужащими «божьим даром», а вместе с тем и «душой воина» аналогично мечу самурая, а значит бросить оружие, в силу единства его с военнослужащим, было невозможно в принципе[5].

Также солдаты и офицеры императорской армии обрекали себя на смерть, занимая оборону в китайских городских домах, которые имели крайне слабую конструкцию, ввиду чего военнослужащие практически гарантированно рисковали быть заживо погребенными либо сгореть в них[6].

Широчайшим образом военнослужащие Квантунской армии в ходе войны с СССР занимались имитацией численного превосходства, для чего создавали ложные оборонительные позиции, устанавливая на пути наступления советских войск макеты полевых укреплений, боевой техники, аэродромов и даже береговых батарей. Последние два пункта являлись особенно актуальными для Курильских островов.

---

[4] Война после победы. 2015. Режиссер: ТРК «ЗВЕЗДА» [Электронный ресурс]. URL: http://morewar.ru/main/3577-voyna-posle-pobedy-2015-seriya-filmov.html (дата обращения: 12.07.2016).

[5] Рассказы об оружии: японское огнестрельное оружие Второй мировой войны. 1999. Режиссер неизвестен [электронный ресурс]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=9n3D7IMoMhQ&t=1s (дата обращения: 5.06.2017).

[6] Через Гоби и Хинган. 1981. Режиссер В. Ордынский [электронный ресурс]. URL: http://www.tvigle.ru/video/cherez-gobi-i-khingan (дата обращения: 12.07.2016).

Также самым активным образом применяется устройство закамуфлированных пулеметных позиций, которые внезапно оживали в тылу наступающих войск противника, когда основные силы продвигались далеко вперед, обустройство позиций снайперов в надгробных памятниках на кладбищах, а также маскирование целых подразделений на деревьях и внутри специальных покрытых сверху листвой ям. Это можно проиллюстрировать описанием атаки частей советской 22 стрелковой дивизии на японский опорный пункт: «Подгруппа № 3, двигаясь по хребту, не доходя 50 метров до объекта нападения, встретила до 25 японцев, ведущих огонь с деревьев»[7] .

В целом, характеризуя фронтовую повседневность японских военнослужащих во время войны с СССР в 1945 г., можно констатировать, что в связи с наступлением Красной Армии она стремительно и кардинально изменяется, приобретая авральный характер. В сознании солдат и офицеров Квантунской армии дают трещину мощнейшие идеологические установки, в первую очередь относительно вражеских вооруженных сил, а затем и относительно победы над союзниками любой ценой, а также о битве с противниками империи до последнего японца. Однако в силу этнопсихологии, менталитета и религии они продолжали фанатично следовать им и упорно отрицать очевидное, что практиковалось вплоть до самой организованной капитуляции согласно императорскому указу.

---

[7] ЦАМО. Ф. 282. Оп. 7164. Д. 1. Л. 202.

НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ США ПО РЕШЕНИЮ НЕГРИТЯНСКОЙ ПРОБЛЕМЫ В 1920–1930-е гг.

Тимофеева Мария Андреевна
(Российский государственный архив социально-политической истории)

Коммунистическая партия США (с 1921 по 1929 г. известная как Рабочая партия Америки) приобрела статус постоянно действующей официальной партии в 1921 г. в результате объединения двух коммунистических движений – одного под руководством Ч.Э. Рутенберга (1882–1927), и другого – Д.С. Рида (1887–1920).

Деятели КП США не обошли вниманием и проблему чернокожих рабочих. Для того чтобы иметь более четкое представление об особенностях деятельности Коммунистической партии США по работе с чернокожим населением, стоит обратиться к видам политических кампаний, проводимых в 1920–1930-е гг.

Американские коммунисты создали сеть вспомогательных организаций, осуществлявших различные кампании по инициативе партии. Одной из таких структур стал Американский негритянский рабочий конгресс (АНРК), созванный 25 октября 1925 г. в Чикаго. Появление АНРК являлось ответом на социальный запрос на необходимость массовой негритянской организации, возглавляемой пролетариями. Его официальным органом была газета «The Negro champion», которая выходила в Нью-Йорке, а в 1929 году была заменена журналом «The Liberator». Конгресс являлся инструментом защиты прав афроамериканцев и пропаганды коммунистических идей с целью привлечения негритянских масс в партию. Для этого важно было отразить факт двойной эксплуатации чернокожих рабочих – по расовому и классовому признаку, что и было обозначено в программе Американского негритянского рабочего конгресса[1].

АНРК стремился преодолеть антинегритянскую политику Американской федерации труда, не допускавшую чернокожих в профсоюзы и мешавшую развитию рабочего движения в США. Вместо этого Американский негритянский рабочий конгресс заявлял о необходимости развивать солидарность рабочих независимо от расовой принадлежности. Учиты-

[1] Program of the American Negro Labor Congress // РГАСПИ. Ф. 515. Оп. 1. Д. 2204. Л. 21–21 об.

вая, что не только одни афроамериканцы испытывали гнет со стороны империализма, и призывая к межрасовому сотрудничеству, Конгресс пытался объединить силы всех угнетенных рабочих и народов Африки, Китая, Азии, Индии, Мексики, Центральной и Южной Америки и других стран[2].

Еще одним направлением деятельности АНРК стала борьба с наиболее жестоким проявлением расизма (белого шовинизма) – «судами Линча» – убийствами негров без суда и следствия. Акты самосуда являлись не отдельными случайными акциями, а были частью продуманной кампании террора правящего класса против негритянских масс и всего рабочего класса. Организация расовых беспорядков подавляла социальный протест в среде трудящихся. Г. Хейвуд и М. Говард, члены КП США, на основе марксистско-ленинского анализа практики линчеваний сделали заключение, что «суды Линча» осуществлялись представителями белого рабочего класса, которые становились агентами террора капиталистов именно в силу своего подчиненного положения. Поэтому единственным способом пресечения этой практики является уничтожение самого источника эксплуатации, т. е. буржуазного капиталистического государства[3].

Очередным шагом на пути борьбы против незаконной практики самосуда стало проведение тематической конференции в Питтсбурге в октябре 1930 г., где было обозначено, что «только исключение из общественной жизни “судов Линча”, сегрегации и дискриминации может обеспечить полное политическое, экономическое и социальное равенство для негритянской расы»[4].

В 1930 г. Американский негритянский рабочий конгресс был реорганизован в Лигу борьбы за права негров, и это произошло по двум причинам. Первая состояла в несоответствии установок Конгресса «новой негритянской политике» КП США, в частности по вопросу о самоопределении «Черного пояса». Вторым фактором стала его организационная слабость, которая заключалась в том, что членами Конгресса становились люди, не имевшие опыта работы в массовых структурах[5].

Лига борьбы за права негров так же, как и ее предшественник, подчинялась политической линии КП США. Ее основной целью являлась организация активной борьбы масс за полное равенство для негров и права на национальное самоопределение. Вопрос о самоопределении в «Черном

---

[2] Support Negro Unions; Build and Organize The Unorganized Negro Workers. Leaflet No. 1 – Issued by the American Negro Labor Congress // РГАСПИ. Ф. 515. Оп. 1. Д. 1213. Л. 14–14 об.

[3] *Haywood H., Howard M.* Lynching: A Weapon of National Oppression [Электронный ресурс] URL: https://www.marxists.org/archive/haywood/1932/Lynching_H_Haywood-M_Howard-1932.pdf (дата обращения: 20.01.2020).

[4] Resolution adopted at the Anti-lynching conference of the ANLC held in Pittsburg, October 30th, 1930 // РГАСПИ. Ф. 515. Оп. 1. Д. 2204. Л. 19–20.

[5] Preliminary report on Negro Labor Congress by John J. Ballam, C.E.C. Representative // РГАСПИ. Ф. 515. Оп. 1. Д. 819. Л. 1–2.

поясе» был разработан в программе Лиги достаточно подробно, что отличало ее от программы АНРК. Негритянское население, компактно проживающее на территории южных штатов, признавалось угнетенной нацией. Более того, согласно программе, афроамериканцы имели право создать в данном регионе собственную политическую единицу, что означало установление неграми полного правительственного и административного контроля над территорией. Эталоном являлся опыт создания союзных республик в СССР[6].

Одним из ярких проявлений деятельности Лиги борьбы за права негров под руководством Коммунистической партии США являлась кампания по «Делу юношей из Скоттсборо», развернувшаяся в 1930-е гг., когда несколько афроамериканцев были приговорены к смертной казни за преступления, которые они не совершали. Нашумевшее дело стало примером расовой несправедливости в США, обусловленной доминированием империалистических сил, поэтому привлекло внимание американской правозащитной организации – Международной защиты труда, созданной в 1925 году.

Юридическая помощь сочеталась с проведением пикетов, уличных демонстраций, агитацией, кампаниями по сбору средств для поддержки семей осужденных, формированием рабочих групп молодежи. Массовый протест, выйдя за рамки национального уровня, стал мировым, что выражалось в призывах Коммунистического Интернационала объединиться трудящимся всех стран для борьбы с террором и реакционными правительствами и для требования освобождения жертв судебной провокации[7]. Итогом масштабной работы стал неоднократный перенос окончательного решения по «Делу юношей из Скоттсборо» и отмена смертной казни для всех обвиняемых. Политическое значение данного дела состояло в том, что международное движение организованных масс, развернувшееся вокруг него, разрушило иллюзии о всевластии буржуазной судебной системы и продемонстрировало позитивную роль межрасовой солидарности трудящихся.

Подводя итог сказанному, стоит отметить основные направления (политические кампании), осуществляемые КП США в 1920–1930-е гг. К ним относилась, в частности, кампания по привлечению негров в профсоюзы и борьба с практикой сегрегации со стороны Американской федерации труда. Также необходимо упомянуть и кампанию против «судов Линча», ставших частью политики террора против негритянских масс. Особым успехом была отмечена кампания по «Делу юношей из Скоттсборо», в которой отчетливо проявилась тактика прямых открытых дей-

---

[6] A draft submitted by the National Council of the League of struggle for Negro rights // РГАСПИ. Ф. 515. Оп. 1. Д. 2204. Л. 67–77.

[7] Долой линчевание и угнетение негритянских масс! Миллионы должны отвести руку палачей! Обращение Исполкома Коммунистического Интернационала Молодежи // РГАСПИ. Ф. 539. Оп. 5. Д. 468. Л. 41; Свободу узникам Скоттсборо! // РГАСПИ. Ф. 539. Оп. 5. Д. 468. Л. 55.

ствий со стороны коммунистов. Несомненно, что Коммунистической партии США была отведена важная роль в разоблачении порочной политики правящего класса по осуществлению национального и расового гнета над чернокожими.

Деятельность КП США, являясь проекцией политического курса Коминтерна в Северной Америке, была направлена на ослабление правящей элиты. Об этом свидетельствовали неоднократные призывы к созданию негритянской национальной автономии, что грозило федеральному правительству потерей контроля над частью территорий.

Коммунистическая партия США продолжила заниматься решением негритянского вопроса и после роспуска Коминтерна, оставаясь его верным идейным преемником. Многое было сделано для того, чтобы приблизить момент всеобщего освобождения афроамериканцев от расовой дискриминации, и особенно важным оказался показательный опыт революционной борьбы. Победный финал был достигнут позднее, в 1960-е гг., благодаря Движению за гражданские права чернокожих.

ПОВСЕДНЕВНЫЕ УСЛОВИЯ ЖИЗНИ СОВЕТСКОЙ МИЛИЦИИ 1940-х гг. НА ПЕРИФЕРИИ (по материалам Ярославской области)

Тумаков Денис Васильевич, к.и.н.
(Ярославский государственный медицинский университет Минздрава России)

В 1940-е гг. – период усиленной подготовки к войне и непосредственно в военное время – правящий сталинский режим постоянно требовал от всего народа «с мыслями о родине, о партии, о Сталине совершать чудеса храбрости»[1]. Так как Рабоче-крестьянская милиция (РКМ) считалась «младшей сестрой Красной Армии», сотрудники органов правопорядка должны были стать примером в работе для остального населения.

Но повседневные условия жизни милиционеров советской провинции в те годы вносили определенные коррективы в этот процесс. Печальной повседневностью в работе РКМ в советской провинции были регулярно упоминаемые в архивных документах факты грубого обращения ряда ее работников с посетителями, нецензурной брани по отношению к доставленным в дежурное помещение правонарушителям. Жалобы поступали и на общий вид здания отделения милиции в Угличе. На нескольких партсобраниях в 1940–1941 гг. поднимался вопрос о постоянной грязи и стуже в зале ожидания, кабинетах отдельных сотрудников и в уборной ввиду отсутствия штатной уборщицы. В помещении районного отделения милиции (РОМ) к тому же не было умывальника, поэтому милиционеры не могли даже вымыть руки во время работы[2].

Хотя блюстители закона должны были подавать пример в работе сотрудникам прочих организаций, в помещении РОМ, «где ни посмотришь, хлам и грязь»[3]. Пресловутая «захламленность» усугублялась плохим питанием работников угличской милиции: в буфете, как утверждали сами ее работники на закрытом партсобрании, продавался только черный хлеб, в то время как желаемые сыр или масло отсутствовали[4]. В Данило-

---

[1] *Локтионов А.* Непобедимая армия рабочих и крестьян // Северный рабочий. 1940. 23 февраля.

[2] Центр документации новейшей истории Ярославской области (ЦДНИЯО). Ф. 270. Оп. 2. Д. 252. Л. 3–3 об., 7–7 об., 11 об., 15 об.; Д. 254. Л. 2–3.

[3] ЦДНИЯО. Ф. 270. Оп. 2. Д. 251. Л. 6 об. – 7.

[4] Там же. Д. 249. Л. 1 об.

ве к числу негативных моментов в деятельности РКМ также были отнесены плохой внешний вид ее сотрудников, отсутствие столовой и грязь в общежитии[5].

Сама по себе жизнь провинциальных населенных пунктов накануне и во время Великой Отечественной войны была крайне бедной. Председатель Любимского горсовета М.Н. Волков на XIII районной партконференции 5–6 февраля 1945 г. признал плохую работу местной бани и электростанции, а также нехватку топлива в городе из-за невыполнения заданий по заготовке дров большей частью организаций. Он был вынужден констатировать, что большая часть дворов, мостов и заборов на городских улицах так и не были отремонтированы[6]. В Гаврилов-Яме, как гласило решение местного райисполкома от 11 марта 1942 г., баня работала лишь дважды в месяц, хотя по закону должна была делать это не менее четырех раз в неделю[7]. В Угличе и в 1941 г. «улицы захламлены, а в деревне тем более»[8].

Сотрудники РКМ в целом не отличались высоким образовательным уровнем. Рассекреченные документы партийной организации Угличского РОМ свидетельствуют, что некоторые его работники во время политической учебы элементарно спали или приходили на занятия неподготовленными. В силу необразованности и высокой загруженности на службе заметные трудности у них вызывало даже изучение знаменитого «Краткого курса истории ВКП(б)».

На открытом партсобрании РОМ от 16 июня 1940 г. во время прений звучали подобные утверждения милиционеров-коммунистов Радионова, Филиппова и Скорнякова: «не умею конспектировать, и в этом никто не помогает», «преподаватель хороший, но вопросы он задает при изучении более на научном языке, что для нас не всегда понятно», «конспект составлять не умею, почитаю, а без записей не упомнишь, в голове ничего не остается», «не хватает время, работаем до часу ночи, а днем в обеденный перерыв надо отдохнуть, а в выходной день не знаешь, куда и время разделить, и дома надо кое-что поделать»[9]. Угличскую районную газету «Коллективный труд», как утверждалось на аналогичном собрании от 2 апреля 1941 г., выписывали всего лишь 3 человека, а в Данилове в 1943 г. организовать даже чтение газет среди рядового состава РКМ было невозможно ввиду их отсутствия в парторганизации[10].

Не удивительно, что в таких условиях стражи порядка сами совершали те или иные серьезные проступки, за которые их старались строго наказать. Например, летом 1941 г. из ВКП(б) за систематические опоздания

---

[5] Там же. Ф. 244. Оп. 4. Д. 24. Л. 26–26 об.

[6] Там же. Ф. 248. Оп. 1. Д. 702. Л. 3 об.

[7] Там же. Ф. 242. Оп. 1п. Д. 843. Л. 3.

[8] Там же. Ф. 270. Оп. 2. Д. 252. Л. 7.

[9] Там же. Д. 253. Л. 6–6 об.

[10] Там же. Д. 251. Л. 3; Ф. 244. Оп. 4. Д. 24. Л. 20 об.

на работу и партсобрания и другие нарушения дисциплины был исключен сотрудник тюрьмы № 7 Управления НКВД по Ярославской области Кокорин[11]. В Данилове весной того же года бюро местного райкома ВКП(б) вынесло выговор работнику народного суда Васильеву, явившемуся пьяным на заседание[12]. Примерно в то же время единогласным решением партсобрания работников Угличского районного отделения (РО) НКВД из кандидатов в члены ВКП(б) был исключен милиционер В.И. Шадрин, который избил в пьяном виде на улице гражданина Резчикова, будучи при этом в форме. Такого рода факт был расценен его коллегами не просто как «позор», но и как «пятно на партийной организации и РКМ»[13].

Очевидно, в последующем этот сотрудник снова смог стать кандидатом в члены правящей партии, так как 26 июля 1941 г. общее партсобрание угличских сотрудников НКВД вновь рассматривало подобное нарушение законности со стороны В.И. Шадрина. Милиционер вновь напился, потерял боеприпасы к табельному оружию, избил двух граждан на улице и в магазине, затем учинил незаконные действия в почтовом отделении и заснул на улице. Единогласным решением Шадрин был повторно исключен из числа в кандидатов в члены партии, звучали призывы к его увольнению из правоохранительных органов и передаче дела на него в военный трибунал. Любопытно, что при этом использовались характерные для эпохи штампы: «человек, полный лицемерия и обмана», который «окончательно разложился» и «дискредитировал РК милицию». Главное обвинение в адрес Шадрина заключалось в том, что такого сотрудника «могут легко использовать враги народа»[14].

Аналогичное нарушение законности совершил в ноябре 1944 г. оперативный работник Даниловского РО НКВД Обухов, который напился на праздничном вечеру по случаю 27-й годовщины Октябрьской революции и там же вступил в драку. Милиционер признавал факт злоупотребления алкоголем со своей стороны, объяснив его тем, что «предыдущие три дня отдыха перед праздником работал и поэтому считал себя вправе в этот день отдыхать». Однако свое поведение на вечере Обухов счел нормальным, хотя коллеги на закрытом партсобрании 16 ноября утверждали, что он «кому-то угрожал, был в возбужденном состоянии и костюм на нем был изорван», а родственники уговаривали пьяного милиционера идти домой. В конечном итоге Обухову лишь указали на его недисциплинированность и предупредили о возможном наложении в дальнейшем более строгих взысканий, а его проступок объяснили «плохим материальным условием», так как ранее он считался хорошим оперативным работником[15].

---

[11] ЦДНИЯО. Ф. 270. Оп. 3. Д. 148. Л. 5.

[12] Там же. Ф. 244. Оп. 4. Д. 27. Л. 5.

[13] Там же. Ф. 270. Оп. 2. Д. 252. Л. 16 об. – 17 об.

[14] Там же. Оп. 3. Д. 13. Л. 19.

[15] Там же. Ф. 244. Оп. 4. Д. 24. Л. 35 об.

Несмотря на регулярно принимаемые обязательства улучшить работу и использование при этом иных политических штампов сталинской эпохи или сравнений со своими коллегами периода первых лет Советской власти и Гражданской войны[16], сотрудники периферийных РОМ жили в 1940-е гг. столь же трудно, как и подавляющее большинство их земляков. Важной приметой эпохи стали антисанитария, неудовлетворительные условия работы, ее сложность и высокая продолжительность. Все это вкупе вело к трагическим срывам у некоторых работников РКМ.

[16] Там же. Ф. 270. Оп. 3. Д. 13. Л. 11.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АНТИФАШИСТСКИХ ЖЕНСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В СОВЕТСКОЙ ОККУПАЦИОННОЙ ЗОНЕ ГЕРМАНИИ (1945–1949 гг.)

Тюренкова Дарья Олеговна
(Тверской государственный университет)

Преодоление последствий Второй мировой войны на территории Германии в промышленности и сельском хозяйстве, бытовой жизни населения, необходимость формировании новой системы управления, нормализация культурной жизни и т. п. были связаны с деятельностью оккупационных властей и их идеологическим вектором. В советской оккупационной зоне привлечение женщин к «общественно полезной работе» по призыву КПГ (позднее – СЕПГ) имело ряд особенностей и было обусловлено как изменившимся объемом участия женщин в хозяйственной жизни в военные и послевоенные годы, так и экономическими потребностями государства. Активное участие в восстановлении Германии на данном этапе принимали женские общественные организации, характер и условия работы которых во многом отражают изменения в политике СЕПГ и изменения в повседневной жизни женщин послевоенной Германии.

Цель исследования – определить роль и характер деятельности женских антифашистских организаций в процессе послевоенного восстановления советской оккупационной зоны Германии в 1945–1949 гг.

Роль женщин в семейной и общественной жизни Германии в годы войны изменилась: на них легли обязанности не только по воспитанию детей без участия отцов, но и по обеспечению семьи одеждой, топливом, продовольствием, средствами к существованию, что в итоге привело, по мнению ряда исследователей, к формированию «зрелого матриархата»[1] и не могло не отразиться на стремлении и способности женщин участвовать в решении проблем послевоенной эпохи уже на районном, земельном, государственном уровнях.

Женские объединения возникли, в первую очередь, в связи с необходимостью общими усилиями справляться с тяготами, которые усилились

[1] *Nave-Herz R.* Die Geschichte der Frauenbewegung in Deutschland. Hannover, 1993. S. 58; *Sachs A., Wörner-Hell O.* Berufliche und soziale Situation von Frauen in der Nachkriegszeit (1945–1960) – Expertise (unveröff. Manuskript), Institut Frau und Gesellschaft. Hannover. 1983. S. 1.

в первые послевоенные годы, особенно из-за аномально холодных зим 1945/1946 гг. и 1946/1947 гг.[2] Как отмечает А. Камински, первые группы собирались в частных домах, при муниципалитетах, часто под эгидой церквей[3]. Среди задач женских объединений – создание и поддержка деятельности детских приютов и домов для пожилых людей, медицинская и психологическая помощь неспособным работать, тяжело- и психически больным, пережившим насилие женщинами и др.[4]

С 1945 г. начинают свою деятельность первые зарегистрированные женские организации, антифашистские женские комитеты, Берлинская женская ассоциация, Ассоциация католических женских объединений, Ассоциация гражданок Германии и др.[5] Участие женщин в государственном управлении и общественной деятельности в соответствии с идеологией было поддержано СЕПГ[6].

Советская военная администрация приказом № 80 от 30 октября 1945 г. объявила о необходимости объединения женских групп в антифашистские женские комитеты под контролем КПГ, задачей которых первоначально была «политическая, просветительская и художественно-воспитательная работа среди женщин на антифашистско-демократической основе»[7]. Зимой 1947 г. такие комитеты уже существовали в 12 249 муниципалитетах, но число работающих в них женщин было невысоким[8].

Демократическая женская ассоциация Германии, занявшая ведущее место среди женских объединений ГДР и позднее вошедшая в Национальный фронт, была образована на Женском конгрессе за мир 7–9 мар-

---

[2] *Клесманн К.* Раздел и объединение Германии // Краткая история Германии. СПб., 2008. С. 405.

[3] *Kaminsky A.* Frauen in der DDR. Landeszentrale für politische Bildung Thüringen und Bundesstiftung Aufarbeitung, 2013. S. 26.

[4] *Genth R., Schmidt-Harzbach I.* Die Frauenausschüsse: das halb gewollte, halb verordnete Netzwerk // Frauenpolitik und politisches Wirken von Frauen im Berlin der Nachkriegszeit 1945–1949, hg. v. Renate Genth, Reingard Jäkl, Rita Pwalowski, Ingrid Schmidt-Harzbach u. Irene Stoehr, Berlin. 1996. S. 47–74.

[5] *Nave-Herz R.* Die Geschichte der Frauenbewegung in Deutschland. [Hannover]: Niedersächs. Landeszentrale für Polit. Bildung, 1982. S. 60.

[6] Protokoll des Vereinigungsparteitages der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands (SPD) und der Kommunistischen Partei Deutschlands (KPD) am 21. und 22. April 1946 in der Staatsoper «Admiralspalast» in Berlin. Verlag J.H.W. Dietz Nachf. Berlin, 1946. S. 175.

[7] Inventar der Befehle des Obersten Chefs der Sowjetischen Militäradministration in Deutschland (SMAD) 1945–1949. Band 8. Offene Serie. Texte und Materialien zur Zeitgeschichte. Zugest. und. bearb. von Jan Foitzik. Im Auftr. des. Instituts für Zeitgeschichte. München: New Providence: London: Paris: Saur. Bd. 8. 1995. S. 79.

[8] *Kaminsky A.* Frauen in der DDR. Landeszentrale für politische Bildung Thüringen und Bundesstiftung Aufarbeitung, 2013. S. 38.

та 1947 г. в Берлине в присутствии 1100 делегатов[9] как беспартийная, межконфессиональная и межрегиональная. Создание ассоциации было призвано способствовать миру, ликвидации последствий войны, борьбе с любыми проявлениями фашизма и милитаризма, восстановлению экономики, достижению равенства женщин и т. д.[10]

Выступления, прозвучавшие на конгрессе[11], несмотря на их официальный характер, позволяют отследить тенденции во мнениях о создании объединяющей организации, выявить круг проблем, признаваемых значимыми, определить ключевые ценности и потребности женщин, те сложности, с которыми пришлось столкнуться женским группам, в частности остро обсуждался вопрос транспорта в условиях экстремально холодных зим. Среди докладчиков – представители администрации, члены партий, профсоюзов, отдельных женских организаций, в т. ч. находящихся в сотрудничестве с различными церквями и т. д.

В выступлениях содержатся критические тезисы об участии женщин в послевоенном восстановлении страны, об «однобоком» восприятии женщинами социальной политики. Одновременно признается: именно трудоспособные женщины, представляющие наиболее многочисленную группу в обществе, как никто осведомлены о сложностях населения и путях скорейшего восстановления государства, именно женщины, в новых реалиях вынужденные заниматься тяжелой, «мужской» работой, вносят наибольший вклад в перезапуск промышленности, разбор завалов и т. д. Одна из задач женщин, по мнению делегаток, это воспитание детей в антифашистском, демократическом духе для недопущения войны в будущем. Значимый вопрос – установление правового и реального равенства мужчин и женщин, в частности в оплате труда. В качестве ответа на все более очевидно проявляющиеся различия в идеологии оккупационных зон звучали надежды на скорейшее объединение Германии.

Таким образом, можно сделать ряд выводов: активность женских организаций была обусловлена повышением роли женщин в послевоенном обществе, потребностью совместного решения хозяйственных проблем; поддержка женских организаций со стороны КПГ и СЕПГ объяснялась стремлением расширить электоральную базу, а после 1949 г. – привлечь женские трудовые резервы для восстановления экономики. Документы женских организаций позволяют выявить проблемы, требовавшие скорейшего решения, определить наиболее значимые, по мнению женщин, аспекты повседневности, проследить процесс расширения идеологи-

---

[9] Fakten – Zahlen – Informationen // Demokratischer Frauenbund Deutschlands [Elektronische Ressource]. URL: https://ddr-frauen.jimdo.com/kongresse-1/ (Datum der Behandlung: 22.01.2020).

[10] Aufruf zum Gründungskongress des DFD, 1947, in: Die Frau von heute, Februar 1947, Nr. 3.

[11] Deutscher Frauenkongress für den Frieden. Gründungskongress des Demokratischen Frauenbundes Deutschlands 7., 8. und 9. März 1947. Staatsoper, Berlin, 1947. S. 9–155.

ческого воздействия СЕПГ на общественные организации. Протоколы Женского конгресса за мир 1947 г. обладают высоким информационным потенциалом и представляют интерес при изучении истории повседневности, женской истории, истории послевоенной Германии, истории СЕПГ.

«ВОЙНА – ЭТО...». ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В ЖИЗНИ И ИСКУССТВЕ ЭРНСТА НЕИЗВЕСТНОГО

Фадеев Лев Андреевич, к.и.н.
(Художественный музей Эрнста Неизвестного)

Скульптор Эрнст Иосифович Неизвестный был участником Второй мировой войны с 1942 по 1945 год. После прохождения учебы в Туркменистане в Кушкинском пулеметном училище он отправился на фронт, воевал на нескольких Украинских фронтах, получал ранения. Самое тяжелое – 28 апреля 1945 года в боях западнее Рюккендорфа. Приказом по 86-й гвардейской стрелковой Николаевской краснознаменной дивизии № 088/Н от 4 мая 1945 года за образцовое выполнение боевых заданий и проявленные при этом доблесть и мужество Неизвестный, младший лейтенант, командир стрелкового взвода 260 гвардейского стрелкового полка, был награжден орденом Красной Звезды. Будущий скульптор получил награду за то, что в ходе операции по захвату контрольного пленного первым поднялся в атаку и увлек за собой бойцов своего взвода. Ворвавшись в траншеи, он гранатами и огнем из автомата уничтожил пулеметную точку и 16 немецких солдат. Даже получив ранение, продолжал командовать взводом – в результате были взяты траншеи и пленный[1].

Эта архивная информация, подтвержденная воспоминаниями самого художника, достаточно широко известна. В отдельных аспектах она мифологизировалась, обросла подробностями в рассказах скульптора, услышать которые можно, например, в документальном фильме, созданном сотрудниками Художественного музея Эрнста Неизвестного[2]. Некоторые мысли о взгляде на мир с позиции фронтовика отражены в автобиографическом труде Мастера «Говорит Неизвестный»[3].

Война стала для художника первоначальным опытом, личным исследованием вопросов жизни и смерти (Неизвестный пережил вследствие ранения клиническую смерть), взаимодействия техники и биологической природы. Эти сюжеты нашли воплощение в конкретных работах.

---

[1] Центральный архив Министерства обороны (ЦАМО). Ф. 33. Оп. 686196. Д. 5306. Л. 188.

[2] Война Эрнста Неизвестного [Электронный ресурс]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=o_Ew-RXsDQ0 (дата обращения: 23.12.2019).

[3] *Неизвестный Э.* Говорит Неизвестный // Пермские новости. 1991.

Непосредственно войне посвящена одна из первых не соцреалистических серий художника под названием «Война – это...». Скульптор отходит от принятой традиции (впрочем, вбирая некоторые элементы стиля сурового реализма) и изображает войну не как торжество справедливости и победителей, а как драматичное событие, наполненное болью, смертью, но и стойкостью. Наиболее характерные скульптуры серии – «Шаг» (1961 г.) и «Раненый солдат» (1962 г.) Первая работа показывает распухшие от боли ноги (остальная фигура не изображена: ноги на войне для обычного солдата – главное). Скульптура воспринимается не только как мужской, но и как женский торс – это один из первых примеров использования художником приема гендерного обезличивания.

Если «Шаг» символизирует боль, то «Раненый солдат» обозначает стойкость. Несмотря на полученное тяжелое ранение (в области живота), он продолжает держаться на руках. Часть тела солдата с руками, напоминающими колонны, монументальна и мощна, воплощает волевые интенции. Основной ее посыл: желание выжить. Другая половина (с ранением) – наоборот, текуча (материал всех указанных работ – бронза), хаотична – ноги сильно деформированы. В этой работе находит отражение тема взаимодействия двух природ – природы духа и тела, позднее трансформировавшаяся в противостояние духа и безличной механической материи – к примеру, выраженное в скульптуре «Человек-робот» (1961–1962 гг.). В серию также входят и другие произведения, в частности «Солдат, пронзенный штыком», «Мертвый солдат».

Сам Мастер так пишет о данной серии:

«Первые мои работы назывались “Война это”. Я воспринимал войну не как парад победы, а как трагическое, противоречивое и противоестественное человеку явление. Так возникла эта серия. Часть человека превращалась в машину, в железо, которое олицетворяло войну, которое входило в плоть, как боль.

Потом эта тема переросла в тему “Роботы и полуроботы”, где человек уже сознательно боролся с мертвым металлом, потом это переросло в “Гигантомахию”, затем в “Древо жизни”. Человек уже овеществлен в делах своих, он породил вторую природу, предметы, продолжающие его руки, мозг, глаза, нервы и сердце, и задача изобразительного искусства в современном мире – создать некие всеединые символы и метафоры, чтобы показать растерявшемуся от обилия информации человеку ценность и беспредельность человеческого “Я”»[4].

Теме войны, оружия и технологий посвящена и одна из более ранних скульптур Неизвестного – «Ядерный взрыв» (1957 г.) Она изображает руку, направленную вверх и разрушающую маску (ассоциативный ряд здесь достаточно широк – работа напоминает, например, ядерный гриб). Символ руки у Мастера обозначает свободу выбора – человек может как создавать, так и разрушать. Атомная энергия может использоваться как

---

[4] Кентавр: Эрнст Неизвестный об искусстве, литературе и философии. М., 1992. С. 108.

в мирных, так и в разрушительных целях. В этом контексте значимо, что в 1957 году произошел взрыв радиоактивных отходов на предприятии «Маяк» Челябинской области.

Анализ влияния темы войны, выраженной в описанных нами скульптурах, на последующее творчестве Мастера уже делался несколькими искусствоведами. Так, Джон Берджер в своем исследовании «Эрнст Неизвестный и роль художника в СССР» (1969 г., перевод на русский – 2018 г.) отмечал, что после завершения Неизвестным ряда работ из серии «Война – это...», прямые свидетельства смерти (будь то самоубийцы, раненые, пронзенные и т. д.) в его скульптурах исчезли, а на смену им пришли противоречия жизни[5], заключенные в человеческом теле, которое стало полем «всех мыслимых метафор»[6] и зачастую через гибкость и адаптивность символизирует «упорство жизни», которое «создается и поддерживается постоянной необходимостью вбирать в себя противоречия и приспосабливаться к ним». В итоге скульптуры Неизвестного «становятся образцами стойкости (в научном, а в не в моральном смысле)»[7].

По мысли Берджера, одним из основных смыслов творчества Неизвестного является стремление продемонстрировать «отвагу, как один из возможных способов ответа на угрозы и страдания»[8]. «Народ и класс предъявляет доказательства своей отваги, не рискуя жизнью; напротив, доказательствами служат его стойкость и решимость выжить», – уточняет исследователь[9].

Другой искусствовед, Альберт Леонг, отмечал, что мемориалы жертвам сталинизма и холокоста у Эрнста Неизвестного являются «прославлением сопротивления и непоколебимости народов Востока и Запада»[10].

Сюжеты войны, борьбы и стойкости проявляются и в других работах скульптора, в том числе относящихся к 1980-м годам. В это время создается серия литографий «Холокост», насыщенная агрессивными и разрушительными мотивами. Позднее, в 1990-е – 2000-е годы, Мастер использует художественные приемы и символы, сформированные своими творческими поисками в военной теме, в разработке концепций, связанных с сохранением памяти о жертвах политических репрессий. Тема смертности тела и стойкости духа связывается с темой памяти, говорящей нам о вечности и бессмертии.

---

[5] *Берджер Д.* Искусство и революция. Эрнст Неизвестный и роль художника в СССР. М., 2018. С. 70.

[6] Там же. С. 72.

[7] Там же. С. 84.

[8] Там же. С. 85.

[9] Там же. С. 87.

[10] *Леонг А.* Кентавр: жизнь, искусство и мысль Эрнста Неизвестного // Кентавр: Эрнст Неизвестный об искусстве, литературе и философии. М., 1992. С. 9.

КОНЦЕПЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ХАННЫ АРЕНДТ: ЛИЧНОСТЬ, ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО

Филяева Алина Игоревна
(Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации)

В список наиболее известных политических философов и мыслителей XX века нельзя не включить Ханну Арендт, чья концепция политического входит в анналы политической науки. Характеристика понятия политического у Арендт предполагает описание особенностей взаимодействия личности, общества и государства.

Как пишет Х. Арендт в эссе «Что такое свобода?», «Raison d'être политики – это свобода, а область, где она переживается, – это действие»[1]. По Арендт, условие действия – «факт множественности, а именно то обстоятельство, что не один единственный человек, а многие люди живут на Земле и населяют мир»[2]. Без присутствия «мира соплеменников» действие невозможно, как и свобода. Арендт критикует философов, утверждающих, что человек может быть внутренне свободным, будучи несвободным внешне: она считает, что тот, кто не испытал на себе свободу «в качестве мирской, осязаемой реальности»[3], не имеет представления и о внутренней свободе. Чтобы человек стал свободным, необходимо, чтобы, во-первых, этот человек освободился – вырвался «из плена жизненной необходимости», во-вторых – чтобы существовали компания «других людей, находящихся в том же состоянии», и общее публичное пространство «для встреч с ними – другими словами, политически организованный мир, куда каждый свободный человек мог войти словом и делом»[4]. Таким образом, единственным свободным человек быть не может, он должен осуществлять свою свободу в действии, в общении с другими людьми.

Интересно, что и понятие власти Арендт связывает с множественностью, точнее плюральностью, утверждая, что «границы власти лежат не в ней самой, но в одновременном существовании других группировок

---

[1] *Арендт Х.* Между прошлым и будущим. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014. С. 221.

[2] *Арендт Х.* Vita activa, или О деятельной жизни. СПб.: Алетейя, 2000. С. 14–15.

[3] *Арендт Х.* Между прошлым и будущим. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014. С. 224.

[4] Там же.

власти, т. е. в присутствии других, которые стоят вне сферы моей власти и сами развертывают свою власть. Эта ограниченность власти плюральностью не случайна, ибо ее основная предпосылка заранее уже эта плюральность и есть»[5].

Роль действия, а значит, и политической деятельности, обусловлена фактом смертности человека и заключается в сохранении мира, в значительной степени состоящего из созданных человеком вещей и условий жизни, для потомков: «Поступок, насколько он служит учреждению и поддержанию политического общежития, готовит условия для преемственности поколений, для памяти и тем самым для истории»[6]. Это связано с одним из аспектов публичности: публичность, по Арендт, предполагает, что, во-первых, «все, являющееся перед всеобщностью, для всякого видно и гласно, так что его сопровождает максимальная открытость»[7], во-вторых, общий мир отличается от «сферы, которую мы называем нашей частной собственностью»[8]. Общность мира Арендт рассматривает в том отношении, в котором «общее мира лежит вне нас самих, мы вступаем в него, когда рождаемся, и оставляем его, когда умираем»[9].

«Новоприбывающие» в мир, в свою очередь, вносят в него свои изменения. Ханна Арендт утверждает, что «в сфере человеческих дел нам известен автор “чудес”. Их совершают люди – люди, которые (поскольку они получили двойной дар свободы и действия) могут учредить свою собственную действительность»[10]. Арендт считает, что человек создает и прерывает исторические процессы, своей инициативой, «тем initium, которое человек представляет собой в той мере, в какой он – существо действующее»[11]. В этой способности выходить за заданные предыдущими поколениями рамки и заключается свобода людей, их уникальная черта.

При этом каждый человек из множества людей уникален по-своему. По Арендт, «речь и действие суть деятельности, в которых выступает эта уникальность»[12]. И область политического Ханна Арендт понимает так, как ее рассматривали в древнегреческом полисе: как заключающуюся в деяниях и речи[13]. Причем, как утверждает Х. Арендт, «проясняющее качество речи и поступка, делающее так, что поверх слова и поступка говорящий и действующий тоже выступает в явленность, дает, однако, о себе знать собственно только там, где люди говорят и действуют друг с другом, а не один вместо другого и не друг против друга»[14].

---

[5] *Арендт Х.* Vita active. С. 267.

[6] Там же. С. 16.

[7] Там же. С. 66.

[8] Там же. С. 69.

[9] Там же. С. 72.

[10] *Арендт Х.* Между прошлым и будущим. С. 258.

[11] Там же. С. 257.

[12] *Арендт Х.* Vita active. С. 229.

[13] Там же. С. 35.

[14] Там же. С. 235.

Другими словами, «личное кто человека» проявляется в его словах и поступках, но только в случае, если человек готов существовать среди равных себе, давая объяснения о том, кто он есть[15], а не противодействовать им или выступать за другого. Если же ни один человек не знает, кто он, люди чувствуют себя чужими миру и друг другу, и такое состояние соответствует предельным проявлениям политического – в эпохи «заката, упадка и политической коррупции». Тогда действие становится лишь «средством для целей», как и речь: последняя ничего не значит и становится «пустой болтовней», а уникальность действующего не имеет значения. Действие становится анонимным, а значит, по Арендт, бессмысленным, а люди, рассматриваемые не в контексте своей личной уникальности, субъективности, превращаются в «нечто такое, что они не есть»[16].

Интересно, что, с точки зрения Арендт, политическое не связано с выживанием. Наоборот, «жизнь и выживание» – проблема частной жизни людей, вошедший же в политическое публичное пространство должен обладать «кардинальной политической добродетелью»[17] – мужеством. Для Арендт область политического – пространство, «которое защищено от всего преходящего и отдано относительно долговечному, а стало быть, прямо предназначено для того, чтобы обеспечивать бессмертие смертному человеку»[18]. С этим связано ее «героическое» понимание политики: человек рискует жизнью, чтобы обеспечить себе бессмертие, и в этом значении политика придает смысл жизни человека. Впрочем, в современности мужество уже не предполагает «особо героических свойств»: оно выражается в инициативе, «на какую мы должны решиться, чтобы тем или иным образом включиться в мир и в нем начать нашу собственную историю»[19]. Без такого мужества невозможны ни действие, ни говорение, ни свобода.

Законы, определяющие и очерчивающие «политическое существование народов»[20], создаются именно действиями и речью, поступками и словом. Арендт критикует философов, объясняющих специфическое устройство сфер человеческих дел природой человека: она создается непредсказуемой деятельностью многих поколений людей. Непредсказуемость действий людей приводит к необозримости последствий, характеризующей исторический процесс.

В целом, охарактеризовать понятие политического в концепции Ханны Арендт можно с помощью ее высказывания о том, что представляет собой древнегреческий полис: «не Афины, а афиняне были полисом»[21], «полис при строгом рассмотрении не есть государство в смысле географической локализации, он скорее представляет собой организационную структуру

---

[15] Там же.

[16] Там же. С. 241.

[17] Там же. С. 48.

[18] Там же. С. 73–74.

[19] Там же. С. 246.

[20] Там же. С. 252.

[21] Там же. С. 257.

своего населения, как она складывается во взаимном действии и говорении; его действительное пространство располагается в среде тех, кто живет ради этого бытия-друг-с-другом, независимо от того, где именно они находятся»[22].

Таким образом, с точки зрения Ханны Арендт, политическое – область взаимного действия и говорения людей, в которой, и только в которой, люди могут быть свободными; при помощи действия и слова, своей инициативой люди создают и изменяют законы, определяющие политическое существование своей общности; так, выражая свое «личное кто», люди участвуют в общественной жизни, формируя основы будущего государственного устройства.

---

[22] *Арендт Х.* Vita active. С. 263.

МОСКОВСКИЕ КОНФЕРЕНЦИИ ПЕРИОДА ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ХОД И ЗНАЧЕНИЕ

Хаткевич Александра Анатольевна
(Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова)

Дипломатия как искусство достижения целей посредством переговорного процесса обладает перманентной актуальностью, она востребована и в мирное, и в военное время. Это связано с тем, что до или в течение войн возникают союзнические отношения, формируются коалиции. Условия взаимодействия в такого рода объединениях и становятся предметом переговоров. Дипломатия активно использовалась во время двух мировых войн. В случае с Первой мировой это было связано прежде всего с трансформацией военно-политических блоков, условиями, которые гарантировались определенным государствам при вступлении в тот или иной блок. Что касается Второй мировой войны, акценты делались на экономической и военной взаимопомощи, координации ресурсов стран-союзников и на послевоенном мировом порядке. При рассмотрении дипломатии периода Второй мировой войны следует брать во внимание помимо знаменитой триады «Тегеран – Ялта – Потсдам» и другие союзнические встречи – например, серию Московских конференций.

Первая из этих конференций проходила с 29 сентября по 1 октября 1941 года. Повестка данной встречи носила в основном экономический характер, главным вопросом были поставки. Подготовительными мероприятиями, связанными с советско-американским сотрудничеством, стали встреча Гарри Гопкиса, личного представителя Франклина Рузвельта, с И.В. Сталиным для «выявления военных потребностей» Советского Союза, переговоры Корделла Хэлла с послом СССР в США К.А. Уманским и генералом Ф.И. Голиковым, встреча К.А. Уманского и генерала Джорджа Маршалла[1]. Между СССР и Соединенным Королевством было подписано Соглашение о взаимных поставках, кредите и порядке платежей от 16 августа 1941 года. Создание в августе 1941 года с целью укрепления военного сотрудничества СССР, США, Великобритании «Комитета трех» является предпосылкой трехстороннего формата взаимодействия держав, оформившегося впоследствии в антигитлеровской коалиции.

[1] *Сизоненко А.И.* Советско-американские переговоры по ленд-лизу и Московская конференция 1941 года // США и Канада: экономика, политика, культура. 2012. № 10.

В ходе конференции американской стороной был затронут религиозный вопрос. Аверелл Гарриман в телеграмме Государственному департаменту упоминает о том, что проинформировал Сталина о важности для общественности Соединенных Штатов разъяснения Советским Союзом вопроса свободы религии[2].

Итогом трехсторонней встрече стало подписание протокола о поставках. После Московской конференции, 3 октября 1941 года, Сталин в послании Уинстону Черчиллю отметил «весьма благоприятное значение» визита британской и американской миссий, быстрый темп и эффективность рассмотрения и решения «самых неотложных вопросов»[3].

Вторая Московская конференция состоялась 12–17 августа 1942 года. Соединенное Королевство представлял Черчилль, США – Гарриман. Тогда основным предметом переговоров выступил вопрос о времени открытия второго фронта. Кроме того, была достигнута договоренность о «возобновлении в полном объеме поставок в СССР» из Великобритании[4].

Третья Московская конференция проходила с 18 октября по 11 ноября 1943 года на уровне министров иностранных дел. Повестку составляли следующие вопросы: «сокращение сроков войны», второй фронт в Европе, предложение Швеции и Турции, сохранявшим нейтралитет, вступить в войну или предоставить авиационные базы[5].

В результате конференции была подписана Декларация четырех государств по вопросу о всеобщей безопасности, в которой Советским Союзом, Соединенными Штатами Америки, Великобританией и Китаем провозглашались такие положения, как, например, необходимость учреждения «всеобщей Международной Организации для поддержания международного мира и безопасности, основанной на принципе суверенного равенства всех миролюбивых государств», и недопустимость применения «своих вооруженных сил на территории других государств, кроме как после совместной консультации и для целей, предусмотренных в этой декларации»[6].

В совместном коммюнике подчеркивалась важность продолжения «теперешнего тесного сотрудничества» между тремя державами «в их собственных национальных интересах и в интересах всех миролюбивых

---

[2] The Ambassador in the Soviet Union (Steinhardt) to the Secretary of State. URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1941v01/d957 (дата обращения: 06.01.2020).

[3] И.В. Сталин – У. Черчиллю. 3 октября 1941 г. URL: http://www.doc20vek.ru/node/2818 (дата обращения: 06.01.2020).

[4] *Исраэлян В.Л.* Дипломатия в годы войны (1941–1945). М., 1985.

[5] *Магадеев И.Э.* Советская дипломатия на Московской конференции союзной тройки (19–30 октября 1943 г.) // Великая Победа. Т. 13. МГИМО – Университет Москва, 2015. С. 267–300.

[6] Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны: Документы и материалы. Т. 1 // ОГИЗ. Государственное издательство политической литературы. 1944. С. 360–361.

наций». В этом же документе указывается на решение о создании Европейской Консультативной комиссии для координации Правительств при изучении ситуации в Европе и Консультативного Совета по вопросам Италии для обеспечения согласованности политики его членов: СССР, США, Великобритании, Французского комитета национального освобождения, Югославии и Греции – относительно этой страны[7]. Таким образом, можно заключить, что Московская конференция 1943 года послужила основой для работы состоявшейся несколькими неделями позже Тегеранской конференции, где встретились лидеры трех государств Антигитлеровской коалиции.

Четвертая Московская конференция под кодовым названием «Толстой» проводилась с 9 по 19 октября 1944 года. От Великобритании в переговорах принимали участие Уинстон Черчилль и министр иностранных дел Энтони Иден, от США – Джон Рассел Дин и Аверелл Гарриман. При этом американская сторона взяла на себя только статус наблюдателя, тем самым освобождая себя от причастности к договоренностям, которые будут заключены на конференции.

Предметом исторических споров выступает реальность подписания так называемого «процентного соглашения» между СССР и Великобританией. Часть историков настаивает на том, что ответ Сталина на предложение Черчилля об установлении сфер влияния в Юго-Восточной Европе был отрицательным. Другие исследователи предполагают, что «реальная договоренность, хотя и не оформленная официально», существовала[8]. Четвертая Московская конференция и еще несколько встреч в двустороннем формате (в Квебеке, на Мальте) подготовили почву для Ялтинской конференции 1945 года, которая зафиксировала становление послевоенного баланса сил, Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений.

Итак, Московские конференции являются важным аспектом истории Второй мировой войны. Они выступали связующим звеном между остальными международными переговорами того периода, во многом оказывали влияние на их повестку.

---

[7] Англо-Советско-Американское коммюнике о конференции трех министров в Москве. Важнейшие международные документы // Мировое хозяйство и мировая политика. № 12 (декабрь). URL: https://www.prlib.ru/item/322797 (дата обращения: 09.01.2020).

[8] *Калинин А.А.* Отечественная и зарубежная историография «Процентного соглашения» У. Черчилля и И.В. Сталина 9 октября 1944 г. // Вестник ВятГУ. 2010. № 1.

«МАЙНИЛЬСКИЙ ИНЦИДЕНТ» В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Чекмасов Иван Александрович
(Московский государственный областной университет)

26 ноября 1939 года на участке советско-финляндской границы произошло событие, вошедшее в историю под названием «Майнильский инцидент». Инцидент стал отправной точкой обострения отношений между СССР и Финляндией и поводом для начавшейся спустя несколько суток советско-финляндской войны 1939–1940 гг.

Несмотря на то что первые официальные версии произошедшего вблизи деревни Майнила появились в печати уже на следующий день после обстрела, в отечественной историографии до сих пор нет однозначного ответа, по какую сторону от границы прогремели те выстрелы. В связи с чем представляется перспективным систематизировать существующие сейчас точки зрения и проанализировать накопленный исследователями аргументационный массив.

Задачи:

– проанализировать историографию по инциденту в Майнила;

– обозначить основные версии произошедшего инцидента;

– попытаться оценить качество представленных авторами аргументов в пользу своих версий;

– определить, на какие спорные вопросы представленных версий так и не были найдены ответы.

Официальная версия советской стороны. Вечером 26 ноября 1939 года, народный комиссар иностранных дел СССР В.М. Молотов принял посланника Финляндии Ирье-Коскинена и вручил ему ноту советского правительства, в которой говорилось, что 26 ноября в 15 часов 45 минут наши войска, расположенные на Карельском перешейке, были неожиданно обстреляны с финской территории артиллерийским огнем. Всего было произведено семь орудийных выстрелов, в результате чего убито трое рядовых и один младший командир, ранено семь рядовых, и двое из командного состава[1].

Официальная версия финляндской стороны. 27 ноября 1939 года финский посланник передал В.М. Молотову ответную ноту правительства Финляндии; в ней сообщалось о том, что финляндское правитель-

[1] Правда. 27.11.1939. № 328. С. 2.

ство в срочном порядке произвело расследование, которым было установлено, что упомянутые выстрелы были произведены 26 ноября между 15 ч. 45 мин. и 16 ч. 5 мин. по советскому времени с советской пограничной стороны[2].

Таким образом, уже по «горячим следам» были выдвинуты две основные версии произошедшего инцидента. Однако из-за начавшихся вскоре боевых действий изучение обстоятельств инцидента стало неактуальным. После окончания советско-финляндской войны наметилось два подхода в освещении войны. В одном из них публикации были рассчитаны на широкий круг советской общественности и имели преимущественно воспитательное предназначение. Изложение же другого рода предназначалось для весьма ограниченного круга лиц и представляло собой взвешенный, а также преимущественно критический анализ произошедших событий[3].

Поскольку «Майнильский инцидент» не относился к разряду событий, требующих анализа военных специалистов, упоминание о нем можно встретить только в сборниках рассказов о войне[4].

После Второй мировой войны в обстановке складывающихся дружеских советско-финляндских отношений и стремления СССР в этих условиях не «ворошить» весьма негативные страницы прошлого, историкам было нецелесообразно углубляться в тему о советско-финляндской войне.

В конце «перестройки» и в начале 90-х годов в связи с наметившимися изменениями в оценке советского периода отечественной истории[5] в качестве основной стала рассматриваться концепция западной историографии, трактовавшей «Майнильский инцидент» как сознательную провокацию советской стороны, искавшую повод к началу войны. Содержание таких публикаций имело политизированно-публицистический характер и не отличалось высоким с научной точки зрения качеством. В результате по этой весьма слабо изученной до того теме появились работы, в которых с претензией на сенсационность выдавали нередко не до конца проверенную информацию[6].

---

[2] Правда. 29.11.1939. № 330. С. 1.

[3] *Барышников В.Н.* Изучение советско-финляндской войны в отечественной историографии XX века // От войны к миру. СССР и Финляндия в 1939–1944 гг.: Сб. статей / под ред. В.Н. Барышникова, Т.Н. Гордецкой и др. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006. С. 55–56.

[4] *Ставский В.П.* Что случилось в районе Майнилы // Бои в Финляндии. Воспоминания участников. Часть I. М.: Воениздат, 1941. С. 25–28.

[5] Подр. см.: *Барышников В.Н.* Изучение советско-финляндской войны в отечественной историографии XX века. // От войны к миру. СССР и Финляндия в 1939–1944 гг.: Сб. статей / под ред. В.Н. Барышникова, Т.Н. Гордецкой и др. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006. С. 59.

[6] *Степаков В.* Майнила или история семи выстрелов // Россия. 02–08.10.1991. № 39 (47). С. 5; *Бунич И.Л.* «Гроза». Кровавые игры диктаторов. СПб.: Облик, 1997; *Соколов Б. В.* Тайны финской войны. М.: Вече, 2000; *Грачев С.* Лев сражается с мышонком, или Россия, кровью умытая. Советско-финляндская вой-

На настоящий момент в отечественной историографии сложилось несколько неравнозначных подходов к оценке этого происшествия. Наименее изученной при этом оказалась советская версия инцидента. Как правило, авторы, разделяющие позицию СССР, ограничиваются критикой аргументов финской версии, самостоятельных исследований при этом практически не предпринимается[7]. Некоторые историки вовсе не акцентируют внимание на организаторе провокации, справедливо полагая, что в настоящий момент нет объективных свидетельств в пользу одной из сторон[8]. Самая значительная часть исследователей поддерживают упомянутую выше концепцию западной историографии.

Попытаемся сформулировать основные позиции, на которые опираются авторы этих исследований:

– отсутствие информации о пострадавших красноармейцах;

– почему в Москве о произошедшем инциденте стало известно раньше ЛВО;

– отказ советского правительства от совместного расследования;

– отсутствие результатов советского расследования;

– содержание записок А.А. Жданова и полпреда СССР в Финляндии В.К. Деревянского;

– показания финских пограничников из расследования полковника Инкала;

– признание генерала КГБ С.Л. Окуневича;

– мемуары Н.С. Хрущева и К.Г. Маннергейма;

– показания советских военнопленных;

– провокация НКВД.

Версия третья – выстрелов не было. Такую версию произошедшего инцидента у погранзаставы Майнила высказал в своей работе «Советско-финские войны»[9] историк-архивист П. Аптекарь. Книга привлекла внимание научной общественности уже тем, что в ней была выдвинута альтернативная точка зрения, противоречащая одновременно и советской и финляндской официальным версиям.

Подводя итоги, стоит заметить, что, несмотря на значительное число работ, посвященных непосредственно инциденту в Майнила, эта тема не является закрытой и имеет достаточный потенциал для дальнейших исследований. Представленные версии не имеют прямых доказательств,

---

на 1939–1940 гг. // Вестник. 30.03.1999. № 7(214). URL: http://www.vestnik.com/issues/1999/0330/win/grachev.htm (дата обращения: 08.09.2019); *Аптекарь П.А.* Советско-финские войны. М.: Эскма, Яуза, 2004.

[7] *Гончаров В.* Кто же стрелял в Майнила? // Захаров М.В. Генеральный штаб в предвоенные годы. М., 2005; Мухин Ю.И. Красная армия. Парад побед и поражений. М.: ООО «ТД Алгоритм», 2016.

[8] *Широкорад А.Б.* Финляндия. Через три войны к миру. М.: Вече, 2009; *Барышников Н.И., Барышников В.Н., Федоров В.Г.* Финляндия во Второй мировой войне. Л.: Лениздат, 1989.

[9] *Аптекарь П.А.* Советско-финские войны. М.: Эскмо, Яуза, 2004.

а подбор косвенных зависит лишь от занимаемой автором позиции. При дальнейшем изучении обстоятельств инцидента особое внимание стоит уделить тем материалам, которые, как показало наше исследование, были изучены слабо или однобоко. Например, следует установить, были ли потери среди личного состава погранотряда, охранявшего этот участок границы. Изучить, как именно передавалось сообщение об обстреле и какое место в этой истории занимает запись телефонного разговора между Генштабом Красной Армии и оперативным дежурным ЛВО. Поиск архивных материалов также может иметь хорошие перспективы. Многое могли бы прояснить результаты расследования полковника Тихомирова, о котором говорилось в донесении Мерецкого.

На текущий момент стоит признать, что «примитивная провокация»[10], как ее называл Маннергейм, шитая к тому же красными нитками[11], почти 80 лет остается загадкой истории.

---

[10] *Маннергейм К.Г.* Воспоминания. [Пер. с англ.]. Минск: Попурри, 2012. С. 228.

[11] *Степаков В., Орехов Д.* Майнила, или Загадка зимней войны // Стерх. 1991. № 1. С. 40–42.

СОВЕЩАНИЕ ИСТОРИКОВ В ЦК ВКП(б) 1944 ГОДА В СВЕТЕ ИЗМЕНЕНИЙ В СОВЕТСКОЙ ИДЕОЛОГИИ

Червяков Руслан Юнадиевич
(Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова)

К началу 1944 года стратегическая инициатива на фронтах Великой Отечественной войны полностью перешла в руки Советского Союза[1]. К лету Красная армия сняла блокаду Ленинграда, освободила Крым и Одессу, Правобережную Украину и Кольский полуостров, боевые действия шли в Белоруссии, Прибалтике и на Западной Украине. Однако вооруженные силы Третьего рейха продолжали представлять из себя серьезного противника, поэтому говорить о скорой и легкой победе пока не приходилось.

С первых дней войны власть осознала, что для поддержания народного духа необходимо обращение к исторической памяти и наследию прошлого. В период с 1942 по 1944 год были восстановлены прежние и введены новые награды, отсылающие к подвигам предков: ордена Александра Невского, Суворова, Кутузова, Богдана Хмельницкого, Ушакова и других[2]. В ночь с 31 декабря на 1 января 1944 года страна услышала строки нового гимна, написанного поэтами С.В. Михалковым и Эль-Регистаном на музыку А.В. Александрова[3]. Еще в мае 1943 года Сталин распускает Коминтерн, главный штаб грядущей мировой революции. Все эти факты в совокупности говорят о том, что в идеологии советского государства наметился поворот. В намечавшихся переменах особая роль отводилась гуманитарным наукам, в особенности истории.

В этой связи возникла идея организовать совещание историков при участии ответственных работников ЦК ВКП(б). Оно проходило в Москве в мае–июле 1944 года. Несмотря на то что это событие не было подвергнуто громкой огласке[4] (как, например, знаменитая августовская

---

[1] *Вдовин А.И.* СССР. История великой державы. 1922–1991. М., 2018. С. 318.

[2] *Наумова Г.Р.* История исторической науки. Историография истории России. Часть 2. М., 2018. С. 120.

[3] *Соболева Н.А.* Из истории отечественных государственных гимнов // Отечественная история. 2005. № 1. С. 13.

[4] Об этом говорят даже участники заседания. См.: Вопросы истории. 1996. № 7.

сессия ВАСНХИЛ 1948 года или не менее знаменитые экономические дискуссии послевоенного времени), его значение огромно. Об этом говорит тот факт, что материалы совещания[5] были опубликованы еще в середине 1990-х годов, что позволило включить их в активный научный оборот. Зачастую совещание рассматривается исследователями в историографическом контексте[6,7] или с точки зрения формирования сталинской исторической науки[8]. Обращает на себя внимание работа В.В. Тихонова[9], в которой совещание историков включено в широкий контекст идеологических кампаний позднего сталинизма.

Идеология играла огромную роль в советском обществе, исполняя в первую очередь воспитательную и мировоззренческую функции. Однако нельзя не заметить, что уже в 1940-е годы советская идеология имела определенные расхождения с идеями, высказанными К. Марксом и Ф. Энгельсом или даже В.И. Лениным. Представляется, что идеология сама по себе – явление диалектическое, поэтому в процессе своего развития она неизбежно трансформируется и преображается, отвечая на новые вызовы объективной реальности. Таким вызовом для советской идеологии стала Великая Отечественная война. В этом плане совещание историков 1944 года является репрезентативным свидетельством этого факта.

Формальным поводом к организации совещания стал сигнал историка А.М. Панкратовой, ученицы М.Н. Покровского. В годы войны она оказалась эвакуирована в Алма-Ату, где возглавила работу по созданию «Истории Казахской ССР», первого полного исследования истории союзной республики с древнейших времен до современности. Работа была выдвинута на соискание Сталинской премии, однако негативная рецензия члена-корреспондента АН СССР А.И. Яковлева, а также негативное отношение к содержанию работы академика Е.В. Тарле помешали «Истории КазССР» пройти конкурсный отбор. Панкратова обращается в ЦК с просьбой собрать совещание историков, на котором были бы обсуждены вопросы развития исторической науки, то есть будет осуждено возрождение старых буржуазных концепций. ЦК отреагировал двойственно: были подготовлены материалы, в которых говорилось и о великодержавной тенденции[10] в исто-

---

[5] Стенограммы опубликованы в: «Вопросы истории». 1996. № 1–7, 9.

[6] *Наумова Г.Р.* Указ. соч. С. 125–126.

[7] Например: *Гришаев О.В.* Роль совещания историков в ЦК ВКП(б) в развитии советской историографии русской истории // Научные ведомости БелГУ. Серия История. Политология. Экономика. Информатика. 2013. № 1 (144). Выпуск 25. С. 132–136.

[8] *Юрганов А.Л.* Русское национальное государство. Жизненный мир историков эпохи сталинизма. М., 2011. С. 227–389.

[9] *Тихонов В.В.* Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука. Середина 1940-х – 1953 г. М., 2016. С. 61–68.

[10] О настроениях великодержавного шовинизма среди части историков // Вопросы истории. 1991. № 1.

рической науке, и о тенденциях, доставшихся в наследство от «школы Покровского»[11].

Таким образом, ЦК осудил как приверженцев старого курса на отрицание исторического прошлого России, так и тех, кто попытался бежать впереди паровоза и слишком яростно отстаивал патриотические позиции.

Всех историков – участников совещания можно разделить на несколько групп в соответствии не только с их позициями, но и по степени конструктивности. Не стоит забывать, что совещание было посвящено состоянию исторической науки в целом, а не обсуждению «Истории КазССР» (даже Панкратова настаивала на сборе отдельного совещания по этому вопросу). Однако же некоторые историки все равно вращались только вокруг проблемы работы Панкратовой. Были же, наоборот, те, кто обращал внимание на системные проблемы советской исторической науки – отсутствие научных школ, журналов, недостаточно активную публикацию монографий и т. д. Примечательно, что многие ратовали за создание общего центра, который бы занимался координацией деятельности историков.

Что же касается чисто исторических вопросов, то тут на первый план вышли проблемы происхождения славян и генезиса Древнерусского государства, возникновения русского национального государства, его трансформации в многонациональное государство, вопросы внешней политики самодержавия, характер колонизаторской деятельности. Если мы посмотрим на эти вопросы в более общем плане, с онтологической точки зрения, то они будут звучать следующим образом: кто мы такие? откуда мы взялись? мы зло или благо? Эти вопросы встали с особой остротой в условиях столкновения с расистскими теориями нацистов, с одной стороны, и брожениями в национальных республиках, с другой стороны. Не даром еще до историков подобного рода «просмотру» подверглись философы. Однако если в их случае дошло до постановления ЦК, в котором были разобраны ошибочные оценки философов, то в случае с историками такое постановление так и не было выпущено. Видимо, руководство страны в полной мере осознало, что в исторической науке лежат слишком глубокие противоречия и разгром любого из лагерей привел бы к катастрофическим последствиям для идеологии: уничтожение лагеря патриотов в годы войны очевидно ставило власть в двойственное положение, разгром же сторонников идеи мировой революции означал слишком резкий разрыв с прежним идеологическим наследием.

Совещание показывает, что в обстановке идеологической трансформации многие из историков сохраняли приверженность «школе Покровского», связанной с идеями мировой революции, тогда как другая

[11] О серьезных недостатках и антиленинских ошибках в работе некоторых советских историков // Вопросы истории. 1991. № 1.

часть выступала с патриотических позиций. Совещание выявило раскол в историческом сообществе, а также показало, с какими материальными трудностями приходится сталкиваться историкам при проведении исследований. Решение этих проблем должно было быть найдено уже в послевоенные годы.

«ДО И ПОСЛЕ»: 22 ИЮНЯ 1941 ГОДА В РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ

Черемухин Вячеслав Владиславович
(Московский педагогический государственный университет)

Вторая мировая война – одно из самых противоречивых и неоднозначных событий в истории мировой цивилизации. Разделение мира на враждующие лагеря, идеологическая конфронтация и экономическая дестабилизация привели к растущим социальным конфликтам, отзвуки которых слышатся в обществе вплоть до сегодняшнего дня.

Одним из участников мирового конфликта в эти годы стали и русские эмигранты, для которых вступление в войну фактически заставило выбирать не только свою политическую ориентацию, но и формулировать свою новую идентификацию в сложном мире «мирового пожара».

Известно, что к началу 1940-х годов русская эмиграция, которая в разных странах мира составляла от 1 до 2,5 миллионов человек, значительно трансформировалась. На смену старому поколению эмигрантов-политиков[1], пришло новое молодое поколение, не знавшее жизни в России до изгнания в 1920 году, но отстаивавшее позицию «активизма» в борьбе за Родину и возвращение домой[2]. В Европе возникли новые молодые организации – Младоросская партия, Народно-Трудовой Союз Нового Поколения, Российский Имперский Союз (РИС) и другие.

Во многом активная позиция молодой части эмигрантов заставляла их в 1930-е годы также принимать участие в гражданской войне в Испании. Из списка русских добровольцев в армии генерала Франсиско Франко, на стороне которого воевали беженцы, видно, что целый ряд лиц родились в 1910-е годы, которым соответственно ко времени конфликта наступило только от 22 до 26 лет. Среди них были фамилии графа Г.П. Ламздорфа (р. 1913), Б.В. Ильина (р. 1910), И.К. Сахарова (р. 1911) и т. д.[3]

С началом мировой войны русские эмигранты стали активно наблюдать за событиями в мире. Изгнанники, проживавшие во Фран-

---

[1] См.: *Бочарова З.С.* Феномен Зарубежной России 1920-х годов. Т. 2. М.; СПб., 2014; *Бочарова З.С.* Русский мир 1930-х годов: от расцвета к увяданию Зарубежной России. Т. 3. М.; СПб., 2014.

[2] *Антропов О.К.* Российская эмиграция в поисках политического объединения (1921–1939 гг.). Астрахань, 2008; *Антропов О.К.* Политический активизм русской эмиграции 1920–1940-е гг. Астрахань, 2016.

[3] *Семенов К.К.* Русская эмиграция и гражданская война в Испании 1936–1939 гг. М., 2016. С. 142–151.

ции и Югославии, первыми на себе ощутили атмосферу грядущего конфликта. Франция вышла из войны и оккупирована по итогам подписания Второго Компьенского перемирия 22 июня 1940 года. По его итогам северная часть страны стала оккупационной зоной, в то время как в южной части с центром в Виши было образовано коллаборационистское Французское государство во главе с маршалом Анри Петеном. Югославия была оккупирована еще быстрее – 17 апреля 1941 года, через 9 дней после вторжения немецких войск. Именно тогда «кончилось мирное время»[4].

С момента начала оккупации жизнь эмигрантов происходила в заколдованном круге – они вынуждены были искать работу, но французская администрация чинила им препятствия, отказываясь выдавать «карт д`эдентите», которая и служила документом для временного устройства на работу. С конца 1940 года эмигранты стали собирать средства для тех, кто оказывался в тяжелом материальном положении. Среди русских французов также проводились кампании по призыву их отправляться на работы в Германию, и чем ближе к началу кампании на Востоке, тем больше меры по отправке в Рейх стали носить принудительный характер[5].

О том, что война на Востоке неминуема, чувствовали эмигранты в разных странах. Княжна Мария Васильчикова, проживавшая в Берлине, еще 10 июня сделала запись в дневнике: «Судя по всему, большая часть германской армии сосредоточивается на русской границе»[6].

За шесть дней до начала войны, скорее всего это произошло 16 июня, в советское посольство в Виши прибыл молодой князь Волконский и попросил принять его в Красную армию, т. к. ему предложили занять место «диктора киевского радио» после оккупации города[7].

Парижанин Петр Ковалевский написал в дневнике 20 июня: «По дороге на урок встретил нашего почтальона, который остановил меня и долго говорил войне между СССР и Германией, о которой в один голос говорят все французы, хотя и радио, и газеты молчат. Откуда идут эти слухи?»[8] Мария Васильчикова в тот же день написала похожие слова, но, в отличие от Ковалевского, который не имел связей с немецкой администра-

---

[4] *Полчанинов Р.В.* Мы, сараевские скауты-разведчики. Дети белого движения. Югославия. 1921–1941 гг. М., 2015. С. 256.

[5] Русские в неоккупированной Франции // Часовой. 1941. № 258. С. 13; Нам пишут из Лиона // Часовой. 1941. № 258. С. 14; В неоккупированной Франции // Часовой. 1941. № 262. С. 15.

[6] Дневники М.И. Васильчиковой // Прожито [Электронный ресурс]. URL: (дата обращения: 29.01.2020).

[7] *Цурганов Ю.С.* Российская военная эмиграция в Европе. 1939–1945 гг. Дисс. на соискание ученой степени к.и.н. М., 2001. С. 114.

[8] Пасхальный свет на улице Дарю: дневники П.Е. Ковалевского 1937–1948 гг. Н. Новгород, 2014. С. 212.

цией, русская княжна жила в другом информационном пространстве, где пропаганда делала свое дело. «Пятница. Звонил Адам Тротт. Он один из немногих знакомых мне мужчин, кто любит подолгу говорить по телефону. Он приготовил мне какую-то работу, “которая меня отвлечет от всего прочего” – то есть, очевидно, от войны с Россией, которая, похоже, на носу», – такая запись появилась в дневнике русской берлинки[9].

21 июня дневниковая запись Ковалевского предвещает грядущую катастрофу: «На русской границе сосредоточено немцами свыше 100 дивизий. Вечером шли слухи о войне. Немцы говорили русским в гаражах, что скоро они вернутся к себе», – написал Петр Евграфович[10].

«22 июня. Воскресенье. Германская армия ведет наступление на всем протяжении восточной границы. Хако Чернин разбудил меня на рассвете, чтобы сообщить эту новость. Начинается новая фаза войны. Мы знали, что это сбудется. И все же мы потрясены!» – написала Мария Васильчикова в день начала войны на востоке. Более с этого момента до июня 1943 года она записей не сохранила, хоть, по ее утверждениям, и вела[11].

Атмосфера в Берлине, когда А. Гитлер обратился к нации со словами, что «настал час, когда необходимо выступить против этого заговора еврейско-англосаксонских поджигателей войны и тоже еврейских властителей большевистского центра в Москве», была отлична от той, которая охватила русский Париж.

В тот день, который был для православных Днем всех святых русских, многие эмигранты стали собираться у своего духовного центра – Александра-Невского собора на рю Дарю, чтобы узнать новости и понять, что же произошло. Беженцы находились в атмосфере слухов: «Одни слышали по радио, что советские войска вторглись без объявления войны в Восточную Пруссию, другие – что, наоборот, германские войска вступили в России»[12].

Французские журналисты взяли в осаду собор на улице Дарю. Одни хотели «фотографировать ту реакцию, которую произвела на русских весть о войне», другие стремились «получить мнение всех слоев русской эмиграции».

Однако получить единое мнение эмигрантов об этом было невозможно. Ковалевский подчеркивает, что среди русских сильное разделение: «Младшее поколение, даже те, которые работают у немцев (до 40 лет), – очень выдержанно и не высказывает ни малейшего чувства радости о происшедшем... Старшие, наоборот, явно выражают свой восторг, целуются, радуются, считают, что немцы спасут Россию и восстановят ее во всем величии и славе»[13].

---

[9] Дневники М.И. Васильчиковой...

[10] Пасхальный свет на улице Дарю... С. 212.

[11] Дневники М.И. Васильчиковой...

[12] Пасхальный свет на улице Дарю... С. 213.

[13] Там же. С. 213–214.

Пыл всех эмигрантов умерили «многочисленные аресты» уже в первый день начала войны, которые продолжались не менее недели по всей Франции. «Почти всех отправили в Компьень, где для них устроили лагерь», – записал Ковалевский[14].

Так прошло 22 июня 1941 года для русских эмигрантов. Для многих этот день был переломным не только в мировоззрении, но и в жизни.

---

[14] Пасхальный свет на улице Дарю... С. 217–220.

БОЕВАЯ ПОДГОТОВКА ВВС РККА В 1938–1941 гг.

Чернышова Дарья Сергеевна
(Российский государственный архив социально-политической истории)

Ни для кого не секрет, что 1930-е годы для Советского Союза стали временем интенсивной подготовки к войне. Развивался военно-промышленный комплекс, количественно и качественно росла Красная армия. При увеличении ее численности, совершенствовании техники, тактики ведения боевых действий было важно поддержание уровня боевой подготовки.

В своей работе я буду говорить о боевой подготовке военно-воздушных сил, подразумевая под ней «совокупность мероприятий, направленных к привитию личному составу частей и соединений ВВС практических знаний и навыков, необходимых для успешного выполнения ими боевых задач, вытекающих из основного назначения данной части или соединения, и общих задач боевого применения как в совместных действиях с земными войсками и флотом, так и в самостоятельных действиях»[1].

Нисколько не умаляя роли других важнейших процессов, впоследствии отразившихся на развитии боевых действий в годы Великой Отечественной войны, все-таки надо признать, что именно подготовка в 1930-е годы Красной армии вообще и летного состава ВВС в частности имела особое значение на начальном этапе Великой Отечественной войны. Этот период наглядно показал, что выучка бойцов, как индивидуальное, так и коллективное их мастерство, важнее совершенства технического их оснащения. Умение управлять самолетом, стрелять, работать в группе – те навыки, которые во многом определяют эффективность ВВС в бою.

Период с 1938 года по начало 1941 года был временем интенсивного развития советских вооруженных сил вследствие обостряющейся международной обстановки и становящегося все более небезопасным положения Советского Союза, что особенно стало понятно после разгрома Франции Германией в июне 1940 года. В 1937 году был утвержден план развития и реорганизации РККА в 1938–1942 гг. Авиации было уделено особое внимание. Продолжалось увеличение численности ВВС, формировались новые соединения, налаживалась их работа, «сколачивались»

[1] Советская военная энциклопедия. Т. 2. М., 1933. С. 501–502.

штабы, появлялась новая материальная часть. Все это породило достаточное количество трудностей, которые до конца так и не удалось преодолеть.

Стремительный количественный рост ВВС сопровождался большой затратой времени и привлечением большого количества ресурсов, потому что помимо увеличения личного состава и самолетного парка необходимо было следить за достаточным количеством горюче-смазочных материалов, запчастей, автотранспорта, ремонтных баз, аэродромов и прочего. Не всегда удавалось обеспечить части всем необходимым, особенно самолетами с двойным управлением и самолетами новых конструкций. Летом 1940 года были перебои с горючим, поэтому план боевой подготовки в полном объеме не выполнялся: не успевали отрабатывать технику пилотирования, хромала воздушно-артиллерийская подготовка.

В некоторых соединениях был некомплект личного состава. Так, в 1940 году в Ленинградском военном округе вновь сформированные полки были укомплектованы личным составом лишь на 70 %, а матчастью не укомплектованы вовсе. Общий некомплект штатных командиров составлял 45 %[2]. Много времени от выполнения плана боевой подготовки отвлекало на себя освоение новой материальной части, ввод в строй личного состава. Если брать во внимание и без того сложное устройство самолета как такового, да еще начало поступления в 1940 году более сложной новой матчасти, то авиации требовался грамотный летно-технический состав.

На всем протяжении обозначенного мной периода усложнение форм применения советской авиации и появление новых образцов вооружения требовало от личного состава высокого общекультурного и профессионального уровня, который на деле являлся низким, что порождало высокую аварийность и невысокое качество боевой подготовки. Неудовлетворительна была техника пилотирования, стрелковая, навигационная, метеорологическая подготовка. Установленный в конце 1940-го года новый принцип отбора кандидатов из призывников, имеющих среднее образование в военные авиашколы, результатов дать еще не успел. Те, кто уже выпустился, имели неудовлетворительную подготовку и продолжали доучиваться непосредственно в части, что тормозило выполнение плана боевой подготовки.

Существенным недостатком являлось отсутствие воинской дисциплины. Это обстоятельство имело место еще и вследствие неумения командиров добиться беспрекословного подчинения и выполнения приказов. Многие талантливые летчики, проявившие себя в небе Испании и Китая, выдвинутые на должность командиров эскадрилий или звеньев, часто не обладали организаторскими способностями, авторитетом и не могли должным образом поставить работу с подчиненными. Ситуация несколько начала выправляться с организацией в 1940 году курсов по подготовке

---

[2] Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 29. Оп. 56. Д. 106. Л. 3.

командиров звеньев, но каких-то значительных успехов добиться еще не удалось.

Несмотря на вышеперечисленные недостатки, которые не до конца удалось устранить к началу войны, были некоторые подвижки. Например, улучшилась оперативно-тактическая подготовка по части взаимодействия авиации с наземными войсками и организации авиаштабов, во многом благодаря опыту советско-финской войны и проведению учений, заложенных приказом НКО № 120 «О боевой и политической подготовке войск в летний период 1940 учебного года» от 16 мая 1940 г.[3] К 1940-му году начал использоваться индивидуальный подход к подготовке летного состава.

В 1940–1941 годах планировалось увеличить число авиационных кадров при уменьшении сроков их обучения, для доукомплектования личным составом частей. Увеличивалась сеть военно-учебных заведений. К концу 1941 года планировалось доведение количества летчиков в строю до 60 тысяч человек с соответствующим количеством летнабов, воздушных стрелков, технического состава и младших авиаспециалистов, которые бы обеспечивали 60 тысяч экипажей и обслуживали 32 432 самолета[4].

К июню 1941 года численность советских ВВС достигала приблизительно 21 тысячи машин. Был некомплект пилотов – 8,8 %, штурманов – 4,6 %, инженерно-технического состава – 15 %. Для новых формирований не хватало примерно 10 тысяч человек с высшим образованием, поэтому на руководящие должности назначались люди, имеющие среднее образование[5].

Все нововведения, предпринятые в 1940–1941 годах, по увеличению кадрового летно-технического состава к началу войны еще не успели принести свои плоды. Война застала Советский Союз в стадии перевооружения, количественного роста вооруженных сил. Да и, несмотря на все предпринятые шаги по улучшению уровня подготовленности советской авиации, к моменту начала Великой Отечественной войны он все еще не вполне давал возможность для успешного ведения боевых действий.

---

[3] «Зимняя война»: работа над ошибками (апрель – май 1940 г.): Материалы комиссий Главного военного совета Красной Армии по обобщению опыта финской кампании. М.; СПб., 2004. С. 393–410.

[4] Военно-воздушные силы России. Неизвестные документы (1931–1967 гг.). М., 2003. С. 123.

[5] *Бобров М.А., Федотов А.В.* Система подготовки авиационных кадров и укомплектованность ВВС Красной армии к началу Великой Отечественной войны // Вестник Академии военных наук. 2011. № 1(34). С. 162.

ФОРМИРОВАНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АНТИГИТЛЕРОВСКОЙ КОАЛИЦИИ В 1941–1945 гг.

Чичерин Роман Германович
(Московский государственный областной университет)

В своем радиообращении к населению от 22 июня 1941 года премьер-министр Великобритании У. Черчилль сказал, что «за последние 25 лет никто не был более последовательным противником коммунизма, чем я. Я не возьму обратно ни одного слова, которое я сказал о нем. Но все бледнеет перед развертывающимся сейчас зрелищем. Прошлое, с его преступлениями, безумствами и трагедиями, отступает»[1].

Между тем, мы можем говорить, что только через три недели после исторической речи Черчилля по радио началось официальное формирование антигитлеровской коалиции. Началом этому событию, безусловно, послужило заключение 12 июля 1941 года соглашения о совместной борьбе с нацистской Германией. По данному документу СССР и Великобритания обязывались оказывать друг другу всяческую помощь, не вести никаких других переговоров, не заключать перемирия и мирных договоров, кроме как с обоюдного согласия.

Стоит отметить, что во время переговоров наша страна настойчиво требовала у английского политического руководства открыть фронт на севере Франции, чтобы облегчить свое собственное положение в войне с Германией. Но премьер-министр Черчилль не хотел этого делать, ссылаясь на недостаточность технических средств для проведения столь важной и необходимой операции.

Конец июля ознаменовался визитом в СССР известного государственного и политического деятеля Г. Гопкинса. За время своего пребывания он полностью в положительную сторону изменил свое отношение к нашей стране, что впоследствии и высказал по прибытии обратно в США. На родине такую позицию Гопкинса разделили многие политические деятели, в том числе и президент Рузвельт. По его инициативе со 2 августа Соединенные Штаты стали оказывать военную и экономическую помощь Советскому Союзу в войне против Германии.

Следующим важным шагом в становлении антигитлеровской коалиции стала встреча Рузвельта и Черчилля на военно-морской базе

---

[1] *Черчилль У.* Вторая мировая война. Том 3. Великий союз. М.: Терра – Книжный клуб, 1998. С. 191.

Арджентия. Это были первые переговоры с участием президента США и премьер-министра Великобритании в годы Второй мировой войны. Но даже этот фактор не помешал лидерам двух стран добиться положительного итога от этой встречи. В результате была подписана Атлантическая хартия, которая явилась одним из основных программных документов антигитлеровской коалиции. В сентябре во время переговоров в Лондоне к Атлантической хартии присоединятся СССР и ряд других государств.

После того как в декабре Соединенные Штаты вступили в войну, можно уверено констатировать, что силы антигитлеровской коалиции значительно возросли. Большая часть стран выступила на одной стороне с США, Великобританией и СССР. В качестве доказательства данной точки зрения хотелось бы отметить первую вашингтонскую конференцию. В период ее проведения 1 января 1942 года представителями 26 государств была совместно подписана Декларация Объединенных Наций. Этот документ подтвердил, что страны будут выполнять Атлантическую хартию, бросят все свои силы на войну с агрессором и также не при каких обстоятельствах не будут заключать никаких сепаратных сделок ни с нацистской Германией, ни с милитаристской Японией на протяжении всего военного конфликта.

Казалось, что подписание Декларации Объединенных Наций должно было серьезно укрепить антигитлеровскую коалицию. Но нежелание открывать второй фронт, напротив, резко обостряло взаимоотношения между ее участниками. Вместо того чтобы послушать советское правительство и осуществить высадку в Европе, американцы и англичане совместно в ноябре 1942 года осуществили вторжение в Северную Африку. В ходе проведения данной операции из-за больших потерь они были вынуждены сократить поставки военных грузов в Советский Союз, что, как мы понимаем, вовсе не было на пользу нашей стране.

Успехи СССР в Сталинградской битве и на Курской дуге заставили Черчилля и Рузвельта стремиться к более плодотворному сотрудничеству с нашей страной в вопросе победы над общим врагом. Еще на конференции в Квебеке в августе 1943 года лидеры Великобритании и США приступят к практической подготовке открытия второго фронта в Европе. Затем данная проблема уже с участием СССР получит широкую поддержку на московском совещании министров иностранных дел, где главам внешнеполитических ведомств стран «Большой тройки» наконец-то удастся договориться о первой за годы Второй мировой войны встрече Сталина, Рузвельта и Черчилля в городе Тегеране.

Тегеранская конференция, которая проходила с 28 ноября по 1 декабря 1943 года, явилась, безусловно, важным событием во взаимоотношениях стран антигитлеровской коалиции. Уже в первый день ее открытия американский президент Рузвельт сказал: «Я хочу заверить членов новой семьи – собравшихся за этим столом членов настоящей конференции –

в том, что мы все собрались здесь с одной целью – с целью выиграть войну как можно скорее»[2].

Если в правдивость сказанных американским президентом слов глава нашей страны был готов поверить, то поведение Черчилля во время конференции в Тегеране не внушало никакого доверия советскому руководителю. Сталину не нравилось в английском премьер-министре то, что во время первой встречи лидеров «Большой тройки» в столице Ирана он стремился решать международные проблемы, не прислушиваясь при этом к мнению, исходящему от СССР.

В начале конференции Черчилль убеждал Сталина в необходимости в первую очередь скорейшего освобождения Рима от войск агрессора. Советский лидер, конечно, не возражал против такого решения английского премьер-министра, но хотел в то же время, чтобы главная операция союзников по антигитлеровской коалиции проходила на территории Франции.

Долгое время Сталин и Черчилль так и не могли договориться о том, где необходимо осуществлять высадку сил антигитлеровской коалиции. Как вспоминал В.М. Бережков, находившийся на тот момент в столице Ирана: «Лидер британских тори никак не хочет сложить оружия. Он вновь и вновь настаивает на своем, изображая дело так, будто, предлагая развернуть операции на юго-востоке Европы, он печется лишь о скорейшей победе над общим врагом»[3].

Конечно, как мы понимаем, такое упрямство со стороны Черчилля не могло продолжаться на протяжении Тегеранской конференции вечно. В конечном итоге английский премьер-министр под нажимом президента Рузвельта был вынужден принять позицию Сталина о необходимости проведения военной операции именно на территории Франции, в северной ее части.

Несмотря на разногласия, которые царили на Тегеранской конференции между лидерами СССР, США и Великобритании, нельзя не отметить ее позитивную роль в укреплении антигитлеровской коалиции. В последний день работы Сталин, Рузвельт и Черчилль совместно подписали «Декларацию трех держав», где, наконец, признали верность своим союзническим обязательствам по отношению к ведению войны против агрессора. Стоит отметить, что принятие данного документа также позволило вселить надежду, что в новом году страны антигитлеровской коалиции станут более сплоченными, чем ранее.

С наступлением нового 1944 года антигитлеровской коалиции удалось одержать ряд побед на ключевых фронтах войны. В первую очередь хотелось бы выделить вклад СССР в достижение общего успеха над агрессором. В январе Красной армии наконец-то удалось прорвать блокаду

---

[2] *Санакоев Ш.П., Цыбулевский Б.Л.* Тегеран. Ялта. Потсдам: сб. док. 3-е изд. М.: Международные отношения, 1971. С. 37.

[3] *Бережков В.М.* Тегеран, 1943. На конференции Большой тройки и в кулуарах. М.: АПН, 1968. С. 50.

Ленинграда, что позволило в восторженном тоне заговорить об этом событии на Западе даже тех людей, которые до этого не испытывали особой симпатии к нашей стране.

Кроме снятия блокады Ленинграда 1944 год отметился в памяти граждан нашей страны также и открытием второго фронта во Франции. Обращает на себя внимание то, что операция по высадке десанта была осуществлена почти через месяц после обговоренной в Тегеране даты – 1 мая 1944 года.

Пока американцы и их союзники не открывали второй фронт во Франции, все свои силы они бросили на итальянский театр военных действий. Как итог 4 июня им удалось освободить Рим от врага. На следующий день после этого Рузвельт в своем обращении к населению скажет: «Первая из столиц Оси в наших руках. Осталось еще две!»[4] Конечно, такие слова американского лидера дали повод многим исследователям задуматься о том, что он был крайне заинтересован в скорейшем окончании международного конфликта.

Последним событием 1944 года, где серьезно столкнулись интересы стран антигитлеровской коалиции, стала конференция в Вашингтоне, на вилле Думбартон-Окс. На этой встрече основные разногласия между ее участниками возникли по вопросу будущего состава Организации Объединенных Наций. Анализируя эту проблему в своей монографии, советский историк В.Я. Сиполс писал, что «было очевидно, что Советский Союз окажется в создаваемой международной организации в весьма сложном положении, так как большинство членов ее будут следовать за США и Англией»[5].

Вторая встреча Сталина, Черчилля и Рузвельта открылась в феврале 1945 года. На этот раз она уже проходила на территории нашей страны, в городе Ялте. Нужно признать, что это не было случайным явлением и объяснялось теми жертвами, которые Советский Союз к этому времени понес в войне с Германией и ее сателлитами.

Ялтинская конференция стала, безусловно, важным этапом в становлении и формировании всей антигитлеровской коалиции в годы войны. В отличие от Тегерана, мы можем констатировать, что тон бесед здесь был более дружественным, чем в столице Ирана. Так, об этом, безусловно, может говорить достигнутая совместно договоренность лидеров «Большой тройки» в отношении судьбы Германии. Сталин, Черчилль и Рузвельт на Ялтинской конференции приняли общими усилиями решение о разделении этой страны после окончания войны с агрессором на четыре зоны оккупации.

Помимо немецкого вопроса на второй встрече глав антигитлеровской коалиции ее лидерам также совместно удалось достигнуть компромисса

---

[4] *Рузвельт Ф.* Беседы у камина. О кризисе, олигархах и войне. М.: Алгоритм, 2012. С. 302.

[5] *Сиполс В.Я.* На пути к великой победе. Советская дипломатия в 1941–1945. М.: Политиздат, 1985. С. 288.

в отношении создания ООН. Сталин, Черчилль и Рузвельт для достижения этой цели согласились еще на одну конференцию в городе Сан-Франциско. Согласно предварительным договоренностям, полученным в Ялте, в ней смогут принять участие только те страны, которые объявили войну Германии и Японии не позднее 1 марта 1945 года.

В целом, оценивая вторую встречу «Большой тройки», советский историк Н.Н. Яковлев справедливо напишет, что «решения Ялтинской конференции неизмеримо укрепили антигитлеровскую коалицию»[6]. Лидерам «Большой тройки» в Ялте удастся заложить новую систему международных отношений.

В дальнейшем формирование Ялтинской системы продолжится уже на третьей по счету конференции лидеров стран «Большой тройки» в городе Потсдаме. Обращает на себя внимание тот факт, что состав ее участников по сравнению с предыдущими встречами претерпел значительные изменения. Вместо умершего в апреле 1945 года Рузвельта в Германию отправился новый американский президент Гарри Трумэн. Во время Потсдамской конференции станет известно, что консерваторы во главе с Черчиллем потерпели поражение на парламентских выборах. Новый премьер-министр, лидер лейбористов Клемент Эттли сразу же после этого возглавит английскую делегацию на встрече глав «Большой тройки» в Германии. Для многих политических и государственных деятелей того периода истории будет очевидно, что, несмотря на различие во взглядах с Черчиллем, он будет продолжать его линию во время переговоров с другими представителями антигитлеровской коалиции.

На конференции в Потсдаме И.В. Сталин вновь, как и ранее, столкнется с серьезными трудностями во время переговоров с лидерами США и Великобритании. На этот раз недопонимание во взаимоотношениях стран антигитлеровской коалиции возникнет в отношении судьбы Польши. Советское правительство в лице Сталина хотело передать западную границу этой страны под управление временного правительства национального единения. Американцы и англичане активно стремились не допустить этого, понимая, чем это может в конечном итоге закончиться для них.

Любопытно рассмотреть, как советская делегация объясняла причины, по которым необходимо было передать контроль западной границы Польши именно под управление временного правительства национального единения. В качестве основного повода указывалось то, что в ходе наступления советских войск подавляющая часть немецких граждан переместилась на запад. Американцы и англичане не только не хотели воспринимать это как основную причину, но продолжали придумывать всякие другие отговорки при принятии данного решения.

Не считая польской проблемы на Потсдамской конференции, серьезные разногласия между участниками антигитлеровской коалиции

---

[6] *Яковлев Н.Н.* США и Англия во Второй мировой войне. М.: Учпедгиз, 1961. С. 231.

также возникли и в отношении возмещения материального ущерба Советскому Союзу. Как отмечал по этому поводу в своих воспоминаниях прославленный маршал Г.К. Жуков: «Г. Трумэн и особенно У. Черчилль не хотели, чтобы в счет репараций демонтировались предприятия тяжелой индустрии западной части Германии»[7]. После тяжелых и длительных переговоров в Потсдаме страны антигитлеровской коалиции договорились вывезти лишь часть оборудования военных заводов из западных зон оккупации.

Неправильно было бы думать, что на Потсдамской конференции лидеры стран антигитлеровской коалиции только конфликтовали между собой. При решении некоторых важных проблем им почти сразу же удалось найти общий язык. Как отмечал советский историк В.Л. Исраэлян в своей книге: «Конференция согласилась с предложением Советского правительства о передаче СССР Кенигсберга и прилегающего к нему района – части Восточной Пруссии. Президент США и премьер-министр Великобритании заявили, что они поддержат это предложение на будущей мирной конференции»[8].

Также на Потсдамской встрече политическое руководство США и Великобритании еще раз подчеркнуло заинтересованность во вступлении нашей страны в войну с милитаристской Японией. Сталин заверил, что Советский Союз сделает это, согласно решениям, принятым еще на Ялтинской конференции.

Могло показаться, что, покидая Потсдамскую конференцию, страны антигитлеровской коалиции будут стремиться к активному сотрудничеству на международной арене. Однако уже первые предвоенные годы резко обострили взаимоотношения между ее основными участниками. Наш мир после 1945 года вступил в эпоху «холодной войны», где все определялось противостоянием двух систем: капитализма и социализма.

---

[7] *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. М.: АПН, 1969. С. 711.

[8] *Исраэлян В.Л.* Дипломатия в годы войны (1941–1945). М.: Международные отношения, 1985. С. 426.

НЮАНСЫ АМЕРИКАНСКОЙ ПОМОЩИ СССР В ХОДЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Чулков Дмитрий Игоревич
(Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова)

До атаки нацистской Германии на Советский Союз американо-советские отношения испытывали значительные сложности. После серии договоров государств Центральной и Западной Европы с Гитлером, а также пакта Молотова – Риббентропа между СССР и США воцарилось недоверие. В августе 1939 г. было отказано в выдаче разрешений на экспорт производственного оборудования и сырья, заказанных в Соединенных Штатах компанией Амторг (советское правительственное агентство по закупкам в США), два советских воздушных атташе были объявлены персонами нон-грата, различные советские военнослужащие в Соединенных Штатах были ограничены в передвижении.

На момент начала Великой Отечественной войны в США сложилось плохое отношение общества к Советскому Союзу, что создало непонимание необходимости военной помощи тоталитарной стране. С целью изменения данной повестки проводилась активная работа в трех направлениях: работа со СМИ, работа с Ватиканом и американскими католиками, а также работа с Москвой.

В действиях американской стороны была строгая нацеленность на экономическую выгоду. Это подтверждается данными разговора государственного секретаря США К. Халла и американского посла в СССР Л. Штейнгардта.

После начала операции «Барбаросса» американская сторона упростила процедуру документооборота между США и СССР. Для сравнения, запросы на поставки из Великобритании должны были сопровождаться достаточным количеством документов, подтверждающих необходимость и возможность использования поставляемых грузов, свидетельствами, доказывающими финансовую неспособность получить искомую помощь иным образом, а также информацией, раскрывающей состояние золотых и долларовых активов. Ф. Рузвельт согласился на сокращение графиков поставок только в случае острых проблем с транспортировкой, а также в случаях, когда выполнение обязательств мешало крупным американским операциям.

Американская помощь не была основополагающей в поставках союзников в самом сложном для руководства СССР моменте войны. Особен-

но важными для периода конца 1941 г. – начала 1942 г. были британские поставки танков и авиации. Американский вклад в указанное время был намного меньше ввиду действий руководства США после начала войны с Японией. Некоторая американская техника, предназначенная для Советского Союза, была фактически выгружена с торговых судов и предоставлена в распоряжение американских войск.

На сегодняшний день не слишком освещена деятельность союзников, направленная на развитие производства внутри СССР. Американцами и британцами было поставлено значительное количество станков и сырья, например алюминия и резины, для того чтобы помочь советской промышленности встать на ноги.

Логика «доброй воли» ленд-лиза в определенной мере была продиктована соображениями Ф. Рузвельта, опасавшегося, что СССР, вернув захваченные территории на западе страны, может заключить с Германией сепаратный мир сродни Брест-Литовскому договору 1918 г. К 1942–1943 гг. стало очевидно, что Советский Союз занимает доминирующее положение и является решающим фактором, способствующим разгрому нацизма в Европе.

В отличие от британского случая, Соединенные Штаты не пытались участвовать в экономическом принуждении СССР. США не только не злоупотребляли отношениями, но и предоставляли советской стороне особый вид помощи. Президент Рузвельт отверг предположения о том, что Соединенные Штаты должны с осторожностью относиться к советским намерениям и использовать советскую зависимость от ленд-лиза для формирования послевоенного порядка в интересах США. Даже после Тегеранской конференции и открытия второго фронта Ф. Рузвельт счел слишком убыточным план по экономическому воздействию на СССР.

Ленд-лиз играл важнейшую роль в советских военных усилиях, несмотря на массовое расширение советской промышленности и ее индустриальное восстановление. Так, зарубежный импорт обеспечил до одной четверти поставок самолетов и до одной пятой поставок танков в 1942 г.

Промышленная мощь Советского Союза, помноженная на особые географические и климатические условия, привела к иной позиции в отношении ленд-лиза, отличной от британской. СССР признавал свои нужды и слабости, но в то же время чувствовал себя более независимым в своих военных возможностях.

Советская сторона приуменьшала роль иностранной помощи в обеспечении общей победы. Об этом свидетельствовал посол США в СССР У. Стандли, текст которого в 1943 г. долго не хотела пропускать отечественная цензура. То же самое наблюдалось как после победы, так и в недавней истории.

Американская нота от 12 мая 1945 г. о прекращении ленд-лиза не была направлена исключительно против Советского Союза, а также не была совершенной неожиданностью для советского руководства. В то же время администрация США так или иначе спровоцировала первый серьезный конфликт с Москвой в период войны.

ВЫХОДЦЫ ИЗ НАРОДА В ПАРТИЙНОМ РУКОВОДСТВЕ В ГОДЫ ВОЙНЫ (НА ПРИМЕРЕ ПЕРВОГО СЕКРЕТАРЯ ЯРОСЛАВСКОГО ОБКОМА И ГОРКОМА ВКП(б) А.Н. ЛАРИОНОВА)

Шанина Ольга Николаевна, к.и.н.
(Государственный архив Ярославской области – Центр документации новейшей истории)

Алексей Николаевич Ларионов родился в августе 1907 года в д. Грибаниха Архангельской губернии в бедной крестьянской семье. Окончил двухклассное училище (1916–1921), два года Ленинградского заочного комвуза (1929–1932), два года подготовительного отделения Ленинградского института красной профессуры (1932–1933), три курса историко-партийного отделения Ленинградского института красной профессуры (1935–1938).

Изначально работал на разных отхожих заработках. С 1925 года был мобилизован на руководящую комсомольскую работу: сначала секретарем волостного комитета комсомола в Онежской и Чекуевской волостях Онежского уезда Архангельской губернии (1925–1927), затем инструктором, зав. агитпропом и секретарем Онежского укома комсомола (1927–1929). С 1929 по 1932 г. служил в Красной Армии в Ленинградской окружной школе погранохраны. Участвовал в проведении политики раскулачивания и подавления крестьянских восстаний в Закавказье. За ударную работу и учебу был 12 раз премирован ценными подарками.

С 1933 года на руководящей партийной работе: заместитель начальника политотдела (1933–1935), заместитель директора по политической части (1935) Крыжепольской МТС Винницкой области (УССР). С 1938 года в г. Ярославле: и. о. третьего секретаря Ярославского обкома ВКП(б) (1938–1940), второй секретарь Ярославского обкома ВКП(б) (1940–1942), первый секретарь Ярославского обкома и горкома ВКП(б) (1942–1946). С 1942 по 1944 год также был председателем Ярославского городского комитета обороны[1].

А.Н. Ларионов возглавил город и область в сложное военное время, обеспечил выполнение предприятиями заданий по выпуску оборонной продукции, успешно решил вопросы бесперебойного обеспечения

[1] Центр документации новейшей истории Государственного архива Ярославской области (ЦДНИ ГАЯО). Ф. 272. Оп. 35. Д. 7598. Л. 1–4.

фронта боеприпасами и оборудованием, приема эвакуированных, а также вопросы, связанные со строительством Угличской и Рыбинской ГЭС. На фоне военной зимы 1942 года, когда все основные ресурсы и персонал были эвакуированы на Восток, был запущен второй агрегат Рыбинской ГЭС. В условиях незаконченного строительства станция за 1942 год выполнила план на 142,6 %, дав за два года 1420 млн кВт электроэнергии. По области был проведен сбор средств на танковую колонну «Иван Сусанин», за что Ларионов получил личную телеграмму с благодарностью от И.В. Сталина[2].

В сельском хозяйстве под руководством Ларионова было обеспечено выполнение планов хлебозаготовок, взят курс на развитие подсобных хозяйств в городской черте. Так, после сбора урожая 1943 года с подсобных хозяйств города была проведена городская сельскохозяйственная выставка. По итогам выставки горком принял постановление о необходимости поощрения и премирования лучших рабочих хозяйств[3]. Следует отметить, что подобные выставки стали традиционными и поводились еще в 1944 и 1945 годах.

Были проведены мероприятия по благоустройству города Ярославля. Начало войны совпало с развертыванием в городе работ по капитальному ремонту жилого фонда. Все начатые объекты были отремонтированы, в результате было получено 175 квадратных метров дополнительной жилой площади[4]. Значимость этих ограниченных успехов вырастает в несколько раз, если учесть тот факт, что все это было сделано в условиях, когда линия фронта максимально близко подходила к территории Ярославской области.

Помимо постановлений обязательного характера горком ВКП(б) применял традиционные поощрительные и агитационные меры. С 1 апреля 1943 года было установлено переходящее Красное знамя горкома и горисполкома для районов города за лучшие показатели по ремонту жилищ и благоустройству[5], были задуманы и проведены агитационно-массовые мероприятия по цехам и домоуправлениям[6]. Результаты не заставили себя ждать.

По итогам 1944 года план ремонта жилых домов был выполнен на 117,5 %; было проложено 8 км теплового трубопровода, теплофицировано 28 зданий (что освободило город от заготовки и завоза 60,0 тысяч кубометров дров); была значительно расширена площадь асфальтового покрытия; высажено 9 928 деревьев и 23 536 кустов. В целом объем капиталовложений в жилищно-коммунальное хозяйство в 1944 году впервые за годы войны приблизился к довоенному уровню[7].

---

[2] ЦДНИ ГАЯО. Ф. 272. Оп. 224. Д. 573. Л. 7.

[3] Там же. Ф. 273. Оп. 68. Д. 736. Л. 116, 121; Д. 737. Л. 119.

[4] Там же. Д. 672. Л. 168.

[5] Там же. Д. 800. Л. 192.

[6] Там же. Л. 318–320.

[7] Там же. Д. 861. Л. 80–82.

В 1944 году за 75 дней методом народной стройки была построена новая Которосльная набережная. В строительстве набережной принимали активное участие все трудящиеся Ярославля, которые шли на стройку, как на большой народный праздник, и отработали на ней 120 000 человеко-дней[8].

В военные годы в городе были открыты три новых высших учебных заведения (медицинский, технический и сельскохозяйственный институты). На место ректора Ярославского мединститута был приглашен В.Г. Ермолаев, глава кафедры оториноларингологии Алма-Атинского университета и заместитель Министра здравоохранения Казахской ССР. На момент открытия Государственного медицинского института (1944 год) в него поступило на обучение 998 студентов.

Ярославский технологический институт резиновой промышленности был также создан в 1944 году. Набор студентов проходил на 2 факультета – технологический и механический и составил 150 человек. Директором института стал Е.В. Мигулин, до этого работавший инженером Ярославского резино-асбестового комбината, главным энергетиком Ярославского шинного завода.

Таким образом, несмотря на серьезные трудности войны, налеты вражеской авиации (только за октябрь 1941 года на город было совершено более 100 авианалетов), непосредственную близость фронта, г. Ярославль не имел за годы войны серьезных проблем ни с питанием трудящихся, ни с удовлетворением их культурно-бытовых запросов. Самым тяжелым временем для ярославцев (как и для всей страны в целом) стали осень 1941 г. – зима–весна 1942 г., когда возникали перебои с поставкой хлеба и трудности с заготовкой топлива, но из этой ситуации все-таки удалось выйти с наименьшими потерями за счет жесткого распределения продуктов питания и развития подсобных хозяйств.

Для примера, в 1941 году с подсобных хозяйств города было собрано 4071 центнера картофеля и овощей, а в 1944 году – 28 769[9]. Была взята под жесткий контроль и по возможности налажена работа столовых. В 1944 году из проживающих в Ярославле 278 854 человек 123 тысячи обслуживались в столовых города; помимо этого, 36 тыс. учащихся ежедневно получали 50-граммовые булочки и 10 граммов сахара[10]. Помимо этого, за годы войны жителями области было отправлено 144 тыс. тонн различных продуктов в блокадный Ленинград.

Конечно, все проводимые мероприятия (и об этом не раз упоминало и партийное руководство) полностью не удовлетворяли, да и не могли удовлетворить, учитывая военное время, потребностей жителей, однако создали пригодные для нормальной жизни условия. И особенно выдающимся является тот факт, что в такие тяжелейшие годы партийное руко-

---

[8] Там же. Ф. 272. Оп. 224. Д. 1646. Л. 16.

[9] Там же. Оп. 68. Д. 855. Л. 41.

[10] Там же. Л. 43–44.

водство интересовали не только вопросы пропитания, но и благоустройства города.

За успешное выполнение правительственных заданий в военное время А.Н. Ларионов был награжден тремя орденами Трудового Красного Знамени (1942, 1944, 1944), орденом Отечественной войны I степени (1945), орденом Ленина (1945). Покинул пост в августе 1946 года в связи с назначением на работу на должность заведующего Отделом кадров партийных органов Управления кадров ЦК ВКП(б).

В заключение хотелось бы отметить, что именно благодаря резолюциям Ларионова с пометкой «сохранить в архиве» на документах военного времени мы на сегодняшний день имеем в фондах ЦДНИ ГАЯО огромный массив бесценных источников по истории Великой Отечественной войны.

УЧРЕЖДЕНИЯ НАРКОМАТА ЭЛЕКТРОСТАНЦИЙ СССР НАКАНУНЕ И В НАЧАЛЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (по документам РГА в г. Самаре)

Шаронин Дмитрий Анатольевич
(Российский государственный архив в г. Самаре)

К настоящему времени история энергетики военных лет получила разработку в воспоминаниях энергетиков, в их последующих работах, а также в исследованиях профессиональных историков, где рассматривалась как неотъемлемая часть истории науки[1]. Недостаточно освещенной в истории энергетики периода Великой Отечественной войны представляется деятельность работавших в области электрификации и сооружении крупных теплоэлектростанций организаций Наркомата электростанций СССР, в частности Союзного треста по проектированию тепловых электрических станций и электро- и теплосетей «Теплоэлектропроект», Государственного треста по организации и рационализации районных электростанций и сетей «ОРГРЭС» и Всесоюзного теплотехнического института имени Ф.Э. Дзержинского. Документы этих учреждений, представленные годовыми отчетами по основной и производственной деятельности и исследовательскими отчетами, могут дополнить как историю самих учреждений, так и энергетики в целом.

Трест «Теплоэлектропроект» как самостоятельная проектная организации образовался в 1932 г. В перечень его работ входило проектирование зданий теплоэлектростанций, фундаментов под генераторы, устройств золоудаления, автоматики, линий электропередач и т. д.

---

[1] Россия электрическая / под ред. П.С. Непорожнего, В.В. Ежкова, В.Ю. Стеклова, М., 1975; Электрификация России: Воспоминания старейших энергетиков / сост. Д.Г. Котилевский, А.М. Маринов. М., 1984; *Маринов А.М., Миньков М.Я.* Электрификация Урала // 60 лет ленинского плана ГОЭЛРО / под общ. ред. П.С. Непорожнего. М., 1980. С. 260–270; *Жимерин Д.Г.* Развитие энергетики СССР. М.; Л., 1960; *Флаксерман Ю.Н.* Теплоэнергетика СССР. 1921–1980. М., 1985; Вклад ВТИ в Победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. / сост. В.И. Трембовля. М., 2010; Мой институт – моя судьба (историческая хроника): Всероссийский теплотехнический научно-исследовательский институт / сост. Б.Я Крюкова, Ю.Я. Кусковва, под общ. ред. Г.Г. Ольховского. М., 2011; *Гракина Э.И.* Ученые России в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. М., 2000; Просвет. История становления и развития уральской энергосистемы в 1920–1950-е гг. / И. Липовцева, М. Михеев, Н. Мельников, А. Сарапулова. Екатеринбург, 2017.

В начале 1930-х гг. помимо располагавшегося в Москве управления и Московского отделения, он имел отделения в Ленинграде и Харькове, а накануне Великой Отечественной войны – в Киеве, Ростове и Свердловске[2]. По мере увеличения числа проектировавшихся в стране теплоэлектростанций увеличивался его штат, насчитывавший на январь 1941 г. более 3 тыс. инженеров, техников, административного и обслуживающего персонала.

В числе запроектированных трестом в предвоенные годы объектов были крупнейшие теплоэлектростанции Центрального района, Урала и других регионов: Ярославская, Кизеловская, Зуевская, Кураховская и многие другие ГРЭС и ТЭЦ. Как правило, в довоенные годы сроки проектирования и строительства теплоэлектростанций составляли порядка 4 лет. Однако в связи с ускорением индустриализации в годы третьей пятилетки, «борьбой с излишествами» в энергетике и созданием комплексных проектных бригад, непосредственно выезжавших на место строительства, время проектирования и конечного строительства теплоэлектростанций стало сокращаться.

В первый год войны в связи с приближением линии фронта были ликвидированы Киевское и Ростовское отделения треста. Харьковское отделение эвакуировалось в Актюбинск (Казахстан), Ленинградское – в Красноярск (Сибирь), а Московское отделение вместе с Управлением – в Троицк (Урал). В результате на 1942 г. численность треста составляла около 1,5 тыс. человек[3]. После эвакуации условия труда сотрудников ухудшились. Управление треста не располагало удовлетворительным производственным помещением, мебелью и достаточным количеством осветительных приборов.

Основные задачи проектирования выполняли зарекомендовавшие себя до войны бригады численностью до 50 человек, находившиеся на объектах. Вместо 3-стадийного проектирования: составления проектного задания, технических и рабочих чертежей – непосредственно на строительных площадках ими сразу изготавливались рабочие чертежи. В результате сроки проектирования и строительства были сжаты до 1 года и нескольких месяцев.

Кроме того, за счет упрощения архитектуры, сокращения подсобных помещений, экономии бетона, арматуры, цемента и прочих строительных материалов значительно удешевлялась стоимость станций. Стоимость условной станции мощностью 50 МВт в годы войны сокращалась почти вдвое: с 85 до 45 млн руб.[4] В целом только в первые 2 года войны проектными бригадами треста в срок были выполнены необходимые рабочие чертежи по расширению и строительству Челябинской, Красногорской,

---

[2] Российский государственный архив (РГА) в г. Самаре. Ф. Р-272. Оп. 9–6. Д. 1, 2, 3, 5, 20; Оп. 14–6. Д. 3.

[3] Там же. Д. 12. Л. 46.

[4] Там же. Ф. Р-272. Оп. 9–6. Д. 12. Л. 59.

Безымянской и других ГРЭС и ТЭЦ, за что сотрудники треста были премированы и получили письменные благодарности НКЭС СССР[5].

Важные задачи в области энергетики стояли перед Всесоюзным теплотехническим институтом. Накануне войны он являлся ведущим энергетическим исследовательским центром, имел стабильное финансирование и располагал штатом квалифицированных сотрудников. В первой половине 1941 г. деятельность ВТИ протекала согласно утвержденному плану и заключалась в высвобождении ценного топлива в энергетике за счет использования местных видов топлива, в повышении эффективности и надежности эксплуатации теплоэнергетического оборудования, во внедрении в энергетику пара высоких давлений, средств автоматики и в ряде других работ.

Война внесла в его деятельность серьезные коррективы. В июле 1941 г. с участием сотрудников ВТИ были сформированы комплексные бригады, направленные на электростанции Воронежа, Саратова, Баку и другие регионы страны, где они проводили разработанные меры светомаскировки теплоэлектростанций[6]. Уже с октября 1941 г. институт стал готовиться к эвакуации в Кемерово (Западная Сибирь). Штат его сотрудников сократился с 640 до 162 человек. Тем не менее основной квалификационный состав – 157 человек, включая 34 доктора и кандидата технических наук, был сохранен. В октябре–ноябре вместе с сотрудниками ВТИ и членами их семей в 6 вагонах эвакуировалась измерительная аппаратура, оборудование некоторых лабораторий, часть библиотеки и технический архив. После эвакуации часть сотрудников ВТИ была размещена за счет жилищного фонда местной ГРЭС, а часть – за счет городского фонда и путем подселения к жителям города.

Непростой была ситуация с административным зданием. После телеграммы заместителя председателя СНК СССР М.Г. Первухина местный горисполком предоставил ВТИ 4 квартиры жилого дома и недостроенное здание детских яслей, в котором предстояло провести коммуникации и произвести отделочные работы. В начале войны вплоть до реэвакуации в 1943 г. бригады ВТИ приняли участие в наладке оборудования на Среднеуральской, Егоршинской, Кизеловской, Саратовской, Закамской, Уфимской, Новосибирской и Кемеровской ГРЭС и ТЭЦ. На площадке Красногорской ТЭЦ они спроектировали не требующие металлоемких барабанов прямоточные котлы и провели другие важные проектные работы[7].

Не менее важные задачи в развитии энергетики Урала и прилегающих к нему регионов выполнял созданный в 1933 г. трест «ОРГРЭС», эвакуированный в 1941 г. в Свердловск. Сотрудники треста занимались пуском и наладкой электростанций, организацией их ремонта, наладкой защиты линий электропередач и подстанций. В годы войны в условиях топлив-

---

[5] Там же. Д. 14. Л. 66–66 об.

[6] Там же. Ф. Р-277. Оп. 1–1. Д. 1437, 1438.

[7] Там же. Оп. 2–6. Д. 321.

ного дефицита сотрудники треста вместе с сотрудниками ВТИ приняли участие в переводе теплоэлектростанций на местное топливо, высвободив тем самым более ценные коксующиеся угли для металлургических заводов[8], а также разработали метод ремонта линий электропередач под напряжением без отключения предприятий оборонной промышленности от сети.

Таким образом, краткая реконструкция истории учреждений НКЭС СССР в начале войны по документам РГА в г. Самаре свидетельствует о том, что, несмотря на эвакуацию, потерю производственной базы, сокращение штата и бытовые сложности, они смогли успешно перестроить свою деятельность, внеся вклад в развитие энергетики тыла и Победу в Великой Отечественной войне.

---

[8] РГА в г. Самаре. Ф. Р-503. Оп. 2–6. Д. 1.

ВОПРОС О ПОСЛЕВОЕННОМ ТЕРРИТОРИАЛЬНОМ ДЕЛЕНИИ ГЕРМАНИИ НА ВСТРЕЧАХ ЛИДЕРОВ СТРАН-СОЮЗНИКОВ

Шемченок Николай Анатольевич
(Московский государственный областной университет)

В современной отечественной и зарубежной историографии Второй мировой войны касательно вопросов, связанных с решениями «большой тройки» о послевоенном переустройстве мира и Германии в частности, среди ряда историков можно наблюдать тенденции к обвинению советского руководства в стремлении навязать свою волю восточноевропейским странам и закрепить свое влияние в Германии посредством ее разделения. Таким образом, решения международных конференций, где СССР якобы «продавливал» свои экспансионистские планы, представляются темными страницами российской и мировой истории, а политика союзников представляется как политика позорной «капитуляции» перед СССР[1]. В связи с этим актуальным представляется исследование позиций лидеров стран-союзников относительно «германского вопроса» на международных конференциях.

Тегеранская конференция, проходившая с ноября по декабрь 1943 г., стала первой встречей союзников, на которой были выдвинуты серьезные предложения о послевоенном разделении Германии. Автором данных предложений выступил президент США Ф.Д. Рузвельт. Его план заключался в разделении Германии на пять частей: Пруссия; северо-западные районы; Гессен, Дармштадт, Кессель; Бавария, Вюртенберг и Баден. Кроме того, районы Кильского канала и Гамбурга, Рурской и Саарской областей должны были стать особой зоной под контролем Объединенных Наций. Таким образом, план Рузвельта предполагал расчленение Германии на пять частей, каждая из которых была бы независимым государством, и выделение двух областей международного контроля[2].

Интересна позиция У. Черчилля на Тегеранской конференции касательно данного вопроса. Британский премьер не раз подчеркивал, что корнем германского милитаризма является собственно Пруссия, из чего делал вывод о необходимости ее изоляции от остальной Германии. Чер-

---

[1] *Фуллер Дж.* Вторая мировая война 1939–1945 гг. Стратегический и тактический обзор. М., 1956. С. 373.

[2] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны: Сб. документов. Т. 2. Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании. М., 1978. С. 166.

чилль предполагал разделение Германии на две части: Пруссию и южногерманские государства, которые предполагалось включить в дунайскую конфедерацию. Британский премьер полагал, что южные немцы в меньшей степени виноваты в развязывании конфликта и новой войны в будущем не начнут. Кроме того, Черчилль считал, что если Германия будет раздроблена и из новообразованных частей не будет создано каких-либо комбинаций, то велика вероятность нового объединения германцев[3].

Наиболее сдержанную позицию по данному вопросу занял И.В. Сталин. Он не выступил против плана Рузвельта, однако заявил, что данный вопрос нуждается в дальнейшем обсуждении. При этом советский лидер резко выступил против плана Черчилля, мотивируя свою позицию тем, что нет никакой возможности избежать объединения немцев в будущем. Создание же новых комбинаций из частей бывшей единой Германии и дунайских государств было, по его мнению, нецелесообразно, так как данные объединения будут нежизнеспособными[4].

В октябре 1944 г. на IV Московской конференции Черчилль в беседе со Сталиным вновь поднял вопрос о послевоенном разделении Германии. Британский премьер вновь высказал идею о разделении Германии на две части: Пруссия с провинциями и Бавария. При этом такие области, как Вестфалия и Рур, должны будут находиться под международным контролем[5].

Несмотря на то что в «Протоколе Соглашения между правительствами СССР, США и Соединенного Королевства о зонах оккупации Германии и об управлении “Большим Берлином”»[6] ясно прописаны планы союзников относительно разделения Германии, из анализа текстов конференции в Крыму хорошо видно, что в начале данной встречи единого мнения у союзников все еще не было.

Данный вопрос был вновь поднят Сталиным с целью прийти к финальному соглашению по данной проблеме. Из анализа записи заседания глав правительств от 5 февраля 1945 г. видно, что Черчиллль вновь склоняется к разделению Германии на две части: Пруссию и южногерманское государство со столицей в Вене. Именно такой раздел, по мнению Черчилля, мог бы обезопасить Европу от новой войны[7].

Рузвельт же воздержался от каких-либо конкретных предложений. Соглашаясь с тезисом о необходимости раздела Германии, он тем не менее отказался ответить на вопрос, на сколько частей страна должна быть раз-

---

[3] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны: Сб. документов. Т. 2. С. 166.

[4] Там же.

[5] Там же. Т. 4. Крымская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.). М., 1984. С. 60.

[6] Русский архив: Великая Отечественная: Т. 15 (4–5). Битва за Берлин (Красная армия в поверженной Германии). М., 1995. С. 340.

[7] Советский Союз на международных конференциях... С. 61.

делена. Главным вопросом американский президент считал собственно соглашение всех союзников с тем фактом, что Германия будет разделена[8].

Сталин же при обсуждении данного вопроса с союзниками не выдвигал каких-либо предложений, надеясь на выработку совместного решения в ходе дискуссии.

В конечном итоге У. Черчилль высказал предположение, что в случае скорой капитуляции Германии союзникам ничего не останется, кроме как занять Германию по зонам[9], что и было осуществлено, как это видно из «Декларации о поражении Германии и взятии на себя верховной власти в отношении Германии правительствами СССР, Великобритании, США и Временным правительством Франции»[10].

Проведение же новых территориальных границ каждой зоны на территории Германии было осуществлено в соответствии с «Протоколом Соглашения между правительствами СССР, США и Соединенного Королевства о зонах оккупации Германии и об управлении “Большим Берлином”».

Из проведенного анализа позиций глав стран-победительниц на основании текстов международных конференций видно, что наибольшую заинтересованность в разделе Германии и наибольшую активность в разработке соответствующих планов проявляли лидеры западных союзников. Сталин же на встречах с лидерами стран-союзников не высказывал какого-либо определенного мнения по данному вопросу, предпочитая скорее обсуждать и корректировать идеи своих коллег, что не дает нам права считать Советский Союз главной заинтересованной стороной в послевоенном разделении Германии.

---

[8] Советский Союз на международных конференциях... С. 63.

[9] Там же. С. 61.

[10] Декларация о поражении Германии // Великая Отечественная война 1941–1945: энциклопедия. М., 1985. С. 237.

A DIPLOMAT AND A SPY. LIFE AND ACTIVITIES OF L.B. HELFAND IN ROME ON THE EVE OF OPERATION BARBAROSSA

Bianchi Giulia
(Sapienza University of Rome, Italy)

This paper aims to cast light on the case of Lev Helfand, a Soviet diplomat who operated in Italy between 1933 and 1940 mostly remembered for his defection to the United States and his involvement in espionage. Curiously, little attention has been given to his diplomatic action and his role in the evolution of European political alliances in a crucial historical moment.

Little is known about Helfand's past, except for references difficult to verify. According to the resume that he himself drew up, he was born in 1900 in Poltava, Ukraine. Educated in Kiev and Moscow, a *Sous-Commandant* of the Russian Army during the Civil War, after the Bolshevik victory he stayed in Russia and joined the Foreign Service in 1925. After a first assignment in France, he returned to Moscow in 1927, where as deputy political director of the *Narkomindel* he dealt with the affairs related to France, Italy and Anglo-Saxon countries[1]. This office gave Helfand the opportunity to strengthen his relations with Maksim Litvinov, the man that in 1930 became the Commissar of Foreign Affairs. Helfand actively pursued Litvinov's foreign policy, devoted to establish solid relations with the Western countries as a way of normalizing and securing the existence of the Soviet Union, threatened by German and Japanese growing militarism.

Helfand in Rome

Originally, Italy was included in Litvinov's anti-German containment scheme, since he firmly believed that, despite their propaganda, Italy and Germany were divided by an inner antagonism[2]. Probably due to his knowledge of Western countries' politics, Helfand was instructed to prepare the ground

[1] On Helfand/Gel'fand, *R. Maffei,* Il caso Helfand. La defezione nel 1940 del diplomatico sovietico a Roma nei documenti americani / "Nuova Storia Contemporanea", n. 5/2014, pp. 49–74; *B.R. Sullivan,* Soviet penetration of the Italian intelligence services in the 1930s / Storia dello spionaggio, *T. Vialardi di Sandigliano-V. Ilari*, 2006. P. 83–104.

[2] Dokumenty vneshnej politiki SSSR (DVP), Gospolitizdat-Mezhdunarodnye otnoshenija, M., Vol. 21, Doc. 96.

for drawing away from Germany the Italian government, as part of the work already resulted in the Pact of Friendship, Neutrality and Non-aggression[3].

Helfand arrived in Rome in late 1933 as first secretary of the Soviet Embassy, and in 1935 became counsellor to the newly appointed ambassador, Boris Štein. Since the latter was often absent, Helfand ended up playing a leading role in implementing Soviet policy towards Italy. This made him the subject of a constant surveillance by the Italian political police, soon joined by the Italian secret service. Several reports were drawn up about Helfand and his wife, the actress Sofija Shatzov. Naturally, rumours about Helfand's alleged activities as an agent of the GPU and the NKVD in Paris and Rome did not escape the attention of the Italian police, although no definitive evidence could be found[4]. Instead, it is proved that as a diplomat Helfand was well integrated in the Italian political society and that he gave an actual contribution to the development of Soviet-Italian relations. From late 1938 until his defection, in fact, he held the position of *Chargé d'affaires*, heading the Soviet diplomatic mission in Rome throughout meaningful years.

Helfand's Contribution to Italo-Soviet Relations

The German moves towards Austria and Czechoslovakia in 1938–1939 sharply altered the political and territorial structure of post-war Europe. As for Italy, by this time the Stresa Front had not passed the test of the Italo-Ethiopian war. Facing Anglo-French refusal to meet Italy's wishes, Mussolini resorted to reaching out to Germany, using Italo-Germany axis to gain diplomatic leverage. The shift in Italy's foreign policy undermined Litvinov's efforts to isolate Germany in Europe but did not compromise entirely the Italian-Soviet relations. The bilateral trade agreements remained in force, and Rome and Moscow kept working together on sensitive issues, such as the release of the sailors of the ship "Komsomol" taken prisoner by the Spanish Nationalist Government for exchange against Italian citizens arrested in the USSR[5].

Helfand's friendly relations with the Italian political milieu facilitated such close collaboration. The Soviet diplomat had indeed befriended his peer Galeazzo Ciano, the Italian ministry of Foreign Affairs and son-in-law of Mussolini. As reported in Helfand's dispatches and in the pages of Ciano's diary, they had frequent contacts, especially in the *lido* of Castel Fusano, the favourite destination for Italian leading officials, where Helfand bought the beach cabin next to Ciano's. Over the years Helfand became "very intimate" not only with Ciano, but also with his long-time friend and closest adviser,

---

[3] *Khormach I.A.* SSSR–Italija 1924–1939 gg. Diplomaticheskie i ekonomicheskie otnoshenija, Moskva, IRI RAN, 1995; Moskva-Rim: politika i diplomatija Kremlja 1920–1939, Moskva: Nauka, 2002; *J.C. Clarke,* Russia and Italy against Hitler, the bolshevik-fascist rapprochement of the 1930s, NY, 1991.

[4] *Maffei R.* Op. cit. P. 51–52. *Nieddu L.* L'ombra di Mosca sulla tomba di Gramsci e il quaderno della Quisisiana, Le lettere, 2014, pp. 190–191.

[5] DVP SSSR, Vol. 22.1, Doc. 258, 310.

Filippo Anfuso. Even the British ambassador in Rome, Eric Drummond, noticed the striking closeness and familiarity between Helfand and Ciano, reporting that the Soviet diplomat was "astonishingly well-informed[6]".

Therefore, it is no coincidence that the most detailed information on matters of great concern for the USSR came to Moscow via Helfand. In the spring of 1939, Ciano constantly informed him on the developing dispute between Germany and Poland over Gdansk[7]. It is also thanks to their intimate relations that Helfand had the chance to inform his government of the imminent signing of the *Pact of Steel*. In a two-hour conversation with Helfand, not only did Ciano reveal that he was about to leave for Berlin, where he would sign a political and military alliance with Germany, but, prompted by Helfand's smart questions and observations, he even disclosed the content of the treaty and excerpts from his own diary[8]. From further conversations with Ciano, Helfand could also draw the right conclusion that Mussolini planned a military action in the Balkans. Mussolini later changed his plans, however Helfand well interpreted at the time the reasons behind the actions of the Italian government, assessing they were due to the fear of a further German penetration in the Balkans and the Adriatic Sea[9]. Conversing with Ciano, Helfand could grasp the complexity of the relations among the Axis powers, which allowed him to understand the growing Italian discontent at the Soviet-German rapprochement in the summer of 1939[10]. Even if Ciano tried not to let on about it, Helfand understood that Italy feared to fall behind its ally and to be left out of further agreements on the partition of Europe[11].

Hence, at the worsening of Italo-Soviet relations in the aftermath of the German and Soviet operations in Poland, Helfand engaged himself in their recovery[12], proposing personally to Ciano and Anfuso to reach a mutual understanding between Moscow and Rome[13]. Possibly remembering Litvinov's idea of the competing nature of Italo-German relationship, Helfand never lost sight of the possibility that eventually Italy would change sides, wishing for the Soviet Union to be prepared[14]. His personal effort was not successful in the short term, since mutual distrust persisted between the two governments[15], and Ciano was disliked in Moscow. Molotov and Potemkin let

---

[6] *Sullivan B.R.* Soviet penetration of the Italian intelligence services in the 30s, cit., p. 89.

[7] DVP SSSR. Vol. 22.1. Doc. 249, 258; God krizisa (GK) 1938–1939. Dokumenty I materialy. M.: Politizdat, 1990. Vol. I. Doc. 354.

[8] GK. Vol. 1. Doc. 354.

[9] DVP SSSR. Vol. 22.1. Doc. 345.

[10] Ivi. Vol. 22.1. Doc. 345, 348, 407, 439, 510.

[11] Ivi. Vol. 22.1. Doc. 510. Ivi. Vol. 22.2. Doc. 617, 690. See also Documenti Diplomatici Italiani (DDI), MAECI, Serie IX. Vol. 1, n. 796; Vol. 2. Doc. 207, 759.

[12] Ivi. Vol. 22.2. Doc. 872.

[13] DDI, Serie IX. Vol. 2. Doc. 646.

[14] DVP SSSR. Vol. 22.2. Doc. 866, 872.

[15] DDI, Serie IX. Vol. 3. Doc. 33, 132.

know that Helfand's initiative was "not appropriate" and commanded to stop visiting Ciano[16].

Moreover, after Litvinov's departure Helfand's position in the *Narkomindel* had become more isolated. When he was called back to Moscow in July 1940, fearing for his own life and for that of his family, he decided not to return. He then turned to Ciano for help, finding his compassion[17]. Furthermore, American documentation shows that Ciano even provided Helfand the plane by which he flew with his family to the US, giving him careful suggestions on how to cover his departure. Finally, it was only through Ciano's offices that the US ambassador in Rome was able to persuade the State Department to admit Helfand in the country under a diplomatic passport[18].

---

[16] Ivi. Vol. 23.1. Doc. 7, 138.

[17] *Ciano G.* Diario. Vol. I. Rizzoli, Roma, 1946. P. 293.

[18] *Maffei R.* Il caso Helfand, cit., pp. 61–65.

DISPUTED MEMORIES IN THE POST-COLD WAR BETWEEN RUSSIA AND EUROPE: THE CASE OF VICTORY PARADE

Borelli Andrea, PhD
(University of Calabria, Italy)

The first Victory parade was organized on 24 June 1945. From the beginning, Josef Stalin created an official narration of the Great Patriotic War, where his role was decisive to defeat the fascism in Europe. However, in 1947 he decided to degrade May 9th in a working day, worried that the myth of victory could obscure his figure[1]. Once in power, Nikita Sergeevich Kruscev (1956–1964) did not restore the holiday, but he eliminated Stalin from the propaganda about the victory. Stalin's place was taken by the people, the *narod*, in a process of de-ethnicization of Soviet patriotism[2].

The parade was restored on the 20th anniversary (1965) of the Victory by Leonid Ilych Brezhnev. In 1965 May 9th became a national holiday, but until 1990 the parade was held only every five years. However, the Victory day became the most important collective ritual of the country. The war replaced the other founding myths of the USSR and obscured the revolutionary origins of the regime[3]. Victory day became a mobilization instrument used by the regime in the context of the Cold War[4]. The Soviets accepted a heroic vision of Second World War, because they memorized the Victory as an untouchable great event[5].

During the years of *perestroika* the triumphal narration of the Victory was questioned. The *glasnost* promoted a debate both war costs and crimes perpetrated by the Stalin's regime. In 1990 the celebrations took place in a

---

[1] *Stephen M. Norris*. Memory for Sale: Victory Day 2010 and Russian Remembrance, in «The Soviet and Post Soviet review», n. 38 (2001), p. 206.

[2] *Brandenberger D*. National Bolshevism. Stalinist Mass Culture and the Formation of Modern Russian National Identity, Harvard University press, Cambridge, 2002, p. 196.

[3] *Weiner A*. Making Sense of War. The Second World War and the Fate of the Bolschevik Revolution, Princeton University press, Princeton, pp. 7–8.

[4] *Tumarkiv N*. The Living and the Dead: The Rise and Fall of the Cult of World War II in Russia, Basic Books, New York, 1994, pp. 104–105.

[5] *Lisa A. Kirshenbaum*. Nothing Is Forgotten: individual memory and the Myth of the Great Patriotic War, in F. Biess; *Robert G. Moeller*. Histories of the Aftermath. The Legacies of the Second World War in Europe, Berghahn Books, New York, 2010, p. 78.

small measure. The myth of the Great Patriotic War was turned from the founding myth of Soviet superiority to a collective tragedy.

After the dissolution of the USSR the Soviet regime was denounced as totalitarian: the victory had been achieved not thanks to the communist party but despite the latter[6]. At the same time, no one political party expressed real doubts about the value of the victory. Nevertheless, there was a "fragmentation of memory". In response to the confusion regarding the meaning of the Victory day, Russian President Boris Yeltsin in 1992 cancelled the parade but kept the holiday. In 1995 the government took a step back and re-established the military parade under the Kremlin Wall. President Yeltsin was forced to promote a modern Russian identity connected to the images, symbols and myths rooted in the Soviet period[7].

This trend was further strengthened with Vladimir Vladimirovich Putin's arrival at the Kremlin in 2000. The new president has replaced a historical narrative dominated by the concept of "long secular tradition" of Russian history[8]. Putin has placed the "cult of the state" and its continuity over the centuries in the middle of the national identity of contemporary Russia[9].

At the same time, the national past must be defended from discredit, especially when it comes from abroad. The comeback of the myth of victory involves the refusal of Russian government to equalise the regimes of Josef Stalin and Adolf Hitler. The Russian politics of memory collided with the "anti-totalitarian" politics promoted by the European Union, according to which between Nazism and Stalinism there are no differences[10]. At the same time, in Russia a series of measures have been taken against the "rehabilitation of Nazism".

In this context, the Putin's government organized the Victory parade since 2005. The parade begins at 10 am after the ticking of the Saviour Tower. The "Flag of Victory" is solemnly carried across the square while the band of the army of the Russian Federation intones a popular song. After that, in the middle of the Red Square the commander of the Muscovite garrison meets the Minister of Defence, both above their cars. The Minister makes a round of the square saluting the battalions and goes on to the stage set in front of Lenin's mausoleum where the Russian and foreign authorities sit. He offers

---

[6] *Malinova O.* Political Uses of the Great patriotic War in Post-Soviet Russia from Yeltsin to Putin, in *J. Fedor, M. Kangaspuro, J. Lassila, T. Zhurzhenko* (eds. by). War and Memory in Russia, Ukraine and Belarus, Palgrave Macmillan, 2017, pp. 47–48.

[7] *Ferretti M.* Percorsi della memoria: il caso russo, «Passato e presente», XXI (2003), n. 59, pp. 17–35.

[8] *Malinova O.* Political Uses of the Great patriotic War in Post-Soviet Russia from Yeltsin to Putin, in *J. Fedor, M. Kangaspuro, J. Lassila, T. Zhurzhenko* (eds. by), op. cit., pp. 45–46.

[9] *Koposov N.* The Armored Train of Memory: The Politics of History in Post-Soviet Russia, «Perspectives on History 49», 1 (2011).

[10] *Focardi F. B. Groppo* (a cura di). Politiche e culture del ricordo dopo il 1989, Viella, Roma, 2013, pp. 7–18.

his homage to the President of the Russian Federation – commander-in-chief of the armed forces – who beginning the inaugural discourse. Once finished the speech, the military band intones the anthem of the Russian Federation and the public crowded on the tribunes that border the Kremlin walls stands up. The parade begins to the strains of Russian patriotic songs of war. First the flags of Victory and of the Russian Federation march together. The first troops that parade are wearing the uniforms and weapons of the Second World War. After this historical re-enactment phase, the military academies of the Russian Federation begin to march; the various battalions of the army, navy and aviation participate in the parade. During the celebrations of 2005, 2010, 2015, numerous foreign authorities were invited. On two occasions (2010, 2015) troops from other countries took part in the parade. An important moment of the day is the opening speech of the president of the Russian Federation.

The Victory parade reflects both Russia's foreign policy orientations and memory policy of Russian government. Established to commemorate the Soviet sacrifice in a victory to share with the Western allies, today the Victory parade has become an opportunity to affirm the Russia's ability to survive with the help of the Eastern partners and the former Soviet republics of Central Asia and Caucasus.

The characteristics of Medvedev and Putin's speeches were defined in 2005: reference to the Russian sacrifice to smash Nazism and thanks to the people who contributed to Russian victory. Over the years, President Putin did not change his speeches; he moved them to the East following the Russian foreign policy. Thus, in 2015 Putin underlined the role of the Allies for the victory in the Second World War, not the Anglo-Americans but the Chinese. The call to unity of the former Soviet Republics is especially directed towards the countries of Central Asia, which more than anyone else are sensitive to Russian message.

The president used his ability to construct a solid post-Soviet memory, not simply a national memory. For longer than four centuries Russia was a multi-ethnic empire. For this reason, the Russian government proposed a modern transnational identity which could be used by all former people of the Tsarist or Soviet empire. In this memory policy the myth of the Great Patriotic War plays a leading role.

A QUESTION OF PERSPECTIVE: REALITY AND RECONSTRUCTION IN THE WORK OF THE ARMY FILM AND PHOTOGRAPHIC UNIT

Carter Wakefield Oliver
(Imperial War Museum / Institute of Historical Research, UK)

Fought amidst the bleached sands of Egypt's western desert, the 8th Army's campaign against German and Italian forces under the command of Erwin Rommel produced one of the most iconic visual representations of the British Army at war.

Running at a crouch with pistol in hand, an officer leads his platoon through the skirling smoke of the battlefield. His men follow, their bayonets starkly silhouetted against the sky. Redolently atmospheric, this photograph was widely circulated in newspapers, magazines and propaganda publications. To this day it continues to define our visual perception of the North African campaign, and its influence can be seen in everything from toy soldiers to comic books. However, whilst a familiar image to many, few, outside a limited circle of *aficionados,* are likely to have any knowledge of the context in which it was produced. Few, for example, are aware that this photograph, which in fact shows Australian rather than British soldiers, was staged. Or that the man who took it was a former employee of the Keystone photographic agency named Len Chetwyn. Even fewer are likely to know that Chetwyn, then a Sergeant, was a member of the Army Film and Photographic Unit (AFPU).

Formed in October 1941 the primary purpose of the AFPU was to obtain images of battle. Complaints from the British press and newsreel companies regarding the lack of photographs and film of the Army had been voiced within the opening weeks of the war. Traditional military distrust of the journalistic class, combined with a failure to fully understand the needs of the modern, pictorially driven media, meant that the Army's part in the battle for France was largely unrecorded.

In contrast, Germany, through the work of the well-equipped *Propgandakompanien* (PK) of the Wehrmacht, was able to flood the international picture market with images of military strength. This dramatically shot material, which was used to actively intimidate neutral nations, proved irresistible to many editors, including those in Britain. As the Army became embroiled in a cycle of defeat and retreat in Greece, Crete and Libya, there appeared a worrying possibility that the narrative of German invincibility propagated by PK material would ultimately be proven true. The loss of public confidence that resulted from these setbacks led to a sense

of disillusioned detachment amongst soldiers, which in turn contributed to the growing fear of senior officers who believed that the Army experiencing a morale crisis. Russia's entry into the war increased the need for positive propaganda. Whilst the Army was aware of the need to convince a sceptical public that it was capable of doing more than fighting to the last Red Army soldier, it was ultimately civilian propagandists who overcame the Generals' engrained mistrust of publicity. Visual propaganda, they argued, was a valuable weapon of war, and the Army eventually agreed. For cameramen of the AFPU however, finding the ammunition to supply that weapon would prove an altogether more difficult prospect.

Heralded by its 19th century advocates as the ultimate arbiter of truth, the camera had long struggled to fulfil this function in wartime. Yet despite the increased portability of their equipment, the still and cine cameramen of the Second World War found their task almost as difficult as their predecessors. «Actual war cannot be filmed», was the emphatic conclusion of former AFPU cameraman Ken Rodwell[1]. His view was echoed by fellow cameramen Mike Lewis and Len Harris. Lewis, who filmed the disastrous consequences of Operation Market Garden, stated that, «war is really invisible, it's more of a sound picture»[2]. Harris, recalling his experiences in Normandy reflected, «you don't see the enemy fire, I mean, you can't film it...suddenly perhaps when you're pointing this way an explosion goes off over there, you might whip round and get a bit of the smoke or something, but its [...] all spread out and it doesn't look that exciting»[3].

Practical difficulties contended with technical ones. Neither still nor cine cameramen were equipped with long focus lenses. As photographer Stanley Gladstone put it, «anything that happened a few hundred yards away wasn't going to be much use to you»[4]. The clockwork De Vry cameras used by the cine men possessed a short exposure time, with the amount of footage limited to the amount of film a cameraman could carry. There was also a moral aspect; whilst the relatively high casualty rate amongst AFPU cameramen attests to the risk the unit took, many felt an obligation not to endanger others. «If there's a lot of muck flying around and you're standing up with a camera», stated Rodwell, «you're a damn fool»[5].

Aware of the limitations imposed by these factors many cameramen used elements of reconstruction to get the kind of action shots the Army wanted. The extent to which this practice was employed varied between individuals. Hugh Stewart, an officer who exercised considerable influence over the unit, was firmly against reconstruction except when it was needed to 'create a correct editorial effect' alongside otherwise authentic material[6]. Gladstone

---

[1] IWM Dept. of Sound Records, Accession no. 003867/12: Kenneth Rodwell.

[2] Ibid. Accession no. 004833/09: Michael Lewis.

[3] Ibid. Accession no. 003969/03: Leonard Harris.

[4] Ibid. Accession no. 003954/05: Stanley Gladstone.

[5] Ibid. Accession no. 003867/12: Kenneth Rodwell.

[6] Ibid. Accession no. 004579/06: Hugh Stewart.

justified reigniting burnt out vehicles to recreate «what had happened, say, half an hour before»[7]. Rodwell defined the question along moral lines believing a cameraman could only ask troops to recreate something if he had been alongside them during the «sticky times» of the original action[8].

Reconstruction was most common amongst cameramen from Fleet Street backgrounds. Considering the ubiquity of the «laid on» shot in pre-war photojournalism, and the fact that stills men were expected to produce 4 to 5 good photographs for every 12 exposures, this should not be unduly surprising. Although events were sometimes captured as they occurred, most of the ex-news cameramen were too professional to leave such fleeting moments entirely to chance. In this respect Chetwyn went further than most. Hailed by Cecil Beaton as possessing the «the romantic quality of Delacroix paintings», his photogenic but entirely stylised images were exactly what the Army wanted, and he was eventually tasked with running a sub-unit within the AFPU specifically for their production[9]. Sometimes however, things went wrong. Recalling the jarring contrast between real photographs of the invasion of Sicily taken by AFPU cameramen and staged photographs taken by Chetwyn during a practice landing some weeks before, Fred Wackett remarked, «As you can imagine, brother Chetwyn didn't come off too well from this»[10].

In suggesting that not all of the AFPU's material should be seen as authentic, this paper is not seeking to denigrate those who served within its ranks. Rather, it argues that the confused nature of modern warfare combined with the limitations of technology made a degree of reconstruction inevitable. These problems were not unique and were faced by combat cameramen of all nations. Although the AFPU did capture genuine images of combat these did not generally show the kind of war the Army wished to portray. Arguably the unit's greatest significance derives not from depictions of the physical act of war but its aftereffects. These candid images of the dead and wounded provide a vivid testament to real cost of the conflict.

---

[7] Ibid. Accession no. 003954/05: Stanley Gladstone.

[8] Ibid. Accession no. 003867/12: Kenneth Rodwell.

[9] *Beaton C.* British Photographers (London, 1944), 48.

[10] Ibid. Accession no. 008265/04: Frederick Wrackitt.

EASTERN EUROPE AND THE REMILITARIZATION OF THE RHINELAND

Gori Enrico
(University 'Roma Tre', Italy)

At 5 o'clock of 7 March 1936 German aviation and troops marched to the west bank of the Rhine; at 11.45 a.m. they crossed the bridge to Köln, and by the evening of March 8 the Rhineland was once again under German control, for the first time in 17 years[1]. The postwar order was shattered. According to articles 42 and 43 of the Versailles Treaty, Germany was forbidden from keeping security or military personnel within a 50 km range from the Rhine, so that France would be safe from any attempt of cross-border strike[2]. On 16 October 1925 Germany, Italy, Belgium, France and the United Kingdom signed the Locarno Rhine Pact, the core document of the Locarno peace guarantees. In it, the five Powers agreed to preserve the territorial integrity of Western Europe and to live in peace with each other. However, if unprovoked hostilities broke out, the Powers were required to intervene after the League of Nations had verified that an aggression had actually taken place. Germany was not singled out as the most likely aggressor, as the Treaty only forbade 'assembling armies in the demilitarized zone'[3].

What was the reason behind the swift occupation of the Rhineland? The German Chancellor Adolf Hitler had chosen the time carefully, as he wanted the remaining Locarno Powers to face a *fait accompli*, an accomplished action which could not be reversed. At 12 p.m. of 7 March 1936 he delivered a speech in the German Parliament in which he declared the Locarno Treaty null and void. The blame, he said, rested upon France, Czechoslovakia and the Soviet Union, with emphasis on the latter[4]. What was the Chancellor referring to? On 2 May 1935 French Foreign Minister Pierre Laval and Soviet Deputy People's Commissar for Foreign Affairs Vladimir Potëmkin had inked a mutual assistance treaty, which required either party to consult the other in case of

[1] Documents on British Foreign Policy Second Series (21 vols), vol. 16, (London 1977), 44–45.

[2] *Berber F.* (ed.), *Locarno*. A collection of documents (London/Edinburgh/Glasgow 1936), 36.

[3] Ibidem, 45–48.

[4] *Domarus M.* (ed.), *Hitler*. Reden und Proklamationen (4 voll.), vol. 2 (Leonberg 1973), 584–587.

aggression by a third European State, eventually lending it military aid[5]. Two weeks later, on 16 May Czechoslovakian Foreign Minister Edvard Beneš signed an analogous document[6]. Once again, Germany was not mentioned, and the five year treaty included the possibility of being rescinded within a year since its enactment. In his 7 March 1936 speech Hitler claimed that both treatises were aimed at encircling Germany, which had consistently refrained from any provocative action, whereas France kept building concrete border walls with barbed wire.

Germany was not bothered by the mutual assistance treatises which France had stipulated with England, Czechoslovakia and Poland; dealing with the Soviet Union was, on the other hand, a direct violation of the Locarno Treaty, as the collective security system Moscow had been striving to build since 1933 was perceived as hostile and a violation of the Locarno Treaty. Berlin had therefore no reason to keep abiding by its prescriptions.

What were the reactions of Central and Eastern European countries to the end of the Versailles-Locarno order? Czechoslovakia and Poland, which had both become independent in 1918, signed mutual defence agreements with France shortly afterwards: the French-Polish Political Agreement was signed on 19 February 1921, while the Treaty of Friendship of Assistance with Czechoslovakia followed on 25 January 1924. Neither country had become a Locarno Power; nonetheless, they signed two arbitrate conventions with Germany while contextually renewing their treatises with France[7]. However, their paths soon diverged: between 1920 and 1922 Czechoslovakia had formed a defensive alliance with Romania and Yugoslavia aimed at neutralizing Hungary's territorial claims (Transylvania and Subcarpathian Ruthenia) named the Little Entente, while Poland became a staunch opponent of Czechoslovakia itself, as Warsaw had a territorial claim as well, that is the Těšín/Cieszyn/Teschen district on the Czech-Polish border, a small but thriving industrial area in Czech Silesia[8]. Warsaw also did not like the Locarno Treaty itself, as it provided no guarantees for Eastern Europe[9]. The 1921 Treaty with France was renewed on 16 August 1925 but the new version introduced the mandatory convocation of the League of Nations Assembly, making military assistance not automatic, which Poland resented[10].

Warsaw opposed the French and Soviet project of an Eastern Pact, born in December 1933, which aimed at uniting Czechoslovakia, France, Belgium,

---

[5] Pravda, 2/5/1935, 1; *Le Temps*, 3/5/1935, p. 2.

[6] Izvestia, 17/5/1935, 1.

[7] *Berber F.* (ed.), *Locarno*. A collection of documents, 62–63.

[8] Československá zahraniční politika a vznik Malé dohody 1920–1921 (2 vols), vol. 1 (Prague 2004), 58; R. Hartshorne,'The Upper Silesian industrial district', The American Geographical Review, 24, 3 (1934), 423–438.

[9] Dokumenty po istorii sovetsko-polskie otnoshenia (6 vols), vol. 6 (Moscow 1969), 156.

[10] *Sakwa G.* "The Franco-Polish Alliance and the Remilitarization of the Rhineland", The Historical Journal, 16, 1 (1973), 125–146; 128.

the Baltic States, Finland, the Soviet Union, and even Germany[11]. Polish Foreign Minister Józef Beck and his ambassador in Berlin Józef Lipski decided to regulate matters with Germany independently from Paris and Prague, even against them: on 16 November 1933 Lipski issued a joint communiqué with Hitler stating that the respective countries agreed to resolve matters peacefully. This upset both France and Czechoslovakia, as the document contained no border guarantees, no duration and no terminating conditions in case either country was at war, which meant both of them could threaten other countries without restraint.

France found it worrying that its main Eastern ally did not consult Flandin or the ambassador Léon Noël[12]. The Polish-German rapprochement did not stop here nor was it merely tactical: on 18 December 1933 German Propaganda Minister Joseph Goebbels met Lipski and told him that Hitler wished to strike a non aggression pact with Poland as a *modus vivendi* on the common ground of anticommunism, even if this meant abandoning part of the German expansionist projects. Lipski did not object, as he knew the Polish public opinion was becoming more and more interested in Germany's new government[13]. The long anticipated pact was signed on 26 January 1934[14]. On 7 June, just as French Foreign Minister Louis Barthou and his Soviet counterpart Maksim Litvinov made public the Eastern Pact plan, Germany let the Soviet Union know that it sternly rejected the proposal[15]. On 13 July and 27 August Lipski sent Beck two reports of conversations with Neurath on the Eastern Pact. Hitler was against the Pact in principle as it would mean having the Soviet Union as an ally, possibly as a helper in case of a French aggression, and neither Germany nor Poland wanted the Red Army on their soil. The Reich greatly valued Poland's refusal to enter the Pact: not only Germany was not left alone, but it would have a valid shield against Bolshevism and the Red Army itself, which Hitler claimed to fear[16].

Therefore, Warsaw became wary of France's intention to sign the Franco-Soviet Treaty, and issued a warning to its Western ally, which was also the main sponsor of the Little Entente: should the treaty be signed, there would be consequences, although Poland itself would not act against it for the sake of the alliance[17]. Pierre Laval was no friend of the Pact, but he knew Poland would try and sabotage the military assistance agreed with Moscow and Prague by

---

[11] *Boisdron M.* (2005). "Le projet de pacte oriental (février 1934 – mai 1935)", Guerres et conflits internationaux, 220 (2005), 23–43; 26.

[12] *Wandycz P.S.* The Twilight of French Eastern Alliances 1926–1936 (Princeton 1988), 308–310; *S. Morozov*. Polsko-čehoslovackie otnoshenia 1933–1939 (Moscow 2004), 108–109.

[13] *Jędrzejewicz W.* (ed.). Diplomat in Berlin 1933–1939. Papers and Memoirs of Józef Lipski, Polish Ambassador to Germany (London/New York, 1969), 108–114.

[14] Akten zur deutschen auswärtigen Politik, Serie C, 5.1, 411–412.

[15] Ibid. Serie C, 5.1, 884.

[16] *Jędrzejewicz* (ed.) Diplomat in Berlin, 148–157.

[17] Documents diplomatiques, Première Série. Vol. 1. P. 356.

not letting the Red Army traverse the country in aid of either Czechoslovakia or France, thus resulting detrimental to collective security, as the Polish Army Staff had warned the French generals on January 15 that if Germany attacked the Soviet Union, the Reich's troops would be allowed to cross Poland[18]. Nor could he remain idle before the German newly enforced military conscription and the refashioning of the *Reichswehr* into the menacing *Wehrmacht*. Thus, the Polish advice was disregarded, and France went on to sign, then ratify the Treaty.

In 1934 the Soviet Union, which had been struggling to break though the cordon sanitaire erected around it since the October Revolution, was on a quest for collective security against Hitler's Germany, its sworn enemy. Indeed Soviet People's Commissar for Foreign Affairs Maksim Litvinov scored three major victories when his country established normal diplomatic relations with two out of three Little Entente members: Czechoslovakia and neighbouring Romania (both on June 9), while failing to do the same with Yugoslavia due to King Paul's fierce opposition, even though the three states had decided to establish diplomatic relations with the Soviet Union at the same time during a conference in Zagreb on 22–23 January 1934[19]; the third victory was the admission of the Soviet Union into the League of Nations on September 18.

Czechoslovakia had taken its decision months before: on 7 March 1933 Czech Foreign Minister Edvard Beneš told the Soviet Government that the Little Entente was ready to normalize ties with Moscow, and offered the Soviets to conclude pacts, either with each member separately or with the Little Entente as a whole, which eventually led to the signing, on 4 July, of the Convention for the determining of the aggressor, whose 11 signatories included the Little Entente, the Soviet Union and Turkey. Thus Czechoslovakia became the candidate of choice for the Eastern Pact project[20].

As for Romania, reaching a deal with the Soviet Union was a difficult matter: the two countries had been at odds for years because of Romania's integration of Bessarabia (present-day Republic of Moldavia), which had been a Russian province since 1812. Bucharest maintained that, since the region was predominantly inhabited by Romanian nationals, it rightfully belonged to them, while the Soviets refused to acknowledge the new border as neither the Moldavian council (*Sfatul Țării*) nor the Kingdom of Romania had reached the Soviet Government to regulate the matter and have Bessarabia recognized as Romanian territory. Henceforth Moscow considered the region occupied, as the Romanian army had entered it on 13 January 1918, and retaliated by arresting the Romanian ambassador Constantin Diamandi. On 18 January the Soviet Government officially severed diplomatic relations with the Kingdom,

---

[18] Documents diplomatiques, Première Série. Vol. 1. P. 89–90. The refusal to let the Red Army through Poland was repeated in the aforementioned document, dated February 28.

[19] Sovetsko-yugoslavskie otnoshenia 1917–1941 (Moscow 1992), 271–273; Sovetsko-čehoslovackie otnosheniya (4 vols). Vol. 2 (Moscow 1977), 575–576.

[20] Sovetsko-čehoslovackie otnosheniya. Vol. 2, 542–543, 550–552.

and on 9 April the *Sfatul Ţării* proclaimed the union of Bessarabia with Romania. Nonetheless, contacts between Bucharest and Moscow were never fully interrupted, as the two neighbours unsuccessfully kept trying to reach a compromise through several rounds of arbitrates and conferences[21].

On 5 February 1929 the Romanian ambassador to Poland Carol Davila went to Moscow in the first official visit in eleven years: the Royal government had instructed its diplomat to take part in the signature of a protocol by the name of the Soviet People's Commissar for Foreign Affairs Maxim Litvinov, which would allow Eastern Europe to enact the Briand-Kellogg Pact on the renunciation of war, originally signed on August 27, 1928, several months before the Western term (24 July 1929)[22]. Relations remained tense: on 24 February 1930 the Romanian government, led by the Iuliu Maniu, head of the National-Peasant Party, accused the Soviets of concentrating troops along the Dnestr/Nistru river, an allegation widely supported by the local press, and sternly refuted by the Soviet news agency TASS and Litvinov himself. This happened just as Czechoslovakia's Beneš started posing the question of Soviet-Little Entente relationships, something Romania was not ready to accept: recognizing the Soviet Union would split the Romanian government[23].

The situation changed in 1933: Hitler's rise to power made Romanian Foreign Minister Nicolae Titulescu, a Conservative-Democrat diplomat returning to the post after a brief tenure in 1927–1928, declare on 25 May in Geneva that he was in favour of the Convention for the determining of the aggressor: Moscow was pleased to learn that Romania did not consider the Soviet Union an aggressor, and that no arbitrate was needed to solve the Bessarabian question. Litvinov and Titulescu met again in the Swiss city on 19 July. Titulescu held his ground about Bessarabia, telling his Soviet counterpart that Bessarabia was a gift from God, thus there was no question of giving it back to Russia. Still, they agreed to drop the subject, which Titulescu recommended his government as well[24]. Unlike Czechoslovakia and France, Romania did not sign a mutual assistance treaty with the Soviet Union: this was done to avoid irritating Poland, so as not to push it into aligning with Hungary's revisionist aims, and to maintain a good relationship with Germany, to which Romania was bound by a trade agreement[25].

This complex network of relations between Eastern European countries felt the shockwave coming from the Rhineland with full force, as the

---

[21] *Avdeev A., Ungureanu M.R.* (eds). Sovetsko-rumynskie otnosheniya (2 vols), Vol. 1 (Moscow 2000), 14–33.

[22] The protocol was signed by the Soviet Union, Romania, Estonia, Latvia and Poland on 9 February. A second one including Finland, Lithuania, Persia [Iran] and Turkey was signed on 3 July; *Kopansky Y., Levit I.* Sovetsko-rumynskie otnoshenia 1929–1934 (Moscow, 1971), 12; *Avdeev, Ungureanu* (eds). Sovetsko-rumynskie otnoshenia, 274–277, 409–411.

[23] Ibid. 292–293, 299–300.

[24] Ibid. 408, 413–414.

[25] *Kopansky Y., Levit I.* 149–150.

aforementioned events were brought up when the 7 March crisis happened. Poland, which assumed to be least concerned of the group, was also the least committed: whereas on that same day Colonel Beck told French ambassador to Warsaw Léon Noël that his country would stand by France in that serious situation. Noël was impressed: he reported that 'never before had Poland spoken of our alliance in such firm terms'[26]. On 8 March Beck had apparently changed his mind: while the local press unanimously condemned the German move and called for a joint action with France, the Foreign Minister issued a communiqué termed by the French ambassador 'obscure and convoluted' [*obscure et alambiqué*], which essentially blamed France for the crisis, as it had not followed a 'clear policy' like the Polish one, and stressed how Poland repeatedly advised France not to sign the Franco-Soviet Pact (Beck failed to say how many times he had cautioned Paris)[27].

Noël summed up his conversation with Beck and Rydz-Smigły in four points: Poland was committed to honour the alliance mainly out of image concerns, that is, so nobody could doubt of the correctness of its actions and of its loyalty; second point: Poland knew that there was no alternative to siding with France; third point: should the Rhineland question be brought before the League of Nations, Poland would surely want to gain a moral victory from the expected resolution; fourth point, which was in contradiction with the second: if the aforementioned gain was not scored, Poland was ready to look for a pretext, i.e. the possible French-German confrontation, to set up new manoeuvres and new political combinations[28]. These conclusions were right: on March 12, while the Locarno Powers were holding their first meeting in London, German ambassador to Warsaw Hans Adolf von Moltke was received by Colonel Beck, who told him that not only Poland was against sanctions, which were deemed legally baseless, but it would welcome any German stance on the ongoing crisis as well[29].

On 17 March René Massigli, deputy Director of Foreign Affairs met Beck as well: the Polish foreign minister expressed the wish that the Franco-Polish alliance could be independent from the League of Nations, as the pacts signed by past French Foreign Ministers Louis Barthou and Pierre Laval relied on the League's approval in the context of collective security, whose rules Poland found confusing and dangerous: what was the use of tormenting [*épingler*] Germany with sanctions and encirclement? Beck told Massigli they preferred a bilateral arrangement on the pre-war model[30].

Romania, on the other hand, albeit not directly blamed for the crisis, was very upset by the German *fait accompli*: French ambassador to Bucharest Wladimir d'Ormesson wrote Pierre Flandin that Nicolae Titulescu, the Romanian Foreign Minister, did not look concerned: he had been very clear

[26] Documents diplomatiques français, Deuxième Série. Vol. 1, 416–417.

[27] Ibid. 433–435.

[28] Ibid. 436–437.

[29] Akten zur deutschen auswärtigen Politik, Serie C. Vol. 5.1, 82, 103.

[30] Documents diplomatiques français, Deuxième Série. Vol. 1, 570–571.

on the issue, stating that not only the Little Entente would side with France, and was favourable to sanctions against Germany, but Romania was sure the Soviet Union would too, and encouraged France to ratify the Franco-Soviet treaty as soon as possible. Titulescu, who considered the remilitarization of the Rhineland 'blackmail', was optimist about Great Britain as well, but thought it was premature to consider a military commitment, as the British army was not ready[31]. As for Italy, the Romanian minister was quick in guessing that Mussolini would never agree to act against Germany: 'it would be as if we sanctioned Czechoslovakia while asking Mr. Beneš to march against Hungary with us' and urged to resist Germany's requests as a united block of countries[32].

On 11 March the Little Entente and the Balkan Entente[33] countries agreed to support the Franco-Belgian initiative involving the League of Nations, and a week later Titulescu spoke before the League in Geneva: according to him, the Rhineland crisis was decisive for the very future of the League of Nations itself: should it fail to produce and uphold a resolution, 'the world based on the force of right will become one based on the right of force'. The Franco-Belgian proposal should be adopted before accepting the German proposals, so Europe could see how effective the Locarno Treaty was[34]. After attending Eden's speech on 17 March, which he considered just a means to buy time without provoking Germany, Titulescu once again spoke in Geneva three days later: he proposed that each and every European government should be given two days to examine the resolution to make up their minds clearly, thus avoiding lengthy formal discussions. In this way, every voice could be heard, including the German objections[35].

Romania was specially troubled by Hitler's assertion that that Locarno had been imposed upon Germany, as the same claim could be made by Hungary to declare the Treaty of Trianon, which had stripped it of Transylvania among other territories, thus endangering Romania's territorial integrity. This subject was later brought up by Titulescu during a meeting with Eden on 6 April 1936. The British Foreign Secretary assured his Romanian counterpart that Hungary was not rearming. As for their non-committal stance on the Rhineland question, Eden said that France was more preoccupied with collective security in Eastern Europe than in Western Europe, as it had ruled out talks with Germany, leaving Great Britain to sort things out[36].

As for Czechoslovakia, the central pillar of the Little Entente, it was positively alarmed by the possibility that German would remilitarize the Rhineland as the French ambassador to Prague Paul-Émile Naggiar noted

---

[31] Ibid. 420–421.

[32] Documenti diplomatici italiani, Ottava serie. Vol. 3, 436.

[33] Formed on 9 February 1934, it was an alliance between Bulgaria, Greece, Romania, Turkey and Yugoslavia.

[34] *Macovescu G.* (ed.), *Nicolae Titulescu*. Documente diplomatice (Bucharest 1967), 727.

[35] Ibid. 732–734.

[36] Ibid. 738.

on 17 January 1936. When it happened, while considering the matter more rationally, President Beneš and Foreign Minister Kamil Krofta immediately sided with France, reassuring Flandin that they would conform to any French decision, knowing that both Paris and Moscow would come to Prague's help if Hitler attacked it[37].

Being a member of the Little Entente, Czechoslovakia shared the same concerns with Romania as to Yugoslavia's behaviour: both Italy and Germany were vital trading partners for the country: after the sanctioning of Italy, Belgrade could not afford to oppose Berlin, much less agree on sanctions: Prague feared that German influence in Yugoslavia would increase if France and Great Britain failed to act against the Reich[38]. Diplomatic exchanges with the Soviet Union in March 1936 were almost non-existent, as the chief European guarantor was France, an ally to both Czechoslovakia and Poland.

Conversely, German ambassador in Prague Ernst Eisenlohr and Legation Counsellor Cecil von Renthe Fink, who was in touch with Czech Ambassador in Berlin Vojtěch Mastný exchanged with Neurath no less than 11 messages in March 1936[39]. According to Eisenlohr, the Czechs displayed a collaborative attitude, and were ready to exert their influence on France and England so the crisis could be solved. This was not surprising, since the Germans were increasingly alert over the situation in the Sudetenland, where the economic crisis had greatly affected the local German-speaking population, yet the ambassador knew no uprising could be expected, as 'it is astonishing how calmly the Germans there [*Sudetendeutschtum*] bear their economic misery and their political serfdom'[40].

The diplomatic situation worsened on March 11, when the German Secretary of State for Foreign Affairs Bernhard von Bülow wrote Eisenlohr that, according to 'secret sources', Beneš was in favour of imposing sanctions on Germany in order to destroy its recovering yet still fragile economy and even topple Hitler[41]. The Czech stance was actually much milder than that, since Yugoslavia opposed sanctions and Beneš knew that as long as the Abyssinian war continued, Italy wouldn't back sanctions on Germany as well. Moreover, Germany was a big trading partner to Czechoslovakia: would Prague risk losing 15 % of its exports and 18 % of its imports just for the sake of siding with France, irresolute as it was[42]? Not angering Germany was vital to Czechoslovakian national security, and this was arguably the reason why there were no direct Czech-Soviet contacts in March 1936, as Czech Foreign Minister Krofta was trying to convince the Germans that no air bases would

---

[37] Documents diplomatiques français, Deuxième Série. Vol. 1, 108–109, 419.

[38] Čehoslovenská zahraniční politika v roce 1936 (2 vols). Vol. 1 (Prague 2003), 228– 230.

[39] Akten zur deutschen auswärtigen Politik, Serie C. Vol. 5.1, XCII–XCIV.

[40] Ibid. 64–65.

[41] Ibid. 92.

[42] Ibid. 146.

be lent to the Russians, an accusation Germany had been making since May 1935.

On 26 March 1936 it became apparent that it was the very Konrad Henlein, leader of the German Party of the Sudetes (*Sudetendeutsche Partei*), a sympathizer of Hitler, who was spreading rumours, always based on anonymous sources, about a Czech-Soviet military alliance: on 6 March, a day before the remilitarization and Hitler's speech, a member of the party had informed the Reich that the Soviets and the Czechs were tightening military cooperation. Twenty days later, the rumour had somehow reached Great Britain; Eden cautioned Flandin not to get too close to Prague, which vehemently denied such contacts, even as British and French press were reporting them[43].

The Czech diplomatic documents reveal that Krofta and Beneš were not remotely thinking about furthering military ties with Moscow: both were inclined towards the West and willing to take part in the Locarno discussion as a partial member, having signed an arbitrate with Germany back in October 1925. On that same 26 March 1936 Czech ambassador in London Štefan Osuský told Flandin that Hitler was trying to tear Czechoslovakia away from the West, having received support among the Conservative party ranks, as the Tories did not want to do anything for Central Europe. Moreover, Mastný wrote Krofta that although he had refuted the rumours about airbases in Czechoslovakia for the Red Army no less than four times, each time speaking with a different German minister or diplomat, the British ambassador in Berlin Eric Phipps wanted to be reassured from different sources. Mastný inquired whether it was true that the Germans were exerting their influence on British Conservatives in order to create a rift between them and the French, but Phipps denied this claim, so the Czech envoy prompted him to prove it by siding with Paris. It was a matter of concern for Czechoslovakia that Britain withheld important military information from its allies and shared it with Germany instead: mistrust of the French was apparent, and it did not help that British military attachés justified this behaviour by alleging a promise made to the Germans[44].

---

[43] Akten zur deutschen auswärtigen Politik, Serie C. Vol. 5.1, XCII–XCIV, 286–287.

[44] Československá zahraniční politika v roku 1936. Vol. 1, 293–295.

THE NORDIC COUNTRIES IN WORLD WAR II

Gunnarsson Valur Snær
(University of Iceland, Iceland)

In World War II, the five Nordic Countries wound up on every conceivable side, from fighting with the Germans to being occupied by them, from fighting with the Allies or being occupied by them, to trying to tread some precarious middle way in the manner of Sweden.

What then were the aims of the Nordic Countries when war broke out in 1939? Simply put, they were the same as in World War I, which was to remain neutral as had been the result then with the exception of Finland which had been part of the Russian Empire. But what was the best way to safeguard neutrality?

In the inter-war era, the Nordic Countries relied upon the League of Nations which entailed that attack upon one member would be seen as an attack upon all. In the early 1930s, the system started breaking down as nothing was done when Japan invaded Manchuria or when Italy invaded Ethiopia. In 1936, the Nordic Countries abandoned collective security and instead would make decisions on a case by case basis. Their turn would soon come.

One of the main reasons why the Nordic Countries were assailed by all sides in 1939–40 was that none of the Great Powers trusted them to be able to defend their neutrality towards the others. Stalin worried that the Germans would attack him through Finland, while the Germans saw the Norwegians stand aside as the British placed mines in Norwegian waters. A Pan-Nordic defensive alliance might perhaps not be strong enough to defeat any of the Great Powers but would probably have been strong enough to act as deterrence. Why wasn't this attempted?

The Nordic Countries did not always act in unison and had been involved in their own squabbles in the early part of the 20th Century. Norway and Sweden had come close to war in 1905 when Norway declared independence. The Swedes and the Finns squabbled over the Åland Islands, forcing the League of Nations to intervene to broker a compromise. Norwegian adventurers, supported by defence minister Vidkin Quisling, invaded Eastern Greenland in 1931, which almost led to war with Denmark. Again, the League intervened and ruled in favour of Denmark, which retained sole rights to Greenland.

If co-operation between the Nordic Countries was not always simple, there was also the question of whom to co-operate against. The Finns worried about the Soviet Union, the Danes and the Norwegians worried about the Germans and Sweden had to look in both directions at once. The kings of the

three monarchies along with the President of Finland met in Stockholm in October 1939 and jointly proclaimed their neutrality, but no plans were made for mutual assistance. When Finland was attacked by the Soviet Union the following month, there was little direct assistance.

The Winter War

Why then did the Finns choose to fight the Russians though many, including Marshall Mannerheim, the Commander-in-Chief of the Finnish Armed Forces, clearly saw that the war was unwinnable? Stalin's demands were not altogether unreasonable. He wanted to move the borders farther away from Leningrad but offered to compensate Finland with more land elsewhere. He also wanted to set up a Soviet military base on the Finnish Hanko peninsula. This was a better deal than the Finns got at the end of the war, but could Stalin be trusted to keep his word?

The Baltic States accepted similar proposals, only to see their countries occupied in entirety. Stalin's decision to set up a separate Karelian SSR on his side of the border with the Finnish communist Otto Ville Kuusinen as figurehead indicates that he intended to unite it with Finland under Soviet control. What do we know is that Stalin expected a four-week war and gave his tanks strict orders to not accidentally cross the border with Sweden. But this was after negotiations had broken down. Finland was a larger country than the Baltic States and more closely linked to the west so it is possible it might have received different treatment. In fact, Stalin did not raise his demands very much when Finland was finally on the ropes in 1944.

In the event, Finland did receive some support. Sweden did not declare neutrality but rather proclaimed themselves non-combatants, a subtle distinction. They sent arms to Finland, Swedish volunteers went to the front and the Swedish air force took over the protection of Lapland, freeing up the small Finnish air force for actions elsewhere. Britain and France, despite already being at war with Germany, came up with a very ambitious plan to bomb Soviet oilfields in the Caucasus from bases in Syria and send an expeditionary force to Finland via Norway and Sweden, which would handily also cut off Germany's supply of iron ore. This was not put into practice as the Finns sued for peace on March 13th after three and a half months of fighting. Finland lost 13 percent of its area and its second city, Viipuri, but managed to retain its independence.

The Germans Look North

The Winter War had focused the attention of the Great Powers on Northern Europe and on April 9th, 1940 Hitler invaded Denmark and Norway. There was little opposition at first, but could the two Nordic states have put up more of a fight as Finland did?

The Danes did in fact fight with some success in Jutland in the early hours, but later that day the decision was taken to capitulate after the Germans had threatened to bomb Copenhagen. The Danish Army might have fought for longer had it been allowed to do so, but in the long run Denmark's geographic situation was hopeless. Protracted fighting would mainly have aided Norway

but led to widespread destruction in Denmark. Instead, Denmark chose to collaborate with Germany, a policy that was followed until the autumn of 1943 when full occupation was imposed.

Norway's geographic position was far more promising, reaching from Kattegat in the south to way beyond the Arctic Circle and presenting many natural barriers. With its long coastline Norway could also count on aid from Britain which was the premier maritime power. In fact, the rapid advance of the Germans was a considerable feat of arms. This can partly be blamed on the Norwegians themselves, who avoided mobilisation until the last minute out of fear of provoking the Germans. Mistakes were made and in some cases the men were ordered to enlist after three days, by which time south Norway had already fallen.

Things could have gone even worse. The German plan was to capture the government and the King in Oslo and force their capitulation. This was only avoided when Birger Erikssen, commander of the aging Oscarsborg fortress, decided to fire upon approaching unidentified vessels without orders from above. The German flagship Blücher was sunk and the others retreated. King and government fled the capital and decided to fight on. Norway officially signed an armistice ten months later on June 10th, but the Government-in-Exile and Free Norwegian Forces continued the struggle until the end of the war.

All could have been otherwise. The government and the king, who was the brother of the Danish king, did consider taking the Danish route even after escaping the capital. This would probably have played out similarly as it did in Denmark, with collaboration turning to outright occupation and resistance as the tide turned against Nazi Germany.

But one can also imagine the opposite happening. If the Norwegians had responded to the many indicators that Germany was about to invade and been fully mobilised, they might have been able to fight the Germans off. The Norwegian Army could field roughly the same numbers the German committed, about 10 000 men, and they would have had the advantage of terrain and British and French aid.

Had the Norwegians managed to hold off the Germans, it might have had vast implications for the course of the whole war. It was the Norwegian debacle that led to the resignation of Prime Minister Chamberlain and Winston Churchill taking the post. Had Norway been a victory for the British, Chamberlain would probably still have been in office at the Fall of France. He might have been more inclined to sue for peace than Churchill was, and World War II would have ended in the summer of 1940 with German victory.

SOWING THE SEEDS OF THE COLD WAR. THE IDEA OF CONTAINMENT OF SOVIET UNION DURING THE SECOND WORLD WAR

Livi Stefano, PhD
(Sapienza University of Rome, Italy)

During the Second World War, the United States and the Soviet Union joined as allies against Nazi Germany after more than twenty years of hostility from American governments towards the Soviet regime. In November 1933, the recognition of the Soviet Union by the United States seemed to be a breakthrough for the relations between the two countries. Many American diplomats characterized by their strong anti-bolshevism, were convinced that the doors to Soviet Russia for American influence would open. If with Stalin's purge these doors began to close, in 1941, after Nazi Germany attacked the Soviet Union, the United States became an ally of Soviet Union in the Second World War[1].

The paper focuses on the development of American idea of containment of the Soviet Union during the Second World War among the diplomatic corps. Drawing from primary sources from the archival collections of the Seeley G. Mudd Manuscript Library at Princeton University, the Bakhmeteff Archive of Russia and East European Culture at Columbia University and from published documents related to US foreign policy, the paper discusses the efforts made by those American diplomats, like George Frost Kennan and William Christian Bullitt, who during the Second World War elaborated what will be the American official line during the Cold War.

The paper aims, in the first instance, to show the continuity of widespread perception of the Soviet Union even during the Second World War among part of American diplomatic corps. These diplomats considered the Soviet Union as an aggressive power with which any kind of dialogue and cooperation was far from being possible and effective, and advocated a firm and vigilant approach towards the Soviet regime. At a time when the Red Army enjoyed great popularity in the West thanks to its sacrifice to prevent the Nazis from completing their plan of dominance in Eurasia, many viewed a change in Stalin's approach to foreign policy from aggressive to cautious in the name of greater attention to internal security. As opposed to this outlook – defined

[1] *Foglesong D.S.* The American Mission and the "Evil Empire". The Crusade for a "Free Russia" since 1881, Cambridge University Press, Cambridge, 2007, 83–85.

by the historian Daniel Yergin as "Yalta Axioms" – stood the "Riga Axioms", which embodied American pessimism towards the Soviet Union and viewed the total destruction of the West as the final goal of the Soviet regime[2].

In the aftermath of the October Revolution, Bullitt tried to find a *modus vivendi* with the Bolshevik government. During his mission to Soviet Russia, he negotiated with Lenin diplomatic relations between the two countries, reaching an agreement with the revolutionary regime – rejected by the Allied Powers at the Peace Conference – that include a peace summit on the Russian Civil War, the withdrawal of Allies troops and the recognition of Bolshevik's responsibility for Russia's financial obligation[3]. Twenty years later, after losing trust in the Wilsonian universalism, his vision was based on personal considerations of a religious nature. Appointed by Roosevelt as first American ambassador to Moscow in 1933, Bullitt did not have a wide knowledge of Russian affairs, and entrusted himself to Robert Kelley, who was the head of an anti-Bolshevik training program for diplomats, the Division of Eastern European Affairs. Kelley exerted a strong influence on an entire generation of anti-Soviet diplomats who emerged at the outbreak of the Cold War. These diplomats, in their turn, convinced Bullitt to accept the rhetoric of containment proposed by the Division of Eastern European Affairs.

Among them, Kennan was Bullitt's pupil. The paper assesses the mutual influence that led them to outline a new version of containment based on unique combination of ideology and Tsarist tradition, which represented the Gordian knot of the interpretation of the Soviet experience.

In Kennan's narrative, the Soviet Union was just carrying on Tsarist Russian traditions, a condition that made the cooperation between the two powers impossible. At a time when the Soviet system was presented to American public opinion as not so different from the capitalist one, Kennan, as well as Bullitt, considered that the alliance with the Soviet Union in defense of democracy would have identified the United States with the Soviet oppression in Eastern Europe. Kennan was ready to devote all his energy to reverse these future prospects.

The paper will consist of four parts. First, it will introduce the concept of containment theorized by Kennan in the famous Long Telegram and in the subsequent article "The Sources of Soviet Conduct". In the second part, after describing Roosevelt's approach towards the Soviet Union since 1933, the paper will focus on the new image of Stalin and the Soviet Union spread among American public opinion through Hollywood movies and publications in order to repress and hide the Russophobia that emerged in the United States at the turn of the century.

The third part will analyze how the idea of containment developed in Kennan's political thought through the influence that Kelley exerted on him.

---

[2] *Yergin D.* Shattered Peace: The Origins of the Cold War and the Natioal Security State, Houghton Mifflin, Boston, 1997, 18–41.

[3] *Thompson J.* Russia, Bolshevism, and the Versailles Peace, Princeton University Press, Princeton, 1966, 131–177.

Although most of the historians attribute the beginning of the Cold War to the Long Telegram as a response to Soviet aggressiveness[4], the idea of containment can be considered as the continuation of practices implemented in the earlier generation of diplomats. Those practices in which were articulated attitudes and perceptions that had dominated the political discourse in the United States in the first post-war period, had contributed to the formulation of an American response to the October Revolution and survived through the years because of the work of the Division of Eastern European Affairs. Since the Thirties, Kennan saw irreconcilable differences between the Soviet system and the American one, certain that soon either Russia would have turned into a capitalist country or the United States would have turned into a communist one. The war had not tarnished this outlook, and between 1943 and 1945, Bullitt and Kennan made efforts to reach Roosevelt's ears, by promoting their idea of containment of Soviet Union. In conclusion, the paper will assess how the American lack of recognition of Soviet contribution to the defeat of Nazi Germany in the Second World War affected US–Russian relations after 1991.

[4] *Feis H.* Churchill, Roosevelt and Stalin, Princeton University Press, Princeton, 1957; *Schlesinger A.* "The Origins of the Cold War" in Foreign Affairs, Vol. 46, No. 1 (October 1967), 22–52; *Smith G.* American Diplomacy During the Second World War, Wiley, Hoboken, NJ, 1965.

THE HIGH COMMISIONER FOR SARDINIA: A NEW SOURCE FOR CONTEMPORARY SARDINIA BETWEEN II WORLD WAR AND DEMOCRATIC RECONSTRUCTION

Luciano Erica
(University of Cagliari, Italy)

As part of the PhD course in History, Cultural Heritage and International Studies of the University of Cagliari, a research project is underway which aims to reconstruct the social, political and economic history of Sardinia between 1943 and 1949.

There are several reasons that led to the choice of this theme and new are the methods and objectives – short and long term – to be pursued.

This historical period represents a crucial six-year period for both Italy and Sardinia, which has some peculiarities on which it is necessary to reflect. A phase that constitutes a path – certainly long and troubled – between II World War and democratic reconstruction and which, for the Island, culminates with the issuing of a special Sardinian Statute and the election of the first Regional Council.

The research – in progress – is conducted through the use and study of written sources – archival documents, newspapers, memorials – and audiovisuals.

If these first sources may appear "traditional", it is in the methodology and in the purposes that the true innovation of the project lies.

Starting from these documentary bases, the research aims – through the development and administration of specific surveys – to measure sardinian citiziens' knowledge about the history of their region.

After this qualitative and quantitative measurement and after analyzing the data, will be developed solutions aimed at increasing the awareness of citizenship on their historical and cultural heritage. Citizens' participation will also be guaranteed by a real "call to the sources" in which everyone can make their own sources – of whatever nature they may be – and their own memory, direct or handed down.

Therefore, starting from a solid methodological basis, the purpose is to create new scientifically valid paths open to the contribution of the public of "non-specialists". The ultimate goal will be the elaboration of an editorial project which, never losing its scientific nature, will propose itself as a space for a historical narrative in which the presence of the public to which it is addressed is strong. With an adequate language – not simplified or simplistic –, it will stimulate a correct and aware knowledge about the topics covered.

In this way, the project can in fact be included in the context of public history, the active and participatory way of "making history".

What we want to bring to the attention is one of the sources used which, for the genesis and the activity of its producer – which took place between 1944 and 1949 -, represents a new and essential tool for anyone who wants to approach study of contemporary Sardinia: the High Commissioner for Sardinia (*Alto Commissariato per la Sardegna*) fond, kept in the *Archivio di Stato* of Cagliari and recently available for consultation.

The High Commissioner for Sardinia (Alto Commissariato per la Sardegna): a new source for the study of Sardinia between the Second World War and the post-war.

As anticipated, Sardinia, during the conflict and the post-war, was the subject and object of some peculiar "ways".

At first, it was the only Italian region not to suffer the "war": with the exception of the bombings of Olbia, Porto Torres, Alghero, La Maddalena and, above all, Cagliari, the island, during the conflict, made history in self. After the armistice of 8 September 1943, the German armies stationed on the island embarked for Corsica without almost fighting. In fact, the Army Corps General Antonio Basso, interpreting confused orders that had been given to him, allowed the German division commanded by General Lungerhausen to abandon the island.

Similarly, even from an administrative point of view, Sardinia followed a road partially different from that of the peninsula. After the armistice, the Allied Control Commission came into operation, to supervise the activities of the Italian government and to monitor compliance with the terms of the armistice. Sardinia, however, was considered a region falling under the jurisdiction of the royal government and therefore part of King's Italy. The Allies did not take on the task of administering Sardinia, but only of supervising the effective collaboration between the center and the periphery.

On 1943 September 23, the US president Eisenhower expressed that the Italian prime minister Badoglio designates a regional high commissioner, representative of the highest civil authority on the three island provinces and with the task of administering civil, economic, political and financial areas. The negotiations, the proposals and the counterproposals were numerous and not free from internal discontent. Still in December 1943, a solution had not been found, also because of the fear of the Italian government that the high commissioner could have prefigured a definitive regional body, dangerous for the unity of the state. The issue of the island management was settled at the end of January 1944. The royal decree law (n.21 of 1944, 21 January), concerning the institution of the High Commissioner of Sardinia and issued on 31 January of the same year, provided for the appointment of a high commissioner reporting directly to the head of state and with a temporary character. It was responsible for supervising and directing on the island all state, civil and military administrations, local authorities, under public law and all those subject to state protection or surveillance; directing the action of the prefects and all civil and military authorities, ensuring their pursuit

of the same line of action; if necessary, exercising the powers of the central government.

The personality identified as suitable to hold the position was the air team general Pietro Pinna. A man considered, even by the anti-fascist parties, super partes and who could count on the benevolence of the United States, on an attitude of interest awaited by the UK and on a high consideration by Badoglio. The High Commissioner was flanked in its action by a consultative council, expression of the local political groups and to which, in December of the same year, a regional council took over.

The documentary complex – the result of the five-year work of the High Commissariat – is available for consultation only in recent times. The fond was given to the Autonomous Region of Sardinia by the Government Representation in 1968 and subsequently transfer to the *Archivio di Stato* of Cagliari.

Made available for consultation only in recent times, the fond – divided into nine series and further internal subseries – represents, today, an essential tool for anyone who wants to approach the study of Sardinia at that time. Unfortunately, this historical phase still not very investigated and, for this reason, it's often the subject of deep-seated commonplaces and mystifications. However, the analysis of these documents allows to reconstruct precisely the island's history from every angle, from the age-old question of public security, to political and party life, passing through the economic and social aspects, just to name a few examples. Furthermore, in contrast to what is – perhaps – the most widespread preconception about Sardinia, the sources lend themselves to a markedly "glocal" reading and analysis.

An island that is the subject and object of intense international relations and that – despite its geographical definition and its peculiarities – is certainly not "isolated".

A DISTANT ALLY IN DIFFICULT TIMES? OFFICIAL GERMAN FOREIGN POLICY PERCEPTIONS OF THAILAND'S FOREIGN POLICY AND GERMAN-THAI DIPLOMATIC RELATIONS, 1941–1945

Noack David X.
(University of Mannheim)

In the course of the Second World War, Thailand was the only German ally in East- and South-East Asia except Japan. Germany had long-standing diplomatic relations with the Buddhist kingdom, and played a non-negligible role in Thailand's economy before the war. The paper focusses on issues and questions of German-Thai diplomatic relations during Thailand's participation in the Asian theatre of the Second World War. In a two-pronged approach, it examines the roles of Thailand's representatives in Germany from 1941 until 1945, and the country in fascist Germany's India policy, based on published and unpublished documents from the German foreign ministry.

An in-depth analysis of the assessments by German foreign policy officials in Bangkok and Berlin of Thailand's role in German South East Asian policy during the Second World War reveals that German foreign policy officials perceived the country as an unequal partner in South East Asia. A surprising fact, considering that Germany and Thailand had nearly no economic and military exchange with each other in the course of the war, and Germany tried to use the country to enforce its influence in the region.

EDUCATIONAL DEVELOPMENT DURING THE WAR YEARS IN KAZAKHSTAN

Ospanova Dayana Gabitkyzy
(L.N. Gumilyov Eurasian University)

The Great Patriotic War became a moment of truth for the Soviet Union, which, subsequently, determined the power, courage and foresight of the state. The pages of the history of the Great Patriotic War are a real confirmation of how people, sacredly committed to their native land, sacrificed practically everything they had for the peace and prosperity of the Motherland. Despite the fact that the war, by its destructive force, destroyed the opportunities, chances and hopes for further development, the desire to improve life in the USSR, people did not lose faith in victory, continued to promote in society such unshakable concepts as "science", "education", and "culture", despite the crushing blows of the war. The Kazakhstanis have become a prime example of how, even under the most hopeless circumstances of a war, one can continue to fight for culture and enlightenment. History remembers not only the selfless acts of Kazakh soldiers in the name of the Motherland, but also their stubborn pursuit of knowledge.

From the very first days of the war, in the Kazakh SSR, the issue of reforming the education system, especially the school system, came up on the agenda, since a large number of students stopped attending school due to wartime circumstances. There was an urgent need for a total restructuring of all school education on a war footing, reorganization of orphanages and boarding schools, and the involvement of school-age children in education. The war also brought great losses to the educational and material base of schools: there was a shortage of teachers, due to the fact that many teachers and high school students were called up to the front.

Due to the circumstances of the Patriotic War, serious adjustments were made to the curriculum with an emphasis on the patriotic education of children and their involvement in work in industry and agricultural production. During the school year, students were engaged in the collection of waste paper and scrap metal, assisted in hospitals where wounded soldiers were placed, cultivated crops and renovated school buildings.

Due to difficult conditions, school lessons were not held properly: the duration of one lesson was only 40 minutes, the children studied in three shifts, and teachers, due to lack of time, had to study simultaneously with two or even three classes. Many school buildings in Kazakhstani cities were given to the government for other purposes, so the area of schools has sharply decreased.

For example, 60 school buildings in Almaty during the war years, only 29 were actually used for education.

In 1943–44, a number of resolutions were issued to improve the financial situation of teachers, but the situation was very difficult, since in many regions of Kazakhstan teachers were not adequately provided with bread rations, and bread cards were not issued for months[1].

Towards the end of World War II, the process of rebuilding the Kazakh elementary school began: in 1941, 2801 Kazakh schools operated in Kazakhstan, and in 1945 this number dropped to 2567 schools.

In 1944–1945, 7596 schools functioned in Kazakhstan (3496 of them), 313 directors worked. During the war years, 33 school workers received certificates from the Supreme Council of the Kazakh SSR for work and perseverance in educating the future generation, and 35 teachers became honored teachers of the republic[2].

Regarding the work of higher educational institutions, the war radically changed the previous order and system. From the very beginning of World War II, a huge number of teachers and students were called up to the front; in this regard, the curriculum was significantly reduced, but the training of specialists continued. At the beginning of 1943 the total number of students in Kazakhstan was 1858, then at the end of the academic semester there were only 871 of them. In the pre-war time, 55 graduate students studied at universities, but in connection with the call to the front, only 15 people remained to study.

In October 1941, a resolution was adopted by the Central Committee of the Communist Party of Kazakhstan "On improving educational work in universities", which pursued the goal of improving the political educational direction among students and their teachers, containing recommendations for successful activities in war. The plans included tasks that had military and economic aspects for defense purposes[3].

The military departments of the universities of Kazakhstan significantly replenished the ranks of their employees, regular military exercises were mandatory for all groups.

Like school facilities, university buildings were converted to hospitals and military enterprises. The curriculum, which previously was 4–5 years of study, was universally reduced to 3–4 years. Due to lack of staff, some disciplines were taught by teachers from other universities.

One of the most important events was the evacuation of higher education institutions from other republics to the Kazakh SSR. These changes were the result of improving the quality of education in Kazakhstan, an increase in the number of scientific studies. 41 educational institutions were evacuated,

---

[1] Central'nyj Gosudarstvennyj Arhiv Respubliki Kazahstan (CGA RK).

[2] CGA RK.

[3] *Zhamanbaev K.Zh.* Vysshaya shkola v Kazahstane: Istoricheskij opyt Kommunisticheskoj partii Kazakhstana po rukovodstvu vysshej shkoly za 50 let (1920–1970 gg.). Alma-Ata, 1972. C. 76.

together with about 8 thousand students and 500 teachers, including 5 academicians, 35 professors and 92 associate professors from Russia.

During the war years, the number of universities increased from 13 to 15; in Almaty, the teacher's institute of foreign languages, the Kazakh female pedagogical institute, were reopened. Some universities, on the other hand, were temporarily closed: the Semipalatinsk and Ural teaching institutes, the Kustanai pedagogical school.

The pace of research has slowed significantly: the 1945 plan provided for 75 topics to be completed, but only 58 of them were completed, due to the departure of supervisors and other workers who took patronage over students. Despite this, the training of highly qualified personnel was carried out quite successfully thanks to the support of teachers from the evacuated educational institutions. During the war years, 4 doctoral and 40 master's theses were defended at the Kirov Kazakh State University, and 1 doctoral and 4 master's theses were defended at the Agricultural Institute.

In 1945, the buildings of educational institutions occupied for military departments were returned. After the war ended, the number of students increased again: at the beginning of the war, about 10 thousand students studied at universities in Kazakhstan, and in 1946 more than 15 thousand students. In attempts to achieve the pre-war level, pedagogical staff in educational institutions was urgently needed: during the war years, 3070 teachers were trained.

The experience of the universities of the People's Commissariat for the wartime showed that the highest pedagogical school of Kazakhstan was viable and active and was able to continue hard work on the training of teachers. The evacuation of scientists from Moscow and Leningrad was of great importance not only for the folding of the historical concepts of E.B. Bekmakhanov, but also for many Kazakhstan researchers, in general, the development of historical science[4].

---

[4] *Mazhitov S.F.* Istorik Ermuhan Bekmahanov. Astana, 2005. C. 264.

THE SECOND ITALIAN WAR OF INDEPENDENCE OF 1859

Pingot Loïc Pierre
(École nationale des Chartes, France)

To determine the death toll of any given battle or conflict poses a difficult issue at the State whose soldiers are concerned and at the historian. The necessity to calculate the number of dead during contemporary conflicts for tactical, strategical, financial and moral reasons provides him with enough material as to render the task possible but still extremely difficult due to the uncertainty of an important number of deaths and the eventual lackings of the source material and of the institutions which produced it. Thus, not only is it interesting to approach this subject matter in order to gather precise statistic information on contemporary conflicts but it also provides insights on the actual attention given by an army and a society to their fallen soldiers and touches the topical subject of the "duty of rememberance".

In order to modestly contribute to a research field undergoing an important renewal in France[1] as in other countries, we focused our work on the calculation of the death toll of the French Army of Italy during the Second Italian War of Independance between May 29th 1859 and the beginning of May 1860 and especially the proper military campaign opposing the French Army and its Sardinian ally to the Austrian Army between May 29th and July 12th 1859. This short but bloody war – famous for having inspired Swiss philanthropist Henry Dunant to create the Red Cross in order to help military victims on the field – is an interesting experimentation ground to develop a methodology to calculate the death toll of an army during war time, appliable to other larger conflicts such as World War One or Two. We mostly used the datas provided to us by the official numbers at the time, given by the French Army department of statistics and confronted them with estimations given in his war correspondence by Napoleon III[2], and the military services[3] during the

[1] A similar study focusing on the death toll of the Crimean War already exists. Cf *Fredj C.* "Compter les morts de Crimée: un tournant sur l'identité professionnelle des médecins de l'armée française (1865–1882)", Histoire, économie & société. Vol. 29e année. No. 3, 2010. P. 95–108.

[2] Cf Archives Nationales, Fonds Napoléon (XVe–XXe siècles), 400AP/1–400AP/221, Dossier 1 and 2, Pierrefitte-sur-Seine.

[3] Cf Service historique de la défense, GR G3/25, Vincennes: estimates were made per regiments and corps after every encounter, keeping tracks of the dead, missing,

campaign and with later results obtained by contemporary doctors and statisticians. We also used the information provided by the legislative sources concerning military pensions, always useful in that sort of case. The amount of spendings planned for veterans and military widows in the budget plan for the year 1859 and brought to the public debt was thus of 36 650 000 francs[4], and reached 36 926 000 for the year 1860[5] – substantial augmentation of which a part at least must be attributed to the compensations given to the victims of the 1859 war – proving the very concrete reasons justifying the calculation of the number of casualties from a financial point of view.

If at the end the definitive numbers seem to be those established after extensive researches in 1869 by the military surgeon and renouned statistician Jean-Charles Chenu[6], leaving us with a rough estimation revolving around 10 000 dead; the study although reveals the interest given by Napoleon III himself and the military authorities as well as the Healthcare services of the French Army – undergoing an important development at that time and since the napoleonic wars[7] – for the question.

We have particularly been able to confirm the tendency according to which the initial numbers produced in the aftermath of operations are always very innacurate, certainly due to the context of hurry and the difficulties inherent to any statistic recollection on battlefields and military hospitals, while war is still raging on and where the sanitary necessities – burrying the dead, taking away the troops and caring for the ill and wounded etc. – prevail. The further in time the researches are made, the more accurate they seem to be with the passing of time allowing to refine in retrospect the first estimates given of the number of casualties, especially by distinguishing those killed on the battlefield, those who died of their wounds or due to illness, and the misssing in action, with due attention given to those who died after returning to the homeland from complications of illnesses or wounds received in campaign and whose number is according to all sources the great unknown. As stated by the statistician Paul Leroy-Beaulieu: "In such matters the biggest and most recent numbers are the most accurate"[8], which is not however to say that an effort wasn't made by the military administration to come to an official account of

---

wounded and deserters, often with extensive details: name, rank, causes of death or wounds etc.

[4] Cf Bulletin des lois de la République française, Imprimerie nationale, Paris, July–December 1858. P. 804.

[5] Cf Bulletin des lois de la République française, Imprimerie nationale, Paris, July–December 1859. P. 846.

[6] Cf *Chenu Jean-Charles*. Statistique médico-chirurgicale de la campagne d'Italie en 1859 et 1860: Service des ambulances et des hôpitaux militaires et civils, 2. vol, J. Dumaine, Paris, 1869.

[7] Cf *Fredj C*. Médecins en campagne, médecine des lointains: le service de santé des armées en campagne dans les expéditions lointaines du Second Empire (Crimée, Chine-Cochinchine, Mexique), doctoral thesis, Daniel Nordman (dir), 2006, HESS, Paris.

[8] Cf *Leroy-Beaulieu P*. Les Guerres contemporaines, Pichon-Lamy, Paris, 1869. P. 41.

the number of casualties of the 1859–1860 campaign. It was futhermore very conscious that its official account could be improved on, as acknowledged by Dr. Hippolyte Larrey, chief-doctor of the French Army of Italy in an essay read to the Paris Academy of Medecine[9].

Colonel Saget, then responsible of the statistic works for the Ministry of War thus produced two sets of numbers, one immediately after the campaign, and one revised later and more accurate. If these numbers weren't totally satisfaying yet, the necessary work of refinement was achieved by statisticians and especially former military doctors who had partaken in the Italy campaign and considered it part of their duty, such as Dr. Louis Cazalas, one of Larrey's successors as chief-doctor of the Army of Italy after his departure on july 1859, who especially worked on the number of ill and wounded[10], and of course Jean-Charles Chenu who dedicated fifteen years of his life to the calculation of the death tolls of the Crimean War and the Second Italian War of Independance[11], establishing himself as a model.

The improvement of this type of operation in the French Military is a long process which is not even finished at the beginning of World War One which pushes the military administration to develop proper tools to deal with the counting of the dead[12], the short 1859 war being but an other landmark leading to this result.

---

[9] Quoted in *Leroy-Beaulieu P.* Op. cit. P. 40, 42.

[10] Cf *Cazalas L.* Maladies de l'armée d'Italie, ou Documents pour servir à l'histoire médico-chirurgicale de l'armée d'Italie (campagne de 1859–1860), Rozier V. (ed), Paris, 1964.

[11] Cf *Chenu J.C.* Rapport au Conseil de santé des armées sur les résultats du service médico-chirurgical aux ambulances de Crimée et aux hôpitaux militaires français de Turquie pendant la campagne d'Orient en 1854–1855–1856, Paris, J. Dumaine (ed), 1865 and Statistique médico-chirurgicale... Op. cit.

[12] Cf *Prost A.* "Compter les vivants et les morts: l'évaluation des pertes françaises de 1914–1918", Le Mouvement Social. Vol. 222. No. 1, 2008. P. 41–60.

THE NAZI «GENERAL PLAN EAST» AND ITS REALIZATION IN OCCUPIED POLAND: THE «AKTION ZAMOSC» 1942–1943

Pulvermacher Alexandra
(Alpen-Adria-Universität Klagenfurt, Austria)

The "General Plan East", developed by Nazi German planning elites since the end of 1941, envisaged the expulsion of 31 million people in East Central Europe. In contrast to the history of the deportations before autumn of 1941, i.e. those in Poland and Slovenia, the picture of the "General Plan East" remains rather dim. This is due to the diffuse history of its development, in which numerous institutions were involved. The one "General Plan East" did not exist either – it stands for a multitude of planning concepts between 1940 and 1943, the documents of which were largely destroyed in 1945[1]. In contrast to other National Socialist plans, it was realized only to some extent within the "Aktion Zamosc"[2], which was in a certain sense a continuation of deportations already carried out by the National Socialists, albeit radicalized.

The SS decided to realize this project in the territory of Zamość for several reasons: alleged German colonists from the time of Austrian rule had been discovered there, who now were to be "re-Germanized". The soils in this area were very fertile, moreover several important traffic routes were running through Zamość, which itself was claimed to be a German Renaissance town[3].

Within the "Aktion Zamosc", more than 100,000 Poles were forcibly resettled from 293 villages. It was organized by the Central Emigration Office (UWZ), which had already gained experience during the deportations of Polish citizens from the annexed territories to the General Government. In transit camps, the deportees were selected according to two criteria: firstly their ability to work and secondly their "racial" value. Persons capable of work were brought to the Third Reich for forced labour if they were classified as

[1] Der "Generalplan Ost": Hauptlinien der nationalsozialistischen Planungs- und Vernichtungspolitik / Ed. by *Mechthild Rössler* and *Sabine Schleiermacher*. Berlin, 1993; Vom Generalplan Ost zum Generalsiedlungsplan: Dokumente / Ed. by *Czeslaw Madajczyk*. Munich, 1994.

[2] Zamojszczyzna – Sonderlaboratorium SS: Zbiór dokumentów polskich i niemieckich z okresu okupacji hitlerowskiej / Ed. by *Czesław Madajczyk*. 2 vol. Warsaw, 1977, 13–15.

[3] Ibid. 12.

"racially valuable"; if not, they were taken to the Auschwitz labour camp[4]. Persons younger than 14 and older than 60 years, disabled and sick people were to be brought to "pension villages" that had previously been depopulated within the Holocaust. Thus, 30,000 children aged between 6 months and 14 years were separated from their parents. 4,500 of them considered "racially valuable" were deported to the Third Reich for "Germanization".

The remaining were to vegetate in the "pension villages," where they lacked any kind of care. Already during the transports, numerous children froze to death or fell seriously ill.[5] However, for Hermann Krumey, the head of the UWZ, this indirect method of extermination was not sufficient: he advocated that children should be taken with their parents to Auschwitz, as otherwise they could reproduce again in the future and thus endanger "Germanization"[6]. According to two eyewitness reports, at least 90 Polish children from the Zamość area were killed in Auschwitz by phenol injections[7].

Consequently, the "Aktion Zamosc" caused massive unrest and panic among the Polish population. In view of the brutal approach of the occupiers, many Poles feared that they were now facing the same fate as the Jews. They hid, tried to find shelter with relatives in neighbouring villages or fled into the woods to join the resistance, mainly divisions of the Farmer's Battalions and the Home Army. By countless acts of sabotage and attacks on the German police stations and ethnic German resettlers, the partisans tried to prevent the deportations[8]. The Polish Red Cross and the Committee for Social Welfare organized clothing, food and medical care in order to alleviate the plight of the deportees[9]. In response to the exploding resistance, the occupiers carried out the anti-partisan and pacification actions, which included mass detentions and

---

[4] Zamojszczyzna 1, 12–13; operational command no. 16 of 12 Dec. 1942 of Hermann Krumey regarding deportation planed on 14 Dec., in: ibd., doc. 76, 216–18.

[5] Wysiedlanie ludności polskiej w tzw. Kraju Warty, na Zamojszczyźnie oraz popełnione przy tym zbrodnie: Biuletyn Głównej Komisji Badania Zbrodni Hitlerowskich w Polsce. Vol. XXI / Ed. by *Wacław Szulc*, Warsaw 1970 (henceforth Biuletyn XXI), 48.

[6] Report of the work of the UWZ in Zamosc from 27.11.–31.12.1942, Krumey, 31 Dec. 1942 in Łódź, in: Zamojszczyzna 1, doc. 98, 256–9, here 259.

[7] Protocol of the hearing of the witness Stanisław Głowy, in: Biuletyn XXI, 292–4; protocol of the hearing of the witness Roland Goryczki, in: ibd., 294–5.

[8] *Bruno Wasser*, Die Neugestaltung des Ostens. Ostkolonisation und Raumplanung der Nationalsozialisten in Polen während der deutschen Besetzung 1939–1944 unter besonderer Berücksichtigung der Zamojszczyzna im Distrikt Lublin, dissertation, Aachen 1992, 228–9; *Zygmunt Klukowski*, Tagebuch aus den Jahren der Okkupation 1939–1944 / Ed. by *Christine Glauning* and *Ewelina Wanke*. Berlin, 2017, 388–436; *Zygmunt Mańkowski*, Między Wisłą a Bugiem 1939–1944: Studium o polityce okupanta i postawach społeczeństwa, Lublin 1978, 272–6.

[9] *Agnieszka Jaczyńska*, The SS Sonderlaboratorium. The Zamosc-Region: "The First Settlement Area in the Generalgouvernement". Lublin, 2012, 323.

deportation to the Third Reich for forced labour, the burning and bombing of villages as well as mass shootings[10].

The "Aktion Zamosc" went far beyond a local project: As part of the "General Plan East" it enjoyed the great interest of Himmler, who despite vehement internal criticism adhered to it for a relatively long time. In the regional SS leader Odilo Globocnik he had found a man who had already proven his "drive" within the "Aktion Reinhardt" – the murder of 1.5 million predominately Polish Jews – and who was now trying to implement the "Aktion Zamosc" without any regard for losses. Göring, Goebbels and Frank, however, were against it as in their view it caused unnecessary unrest in the hinterland of the front and substantial economic losses[11].

There is also a link between the "Aktion Zamosc" and the Holocaust: More than 1,000 Poles were deported to Berlin to replace Jews working in the armaments industry who with their families in return were deported to Auschwitz[12]. There also seems to be a connection between the "Aktion Zamosc" and the Volhynia massacres of Ukrainian Nationalists against Poles: The Germans deliberately tried to intensify the antagonism between Poles and Ukrainians in order to use it for their own purposes. Thus, Ukrainian policemen took part in the expulsions of Poles. Moreover, several thousand Ukrainians were resettled in homes from which Poles had previously been expelled[13]. It must be clarified whether and to what extent the Polish-Ukrainian fighting that began in 1943 was connected with the "Aktion Zamosc".

The "Aktion Zamosc" has a specific place in the history of German occupation, deportation and extermination policies. Until now, it has been neglected by international research, although a large number of edited sources are available. The "Aktion Zamosc" can be considered as a laboratory for the demographic policies of Nazi Germany in Eastern Europe, the biggest deportation concept in history. It shows the German structures and policies of deportation, its fatal consequences including mass murder, but also the reactions of society and the limits of German violent rule in Eastern Europe.

---

[10] Ibd., 160; *Wasser*. Neugestaltung, 230–1.

[11] Zamojszczyzna 1, 15–16; *Wasser*, Neugestaltung, 227.

[12] *Danuta Czech*, Kalendarium der Ereignisse im Konzentrationslager Auschwitz-Birkenau 1939–1945. Reinbeck bei Hamburg 1989, 358–60, 427–9.

[13] Zamojszczyzna 1, 15; *Klukowski*, Tagebuch, 435.

THE LANDINGS IN SICILY: SOLDIERS' AND CIVILIANS' PERCEPTION OF A WARTIME ENCOUNTER

Simonetti Fabio
(University of Reading, UK)

The Imperial War Museum (London, UK), a leading resource for the study of the history of contemporary conflict, has recently celebrated its centenary. The IWM was founded in 1917, while the First World War battlefields were still claiming countless lives, to provide a national war museum to record the events of what was then known as the Great War.

According to its founders' vision, the museum would have a dual role as a place both of commemoration and of research. Today IWM's role is to address and interpret the history and memory of 20th and 21st century conflict, showing how these events affected people's lives and shaped today's world.

With its vast, heterogeneous collection of objects, artworks, photos and films, documents and sound archives and its specialist library, the museum is committed to maintaining its leading role in promoting innovative research into aspects of the Second World War. A current indication of IWM's efforts is the reinterpretation and complete renovation of its Second World War and Holocaust galleries, due to open in 2021.

Furthermore, the newly established IWM Institute, which aims to increase the public understanding of war and conflict, is a significant development in the museum's promotion of itself as a place for discussion, debate, and innovative approaches to studying the past. IWM also recruits three new doctoral researchers every year under its Collaborative Doctoral Partnership scheme, a collaboration with the Arts and Humanities Research Council. My own research, based on the study of the wartime encounters between British soldiers and Italian civilians during the 1943–1947 Allied invasion, liberation and consequent occupation of Italy, is part of this scheme, which sees over 50 students embedded in cultural organisations each year.

Multidisciplinary studies of wartime encounters aim to analyse how war shapes the sphere of human relations. By shifting the focus away from the battlefields, the centre of the discourse becomes the transnational clash of cultures that takes place in war zones when people thrown together by the circumstances of war come face to face. In light of the increased availability of autobiographical sources such as memoirs and diaries, as well as the widespread use of oral history interviews, it is now particularly fruitful to focus on the construction of a more nuanced and complex social history of war.

The study of wartime encounters urged me to privilege researching and visiting the actual places where these clashes took place and that British soldier-travellers described in their own recollections. The desire to follow in their footsteps and to interview eyewitnesses who could still remember those days derives from the will to understand the perception both sides had of each other. Tracking down, meeting and interviewing people from London, Sicily and Rome has definitely widened my perception of these events and has made me see the variety of individuals' responses to historical events from different angles.

With my presentation, I would like to highlight aspects of British soldiers' and Italian civilians' perception of their very first encounter on 10 July 1943, the day of the Allied invasion of Sicily. This amphibious operation – the largest of the whole war in terms of divisions involved – represented an important turning point in the course of the conflict. While the Red Army had been bearing the weight of the German attack against the Soviet Union for two years, following the end of the victorious North-African Campaign, Anglo-American forces were finally ready to bring the war back to Europe – the heart of the Axis powers – for the first time since 1940.

From the very beginning, despite the Allied authorities' concerns over the reception the first Anglo-American soldiers would receive from the civilians of an enemy country, these soldiers predominantly experienced very little hostility from the war-weary Sicilians. The most common image of the liberation of Italian towns shows Allied soldiers in the act of giving chocolate and cigarettes to overjoyed civilians in the streets. For the Italians, the moment of liberation represented a perfect 'ending' to their war, while for the soldiers, their reception was a surprise and a relief which were impossible to forget.

William Watson, of the Durham Light Infantry, was one of those who recalled the surprisingly warm welcome in Sicily: 'Some were delighted to see us, wanted to be free from Italy and be part of the British Empire. I remember myself that I was kissed by some Sicilian girl from the town'[1].

The experience of British veteran Roy Quinton is even more poignant. His marriage in 1946 to an Italian woman, with whom he still lives, embodies a legacy of a very positive wartime encounter. When I interviewed him, he recalled the experience of marching through the newly liberated towns: 'It was impossible these people were our enemies, they were so friendly. [...] Every village we went through the people would come out with bottles of wine and they were so pleased the German occupation had come to an end that they made themselves drunk on their own wine! And once we got there they were weeping. Every village was the same and they didn't feel threatened by us'[2].

However, while this indisputable but simplistic version of events certainly contains elements of truth, a deeper examination of individual experiences unveils both parties' fear and suspicion of each other. The imbalance of power could lead to mutual distrust: 'The natives seem to be very friendly,' wrote one

[1] IWM, Sound 10420/49: *Watson W.I.*

[2] Interview with *Quinton R.* by F. Simonetti.

British serviceman, 'clapping their hands and giving the V sign, but I suppose they would just put a knife in your back as not'[3].

In those uncertain hours, small and isolated communities predominantly composed of women, children and the elderly, appeared particularly vulnerable. The first encounter between soldiers and locals in the Sicilian village of Mazzarrone remembered by Maria Amato, a four-year-old girl at the time, shows the extent of the suspicion on both sides. The dilemma of how to receive unknown invaders without angering them caused panic in her village when the rumour of their approach spread. In the end, they decided to offer them what they considered their most precious possession in wartime: a large amount of handmade spaghetti with tomato sauce that was prepared by the terrified local women and served in the main village square with their own red wine. The Allied soldiers were taken aback by the reception they received: 'they were really surprised', Amato recalled. 'They looked at it, they knew it was good, but they didn't want to try it'[4]. The suspicious soldiers demanded that children from the village tasted it first, before trusting them and helping themselves.

As many more examples show, uncertainty, fear and even hatred shaped memories of the invasion. Such recollections stand in contrast to the more familiar image of the applause given to triumphant soldiers on liberation day. In the 'era of the witness' as 'bearer of history'[5], oral history, a discipline that considers people who experienced conflict as individuals by analysing their memory and representation of historical events, acquires a critical relevance in the reconstruction of how the war was perceived by its protagonists. It becomes evident how these marginalised experiences acquire their place in the larger whole, where the image of the 'overjoyed' first encounter does not exclude other experiences, but rather cohabits alongside them, as an important, realistic counterpoint to the national narrative and more embedded vie.

---

[3] The National Archives (London), WO 204/10381.

[4] Interview with *Amato M.* by F. Simonetti.

[5] *Wieviorka A.* The Era of the Witness (Cornell University Press, 2006).

FROM «SOVIET PEOPLE» TO «OUR GRANDFATHERS»: COLLECTIVE MEMORY OF VICTORY DAY

Steiner Anna
(Ludwig Boltzmann Institut für Kriegsfolgenforschung, Austria)

The definition of festivals and public holidays and how to celebrate them in public is a powerful tool in the repertoire of power politics. The decision on what is to be remembered and what is to be forgotten doubles as a decision on what is considered to be fundamental to the ideology of a group or a state. Ideological self-understanding, the understanding of national identity, is based on the collective memory of a nation, which is codified in turn through political decisions[1].

According to Pierre Nora, "lieux de mémoire", or "remembrance sites", are places, objects or events that have special significance related to a group's collective memory. Such a *lieu de mémoire* for, first, the Soviet Union and then the Russian Federation is Victory Day. The contents of the collective memory have not remained static, but have developed along the – often asymmetric – tension between political self-legitimation and societal needs.

This paper aims show how "Victory Day" has changed from a Soviet to a Russian remembrance site and of which elements it consists. The Soviet Union's victory over Nazi Germany is still an essential, if not the most essential, part of the collective memory of the Russian Federation. Vladimir Putin emphasized that when he said in his speech on May 9, 2015 at the Red Square: "The Great Victory will always be the heroic highlight of our country's history"[2] – the Russian Federation's history. Having taken over the legal succession of the Soviet Union, the Russian Federation has also appropriated its memory and discovered it as an identity-building component for its own purposes.

A longitudinal study of the anniversary years from 1955 to 2015, focusing on the official memory practice (public speeches of party leaders and Pravda articles on and around the May 9), shows which reinterpretations and breaks

[1] *Petnes Nicolas* (2008), Kulturwissenschaftliche Gedächtnistheorien zur Einführung. Hamburg: Junius; *Assmann Jan* (1992), Das Kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen. München: C.H. Beck.

[2] Administratsiya prezidenta Rossii (2015), My preklonyaemsya pered vsemi, kto nasmert' stojal za kazhduju ulitsu, kazhdyj dom, kazhdyj rubezh Otchisny. (Speech by Vladimir Putin, 9.5.2015, available at: http://kremlin.ru/events/president/transcripts/49438 [4.2.2020]).

the holiday as a remembrance site has experienced over time and also which continuities have persisted and still exist over the years.

1) Of course, the crucial role of victors in World War II used to be accorded to the Red Army and the Soviet people. In Soviet times, it was said that the socialist social order laid the foundation for success. This social order was presided over by the Communist Party, which was recognized as the organizer and initiator of Victory.

Within the party, Stalin's leadership role, which had led the Soviet people to victory in the spirit of Lenin, was emphasized until the 20th Congress of the Communist Party. After being erased from official memory, Lenin to a certain extent took over the role of spiritual forefather of Victory. 29 years later it was enough for Gorbachev the mention the name of Stalin in his Victory Day speech to elicit roaring applause from his audience[3]. At a Victory Day parade five years later he elaborated on Stalin's strategic decisions during and before the Great Patriotic War, offering a comprehensive critique[4].

Victory was used in retrospect to legitimize the socialist order as a whole. Thus, victory was used by the party leadership as evidence of the moral superiority of the Soviet Union and socialist order. In this respect, victory represented the starting point of a new era.

With the collapse of the Soviet Union, the notion of socialism as a precondition of victory finally disappeared. It has not become part of the Russian memory.

Until 1985, the Soviet people were always named collectively, without any national distinction, as the winner. A tendency towards individualization – or fragmentation – began in 1985, when Gorbachev named the individual nationalities in his Victory Day speech for the first time[5], and peaked in 1990. This year, particular attention was paid to the argument that it was primarily the cohesion across ethnic borders that had led to victory in the Great Patriotic War – which sounded like an appeal for common ground as one could only be victorious when united.

In 1992, a "hangover mood" still seemed to hang over Victory Day[6]. However, the Russian leadership soon discovered this remembrance site. On March 13, 1993 an order[7] was issued to the effect that the peoples of the Russian Federation have made a huge contribution to victory and that it

---

[3] Doklad tovarishcha Gorbacheva. Pravda 9.5.1985: p. 2.

[4] Doklad M.S. Gorbacheva. Pravda 9.5.1990: p. 2

[5] Pravda No. 129 (24386), Bessmertnyj podvig sovetskogo naroda. Doklad tovarishcha Gorbacheva. Pravda 9.5.1985: p. 1–3.

[6] Pravda No. 67 (26821), Krivomazov Nikolaj, Ne zabyvaj, malysh, pobedili vse-taki my! Pravda 13.5.1992: p. 1.

[7] O Podgotovke Prazdnovaniju 50-letija Pobedy v Velikoj Otechestvennoj vojne 1941–1945. Postanovlenie VS RF from 13.05.1993 № 4963–1 (Order of the Supreme Soviet of the Russian Federation was prepared to prepare for the celebrations of the 50th anniversary of the Victory in the Great Patriotic War 1941–1945).

was therefore their duty to commemorate the heroic the older generations[8]. Since then the Victory has served to strengthen a patriotic attachment to the Russian Federation.

2) For a long time, the group of victims of the War had been the one shown the least differentiation in official reports, mentioned the casualties among "the Soviet people", but avoided mentioning individual fates. A trend towards greater involvement of family memory, which primarily included the heroes but also the victims of the War consolidated itself over time and is more topical than ever in today's Russian Federation. When Brezhnev directly addressed widows and orphans in his Victory Day speech in 1965[9], the level of personal suffering became a substantial part of Soviet memory, if at first only hesitantly.

Since 1985 veterans have been encouraged to share their memories with later generations who have no first-hand experience of the War[10]. Victory was no longer part of everyone's experience ("critical threshold", J. Assmann). Therefore it proved to be necessary for the leadership to resort to communicative memory, which is maintained through intergenerational dialogue.

The official narrative has given more and more space to personal suffering. This trend continues in Russian remembrance. Remembrance within family memory offers the essential advantage that following generations can be more easily linked to the memory through a personal connection.

This change from a collective number of victims to individuals with whom personal relationships exist can also be seen in Vladimir Putin's speech[11] on the 70th anniversary of victory over "fascism" in 2015. By commemorating the killed grandfathers, mothers, and brothers and thus including communicative memory in the official narrative, Putin not only established a personal connection between the audience and the victims. At the same time, he also cleverly strengthened unity and pointed to continuities with visitors and veterans from former Soviet republic.

---

[8] Cf. Ibidem.

[9] Pravda No. 129 (17081), 9.5.1965: Velikaja Pobeda Sovetskogo Naroda. Doklad Tovarishcha L.I. Brezhneva. Pravda 9.5.1965: p. 1–4.

[10] Vernost' leninskomu znameni. Vstrecha s Zentral'nom Komitete KPSS s veteranami Velikoj Otechestvennoj vojny. Pravda: 6.5.1985: p. 1–2.

[11] Administratsiya prezidenta Rossii (2015), My preklonyaemsya pered vsemi, kto nasmert' stojal za kazhduju ulitsu, kazhdyj dom, kazhdyj rubezh Otchisny (Speech by Vladimir Putin, 9.5.2015, available at: http://kremlin.ru/events/president/transcripts/49438 [4.2.2020]).

MEMORY OF THE HOLOCAUST IN COMMUNIST ROMANIA

Teodorescu Horia-Gabriel
(University of Cambridge, UK)

In June 1941, Romanian troops joined their German allies in the invasion of the Soviet Union. The goal of this campaign was to regain the territories that had been lost to the USSR in 1940, Bessarabia and North Bukovina. Ion Antonescu, a fervent antisemite and the country's *de facto* leader, ordered army and police commanders to "cleanse the Bessarabian land" of its "Jewish element"[1]. Subsequently, Romanian authorities carried out a systematic policy of deportation and mass murder of the Jews in Bessarabia and Bukovina; many of them were sent to concentration camps in Transnistria, where they were killed together with Ukrainian Jews. Based on the conclusions of the Elie Wiesel Commission on the Holocaust in Romania, the country was responsible for the murder of between 280 000 and 380 000 Jews during the Second World War, second only to Germany in this regard[2].

The country's Stalinization after the war made any reckoning with these crimes impossible. The new Communist regime, though anti-fascist in theory, was more interested in consolidating its power than in examining the country's wartime record. In its quest for popular support, the regime constructed a comfortable and false narrative of a morally pure country, yearning for social justice and forced into the anti-Soviet war by a clique of pro-German politicians. This story ignored the mass support for fascist parties among Romanians during the 1930s; it also obscured the fact that the reoccupation and ethnic cleansing of Bessarabia and Bukovina had been key war goals for Antonescu, emphasizing instead the few months spent after August 1944 on the Allied side. The erasure of the Holocaust from public memory was a natural consequence of this remembrance policy: from monographs to school textbooks, historical works minimized or even negated the existence of any state-driven genocidal policy. Even when war crimes were recognized, the Jewishness of those killed was erased, with communists and anti-fascist workers being awarded the status of primary victims.

---

[1] *Shapiro P.* The Kishinev Ghetto, 1941–1942: A Documentary History of the Holocaust in Romania's Contested Borderlands (Tuscaloosa: University of Alabama Press, 2015), p. 9.

[2] *Wiesel E.* (pres.), *Friling T.* (ed.), *Ioanid R.* (ed.) *and Ionescu M.E.* (ed.) Raport Final. Comisia Internațională pentru Studierea Holocaustului în România (Iași: Polirom, 2004). P. 388.

The paper presents an archaeological study of this "history cleansing" in postwar Romania. It examines several factors that shaped the distorted World War Two narrative that emerged during the late 1940s. Firstly, it argues that communist ideology was structurally unable to scrutinize the nature of fascism and its associated crimes, as it regarded ethnic and religious conflicts as nothing but class struggles in disguise. Particular attention is given to the ideological debates within Romanian Marxism between revisionists such as Lucreţiu Pătrăşcanu and hardline ideologues who followed the narrow Dimitrovian definition of fascism as the terrorist culmination of the most reactionary and imperialist elements of finance capital. Secondly, the paper shows that the Stalinist regime instrumentalized anti-fascism in its quest for power, promoting a binary logic under which all of its political opponents were branded as "fascists", while communists became the sole victims of wartime crimes. Thirdly, the article touches upon the issue of antisemitism among leading Romanian communists who, starting in the early '50s, purged their Jewish colleagues from the Party in an action mirroring Stalin's "anti-cosmopolitan" campaign.

After tracing the erasure of the Holocaust's memory to these postwar developments, the paper explores the subject's treatment in educational and scholarly writing during the period. It discusses Mihail Roller's 1947 model history textbook, which declared that "the thousands of victims of fascist camps were democratic citizens", thus starting the erasure of the Holocaust's memory from public education[3]. The paper also looks at several important academic volumes published during the 1950s and 1960s, most of which made no mention of the mass killing of Jews by Romanian soldiers and gendarmes during the war. The official censorship of incriminatory books, such as Matatias Carp's *Cartea Neagra* or Pătrăşcanu's "Romania's Basic Problems" is also addressed, together with the general inaccessibility of archives and sources related to the Holocaust.

The last section of the paper examines the evolution of the Holocaust's memory after 1989. The emphasis here is on the contrast between the official recognition of state responsibility for the crimes and the continuing ignorance of the subject among a large majority of Romanians. The opening of the archives and governmental support for research have catalysed the scholarly study of the Romanian Holocaust over the past three decades, leading to the emergence of a large body of quality academic work. Holocaust denial, however, remains widespread among the general population and the paper addresses, in its concluding remarks, the need for further boosting education on the subject in the public realm.

---

[3] *Roller M. et. al.* Istoria României. Manual unic pentru clasa a VIII-a secundară (Bucureşti: Editura de Stat, 1947), pp. 767–768.

СПИСОК ОРГАНИЗАЦИЙ, ПРИНИМАЮЩИХ УЧАСТИЕ В КОНФЕРЕНЦИИ «КЛИО-2020»

Азербайджанский Государственный Педагогический Университет (Азербайджанская республика)
АО «Авилон Автомобильная Группа»
Архив Российской академии наук
Белорусский государственный университет (Республика Беларусь)
Владивостокский филиал Дальневосточного юридического института МВД России
Волгоградский государственный университет
Государственный академический университет гуманитарных наук
Государственный архив Российской Федерации
Государственный архив новейшей истории Ульяновской области
Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический
Дальневосточный федеральный университет
Донецкое высшее общевойсковое командное училище
Евразийский Национальный Университет им. Л.Н. Гумилева (Республика Казахстан)
Институт Востоковедения им. Абу Райхана Беруни (Узбекистан)
Костромской государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник
Краснодарская региональная общественная поисково-исследовательская организация «Высота»
Кубанский медицинский институт
Медицинский университет «Реавиз» (г. Самара)
Московский государственный лингвистический университет
Московский государственный областной университет
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Московский педагогический государственный университет
Музей истории города Ярославля
Музей-панорама «Бородинская битва»
Муниципальное автономное общеобразовательное учреждение средняя общеобразовательная школа № 17 г. Липецка
Национальный архив Республики Беларусь
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Национальный Музей Истории Азербайджана (Азербайджанская Республика)
Объединенный государственный архив Челябинской области
ООО «Ростовец» в г. Ростов-на-Дону
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
Российская академия наук
Российский государственный архив в г. Самаре
Российский государственный архив новейшей истории
Российский государственный архив социально-политической истории
Российский государственный архив фонодокументов
Российский государственный гуманитарный университет
Российский государственный социальный университет
Российский педагогический университет им. Герцена
Российский технологический университет – МИРЭА
Российский университет транспорта
Самарский филиал Московского городского педагогического университета
Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук
Северный Арктический Федеральный университет им. М.В. Ломоносова
Смоленский государственный университет
Сургутский государственный педагогический университет
Тверской государственный университет
Уральский федеральный университет имени Б.Н. Ельцина
Учебно-научный Мезоамериканский центр им. Ю.В. Кнорозова
Художественный музей Эрнста Неизвестного
Центр документации новейшей истории Волгоградской области
Центр документации новейшей истории Удмуртской республики
Центр документации новейшей истории Ярославской области
Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга
Центральный музей Тавриды
Южно-Российский институт управления РАНХиГС
Ярославский государственный медицинский университет Минздрава России
Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского
Alpen-Adria-Universität Klagenfurt (Austria)
Deutscher Bundestag (Germany)
École nationale des Chartes (France)
Imperial War Museum (UK)
Institute of Historical Research (UK)
Ludwig Boltzmann Institut für Kriegsfolgenforschung (Austria)
Sapienza University of Rome (Italy)
University of Cagliari (Italy)

University of Calabria (Italy)
University of Cambridge (UK)
University of Iceland (Iceland)
University of Mannheim (Germany)
University of Reading (UK)
University 'Roma Tre' (Italy)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Александрова Анна Константиновна – научный сотрудник Отдела современной истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН, к.и.н., *anna.k.aleksandrova@gmail.com*

Алимджанов Бахтиер Абдихакимович – докторант Института Востоковедения им. Абу Райхана Беруни (Узбекистан), к.и.н., *balimdjanov@gmail.com*

Артемова Софья Владимировна – студентка Факультета архивного дела ИАИ РГГУ и Института Психологии им. Выготского РГГУ, *artemovasofyavl@gmail.com*

Ахрамович Наталья Вадимовна – аспирантка Исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, *Impeccable434@yandex.ru*

Багирова Нармин Давуд – главный специалист отдела научной экспозиции и организации выставок Национального Музея Истории Азербайджана, *nbaqirova@mail.ru*

Баканов Алексей Иванович – главный специалист Отдела использования документов Российского государственного архива социально-политической истории, к.и.н., *aleksej-bakanov@yandex.ru*

Баландина Олеся Александровна – ведущий архивист Отдела научно-публикаторской и выставочной работы Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга, аспирантка РГПУ им. А.И. Герцена, *olesya.balandina@inbox.ru*

Барабанова Ксения Сергеевна – ведущий научный сотрудник лаборатории исторических исследований Сургутского государственного педагогического университета, к.и.н., *barabanova13@gmail.com*

Батов Алим Тимурович – заместитель генерального директора ООО «Ростовец», магистрант ЮРИУ РАНХиГС, *alimbatov@mail.ru*

Бекленищева Мария Владимировна – аспирантка Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, *bekmv88@yandex.ru*

Беляков Глеб Сергеевич – студент Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, *beljkoffgleb@mail.ru*

Бондаренко Владимир Игоревич – доцент кафедры общественных наук и организации здравоохранения Кубанского медицинского института, к.и.н., *bondarenko89@list.ru*

Владимирова Екатерина Денисовна – главный специалист Отдела научно-исследовательской работы Центра документации новейшей истории Волгоградской области, *Etoile-0507@yandex.ru*

Волков Андрей Вячеславович – аспирант Факультета глобальных процессов Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, *springs89@mail.ru*

Воронина Евгения Валерьевна – научный сотрудник Исторического Центра кафедры гуманитарных наук Московского государственного лингвистического университета, *ewg.voronina2014@yandex.ru*

Голованова Елена Александровна – специалист по контенту в АО «Авилон Автомобильная Группа», *golovanova.elenka@gmail.com*

Головина Евгения Леонидовна – главный специалист Центра документации новейшей истории Волгоградской области, *nagitchka@inbox.ru*

Горшенин Александр Владимирович – доцент кафедры гуманитарных дисциплин Медицинского университета «Реавиз» г. Самары, к.и.н., *aleksandr_gorshenin@rambler.ru*

Гриценко Святослав Александрович – доцент кафедры иностранных языков Российского технологического университета – МИРЭА, к.и.н., *svjatoslav11@bk.ru*

Гудков Илья Артурович – магистрант Дальневосточного федерального университета, *gudkov.ia96@gmail.com*

Гусев Александр Александрович – магистрант Государственного академического университета гуманитарных наук, *aagusev95@yandex.ru*

Емельянова Екатерина Олеговна – магистрантка Северного Арктического Федерального университета им. М.В. Ломоносова, *emelyanova55@gmail.com*

Ефимов Андрей Александрович – научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН, к.и.н., *aaefimov5@gmail.com*

Жадан Александр Владимирович – старший преподаватель кафедры тактико-специальной, огневой и физической подготовки Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России, к.и.н., *awzhadan252@mail.ru*

Животова Полина Андреевна – студентка факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, *polina-zhivotova@bk.ru*

Жирова Надежда Сергеевна – учитель истории и обществознания МАОУ СОШ №17 г. Липецка, к.и.н., *nadezdalip@yandex.ru*

Жохова Анастасия Александровна – студентка Института филологии и истории Российского государственного гуманитарного университета, *meshkowa.anastasya2015@yandex.ru*

Жукова Юлия Александровна – заместитель председателя Краснодарской региональной общественной поисково-исследовательской организации «Высота», *visota_org_region@mail.ru*

Журкина Анастасия Александровна – главный специалист Российского государственного архива новейшей истории, аспирантка Государственного академического университета гуманитарных наук, *nastasjatauron@gmail.com*

Зверева Мария Семеновна – студентка Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, *manutaz@mail.ru*

Иванов Вячеслав Александрович – экскурсовод Центрального музея Тавриды, к.и.н., *slavik1855@gmail.com*

Иванова Ольга Юрьевна – доцент Смоленского государственного университета, к.и.н., *olga05ivanova@mail.ru*

Каторжевский Павел Николаевич – магистрант кафедры политологии юридического факультета Белорусского государственного университета, Республика Беларусь, *katarzheuski@gmail.com*

Киндяков Сергей Александрович – председатель Краснодарской региональной общественной поисково-исследовательской организации «Высота», *visota_org_region@mail.ru*

Козлова Светлана Юрьевна – ученый секретарь Музея истории города Ярославля, к.и.н., *libushe19@yandex.ru*

Колтыгин Виталий Валерьевич – главный специалист научно-информационного отдела Российского государственного архива фонодокументов, *nio.rgafd@gmail.com*

Конович Евгения Максимовна – студентка факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, *Konovich@polit.msu.ru*

Коршунов Данила Андреевич – студент Российского государственного социального университета, *diotron@yandex.ru*

Косиченко Иван Никитович – ассистент Учебно-научного Мезоамериканского центра им. Ю.В. Кнорозова Российского государственного гуманитарного университета, к.и.н., *ivan.kosichenko@gmail.com*

Кулинок Святослав Валентинович – заместитель заведующего отделом публикаций Национального архива Республики Беларусь, к.и.н., *svkulinok@tut.by*

Кусков Сергей Александрович – сотрудник Объединенного государственного архива Челябинской области, к.и.н., *kuskov_1981@mail.ru*

Лаптев Василий Алексеевич – магистрант Российского государственного гуманитарного университета, *Vasilylap1996@gmail.com*

Леонтьева Надежда Ильинична – аспирант Исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, *nadleon96_96@mail.ru*

Лиманова Светлана Андреевна – научный сотрудник Архива РАН, к.и.н. *serovasvetlana@mail.ru*

Любомирова Екатерина Сергеевна – аспирантка Исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, *katya1good@gmail.com*

Манухин Алексей Анатольевич – старший научный сотрудник Института Латинской Америки РАН, к.и.н., *warcraftdouble@yandex.ru*

Медведев Тимофей Дмитриевич – стажер-исследователь Международного Центра истории и социологии Второй Мировой войны и ее последствий НИУ ВШЭ, *timofey.medvedev.97@mail.ru*

Медведева Марина Александровна – аспирантка Кафедры всеобщей истории Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского, *bondarenco21@mail.ru*

Мусаева Сахиба Халил – преподаватель кафедры истории Азербайджана Азербайджанского Государственного Педагогического Университета, *aliyarbeyova.s@mail.ru*

Мусиева Джамиля Маллаевна – аспирантка Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, *musdjam@mail.ru*

Николаева Юлия Валерьевна – ведущий архивист Государственный архив новейшей истории Ульяновской области, *Julia_nik88@mail.ru*

Новиков Александр Сергеевич – курсант Донецкого Высшего общевойскового командного училища, *conf@donvoku.com*

Новикова Елизавета Ивановна –аспирант Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, *leonsia21@mail.ru*

Новикова Мария Олеговна – магистрантка факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, *mariya.novikova1@mail.ru*

Носкова Анастасия Павловна – студентка Московского государственного областного университета, *Lissenokliss@yandex.ru*

Осина Ольга Владимировна – главный специалист Российского Государственного архива новейшей истории, аспирантка МГОУ, *olgavlshenk@rambler.ru*

Оспанова Даяна Габиткызы – студентка Евразийского Национального Университета им. Л.Н. Гумилева, Казахстан, *invictus0609@gmail.com*

Пименов Олег Владимирович – аспирант Волгоградского государственного университета, *volgskimugyk@mail.ru*

Пищук Матвей Дмитриевич – главный специалист отдела комплектования ведомственных архивов и делопроизводства ГА РФ, аспирант ИАИ РГГУ, *pishuk.mat@yandex.ru*

Плех Олеся Анатольевна – научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук, к.и.н., *plekh@mail.ru*

Прохорова Татьяна Александровна – заведующий научно-архивным отделом Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический», к.и.н., *grejpfrut@mail.ru*

Пучков Владимир Михайлович – магистрант факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, *v1puchkov@yandex.ru*

Пучнина Ольга Евгеньевна – старший научный сотрудник кафедры истории социально-политических учений факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, к. полит. н., *srkpdv@gmail.com*

Рамазанова Арина Андреевна – главный специалист Отдела аудиовизуальной документации Центра документации новейшей истории Удмуртской республики, *izmajlova_arina@mail.ru*

Ривчак Кирилл Владимирович – старший научный сотрудник отдела «Музей Героев Советского Союза и России» Музея-панорамы «Бородинская битва», к.и.н., *rivchak@mail.ru*

Рыбакова Анастасия Александровна – магистрантка Самарского филиала Московского городского педагогического университета, *Nastuha.97@mail.ru*

Савельева Майя Петровна – специалист первой категории Российского государственного архива социально-политической истории, *maya-1605@mail.ru*

Садов Владислав Владимирович – магистрант факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, *v-sadoff2013@yandex.ru*

Селиванова Ольга Владимировна – с.н.с. – руководитель группы комплектования личными фондами ученых и их научного описания Архива РАН, к.и.н., *olya84@list.ru*

Смирнова Ксения Юрьевна – научный сотрудник Исторического Центра кафедры гуманитарных наук Московского государственного лингвистического университета

Соболев Владимир Андреевич – научный сотрудник факультета политологи Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, к. полит. н., *sobvlad1992@yandex.ru*

Солодовникова Елизавета Андреевна – студентка НИУ ВШЭ, *easolodovnikova@edu.hse.ru*

Стародубцев Алексей Юрьевич – студент Московского государственного областного университета, *alx.starodubtsev@yandex.ru*

Сулоев Иван Николаевич – старший научный сотрудник Отдела хранения и изучения музейных предметов и коллекций Костромского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника, к.и.н., *iwdoroga@mail.ru*

Танцевова Анастасия Владимировна – доцент кафедры политологии, истории и социальных технологий Российского университета транспорта, к.и.н., *tantsevova@mail.ru*

Тарасов Станислав Витальевич – аспирант Тверского государственного университета, *ctas_tarasov@mail.ru*

Тимофеева Мария Андреевна – главный специалист Российского государственного архива социально-политической истории, *mariya.chekalova.94@mail.ru*

Тумаков Денис Васильевич – старший преподаватель кафедры истории и философии Ярославского государственного медицинского университета Минздрава России, к.и.н., *denistumakov@yandex.ru*

Тюренкова Дарья Олеговна – аспирантка кафедры всеобщей истории Тверского государственного университета, *d.tyurenkova@yandex.ru*

Фадеев Лев Андреевич – ведущий научный сотрудник Художественного музея Эрнста Неизвестного, к.и.н., *lev13fadeev@yandex.ru*

Филяева Алина Игоревна – ассистент кафедры гуманитарных дисциплин факультета «Liberal Arts College» ИОН РАНХиГС, аспирантка

факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, *alinf95@mail.ru*

Хаткевич Александра Анатольевна – студентка факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, *alexandra.moscow@mail.ru*

Чекмасов Иван Александрович – аспирант Московского государственного областного университета, *chekan_15@inbox.ru*

Червяков Руслан Юнадиевич – магистрант Исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, *tcherviakov.ruslan@yandex.ru*

Черемухин Вячеслав Владиславович – аспирант Института истории и политики Московского педагогического государственного университета, *cheremuchin_v_v@mail.ru*

Чернышова Дарья Сергеевна – магистрантка Российского государственного гуманитарного университета, сотрудник Российского государственного архива социально-политической истории, *darya.chernyshova@inbox.ru*

Чичерин Роман Германович – аспирант Московского государственного областного университета, *ghigherin@gmail.com*

Чулков Дмитрий Игоревич – магистрант Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, *Dim_1996ka@mail.ru*

Шанина Ольга Николаевна – заведующий отделом информационного обеспечения и публикации документов Центра документации новейшей истории Ярославской области, к.и.н., *o-shanina@mail.ru*

Шаронин Дмитрий Анатольевич – сотрудник отдела научно-информационной и выставочной работы Российского государственного архива г. Самары, *sharonin.dmitriy@gmail.com*

Шемченок Николай Анатольевич – студент Московского государственного областного университета, *kolja-shemchenok@mail.ru*

Bianchi Giulia – PhD Student at Sapienza University of Rome, Italy, *giulia.bianchi.ru@gmail.com*

Borelli Andrea – research fellow at University of Calabria, Italy, Ph.D., *andrea.borelli@unical.it*

Carter-Wakefield Oliver – employee of Imperial War Museum, PHD student at Institute of Historical Research, UK, *oliver.wakefield@postgrad.sas.ac.uk*

Gori Enrico – voluntary assistant at University 'Roma Tre', Italy, *ghigori@trivenet.it*

Gunnarsson Valur Snær – MA student at University of Iceland, Iceland, *valurgunnars@gmail.com*

Livi Stefano – independent researcher, PhD in History of Europe, Italy, *livistef@hotmail.it*

Luciano Erica – PhD student in History, International studies and Cultural Heritage at University of Cagliari, Italy, *erica.luciano1990@tiscali.it*

Noack David – research assistant at Deutscher Bundestag, PhD candidate at University of Mannheim, Germany, *davidxavernoack@posteo.de*

Pingot Loïc Pierre – functionary-trainee student at É*cole nationale des Chartes,* France, *loic.pingot@chartes.psl.eu*

Pulvermacher Alexandra – university assistant at *Alpen-Adria-Universität Klagenfurt,* Austria, *alexandra.pulvermacher@aau.at*

Simonetti Fabio – doctoral researcher at University of Reading / Imperial War Museums, PhD in Italian Studies at University of Reading, UK, *f.simonetti@pgr.reading.ac.uk*

Steiner Anna – PhD student at Ludwig Boltzmann Institut für Kriegsfolgenforschung, Austria, *anna.steiner@bik.ac.at*

Teodorescu Horia-Gabriel – PhD student at University of Cambridge, UK, *hgt25@cam.ac.uk*

СОДЕРЖАНИЕ

Александрова А.К.
Вопрос о германских репарациях в Греции: популизм или попытка восстановления исторической справедливости? 5

Алимджанов Б.А.
Интерпретация коллаборационизма во время Второй мировой войны в узбекистанской историографии 8

Артемова С.В.
Эмоциональные нормы Русского литературного зарубежья как база для изучения психологических последствий травматичного опыта 10

Ахрамович Н.В.
Восприятие послевоенной Восточной Германии членами инициативных групп Коммунистической партии Германии 14

Багирова Н.Д.
Алескер Мамедов – переводчик Нюрнбергского процесса. 18

Баканов А.И.
Деятельность ЧГК по расследованию нацистских преступлений и создание сообщения ЧГК «О злодеяниях немцев на территории Львовской области» 23

Баландина О.А.
Сводки Советского информбюро (июль–декабрь 1941 г.) в ленинградской и московской редакции 26

Барабанова К.С.
Историческая память о российской медицинской корпорации: память о медиках на полях Великой Отечественной войны 30

Батов А.Т.
Роль исторической памяти о Великой Отечественной войне в формировании патриотизма как основы национальной идеи современной России. 33

Бекленищева М.В.
Места памяти Великой Отечественной войны в Европе как направление зарубежного туризма в СССР в 1960–1980-е гг. (на примере Свердловской области) 37

Беляков Г.С.
Польша в межвоенный период: агрессор или жертва 41

Бондаренко В.И.
Роль памяти о Великой Отечественной войне в формировании представления о ликвидации последствий природных и техногенных катастроф в СССР в 1945–1991 гг. 44

Владимирова Е.Д.
Злодеяния фашистских захватчиков против мирного населения гор. Сталинграда в период Великой Отечественной войны 48

Волков А.В.
Русские участники французского сопротивления 52

Воронина Е.В., Смирнова К.Ю.
Эпистолярное наследие Ф.Д. Рузвельта о роли Красной армии в победе над странами гитлеровской коалиции 55

Голованова Е.А.
Визуализация контента изобразительных средств в хроникальном и документальном кино периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. 57

Головина Е.Л.
Отображение Сталинградской битвы в многотомных советских и российских изданиях, посвященных событиям Второй мировой войны 62

Горшенин А.В.
Вклад ученых-медиков в победу в Великой Отечественной войне (на примере научных подвигов Зинаиды Виссарионовны Ермольевой) 65

Гриценко С.А.
«Немцофил» и «шведский империалист»: труды Густава Стеффена в комментариях В.И. Ленина 69

Гудков И.А.
Судовые журналы как источник по истории Второй мировой войны (на примере ледокола «Красин»). 73

Гусев А.А.
Массовые настроения и поведение населения СССР в начальный период Великой Отечественной войны в 1941–1942 гг. (на примере Калининской области) 77

Емельянова Е.О.
Операция «Асфальт»: скандальное перезахоронение останков советских военнопленных в Норвегии. 81

Ефимов А.А.
Роль И.И. Воронцова-Дашкова в решении вопроса о дополнительных ассигнованиях на строительство дворца великого князя Алексея Александровича. 84

Жадан А.В.
Документы НКВД о санитарно-бытовых условиях содержания японских военнопленных на территории Хабаровского края (август–декабрь 1945 гг.) 87

Животова П.А.
Кино как средство пропаганды США в военный и послевоенный период 91

Жирова Н.С.
Установление связи Коминтерна с Индией в условиях Второй мировой войны 95

Жохова А.А.
Революция и военные действия как фактор развития борьбы женщин за равноправие во Франции 99

Журкина А.А.
17 июня 1953 г. в ГДР. Записка корреспондента газеты «Правда» П.А. Наумова. 102

Зверева М.С.
Роль суфражизма как общественного движения в Великобритании в годы Первой мировой войны 106

Иванов В.А.
«Забытое сражение Великой Отечественной войны»: Перекопско-Чонгарская оборонительная операция 1941 г. 109

Иванова О.Ю.
Территории партизанских краев Смоленской области в 1942 г.. 113

Каторжевский П.Н.
Коммунистическая идеология как консолидирующий фактор в борьбе против немецко-фашистских захватчиков в Великой Отечественной войне 121

Киндяков С.А., Жукова Ю.А.
Детализация быта мирного населения в условиях оккупации населенных пунктов Северо-Западного Кавказа согласно материалам источников личного происхождения 124

Козлова С.Ю.
Выставка «Настроение – Победа» в Музее истории города Ярославля»: подходы к популяризации памяти о Великой Отечественной войне в среде школьников 128

Козлова С.Ю.
Память о Второй мировой войне как фактор участия итальянок в антивоенном движении в 1940 – 1960-е гг. 132

Колтыгин В.В.
Фонодокументы РГАФД по истории партизанского движения в годы Великой Отечественной войны и возможности их изучения 136

Конович Е.М.
Соотношение сил и планы сторон накануне Второй мировой войны 140

Коршунов Д.А.
Поиск сведений о сотрудниках аппарата Исполкома Коминтерна, мобилизованных на фронт летом 1941 года 144

Косиченко И.Н.
Региональные идентичности в межэтническом конфликте: опыт Войны Каст на Юкатане (1847–1901) 148

Кулинок С.В.
Деятельность немецких спецшкол на территории БССР в 1941–1944 гг. в отражении организационно-распорядительных документов руководящих органов партизанского движения (по материалам Национального архива Республики Беларусь) 152

Кусков С.А.
Список сотрудников эвакогоспиталей: алгоритм поиска сведений 155

Лаптев В.А.
Офицеры ударных частей Русской армии во время подготовки и проведения летнего наступления 1917 г. 159

Леонтьева Н.И.
Специальные лагеря НКВД/МВД СССР в Германии как часть послевоенного сталинского ГУЛАГа 162

Лиманова С.А.
220-летний юбилей Академии наук как способ коммеморации Победы 165

Любомирова Е.С.
«Дети войны» в послевоенной Германии: социально-психологический портрет и проблемы адаптации 168

Манухин А.А.
Коммунистические партии Латинской Америки в условиях начала «холодной войны» (1945–1949 гг.) 172

Медведев Т.Д.
Истребительные батальоны НКВД СССР как один из элементов мобилизационных практик Советского Союза в начальный период Великой Отечественной войны (июль 1941 – март 1942 года) 175

Медведева М.А.
Немецкое государство и Германский Красный Крест в период нацизма: опыт взаимодействия и противостояния 178

Мусаева С.Х.
Место и роль Азербайджана в Великой Отечественной войне 182

Мусиева Д.М.
«Гонка вооружений» как инструмент экономического истощения СССР 186

Николаева Ю.В.
Сталинградская битва в воспоминаниях участников Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. по документам Государственного архива новейшей истории Ульяновской области . . . 191

Новиков А.С.
Организация советской пропаганды в печати в начальный период Великой Отечественной войны 195

Новикова Е.И.
Представление о справедливой войне и достойном мире в трудах Ю. Мархлевского и Ю. Пилсудского (на примере советско-польской кампании 1919–1921 гг.) 199

Новикова М.О.
Послевоенное восстановление и развитие городов 202

Носкова А.П.
Сравнительная характеристика немецких и советских штрафбатов Второй мировой войны 206

Осина О.В.
Формирование дискуссий о Великой Отечественной войне в период перестройки. 210

Пименов О.В.
Взгляд представителей Дома Романовых на итоги Российско-Германского противостояния в кампании 1915 г. 213

Пищук М.Д.
«Русский исход»: Этнополитический конфликт в Республике Тыва в 1990–1993 гг. 217

Плех О.А.
Институт становых приставов: к вопросу о реализации «Положения о земской полиции» 1837 г. 221

Прохорова Т.А.
Херсонесский музей в годы Великой Отечественной войны: люди и судьбы 225

Пучков В.М.
Гражданская мобилизация в США во время Второй мировой войны. 231

Пучнина О.Е.
Когнитивные повороты в истории как маркер трансформации гуманитарного знания в XXI в.. 234

Рамазанова А.А.
Личные фонды участников боевых действий как источник по истории Великой Отечественной войны (по материалам государственных и муниципальных архивов Удмуртской Республики) 237

Ривчак К.В.
Производство пистолетов-пулеметов в Москве в годы Великой Отечественной войны по постановлениям ГКО. 241

Рыбакова А.А.
Восстановление Сталинграда в 1943 году. 245

Савельева М.П.
Морис Торез – борец за мир, против фашизма и войны 249

Садов В.В.
Религиозная политика СССР в период Великой Отечественной войны как проявление концепции «Симфонии властей» 253

Селиванова О.В.
«Все знакомые существуют понемногу и мечтают о всяких земных благах» (новые письма военных лет в АРАН). 257

Соболев В.А.
Исследование политической культуры в творчестве Ф.М. Бурлацкого. 261

Солодовникова Е.А.
Коллаборационизм в Винницкой области в период оккупации (1941–1944 гг.) 265

Стародубцев А.Ю.
Публикации документов по истории Маньчжурской наступательной операции на русскоязычных Интернет-ресурсах. 269

Сулоев И.Н.
Реакция жителей Костромы и Костромской губернии на манифест 17 октября 1905 г.. 272

Танцевова А.В.
Фотоочерки журнала «Огонек» 1943–1945 гг. как исторический источник по Великой Отечественной войне 276

Тарасов С.В.
Особенности фронтовой повседневности в пограничных и полевых частях Квантунской армии в ходе Советско-японской войны 1945 г. 282

Тимофеева М.А.
Направления деятельности Коммунистической партии США по решению негритянской проблемы в 1920–1930-е гг.. 286

Тумаков Д.В.
Повседневные условия жизни советской милиции 1940-х гг. на периферии (по материалам Ярославской области) 290

Тюренкова Д.О.
Деятельность антифашистских женских организаций в советской оккупационной зоне Германии (1945–1949 гг.) 294

Фадеев Л.А.
«Война – это...». Вторая мировая война в жизни и искусстве Эрнста Неизвестного 298

Филяева А.И.
Концепция политического Ханны Арендт: личность, общество и государство. 301

Хаткевич А.А.
Московские конференции периода Второй мировой войны: ход и значение. 305

Чекмасов И.А.
«Майнильский инцидент» в отечественной историографии 308

Червяков Р.Ю.
Совещание историков в ЦК ВКП(б) 1944 года в свете изменений в советской идеологии 312

Черемухин В.В.
«До и после»: 22 июня 1941 года в русской эмиграции 316

Чернышова Д.С.
Боевая подготовка ВВС РККА в 1938–1941 гг. 320

Чичерин Р.Г.
Формирование и деятельность антигитлеровской коалиции в 1941–1945 гг. 323

Чулков Д.И.
Нюансы американской помощи СССР в ходе Второй мировой войны 329

Шанина О.Н.
Выходцы из народа в партийном руководстве в годы войны (на примере первого секретаря Ярославского обкома и горкома ВКП(б) А.Н. Ларионова) 331

Шаронин Д.А.
Учреждения Наркомата электростанций СССР накануне и в начале Великой Отечественной войны (по документам РГА в г. Самаре) 335

Шемченок Н.А.
Вопрос о послевоенном территориальном делении Германии на встречах лидеров стран-союзников 339

Bianchi G.
A Diplomat and a Spy. Life and Activities of L.B. Helfand in Rome on the Eve of Operation Barbarossa 342

Borelli A.
Disputed memories in the post-Cold War between Russia and Europe: the case of Victory Parade. 346

Carter-Wakefield O.
A question of perspective: reality and reconstruction in the work of the Army Film and Photographic Unit 349

Gori E.
Eastern Europe and the remilitarization of the Rhineland 352

Gunnarsson V.S.
The Nordic Countries in World War II. 361

Livi S.
Sowing the seeds of the Cold War. The idea of containment of Soviet Union during the Second World War 364

Luciano E.
The High Commisioner for Sardinia: a new source for contemporary Sardinia between II World War and democratic reconstruction 367

Noack D.
A Distant Ally in Difficult Times? Official German foreign policy perceptions of Thailand's foreign policy and German-Thai diplomatic relations, 1941–1945 370

Ospanova D.G.
Educational Development during the war years in Kazakhstan 371

Pingot L.P.
The Second Italian War of Independence of 1859 374

Pulvermacher A.
The Nazi "General Plan East" and its realization in occupied Poland: The "Aktion Zamosc" 1942–1943 377

Simonetti F.
The landings in Sicily: soldiers' and civilians' perception of a wartime encounter. 380

Steiner A.
From „soviet people" to „our grandfathers": collective memory of Victory Day 383

Teodorescu H.-G.
Memory of the Holocaust in Communist Romania 386

Список организаций, принимающих участие в конференции «КЛИО-2020» 388

Сведения об авторах. 391

Научное издание

Войны в истории

Исторические документы и актуальные проблемы археографии, архивоведения и источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени

Сборник материалов Десятой международной конференции
молодых ученых и специалистов
«Clio-2020»

Художественный редактор *А. К. Сорокин*
Технический редактор *М. М. Ветрова*
Выпускающий редактор *Н. Н. Доломанова*
Компьютерная верстка *Т. Т. Богданова*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 06.07.2020
Формат 60×90/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 25,5.
Тираж 200 экз. Заказ

Издательство «Политическая энциклопедия»
127254, Москва, Огородный проезд, д. 14
Почтовый адрес: 127018, Москва, а/я 79.
Тел.: 8 (499) 685-15-75 (общий, факс),
8 (499) 672-03-95 (отдел реализации)